ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

http://www.voennoepravo.ru

№ 2 (90) 2025

Редакционный совет

1. **Бараненков Вячеслав Вячеславович,** доктор юридических наук, профессор
2. **Глухов Евгений Александрович,** кандидат юридических наук, доцент
3. **Ермолович Ярослав Николаевич,** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева
4. **Корякин Виктор Михайлович,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России
5. **Маликов Сергей Владимирович,** доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности «Военное право», профессор кафедры криминалистики Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России
6. **Свининых Евгений Анатольевич,** доктор юридических наук, доцент
7. **Сморчкова Лариса Николаевна,** доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН
8. **Туганов Юрий Николаевич,** доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии
9. **Холиков Иван Владимирович,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления периодического издания:
— Военные науки
— Юридические науки

Свидетельство о регистрации средства массовой информации **Эл 77-4305** от 16.01.2001 г.
Номер **ISSN: 2074-1944**

Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Решением президиума Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России включено в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук** по группе научных специальностей
6.0.0 — Военные науки
(№ 923 Перечня по состоянию на 05.02.2025)

Главный редактор —
КОРЯКИН
Виктор Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
http://www.voennoepravo.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений ……...……...……. **5**

Правовое обеспечение национальной безопасности

1. **Боброва О.Г.**
Меморандум о зоне безопасности как правовое средство обеспечения военной безопасности приграничной территории в условиях специальной военной операции **8**
2. **Борисов А.В.**
К вопросу о некоторых видах угроз транспортной безопасности России **22**
3. **Закомолдин Р.В.**
Общественно-государственные организации в системе обеспечения национальной и военной (оборонной) безопасности Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз **28**
4. **Камышанский Д.Ю.**
Современные угрозы безопасности государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности .....……..…..... **37**
5. **Чипига И.В., Сероухов А.В., Быстров К.В.**
Некоторые вопросы правового обеспечения информационной безопасности: военно-правовой аспект …….....…..... **45**

Теория и история военного права

6. **Бутов С.В.**
Особенности вещевого обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны …..... **53**
7. **Потапов М.Г.**
Проблемы кодификации военного права **61**
8. **Шкаревский Д.Н.**
Органы дознания Вооруженных сил СССР в годы Великой Отечественной войны: особенности регулирования деятельности.....…….....…. **71**

Военно-административное право

9. **Минтягов С.А.**
Унификация правовых актов, регламентирующих деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях специальной военной операции .....…….....…. **78**
10. **Морозов К.О.**
Дисциплинарная ответственность военнослужащих в виде отчисления из военной образовательной организации: практика военных судов .....…. **85**
11. **Погорелов С.А.**
О совершенствования порядка привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности и выплаты денежных премий ....…..... **92**
12. **Сморчкова Л.Н.**
Государственно-частное партнерство в системе ОПК: проблемы правового регулирования ....…..... **99**

Военная служба. Социальные гарантии военнослужащих

13. **Гребенской Д.С.**
Генезис правового статуса граждан, имеющих судимость, и вопросы привлечения их к участию в боевых действиях в период проведения специальной военной операции **106**
14. **Иноземцев А.С.**
О некоторых правовых вопросах оказания паллиативной медицинской помощи военнослужащим **115**
15. **Корякин В.М.**
О необходимости модернизации Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» **120**
16. **Наумов П.Ю.**
Сущность правового регулирования проведения военно-врачебной экспертизы в отношении лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальное звание полиции **130**
17. **Спирин Н.Д., Боброва О.Г.**
Юридические инновации в ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих в условиях проведения специальной военной операции **141**

Уголовное право и криминология

18. **Демчук С.Д.**
Квалификация государственной измены в форме перехода на сторону противника **150**
19. **Чепель В.И.**
Последствия поступления на военную службу в Вооруженные силы Соединенных Штатов Америки граждан Российской Федерации в период проведения специальной военной операции **157**
20. **Чукин Д.С.**
Некоторые проблемные аспекты законодательной регламентации уголовной ответственности за мародерство **161**

Уголовный процесс и криминалистика

21. **Никонович С.Л., Нурушев А.А.**
Особенности следов близкого выстрела, образованных при стрельбе из пистолета Ярыгина «Грач» **167**
22. **Шестак В.А., Попель М.С.**
Амбулаторная карта как источник криминалистически значимой информации в расследовании ятрогенных преступлений **173**

Зарубежное военное законодательство. Военные проблемы международного права

23. **Баймышев В.Г.**
О проблемных вопросах имплементации международно-правовой ответственности военно-политических союзов **178**
24. **Мельничук В.А.**
Понятие и общая характеристика финансирования международного терроризма **188**

25. **Редкоус В.М.**
Общая характеристика правового положения органов национальной безопасности Республики Армения в системе обеспечения национальной безопасности страны **195**
26. **Шестак В.А., Ратковский И.И.**
Правовые последствия победы в Великой Отечественной войне для дальнейшей борьбы за справедливость и защиту основных прав человека в условиях глобальных вызовов и угроз **203**
27. **Шумилин А.В.**
О некоторых особенностях развития системы судов общей юрисдикции суверенного Таджикистана **210**
28. **Щукина Т.В., Токсонбаев М.Э.**
Правовое регулирование военного сотрудничества Кыргызской Республики и Российской Федерации как основа обеспечения их военной безопасности **218**

Рецензии на военно-правовые издания

29. **Иванов В.Ю.**
Осведомленность о содержании военно-социального законодательства как гарантия социальной защищенности участников специальной военной операции и их семей **226**
30. **Тарадонов С.В.**
Проблемы теории и практики правового обеспечения специальной военной операции **231**

Указатель сокращений

абз. — абзац

АО — акционерное общество

БПЛА — беспилотный летательный аппарат

БРИКС (англ. BRICS— сокращение от Brazil, Russia, India, China, South Africa) — объединение десяти государств: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР, ОАЭ, Ирана, Египта, Эфиопии и Индонезии, основанное в июне 2009 г.

ВиВТС — военное и военно-техническое сотрудничество

ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

ВМФ — Военно-Морской Флот

ВСУ — Вооруженные силы Украины

ВУ — Военный университет имени князя Александра Невского Минобороны России

ГКО — Государственный комитет обороны

гл. — глава

ДОСААФ — Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России

ДНР — Донецкая Народная Республика

ДУ ВС РФ — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации

ЕС — Европейский Союз

ЖК РФ — Жилищный кодекс Российской Федерации

ЗБ — зона безопасности

КНР — Китайская Народная Республика

КАС РФ — Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

КПП — контрольно-пропускной пункт

ЛАГ — Лига арабских государств

ЛНР — Луганская Народная Республика

МГП — международное гуманитарное право

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

МИД России — Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минздрав России — Министерство здравоохранения Российской Федерации

Минкультуры России — Министерство культуры Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минобрнауки России — Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Минпросвещения России — Министерство просвещения Российской Федерации

Минспорт России — Министерство спорта Российской Федерации

Минтруд России — Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации

Минфин России — Министерство финансов Российской Федерации

Минцифры России — Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации

Минэкономразвития России — Министерство экономического развития Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

МККК — Международный Комитет Красного Креста

млн. — миллион

млрд. — миллиард

МУС — Международный уголовный суд

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НИИ — научно-исследовательский институт

НИС — накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НКО — Народный комиссариат обороны

ОАГ — Организация американских государств

ОАЭ — Объединенные Арабские Эмираты

ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОДКБ — Организация договора о коллективной безопасности

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество с ограниченной ответственностью

ОПК — оборонно-промышленный комплекс

п. — пункт

ПВО — противовоздушная оборона

подп. — подпункт

РАН — Российская Академия Наук

РА — Республика Армения

РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Росздравнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения

Рособрнадзор — Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки

Ростехнадзор — Федеральная служба по по экологическому, технологическому и атомному надзору

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

СВО — специальная военная операция

СМИ — средства массовой информации

СНГ — Содружество Независимых Государств

СНК — Совет Народных Комиссаров

СПС — справочная правовая система

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

тыс. — тысяча

УВП ВС РФ — Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФАДН России — Федеральное агентство по делам национальностей

ФАТФ — Financial Action Task Forse (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег)

ФГАУ — федеральное государственное автономное учреждение

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФГКУ — федеральное государственное казенное учреждение

ФГКУЗ — федеральное государственное казенное учреждение здравоохранения

ФРГ — Федеративная Республика Германия

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)

ч. — часть

ЧВК — частная военная компания

ШОС — Шанхайская организация сотрудничества

ЮАР — Южно-Африканская Республика

Правовое обеспечение национальной безопасности

Меморандум о зоне безопасности как правовое средство обеспечения военной безопасности приграничной территории в условиях специальной военной операции

© **Боброва Ольга Геннадьевна**,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий 20 кафедрой (военного права) Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России

Аннотация. В статье представлена правовая модель зоны безопасности как нового вида территории безопасности в Международном гуманитарном праве, который может быть апробирован в условиях специальной военной операции для обеспечения военной безопасности России. Представлен проект меморандума о зоне безопасности как правовое средство обеспечения военной безопасности Государственной границы и приграничных территорий России в период современных вооруженных конфликтов с учетом их генезиса и характера угроз.

Ключевые слова: военная безопасность; вооруженный конфликт; Вооруженные Силы; зона безопасности; коллективная безопасность; Государственная граница Российской Федерации; правовой режим; специальная военная операция; приграничная территория.

Для цитирования: Боброва О.Г. Меморандум о зоне безопасности как правовое средство обеспечения военной безопасности приграничной территории в условиях специальной военной операции // Военное право. 2025. № 2. С. 8—21.

Статья поступила в редакцию 31 января 2025 г.

Как отмечает профессор В.М. Корякин в своем фундаментальном труде, посвященном правовому обеспечению специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины [1], «обязательным условием успешного решения военных и специальных задач, стоящих перед Вооруженными Силами Российской Федерации, иными войсками, воинскими формированиями и органами, вовлеченными в операцию, является надежное, всестороннее и непротиворечивое правовое обеспечение деятельности указанных субъектов по разгрому противника и достижению военных и политических целей СВО».

Одним из элементов правового обеспечения СВО выступают правовые режимы. Саму специальную военную операцию профессор В.М. Корякин рассматривает как специальный правовой режим [2], который, «как матрешка», содержит в себе иные правовые режимы (режим военного положения, режим вооруженного конфликта, режим мобилизации, режим чрезвычайного положения, режим контртеррористической операции).

В рамках прогностической функции науки военного права ведущие ученые [3] указывают на целесообразность появления [4] «такого неизвестного пока отечественному праву особого правового режима как ре-

[1] Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : монография. М.: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. С. 6.

[2] Там же. С. 59.

[3] Рыльская М.А. Оккупация территории: особенности современного толкования правовых конструкций // Вестник военного права. 2023. № 2. С. 29.

[4] Свининых Е.А., Яковлев М.А. Буферные зоны, создаваемые в период вооруженных конфликтов и после их окончания: понятие, виды, правовой режим // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 3(320). С. 25.

жим санитарной (буферной) зоны»[1] в приграничье воюющих государств.

Вооруженное вторжение на территорию Курской области, попытки прорыва обороны государственной границы на участках в Брянской и Белгородской областях, указание Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации о создании «санитарной» зоны на территории Украины[2] свидетельствуют о необходимости совершенствования правового регулирования (международного и внутригосударственного) обеспечения военной безопасности России.

В ходе современных вооруженных конфликтов и СВО была актуализирована проблема лакунарной международно-правовой регламентации оснований создания и функционирования территорий безопасности (охраняемых зон) с особым международно-правовым статусом: нейтрализованных (ст.15 IV Женевской конвенции), санитарных (ст. 23 I Женевской конвенции; ст.14 IV Женевская конвенции), демилитаризованных (ст.60 I Дополнительного протокола[3], правило 36 Обычного МГП[4]), буферных зон, необороняемых местностей (ст.14 IV Женевской конвенции) и т.д. Право вооруженных конфликтов рассматривается современной военно-правовой наукой в качестве неотъемлемой подотрасли военного права[5].

За пределами международно-правовой классификации указанных зон осталась такая безопасная территория, которая позволит минимизировать исходящие с территории противника военные угрозы государственной границе и приграничным и тыловым субъектам. В действующих нормах международного гуманитарного права (МГП), разработанных в середине XX в., не учтен характер современных вооружений малой, средней и большой дальности, возможность их дистанционного применения с территории третьей страны. Отсутствие четкой кодификации в этой области[6] предопределяет необходимость поиска новой правовой конструкции, обеспечивающей превенцию угроз военной безопасности приграничных регионов и государственных границ конфликтующих сторон. В частности, речь идет об образовании таких зон на приграничной территории воюющих государств.

Несмотря на наличие нескольких видов территорий безопасности, создание которых предусмотрено нормами международного гуманитарного права (МГП), в условиях современных вооруженных конфликтов для обеспечения прав гражданского населения приграничной территории и военной безопасности противоборствующих сторон требуется новый правовой конструкт, что обусловлено следующими факторами:

1. Характер трансграничных угроз военной безопасности (международный терроризм, незаконное пересечение государственной границы иностранными наемниками, контрабанда вооружений и военной техники).

2. Положение гражданского населения, проживающего на приграничных территориях, между противоборствующими сторонами («как между молотом и наковальней»).

3. Целенаправленное деструктивное информационно-психологическое воздействие стороны вооруженного конфликта на население приграничных территорий противника с целью спровоцировать сепаратистские выступления против основ конституционного строя государства-объекта агрессии.

---

[1] Корякин В.М. Указ. соч. С.74.

[2] Путин не исключил создания «санитарной зоны» на Украине. https://iz.ru/1666990/2024-03-18/putin-ne-iskliuchil-sozdanie-sanitarnoi-zony-na-ukraine (дата обращения: 18.03.2024 г.).

[3] Дополнительный протокол к Женевским конвенциям, от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I).

[4] Rule 36. Directing an attack against a demilitarized zone agreed upon between the parties to the conflict is prohibited. ICRC's Customary International Humanitarian Law study. https://ihl-databases.icrc.org/en/customary-ihl/v1/rule36

[5] Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. М.: Институт государства и права РАН, 2021. С. 172.

[6] Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов: курс лекций : перевод с французского / Эрик Давид ; Юридический фак. Открытого Брюссельского ун-та. — 2-е рус. изд., основанное на 4-м фр. изд., с доп. авт. М.: МККК, 2011. С. 211.

4. Целенаправленная деятельность стороны вооруженного конфликта по созданию «серой зоны» на приграничной территории противника, скрытой «туманом войны»[1], с целью мультиплицирования постоянных, исходящих с приграничной территории угроз военной безопасности противнику (рейды подразделений вооруженных сил, наемников, террористов; деятельность диверсионно-разведывательных групп и т.д.).

5. Высокий риск иностранный интервенции на приграничную территорию государства, пострадавшего от вооруженной агрессии.

В поисках теоретико-правовой основы для моделирования правовых конструкций и средств обеспечения военной безопасности приграничных территорий обратимся к формуле: «даже там, где международное гуманитарное право формально не применимо, оно может послужить источником практических решений» или стать «полезной канвой»[2]. Положения МГП складывались в иных, чем современные, условиях и при ином характере международных вооруженных конфликтов. Однако общие гуманистические начала, содержащиеся в его нормах, служат неиссякаемым источником для правового моделирования востребованных практикой конструктов.

В рамках проведенного исследования автором для обеспечения военной безопасности государственной границы в период вооруженного конфликта и постконфликтный период предложено создание зоны безопасности с режимом военной безопасности, а также гуманитарный бартер на ее территории[3].

Историческими предпосылками правового моделирования зоны безопасности выступают соглашения, которые были приняты с участием России по итогам деятельности ее миротворческих сил и кризисному урегулированию. Так, создание зоны безопасности между сторонами в конфликте, поддержания в ней режима безопасности было предусмотрено ст. 1 Молдавско-российского соглашения о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова от 21 июля 1992 г.[4]

Ст. 2 Грузино-российского Дагомысского соглашения от 24 июня 1992 г. по урегулированию грузино-осетинского конфликта [5] закрепляла обеспечение контроля за прекращением огня, выводом вооруженных формирований, обеспечением режима безопасности в зоне контроля, демилитаризация района конфликта.

Соглашение о прекращении огня и разъединения сил от 14 мая 1994 г.[6] между Абхазией и Грузией устанавливало, что российский воинский контингент введен в зону грузино-абхазского конфликта 23 июня 1994 г. для блокирования района конфликта, наблюдение за выводом войск и их разоружением, охраной создаваемой границы зоны безопасности и важных объектов и коммуникаций, сопровождение гуманитарных грузов и другие.

На основании ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в военной области от 25 мая 1993 г.[7], Соглашении

[1] Клаузевиц К. О войне: трактат в 8 томах. Т. 3. М., 1932. С. 5.

[2] Давид Э. Указ. соч. С. 425.

[3] Боброва О.Г. Правовая модель гуманитарного бартера на Государственной границе и приграничных территориях Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции // Военное право. 2024. № 6. С. 153—164.

[4] Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова (от 21 июля 1992 г.). Официальный сайт Министерства иностранных дел Приднестровской молдавской республики. https://mid.gospmr.org/ru/sGv?ysclid=m6cjulq6vu937166035 (дата обращения: 25.01.2025 г.).

[5] Соглашениео принципах урегулирования грузинско-осетинского конфликта (Сочи 24 июня 1992г.) http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=7&nd=203003478&collection=1&ysclid=m6ck78y2lx908670930 (дата обращения: 25.01.2025 г.).

[6] Соглашение о прекращении огня и разъединении сил от 14 мая 1994 г. https://ria.ru/20190514/1553447092.html (дата обращения: 25.01.2025 г.).

[7] Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в военной области (Москва, 25 мая 1993 г.). http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203003831&page=1&rdk=0&link_id=3&ysclid=

Совета Глав государств Содружества Независимых Государств о Коллективных Миротворческих силах и совместных мерах по их материально-техническому обеспечению Коллективными миротворческими силами СНГ, основу которых составляют военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации, одушевлено содействие в нормализации обстановки на таджикско-афганской границе, охрана жизненно важных объектов и другие.

Современные вооруженные конфликты также изобилуют примерами создания различных зон между воюющими сторонами: Израиль[1] в отношении Ливана, Сирии, Палестины, Сектора Газы; Азербайджан[2], ранее Армения[3] в отношении Нагорного Карабаха; Алжир в отношении Мали[4]; Турция в отношении Сирии[5].

Характер общественных отношений, складывающихся в перечисленных вооруженных конфликтах и СВО, свидетельствует о ключевой роли военной безопасности государственных границ и приграничных территорий в системе военной безопасности государства. Российский законодатель указанную тенденцию уже отразил в Основах государственной политики России в области ядерного сдерживания в редакции от 19 ноября 2024 г.[6], Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации в редакции от 28 декабря 2024 г.[7] Пункт 15 Основ содержит характеристику основных военных опасностей, среди которых ключевую роль играют те, которые локализованы на государственной границе и приграничной территории; введена формулировка «сопредельные территории и прилегающие морские акватории», понимаемые как пространственная характеристика локализации угроз военной безопасности в приграничье, сформулировано их ключевое значение. В подп. 2 п. 36 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации подчеркнута исключительная важность обеспечения противодействия деструктивному информационному воздействию противника, оказываемого именно на приграничные субъекты, включая новые субъекты России. Установлено, что необходимо осуществлять взаимодействие субъектов противодействия экстремизму на приграничных территориях и территориях новых субъектов Российской Федерации в целях пресечения проникновения на территорию Российской Федерации членов международных экстремистских и террористических организаций.

В развитие указанного положения дел видится целесообразным дальнейшее совершенствование законодательства об обороне в части наделения государственной границы и приграничной территории статусом объектов обороны[8].

Таким образом, существуют объективные теоретические и практические предпосылки для разрешения противоречия меж-

---

m6cl2j4mr8741738906#I0 (дата обращения: 25.05.2025 г.).

[1] Армия обороны Израиля продолжает сносить здания на юге Ливана в рамках формирования буферной зоны на северной границе // В ЦАХАЛ предложили создать буферную зону на юге Ливана. https://ria.ru/20240916/tsakhal-1973073776.html?ysclid=m2sg03xbbn743093867 Antal Berkes. International Law and De-Occupation Legislation // Rutgers International Law and Human Rights Journal. 2023.No. 4. P. 14.

[2] Агаев И. Г. Интересы региональных и мировых держав в открытии Зангезурского коридора // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2023. № 6-1.

[3] Пашинян предложил создать демилитаризованную зону вокруг Карабаха https://www.rbc.ru/politics/10/11/2022/636ca8889a79478026a4e42c?ysclid=m2w591doic706949243 (дата обращения: 30.10.2024).

[4] Генштаб Мали заявил об ожесточенных боях с террористами на севере страны https://www.rbc.ru/rbcfreenews/66a59ec59a7947720fdfe95b?ysclid=m2w624c28q190229781 (дата обращения: 30.10.2024).

[5] Меморандум о создании зон деэскалации в Сирийской Арабской Республике. https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1546552/ (дата обращения: 30.10.2024).

[6] Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания : Указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 991.

[7] Указ Президента России от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации».

[8] Боброва О.Г. Военно-правовые аспекты обеспечения безопасности Государственной границы Российской Федерации в условиях специальной военной операции и современных вооруженных конфликтов // Военное право. 2024. №5. С. 9—18.

ду объективной необходимостью создания правовой конструкции зоны безопасности в приграничье воюющих государств в условиях современных вооруженных конфликтов и ее недостаточным международно-правовым регулированием.

Методология [1] решения обозначенной задачи, на наш взгляд, должна учитывать следующие факторы.

1. Характер современных вооруженных конфликтов предполагает использование вооружения большой, средней и малой дальности. Следовательно, площадь, глубина территории (удаленность от государственной границы), на которой будет образована зона безопасности (ЗБ), обусловлена видами вооружений, который враждующие стороны применяют в условиях вооруженного противоборства[2].

2. Сообразно характеру военных угроз и опасностей, существующих в конкретный период, должен быть определен территориальный охват зоны безопасности и ее правовое оформление (действие правового режима военной безопасности на территории зоны безопасности в пространстве и во времени, закрепленное нормами меморандума).

3. В период непосредственной угрозы агрессии создание зоны безопасности на приграничной территории обусловлено обязанностями обороняющейся стороны, в том числе удалять, по мере возможности, гражданских лиц и гражданское имущество от военных объектов и не располагать последние вблизи от густонаселенных зон (ст. 58 Дополнительного протокола I; Бюллетень Генерального секретаря ООН о соблюдении МГП силами ООН, 1999 г., п. 5.4; Обычное МГП, нормы 22–24)[3].

4. Образование зоны безопасности с упреждающим рубежом обороны в период вооруженного конфликта на территории государства-агрессора является по своей международно-правовой природе актом самообороны в соответствии со ст. 51 Устава ООН[4].

5. Комплексный характер военных угроз в зоне вооруженного конфликта, прилегающей к государственной границе, сочетание военных и невоенных мер, применяемых скоординированно, предопределяет необходимость интегрального применения военных и невоенных мер (меры вооруженного противоборства в сочетании с мерами гуманитарного содействия, информационного противоборства) для поддержания режима военной безопасности в зоне безопасности. Таким образом, можно говорить о новом интегральном конструкте МГП, сочетающим признаки нескольких известных доктрине и правоприменительной практике МГП безопасных зон в условиях вооруженного конфликта (нейтрализованная, буферная, демилитаризованная, санитарная зоны, обороняемые местности). Такой характер зоны безопасности (ЗБ) обеспечивает возможность проведения параллельных процессов демилитаризации территории для превенции возобновления военных угроз и оказания гуманитарного содействия.

6. Новизна предлагаемой правовой модели ЗБ заключается в том, что она включает территории двух государств и линию государственной границы. В частности, территория обороняющегося государства и территория государства-агрессора, разделенные государственной границей. Таким образом, могут быть образованы несколько поясов обеспечения военной безопасности: первый пояс внешний на территории противника, второй внутренний на линии государственной границы (линия обороны государственной границы и приграничных территорий). У противника ЗБ должна быть полностью демилитаризована, а у оборонявшегося и победившего государства на

[1] Корякин В.М., Землин А.И. Методология военно-правового исследования. Общая часть : Учебник и практикум. М.: КноРус, 2021. С. 43.

[2] Так, 25 августа 2024 г. МИД Украины призвал Беларусь отвести войска от границы на расстояние, превышающее дальность поражения имеющихся у Минска систем огня. Казанцев А. МИД Украины выступил с угрозами в адрес Беларуси// https://rg.ru/2024/08/25/mid-ukrainy-vystupil-s-ugrozami-v-adres-belarusi.html?ysclid=m0ctkbidvs72655098 (дата обращения: 25.08.2024).

[3] Давид Э. Указ. соч. С.409.

[4] Democratic People's Republic of Korea, Letter dated 5 April 1996 to the President of the UN Security Council, UN Doc. S/1996/253, 8 April 1996.

территории приграничных районов могут находится добровольческие формирования.

Создание двухэшелонной зоны безопасности обусловлено, в том числе, упомянутой ранее обязанностью удалять, по мере возможности, гражданских лиц и гражданское имущество от военных объектов и не располагать последние вблизи от густонаселенных зон; Зона безопасности включает два сектора: внутренний (прилегающие к Государственной границе России территории новых субъектов, где введено военное положение) и внешний (расположен на освобожденных территориях противника, где предложено ввести режим военной безопасности).

7. ЗБ и правовой режим военной безопасности предопределяют необходимость установить права и обязанности государств(а)-учредителя ЗБ как в отношении противника, так и в отношении гражданского населения.

8. С точки зрения юридической техники внедрение правовой модели ЗБ может быть осуществлено на двух уровнях: международно-правовом (посредством международного соглашения); национальном (путем внесения изменений в межведомственный приказ о сотрудничестве Вооруженных Сил, войск национальной гвардии, пограничных органов и органов внутренних дел по защите и охране государственной границы; либо создание межведомственного приказа о порядке взаимодействия при создании зон безопасности в условиях вооруженного конфликта).

Таким образом, проведенное исследование позволило сформулировать предложение о введении в научный и практический оборот нового вида территорий безопасности — «Зона безопасности» (ЗБ), которое может быть охарактеризовано следующими чертами.

Первое: взаимосвязанными и взаимодополняющими предпосылками создания ЗБ выступают, с одной стороны, необходимость защиты гражданского населения приграничных территорий, с другой стороны — реализация права на самооборону государства от агрессии[1].

Международно-правовым основанием предлагаемого подхода являются нормы Конвенции 1907 г., которые были расширены и дополнены в Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним 1977 г. В указанных актах подробно сформулированы основные принципы международного права, на которых должна строиться регламентация создания территорий с особым статусом в условиях вооруженного конфликта[2], однако не регламентирован вопрос правомерного и неправомерного создания таких зон, правовых оснований.

В нормах обычного права, касающихся ответственности государств, которые отражены в ст. 21 Статей Комиссии международного права (КМП)[3] об ответственно-

---

[1] Международно-правовым основанием предлагаемого подхода являются нормы Конвенции 1907 г., которые были расширены и дополнены в Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним 1977 г. В указанных актах подробно сформулированы основные принципы международного права, на которых должна строиться регламентация создания территорий с особым статусом в условиях вооруженного конфликта, однако не регламентирован вопрос правомерного и неправомерного создания таких зон, правовых оснований.

В нормах обычного права, касающихся ответственности государств, которые отражены в статье 21 Заключения Комиссии международного права (КМП) (Article 21 of the International Law Commission (ILC)'s Articles on State Responsibility. Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts. Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries 2001) об ответственности государств, установлено: применение силы в целях самообороны является обстоятельством, исключающим противоправность по общему международному праву. Другими словами, самооборона может оправдать невыполнение обязательств по международному праву при условии, что такое невыполнение связано с законной мерой самообороны в соответствии с Уставом (Yoram Dinstein. War, Aggression and Self-Defence. Cambridge University Press. 340 p. Kubo Mačák Internationalized Armed Conflicts in International Law. Oxford University Press, 2018. 522 p).

[2] Рыльская, М. А. Оккупация территории: особенности современного толкования правовых конструкций // Вестник военного права. 2023. № 2. С. 27—32.

[3] Article 21 of the International Law Commission (ILC)'s Articles on State Responsibility. Responsibility

сти государств, установлено: применение силы в целях самообороны является обстоятельством, исключающим противоправность по общему международному праву. Другими словами, самооборона может оправдать невыполнение обязательств по международному праву при условии, что такое невыполнение связано с законной мерой самообороны в соответствии с Уставом[1].

Образование подконтрольных зон на территории противника в период вооруженного конфликта можно рассматривать как элемент самообороны. При этом контроль над территорией носит временный характер без перехода суверенитета на подконтрольную территорию «с целью *прекращения военного сопротивления и осуществления враждебных действий*, а также *постконфликтного урегулирования* при условии осуществления эффективной военной власти, восстановления административного управления и обеспечения основных гарантий прав человека на занятой территории»[2].

Таким образом, можно говорить, что образование зон безопасности на территории государства-агрессора является правовым инструментом обеспечения военной безопасности. При этом образование ЗБ не является актом агрессии, поскольку за ним не следует незаконное присоединении (аннексия) занятой ранее территории. Напротив, образование ЗБ соответствует принципу bellum justum, когда иные международно-правовые, в том числе средства jus in bellum исчерпаны.

Правовую конструкцию ЗБ следует рассматривать как инструмент обеспечения права необходимой для него силой, без которой не будет действовать система международного права[3], поскольку он позволяет упорядочить общественные отношения, складывающиеся в период занятия территории одного государства войсками другого государства, и защитить гражданское население как занятой территории, так и приграничной территории державы-учредителя ЗБ, обеспечив его права.

Определение площади, глубины территории (удаленность от государственной границы), на которой будет образована зона безопасности, обусловлено видами вооружений, который враждующие стороны применяют в условиях вооруженного противоборства[4].

В основу правового режима ЗБ положены нормы ст. 4 IV Женевской конвенции, а не ст. 42 Гаагского положения. Такой выбор обусловлен тем обстоятельством, что Женевская конвенция IV охватывает все ситуации, в которых лица, гражданские лица «находятся в случае конфликта или оккупации во власти стороны, находящейся в конфликте». Иными словами, Женевская конвенция IV имеет более широкую сферу применения, чем ст. 42 и следующие Гаагского положения. Она охватывает не только ситуации, предусмотренные данными положениями, но и те, в которых они не применяются, например ситуации, когда территория одной из сторон в конфликте находится под властью противной стороны, которая еще не успела сформировать там временную администрацию[5]. Кроме того, эти положения не должны быть несовместимыми с lex posterior,

---

of states for internationally wrongful acts. Draft articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries 2001. https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_6_2001.pdf (дата обращения: 26.08.2024 г.).

[1] Yoram Dinstein. War, Aggression and Self-Defence. Cambridge University Press. 340 p. Kubo Mačák Internationalized Armed Conflicts in International Law. Oxford University Press, 2018. 522 p.

[2] Батырь В.А. Международное гуманитарное право: учеб. для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 120.

[3] Право и мир в международных отношениях. Сборник статей, составленных под ред. Л.А. Камаровского и П.М. Богаевского. Издание магазина «Книжное дело», М., 1899. С. 248.

[4] Так, 25 августа 2024 г. МИД Украины призвал Беларусь отвести войска от границы на расстояние, превышающее дальность поражения имеющихся у Минска систем огня. Казанцев А. МИД Украины выступил с угрозами в адрес Беларуси// https://rg.ru/2024/08/25/mid-ukrainy-vystupil-s-ugrozami-v-adres-belarusi.html?ysclid=m0ctkbidvs72655098 (дата обращения: 25.08.2024).

[5] Деятельность Комиссии по рассмотрению жалоб Эритреи и Эфиопии (Partial Award, Central Front, Eritrea’s Claims). 2004, § 57. www.pca-cpa.org. (дата обращения: 08.01.2025 г.).

каковым является Женевская конвенция IV[1].

Таким образом, с точки зрения различных институтов права Международного гуманитарного права, образование зоны безопасности (ЗБ) обосновано следующими аргументами.

Создание ЗБ отвечает требованиям справедливой войны jus ad bellum (в части превенции агрессии, вызванной милитаризацией приграничных территорий противником) и jus in bellum (в части необходимости обеспечения безопасности приграничных и тыловых субъектов России ввиду многочисленных систематических и разнообразных по средствам террора нападений на гражданское население и объекты России).

Кроме того, требования справедливой войны предъявляются не только на стадии начала войны, ведения войны, но в и постоенное время. В этот период на территории ЗБ вводится режим военной безопасности, который является инструментом минимизации угроз военной безопасности как приграничным субъектам России, так и самой территории ЗБ, а также реализации поддержания законности и правопорядка на территории ЗБ, в том числе посредством реализации норм МГП в формах гуманитарного бартера и гуманитарной помощи.

Вакуум правового статуса освобожденных Вооруженными Силами Российской Федерации районов и дальнейшая юридическая судьба территории остальной Украины чреват осуществлением эффективной оккупации или невраждебной оккупации (от англ. non-belligerent) со стороны государств-членов НАТО[2]. Альянс открыто сможет разместить свою военно-политическую инфраструктуру, что предполагает безапелляционное территориальное поглощение системой Североатлантического договора территории Украины без принятия ее в члены альянса. Кроме того, возможен ввод воинского контингента стран ЕС на основании концепции «операций невоенного типа»[3]. В любом случае, оба варианта оккупации территории Украины влекут эскалацию военной напряженности у Государственной границы России и возвращают положение дел, существовавшее до начала СВО, нивелировав ее результаты. Следовательно, создание зон безопасности на освобожденных приграничных с Россией территориях Украины, возможный ввод миротворческого контингента Российской Федерации, Союзного государства, ОДКБ позволит обеспечить военную безопасность России и региональную безопасность.

Примером отрицательной практики, когда миротворческие силы России были заменены на наблюдателей Европейского союза, может служить армяно-азербайджанский вооруженный конфликт, на одном из этапов которого из Нагорного Карабаха были выведены российские миротворцы[4]. Их место заняли наблюдатели Европейского союза[5], которые используют свой правовой статус для противодействия России, подрыва ее военной безопасности в приграничных регионах.

В рамках моделирования правовой конструкции зоны безопасности была определена необходимость введения специального правового режима военной на ее территории — режима военной безопасности, который соединяет черты режима военного положения (в части ограничения прав и свобод человека), контртеррористической операции (в части взаимодействия Вооруженных Сил, войск национальной гвардии и пограничных органов по противодействию диверсионно-разведывательным группам, террористам, иным, в том числе «невоенным угрозам») и характеризуется следующими особенностями.

Первое. Действие правовых норм о режиме военной безопасности в зоне без-

[1] Давид Э. Указ. соч. С. 203.

[2] Рыльская М.А. Указ. соч. С. 28.

[3] Британия и Франция обсудили отправку миротворцев на Украину. https://www.rbc.ru/politics/16/01/2025/678841949a794728208e7612?ysclid=m6clud5o4f307795199 (дата обращения: 16.01.2025 г.).

[4] Российские миротворцы покинули Карабах. https://www.kommersant.ru/doc/6762338?ysclid=m0g5a8hhiq567441077(дата обращения: 26.08.2024 г.).

[5] Миссия ЕС в Армении ведет сбор разведданных против России, заявил посол. https://ria.ru/20240830/kavkaz-1969372308.html(дата обращения: 26.08.2024 г.).

опасности в пространстве (во исполнения ст. 4 IV Женевской конвенции):

1.1. Территория ЗБ создается в целях снижения уровня военного противостояния и обеспечения безопасности гражданского населения, улучшения гуманитарной ситуации и формирования благоприятных условий для превенции угроз военной безопасности приграничным территориям государства-инициатора.

1.2. В учреждении ЗБ могут принимать участие государства-гаранты режима военной безопасности в ЗБ.

1.3. Территория ЗБ простирается в строго оговоренных в учредительном акте (меморандуме с государствами-гарантами или в решении международной организации, или в одностороннем решении государства-инициатора) районах, прилегающих к государственной границе государства- инициатора, в которых оно в состоянии управлять территорией ЗБ и проводить на ней свои решения.

Для предотвращения угроз военной безопасности вдоль границы ЗБ создаются полосы безопасности в качестве защитного барьера при условии, что требования безопасности не являются несоразмерными в плане соблюдения прав человека[1].

Полосы безопасности включают:

— контрольно-пропускные пункты — для обеспечения беспрепятственного перемещения гражданского населения без оружия, доставки гуманитарной помощи, осуществления гуманитарного бартера и содействия экономической деятельности;

— наблюдательные пункты — для обеспечения минимизации военных угроз и опасностей, недопущения незаконного перемещения вооружения, военной техники, террористических групп и диверсантов.

Работа контрольно-пропускных и наблюдательных пунктов, а также управление зонами безопасности, будет осуществляться силами государства-инициатора и (или) Гарантов на основе консенсуса. При необходимости могут быть использованы силы третьих сторон на основе консенсуса Гарантов.

1.4. В границах ЗБ:

— обеспечивается взаимодействие между вооруженными силами, пограничными органами, органами государственной безопасности в целях поддержания режима законности, превенции и минимизации угроз военной безопасности территории государства-инициатора;

— обеспечивается быстрый, безопасный и беспрепятственный гуманитарный доступ;

— создаются условия для оказания населению медицинской помощи и удовлетворения первоочередных нужд граждан;

— принимаются меры по восстановлению объектов инфраструктуры;

— создаются условия для безопасного, добровольного возвращения беженцев и внутренне перемещенных лиц.

1.5. Режим военной безопасности в ЗБ поддерживают вооруженные силы, в том числе его миротворческие силы, войска национальной гвардии, полиция, пограничные органы государства-инициатора, либо миротворческие силы государств-гарантов, либо миротворческие силы, иные вооруженные сила в рамках коллективной обороны государств-членов региональной организации безопасности.

Можно утверждать, что факт образования ЗБ в рамках jus in bello не влечет за собой права аннексировать эту территорию, так как jus contra bellum запрещает любой захват территории, основанный на применении силы. Кроме того, государство-инициатор создания ЗБ обязано обеспечить преемственность правопорядка на территории ЗБ[2].

Таким образом, ЗБ отличается от классической оккупации, при которой территория, находящаяся под властью государства, эта власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность (что соответствует Гаагскому положению об оккупированной территории, которая «действитель-

[1] Antal Berkes. International Law and De-Occupation Legislation // Rutgers International Law and Human Rights Journal.2023. №. 4.P. 16.

[2] Directing an attack against a demilitarized zone agreed upon between the parties to the conflict is prohibited. ICRC's Customary International Humanitarian Law study. https://ihl-databases.icrc.org/en/customary-ihl/v1/rule36 (дата обращения: 21.01.2025 г.).

но находится под властью неприятельской армии», а режим оккупации распространяется лишь на те территории, «где эта власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность» (Гаагское положение, ст. 42))[1].

Кроме того, отличием ЗБ от классической оккупации является существование органов местного самоуправления на территории ЗБ, с которыми государство, учредившие ЗБ, находится в тесном контакте посредством своих компетентных органов (пограничных органов, вооруженных сил, полиции). В качестве примера можно привести I этап СВО (с февраля по сентябрь 2022 г.), когда на освобожденных территориях Харьковской области в населенных пунктах, где остались должностные лица органов местного самоуправления, они взаимодействовали с должностными лицами органов военного управления Вооруженных Сил и войск национальной гвардии.

Второе. Действие правовых норм о режиме военной безопасности в зоне безопасности по кругу лиц.

Образование ЗБ не влечет за собой перехода суверенитета, не является аннексией; законы государства продолжают действовать на территории ЗБ; государство-инициатор уважает долг верности и принадлежность населения ЗБ к государству, гражданами которого они являются. Последний принцип выражается в том, что государство-инициатор ЗБ не имеет права использовать население ЗБ в военных целях, прибегать к высылке или депортации жителей ЗБ (кроме случаев эвакуации из зоны возобновившегося вооруженного конфликта для обеспечения безопасности гражданского населения), изменять гражданство населения и препятствовать возвращению беженцев или перемещенных лиц.

При создании ЗБ, государство-инициатор является просто «фактическим управляющим»[2] территории ЗБ, обязанным соблюдать законы последнего при отсутствии «к тому… неодолимого препятствия» (Гаагское положение, ст. 43)[3]. Таким образом, государство, создавшее и управляющее ЗБ, не имеет права изменять действующее законодательство, за исключением случаев, вызванных военной необходимостью или поддержанием общественного порядка[4].

Третье. Действие правовых норм о режиме военной безопасности в зоне безопасности во времени. Создание зон безопасности является временной мерой, продолжительность которой составит определенный срок (6 месяцев, год, иной срок, необходимый для достижения целей образования зоны безопасности) с автоматическим продлением на основе решения государства-учредителя или консенсуса государств-участников меморандума о ЗБ.

Четвертое. нормативно-правовое закрепление создания зоны безопасности:

1. Стороны в конфликте могут создавать охраняемые зоны на основе письменного соглашения, заключаемого как напрямую, так и через державу-покровительницу или беспристрастную международную организацию.

2. Стороны определяют лица, обладающие полномочиями заключать двусторонний или многосторонний меморандум о создании зоны в соответствии с национальным законодательством соответствующего государства: глава государства самостоятельно или посредством делегирования полномочий, например, начальнику центрального органа оперативного управления вооруженными силами, командующему крупным войсковым соединением и т.д.

[1] Activités armées en RDC, CIJ, Rec. 2005, § 172. Цит. по: Основные «содержательные» нормы права вооруженных конфликтов. Международный комитет Красного креста. https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/ru/assets/files/other/4.pdf (дата обращения: 21.01.2025 г.).

[2] Conventions, commentaire, IV, pp. 296–297; Rousseau, op. cit., pp. 136–137. Цит. по: Давид Э. Указ. соч.

[3] Cass. b., 4 juillet 1949, P., 1949, I, 512; A. D., 1949, 432. Цит. по: Давид Э. Указ. соч. С. 422.

[4] International Court of Justice. Legal Consequences arising from the Policies and Practices of Israel in the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem Summary of the Advisory Opinion of 19 July 2024.

3. На основании норм Венской конвенции о праве международных договоров[1], стороны могут выбрать форму международного договора или выразить свое согласие путем обмена дипломатическими нотами или письмами.

4. Стороны при образовании ЗБ могут взять за основу типовые соглашения о территориях безопасности (охраняемых зонах), содержащиеся в Приложениях к I и IV Женевским конвенциям, внося такие поправки, которые они сочтут необходимыми (статья 23 I Женевской конвенции; ст.14 IV Женевской конвенции) для устранения правовой неопределенности и превенции потенциальных нарушений режима ЗБ.

5. Стороны в соглашении определяют: границы ЗБ; категории лиц, которые имеют право находится и которые могут быть допущены на ее территорию; органы, обеспечивающие поддержания режима ЗБ; период времени, на который ЗБ будет образована; механизм разрешения разногласий.

Поддержание режима ЗБ может быть возложено на миротворческие силы. Так, например, в праве СНГ регламентирована деятельность групп военных наблюдателей и Коллективных сил по поддержанию мира в зонах конфликтов между государствами и в государствах-участниках СНГ (ст.5 Протокола). На Группу по поддержанию мира могут возлагаться следующие основные задачи:

— наблюдение за выполнением условий перемирия и соглашения о прекращении огня;

— обозначение зон ответственности, разъединение противоборствующих сторон, создание демилитаризованных зон, зон разъединения, гуманитарных коридоров, содействие деконцентрации сил сторон, предотвращение их перемещений и столкновений в этих зонах;

— создание условий для переговоров и других мероприятий по мирному урегулированию конфликта, восстановлению законности и правопорядка и нормального функционирования общественных и государственных институтов в зонах ответственности;

— установление фактов нарушения соглашений о прекращении огня и перемирия и проведение по ним расследования;

— контроль местности и действий населения в зоне ответственности, противодействие массовым беспорядкам, содействие обеспечению прав человека;

— контроль за ликвидацией фортификационных сооружений, заграждений и минных полей в зонах ответственности;

— охрана жизненно важных объектов в зонах ответственности;

— принятие мер по обеспечению связи между конфликтующими сторонами, безопасности официальных встреч между ними на всех уровнях;

— контроль перевозок, пресечение противоправного ввоза и вывоза боевой техники, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в зонах ответственности;

— обеспечение безопасного транзита всех видов транспорта и функционирования коммуникаций в зоне ответственности;

— содействие налаживанию нормальных контактов между населением конфликтующих сторон в зоне ответственности;

— оказание гуманитарной помощи гражданскому населению, обеспечение беспрепятственных поставок гуманитарной помощи[2].

Понятие «правовое средство» применительно к меморандуму о зоне безопасности уместно в связи с тем, что он обладает следующими признаками, сформулированными в теории права:

1) суть «субстанциональное, институциональное явление правовой действительности, воплощающее регулятивную силу права, его энергию»[3] (в части формы

[1] Венская конвенция о праве международных договоров. (Вена, 23 мая 1969 г., вступила в силу 27 января 1980 г.)// Ведомости Верховного Совета СССР от 10 сентября 1986 г. № 37 ст. 772.

[2] Протокол о временном порядке формирования и задействования Групп военных наблюдателей и Коллективных сил по поддержанию мира в зонах конфликтов между государствами и в государствах-участниках Содружества Независимых Государств (Ташкент, 15 мая 1992 г.) // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992 г. № 5. С. 34.

[3] Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 11.

международного соглашения, которая направлена на упорядочение общественных отношений в период вооруженного конфликта и постконфликтный период в приграничье воюющих государств);

2) «в широком значении представляет собой «сочетание (комбинацию) юридически значимых действий, совершаемых субъектом с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества[1]» (в части соблюдения, исполнения, применения норм МГП с одновременным обеспечением военной безопасности приграничных территорий воюющих государств); в узком значении – «юридический способ решения субъектами соответствующей задачи, достижения своих целей (интересов)» [2] (в части гармонизации позиций сторон вооруженного конфликта и правовой защите гражданского населения);

3) «правовое явление, выражающееся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, происходит достижение социально полезных целей»[3] (в части договорной формы реализации норм IV Женевской конвекции при одновременной деэскалации конфликта и превенции военных угроз на приграничной территории);

4) «деятельностно-институциональное образование, показывающее функционально-динамическую сторону правовых явлений и права в целом»[4] (в части моделирования новой территории безопасности, опосредующей движение от вооруженного конфликта к постконфликтному урегулированию);

5) «институционное образование (установление, форма) правовой действительности, которые в своем реальном функционировании, использовании в процессе специальной правовой деятельности приводят к достижению определенного результата в решении социально-экономических, политических, нравственных и иных задач и проблем, стоящих перед обществом и государством на современном этапе» [5] (в части урегулирования комплексных общественных отношений, гармонизирующих разновекторные устремления сторон вооруженного конфликта, ведущее к его завершению и переходу к постконфликтному урегулированию);

6) «предусмотренное нормами права и обусловленное определенными целями и задачами инструмент правового регулирования» [6] (в части подписания юридически обязывающего документа воющими государствами и государствами-гарантами реализации норм соглашения).

Раскроем основные положения проектируемого Меморандума о зоне безопасности. В преамбуле договора предлагается указать его целевую установку: скорейшее прекращение насилия, улучшения гуманитарной ситуации и формирования благоприятных условий для продвижения политического урегулирования конфликта, превенции угроз военной безопасности приграничным территориям.

Далее предлагается подробно раскрыть местоположение, глубину и ширину, географическое указание создаваемой зоны безопасности, прилегающие к государственной границе государства, в которых оно в состоянии управлять территорией зоны безопасности и проводить на ней свои решения.

Существенным условием меморандума выступает срок действия образованной зоны (6 месяцев, год и другой срок с автоматическим продлением по соглашению сторон).

Одним из ключевых субъектов реализации норм меморандума предложено назвать миротворческие силы, о которых

[1] Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 80.

[2] Там же.

[3] Теория государства и права : Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2001. С. 724.

[4] Батурина Ю. Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права : дис. ... канд. юрид. наук. М.. 2001. С. 130.

[5] Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 56.

[6] Мильков А.В. К определению понятия «правовые средства» // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2008. № 6. С. 33.

ранее уже упоминалось. Так, меморандум содержит норму, согласно которой «режим военной безопасности в зоне безопасности поддерживают вооруженные силы, в том числе миротворческие силы, иные войска и воинские формирования (либо миротворческие силы государств-гарантов, либо миротворческие силы, иные вооруженные сила в рамках коллективной обороны (безопасности) государств-членов региональной организации безопасности)».

Таким образом, на наш взгляд, предложенный проект меморандума о зоне безопасности с практической и теоретической точки зрения может стать правовым средством обеспечения военной безопасности приграничной территории в условиях безоговорочного достижения целей специальной военной операции, обеспечит реализацию права России на суверенитет, территориальную целостность и неприкосновенность ее Государственной границы.

Список источников

1. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 10—31.
2. Батурина Ю.Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001. 186 с.
3. Батырь В.А. Международное гуманитарное право : учеб. для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2011. 249 с.
4. Боброва О.Г. Оборона Государственной границы Российской Федерации в системе военной безопасности: международно-правовой аспект// Военное право. 2024. №4. С. 9—21.
5. Боброва О.Г. Правовая модель гуманитарного бартера на Государственной границе и приграничных территориях Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции // Военное право. 2024. № 6. С.153—164.
6. Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. Москва: Институт государства и права РАН, 2021. 968 с. EDN IZIVOG
7. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов : курс лекций : перевод с французского / Эрик Давид ; Юридический фак. Открытого Брюссельского ун-та. — 2-е рус. изд., основанное на 4-м фр. изд., с доп. авт. Москва: МККК, 2011. 1141 с.
8. Землин А.И., Корякин В.М. Методология военно-правового исследования. Общая часть : Учебник и практикум для студентов, обучающихся в военных учебных центрах при федеральных образовательных организациях высшего образования. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «КноРус», 2021. 228 с. ISBN 978-5-406-02931-2. EDN JXKGDY
9. Клаузевиц К. О войне : трактат в 8 томах. Т. 3. Москва, 1932. 488 с.
10. Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : Серия: Теория и история государства и права. Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 360 с. ISBN 978-5-605-22287-3. EDN KYVIBT.
11. Мильков А.В. К определению понятия «правовые средства» // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2008. № 6. С. 29—31.
12. Право и мир в международных отношениях. Сборник статей, составленных под ред. Л.А. Камаровского и П.М. Богаевского. Издание магазина «Книжное дело». Москва, 1899.
13. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. Москва, 1984.
14. Рыльская М.А. Оккупация территории: особенности современного толкования правовых конструкций // Вестник военного права. 2023. № 2. С. 27—32.
15. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 488 с.
16. Свининых Е.А., Яковлев М.А. Буферные зоны, создаваемые в период вооруженных конфликтов и после их окончания: понятие, виды, правовой режим // Право в Вооруженных Силах —военно-правовое обозрение. 2024. № 3(320). С. 24—32.
17. Теория государства и права : Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Москва, 2001. 810 с.
18. Antal Berkes. International Law and De-Occupation Legislation // Rutgers International Law and Human Rights Journal. 2023. No. 4. P. 14—30.
19. Kubo Mačák Internationalized Armed Conflicts in International Law. Oxford University Press, 2018. 522 p.
20. Yoram Dinstein. War, Aggression and Self-Defence. Cambridge University Press. 340 p.

Memorandum on the Security zone as a legal means of ensuring military security of the border area in the context of a special military operation

© **Bobrova O.G.**,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the 20th Department (Military Law) of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Russian Ministry of Defense

Annotation. The article presents a legal model of a security zone as a new type of security territory in International humanitarian law, which can be tested in a special military operation to ensure Russia's military security. The draft memorandum on the security zone is presented as a legal means of ensuring the military security of the State border and border territories of Russia during modern armed conflicts, taking into account their genesis and the nature of threats.

Keywords: military security; armed conflict; Armed Forces; security zone; collective security; State border of the Russian Federation; legal regime; special military operation; border area.

For citation: Bobrova O.G. Memorandum on the Security Zone as a Legal Means of Ensuring Military Security of the Border Area in the Context of a Special Military Operation // Military law. 2025. No. 2. pp. 8-21.

The article was received by the editorial office on January 31, 2025.

К вопросу о некоторых видах угроз транспортной безопасности России

© **Борисов Андрей Викторович,**
доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В представленной статье по результатам изучения научной литературы и судебной практики раскрывается характеристика отдельных видов угроз транспортной безопасности. В частности, представлена характеристика и раскрывается содержание таких видов угроз, как экономические, коррупционные, экологические, техногенные и природные, криминальные, санитарно-эпидемиологические и военные угрозы транспортной безопасности.

Ключевые слова: транспортная безопасность, транспортная преступность, угрозы транспортной безопасности.

Для цитирования: Борисов А.В. К вопросу о некоторых видах угроз транспортной безопасности России // Военное право. 2025. № 2. С. 22—27.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2025 г.

Анализ научных исследований показывает, что классификация различных видов угроз наиболее полно выражается в зависимости от их содержания[1]. Основные категории угроз транспортной безопасности включают экономические угрозы, которые делятся на организационно-экономические и противоправные экономические действия[2]. Также выделяются коррупционные угрозы, экологические[3], техногенные[4] и природные[5], криминальные угрозы, киберугрозы, санитарно-эпидемиологические и военные угрозы[6].

В рамках представленной статьи представляется целесообразным провести углубленное изучение обозначенных видов угроз. В частности, противоправные действия экономического характера, рассматриваемые в данном контексте, в первую очередь охватывают категорию

[1] Борисов А.В. Классификация угроз транспортной безопасности // Вестник Московской Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 4 (26). С. 43—46.

[2] См., например: Скубак Н.Ю., Норсеева М.Е. Проблемы нормативно-правовой базы в области транспортной безопасности и пути их решения // Технологии гражданской безопасности. 2012. № 4. Т. 9. С. 63; Рязанов Н.С. Сущность и виды экономических угроз транспортной безопасности // Аграрное и земельное право. 2016. № 12(144). С. 103—106.

[3] См., например: Проценко С.В. Угрозы транспортной безопасности Российской Федерации // Российская юстиция. 2010. № 8. С. 40—43; Сильников М.В. Инновационные технические средства и технологии обеспечения защиты и безопасности // Вопросы оборонной техники. Серия 16. 2011. № 9-10. С. 3—5 и др.

[4] Некоторые исследователи техногенные и экологические угрозы рассматривают как подвиды антропогенной угрозы. См., например: Маршакова Н.Н., Петров В.В. Классификация внешних угроз безопасности: теоретико-прикладной аспект // Российский следователь. 2008. № 18.С. 31—34.

[5] См., например: Проценко С.В. Указ. соч. С. 40—43; Остапец О.Г. Административно-правовые аспекты обеспечения транспортной безопасности в современной России // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 1 (26). С. 105—110; Буйкевич О.С. Угрозы транспортной безопасности и меры по их предотвращению// Актуальные проблемы науки XXI века. 2013. № 2. С. 5—9 и др.

[6] Корякин В.М. Противодействие диверсионной деятельности на объектах транспортной инфраструктуры как составная часть обеспечения транспортной безопасности // Транспортное право и безопасность. 2023. № 2. С. 39—48; Правовое обеспечение транспортной безопасности в России : монография / А.И. Сидоркин, А.И. Землин, В.М. Корякин, Д.В. Ирошников, Л.Ю. Ларина ; отв. ред. А.И. Сидоркин. М.: Юридический институт РУТ (МИИТ), 2021.

преступлений в сфере экономики. Эти деяния выступают в роли потенциального вызова для объектов транспортной инфраструктуры, нацелены на подрыв экономического базиса стабильного и безопасного функционирования транспортного сектора. Особое беспокойство вызывает вероятность хищения топлива, цветных металлов, нефти и нефтепродуктов, компонентов объектов транспортной инфраструктуры и/или транспортных средств, что представляет собой значительную угрозу для жизни и здоровья персонала, пассажиров и прочих лиц.

В процессе разработки эффективных мер по обеспечению транспортной безопасности необходимо учитывать не только традиционные угрозы криминогенного характера, но и комплекс организационно-экономических и экономических факторов, которые могут оказать существенное влияние на общую ситуацию в данной сфере. Среди таких факторов можно выделить:

— недостаточный уровень информатизации транспортной отрасли, что затрудняет обмен информацией между различными участниками процесса обеспечения транспортной безопасности и снижает эффективность принимаемых мер;

— недостаточное финансирование мероприятий по обеспечению транспортной безопасности может привести к снижению качества предоставляемых услуг и повышению уязвимости транспортной инфраструктуры перед угрозами криминального характера;

— снижение уровня подготовки высококвалифицированных научных и инженерно-технических кадров может привести к устареванию методов и подходов к обеспечению транспортной безопасности и снижению эффективности принимаемых мер.

В современном обществе коррупция выступает в роли одного из наиболее деструктивных явлений, оказывающего негативное воздействие на различные сферы жизнедеятельности, включая как транспортную безопасность, так и государственную, и общественную. Данное обстоятельство подчеркивает актуальность проблемы коррупции как транснационального вызова, с которым сталкиваются многие страны мира.

Анализ статистических данных за 2023 г. позволяет констатировать сохранение тревожных тенденций в области преступлений коррупционной направленности. Особую озабоченность вызывает состояние доли таких преступлений на объектах транспортной инфраструктуры, которая составляет 7,76 % в структуре транспортной преступности и существенно превышает данный показатель по стране — 1,87 %. Полученные результаты указывают на более высокую частоту коррупционных проявлений именно в транспортном секторе по сравнению с другими отраслями экономики.

В контексте анализа коррупционной преступности наблюдается следующая тенденция: составы преступлений, связанные со взяточничеством, занимают значительное место в структуре преступлений коррупционной направленности. Более конкретно, среднее значение удельного веса таких составов, как дача взятки (ст. 290 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ), составляет 73 %. Для сравнения: общероссийский показатель удельного веса данных составов преступлений составляет 55,7 %.

Исследуя коррупционную преступность, необходимо отметить ее высокую степень латентности, то есть скрытости и незаметности для официальных статистических данных. Согласно исследованиям, коэффициент латентности [1] таких преступлений, как получение взятки (ст. 290 УК РФ) и дача взятки (ст. 291 УК РФ) достигает значительных значений в 75 и 70 соответственно[2]. Специалисты в

[1] Коэффициент латентности — важнейший инструмент оценки и измерения латентной преступности, который показывает, во сколько раз фактическая преступность больше зарегистрированной.

[2] Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С. М. Иншако-

области уголовного права и криминологии подчеркивают[1], что выявление коррупционных преступлений, особенно взяточничества, остается на низком уровне, составляя всего лишь 1—2 % от общего числа совершенных деяний. Это указывает на значительные пробелы в системе противодействия коррупции и необходимость усиления мер по выявлению и расследованию таких преступлений.

В рамках исследования экологических угроз транспортной безопасности анализ официальных статистических данных ФКУ «ГИАЦ МВД России» позволяет сделать вывод, что в 2023 г. количество экологических преступлений на объектах транспорта сократилось на 2,8 % по сравнению с 2022 г. и составило 1 699 случаев. Экологические преступления относятся к категории индексных, к числу которых наряду с ними также относятся кражи, незаконный оборот наркотиков, преступления экономической и коррупционной направленности.

В целом в России в 2023 г. отмечается общее снижение преступности на 1 %, по сравнению с предыдущим годом. Аналогичная тенденция свойственна как экологическим преступлениям, так и некоторым другим преступлениям.

Современные формы преступлений, такие как экологический терроризм, биотерроризм и экологическая контрабанда, характеризуются высокой адаптивностью к новым научным достижениям. Эти виды преступлений демонстрируют тенденцию к воздействию на объекты, содержащие нефть и нефтепродукты, особенно при их транспортировке по железнодорожным, морским и речным путям, которые часто проходят вблизи населенных пунктов.

Официальная статистика не отражает истинного масштаба экологических преступлений из-за их высокой латентности. Исследователи классифицируют эти преступления как особо или высоко латентные, с коэффициентом латентности от 23,3 до 58,3[2]. Это указывает на значительное расхождение между зарегистрированными и фактическими случаями.

Угрозы техногенного характера охватывают широкий спектр событий, связанных с техническими неисправностями транспортных средств и объектов транспортной инфраструктуры, а также нарушениями правил их эксплуатации. Эти угрозы возникают из-за недобросовестного исполнения обязанностей, халатности, ошибок персонала, ненадлежащего использования информационных ресурсов, несоблюдения организационных мер по обеспечению транспортной безопасности, кадровых проблем и дефицита квалифицированных специалистов.

Кроме того, к техногенным угрозам можно отнести недостаточную правовую регламентацию применения беспилотных технологий управления транспортными средствами[3]. В настоящее время в Российской Федерации и других странах используются различные термины для описания различных форм автоматизации наземных транспортных средств, такие как автономный автомобиль, высокоавтоматизированные транспортное средство, беспилотный автомобиль, беспилотное транспортное средство, полностью автоматизированное транспортное средство и самоуправляемое транспортное средство. Однако ни один из этих терминов не является общепризнанным и нормативно закрепленным на международном и национальном уровнях.

Природные чрезвычайные ситуации, такие, как землетрясения, наводнения,

ва. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. С. 625.

[1] См., например: Годунов И.В. Противодействие организованной преступности. М.: Высш. шк., 2003. С. 336; Федоровская М.А. Коррупция и должностные преступления в Российской Федерации: состояние, проблемы, перспективы. М., 2004. С. 98; Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. М.: Норма, 2007. С. 181.

[2] Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. С. 625.

[3] Борисов А.В. Угрозы транспортной безопасности России // Вестник Московской Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2 (24). С. 76—79.

лесные пожары, сели, оползни, ураганы и обледенения, представляют собой угрозы природного характера. Эти явления могут нарушить функционирование транспортной системы России, а также создать опасность для жизни и здоровья людей, а также нанести материальный ущерб.

Результаты исследования позволили расширить классификацию современных угроз транспортной безопасности, включив в нее четыре новых дополнительных категории: 1) криминальные угрозы; 2) киберугрозы; 3) санитарно-эпидемиологические угрозы; 4) военные угрозы.

Давая характеристику криминальных угроз транспортной безопасности нами применяется метод ограничительного толкования. Под криминальными угрозами в данном случае понимаются современные формы организованной преступной деятельности и трансформации преступных групп и сообществ. Эти группы формируются на базе легальных экономических структур, включая международные, и изначально создаются для прикрытия преступной деятельности и обеспечения легализации доходов, полученных преступным путем.

Характерной чертой их деятельности является широкое использование высокотехнологичных услуг для легализации преступных доходов на криминальном рынке. Взаимодействие таких организованных групп и сообществ с экстремистскими и террористическими организациями, включая международные, а также наличие у них высококвалифицированных специалистов и коррупционных связей обеспечивает доступ к информационным и другим технологиям, что позволяет осуществлять акты незаконного вмешательства. Эти действия угрожают безопасной работе транспортного комплекса и могут привести к причинению вреда жизни и здоровью людей, материальному ущербу или создать угрозу наступления таких последствий.

В качестве отдельного вида угроз выделяются киберугрозы, которые, по нашему мнению, недостаточно освещены в нормативных правовых актах и исследованиях, посвященных транспортной сфере. В нашем исследовании под киберугрозами понимаются не только условия и факторы, которые могут снизить уровень транспортной безопасности, но и преступные деяния, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Парадоксально, но эти угрозы возникли благодаря развитию науки и техники.

В статистических формах ФКУ «ГИАЦ МВД России» данные о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ) или в сфере компьютерной информации (киберпреступлениях), начали выделяться отдельно по России и на транспорте только с 2018 г. Это ограничивает возможность проведения полноценного анализа динамики таких преступлений. Однако можно отметить, что каждое девятое транспортное преступление связано с использованием ИТТ.

В 2023 г., несмотря на общее снижение числа преступлений на транспорте на 8,6 %, было зафиксировано увеличение количества киберпреступлений на 7,6 %. Особенно заметен рост тяжких и особо тяжких киберпреступлений: тяжкие преступления выросли на 7 %, а особо тяжкие —– на 30,5 %. Тем не менее, уровень раскрываемости киберпреступлений остается низким.

Санитарно-эпидемиологические угрозы возникают из-за негативного влияния пандемии на транспортную безопасность. Это выражается в следующих аспектах:

1) воздействие на здоровье работников транспортной отрасли: пандемия может повлиять на качество работы специалистов, занятых в транспортной сфере, если у них есть не выявленные или латентные заболевания. Кроме того, существует риск долгосрочных последствий из-за смертности сотрудников, что может снизить кадровый потенциал в области обеспечения безопасности на транспорте;

2) нарушение цепочек поставок и кризис на рынке качественного транс-

портного оборудования: экономически спад, вызванный пандемией, может привести к перебоям в поставках и разрушению рынка качественного транспортного оборудования;

3) финансовые потери и банкротство транспортных компаний: пандемия может привести к финансовым трудностям у транспортных компаний, что снижает их возможности для инвестиций в меры безопасности и функционирования служб безопасности;

4) криминогенные риски: в условиях пандемии возрастает вероятность криминогенных угроз в транспортной сфере.

И хотя проблемы, связанные с воздействием пандемии на транспортную безопасность, к настоящему времени утратили свою актуальность, однако гарантий повторения того, что мы наблюдали несколько лет назад, сегодня нет.

В современных реалиях особую актуальность приобретают военные угрозы. 24 февраля 2022 г. Российская Федерация начала проведение специальной военной операции (СВО) по демилитаризации и денацификации Украины. Проведение СВО способствовало появлению новых вызовов и угроз нормальному бесперебойному функционированию различных видов транспорта, требующих дополнительного изучения. Военные угрозы предопределены деятельностью нашего противника при проведении СВО, которые проявляют себя в части обеспечения транспортной безопасности в следующем:

— непосредственным воздействием на объекты транспортной инфраструктуры нашей страны с использованием военной техники, посредством осуществления ракетных и артиллерийских ударов, а также повреждение указанных объектов применяя авиацию, либо используя беспилотные летательные аппараты;

— активизация террористической деятельности на объектах транспорта на территории Российской Федерации (1 мая 2022 г. было заложено и приведено в действие взрывное устройство на конструкциях железнодорожного моста, расположенного на 67-м км железной дороги в Суджанском районе Курской области [1], взрыв на Крымском мосту 8 октября 2022 г.[2], взрыв на военном аэродроме Энгельс в Саратовской области 5 декабря 2022 г. с помощью беспилотника[3], теракт на Крымском мосту 17 июля 2023 г.[4] и др.);

— активизация диверсионной деятельности на объектах транспортной инфраструктуры (поджог электрооборудования на нескольких железнодорожных станциях и перегонах от Шакши до Демы (Республика Башкортостан) [5], подрыв участка железной дороги в районе села Почтовое в Крыму 23 февраля 2023 г.[6], поджог 8 июля 2023 г. двух релейных шкафов в поселке Балакирево Владимирской области[7] и др.).

Учитывая вышеизложенное, угрозы транспортной безопасности можно определить как совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвен-

[1] Дело о подрыве ж/д моста под Курском возбуждено по статье «Теракт» [Электронный ресурс] // URL:https://iz.ru/1329066/2022-05-01/po-faktu-podryva-zheleznodorozhnogo-mosta-pod-kurskom-vozbuzhdeno-ugolovnoe-delo (дата обращения: 17.07.2023).

[2] Взрывчатку завернули в пленку [Электронный ресурс] // URL:https://www.kommersant.ru/doc/5608188 (дата обращения: 17.07.2023).

[3] Под боком у Самары: в соседнем Энгельсе, предположительно, беспилотник атаковал военный аэродром [Электронный ресурс] // URL:https://63.ru/text/incidents/2022/12/05/71870312/ (дата обращения: 17.07.2023).

[4] Хроники теракта на Крымском мосту 17 июля 2023 [Электронный ресурс] // URL:https://www.sevastopol.kp.ru/daily/27529/4794690/ (дата обращения: 17.07.2023).

[5] Студенты вышли на рельсы [Электронный ресурс] // URL:https://www.kommersant.ru/doc/5650502 (дата обращения: 17.07.2023).

[6] Неизвестные повредили железнодорожные пути в Бахчисарайском районе Крымского полуострова [Электронный ресурс] // URL:https://topwar.ru/211613-neizvestnye-povredili-zheleznodorozhnye-puti-v-bahchisarajskom-rajone-krymskogo-poluostrova.html (дата обращения: 17.07.2023).

[7] Во Владимирской области мужчина признался в поджоге релейных шкафов [Электронный ресурс] // URL:https://ria.ru/20230713/priznanie-1883968632.html (дата обращения: 17.07.2023).

ную возможность нанесения ущерба интересам личности, общества и государства в сфере транспортного комплекса.

Классификация угроз транспортной безопасности по типам позволяет детально охарактеризовать их сущностные особенности и установить их взаимосвязь с конкретными социальными взаимодействиями. В прикладном аспекте определение типов угроз способствует формированию более целенаправленных и результативных стратегий по обеспечению транспортной безопасности.

Список источников

1. Борисов А.В. Классификация угроз транспортной безопасности // Вестник Московской Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 4 (26). С. 43—46.

2. Борисов А.В. Угрозы экологического характера на транспорте // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 3 (29). С. 22—25.

3. Буйкевич О.С. Угрозы транспортной безопасности и меры по их предотвращению// Актуальные проблемы науки XXI века. 2013. № 2. С. 5—9.

4. Зверева А.И. Экологические преступления, посягающие на безопасность водных объектов: характеристика и разграничения со смежными деликтами. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2019. 200 с.

5. Корякин В.М. Противодействие диверсионной деятельности на объектах транспортной инфраструктуры как составная часть обеспечения транспортной безопасности // Транспортное право и безопасность. 2023. № 2. С. 39—48. EDN: IIHFQN

6. Маршакова Н.Н., Петров В.В. Классификация внешних угроз безопасности: теоретико-прикладной аспект // Российский следователь. 2008. № 18.С. 31—34.

7. Правовое обеспечение транспортной безопасности в России : монография / А.И. Сидоркин, А.И. Землин, В.М. Корякин, Д.В. Ирошников, Л.Ю. Ларина ; отв. ред. А.И. Сидоркин; Юридический институт РУТ (МИИТ). Москва, 2021. 64 с. ISBN 978-5-7876-0344-6. EDN: DPVWOZ

8. Рязанов Н.С. Сущность и виды экономических угроз транспортной безопасности // Аграрное и земельное право. 2016. № 12(144). С. 103—106.

9. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 839 с.

On the issue of some types of threats to Russia's transport security

© **Borisov A.V.**,
Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law at the Military University. The Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense Of the Russian Federation

Annotation. In the presented article, based on the results of the study of scientific literature and judicial practice, the characteristics of certain types of threats to transport security are revealed. In particular, the characteristics and content of such types of threats as economic, corruption, environmental, man-made and natural, criminal, sanitary-epidemiological and military threats to transport security are presented.

***Keywords*:** transport security, transport crime, threats to transport security.

For citation: Borisov A.V. On the Issue of Some Types of Threats to Russia's Transport Security // Military law. 2025. No. 2. pp. 21-27.

The article was received by the editorial office on February 28, 2025.

Общественно-государственные организации в системе обеспечения национальной и военной (оборонной) безопасности Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз

© **Закомолдин Руслан Валериевич**,
кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена анализу правового положения и нормативного регулирования общественно-государственных организаций. Отмечается, что в современных условиях, когда ведется информационная война и проводится специальная военная операция, государственно-общественный партнерство также трансформируется. Общественно-государственные организации выступают сегодня одной из наиболее перспективных форм взаимодействия государства и общества в решении ключевых задач государственной политики в сфере военно-гражданских отношений, противодействия радикализму, сохранения исторической памяти, просвещения и патриотического воспитания. Акцентируется внимание на необходимости принятия специального закона об общественных организациях с государственным участием.

Ключевые слова: гражданское общество, общественно-государственные организации, государственная политика, государственно-общественный диалог, национальная безопасность, военная безопасность.

Для цитирования: Закомолдин Р.В. Общественно-государственные организации в системе обеспечения национальной и военной (оборонной) безопасности Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз // Военное право.2025. № 2. С. 28—36.

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2025 г.

Одним из важных и ключевых признаков правового государства является повышение роли гражданского общества и его институтов. Наиболее сложной в исследовании феномена гражданского общества является проблема его взаимосвязи и взаимодействия с государством (государственным аппаратом), поскольку зачастую в России авторитет государственной власти и народное согласие находятся в конфронтации. Это в некоторой степени закономерно, поскольку государство уполномочено ограничивать разумными пределами меру свободы и выбора общества и отдельных индивидов. Гражданское общество выступает именно как проявление социальной активности населения, которую государство призвано поощрять, но держать в определенных рамках, что в отдельных случаях и приводит к конфронтации и противоречиям. Гражданское общество как сообщество свободных людей предполагает определенную дистанцию от государства. Вместе с тем, наличие в государстве гражданского общества обеспечивает компромисс с публичной властью, плюрализм взглядов и мнений, партнерское взаимоотношение и взаимодействие.

Именно гражданское общество синтезирует в себе личное, общественное и корпоративное начала, т.е. включает в себя и малые социальные образования, и корпорации, и крупные общественные организации, и отдельных индивидов, обеспечивая им определенный суверенитет. Важнейшим критерием гражданского общества является существование свободного гражданского коллектива как объ-

единения равноправных, автономных и активно действующих индивидов. Гражданское общество возникает из потребности упорядочить отношения с государством как организованная реакция индивидуальных и коллективных субъектов[1].

Современный этап общественного развития требует пересмотра привычных форм общественной жизни. Сегодня вновь отдается приоритет массово-коллективным объединениям вместо индивидуализации и малых социальных образований.

Таким образом, гражданское общество — это целый комплекс отношений внутри общества, в том числе и по отношению к государству. Это обособленная область социокультурного пространства или сфера существования и развития современного социума, возникающая на определенной стадии развития государства и создающая реальные культурные, личностные и иные предпосылки и условия для динамичного, сбалансированного взаимодействия системы и социума.

Гражданское общество как форма социальной организации имеет двойственную природу: с одной стороны, оно является частью социальной организации общественной жизни в целом, а с другой, такое общество выступает одной из трех сторон гражданской жизни наряду с личностной и культурной.

Социальная организация жизнедеятельности гражданского общества имеет несколько взаимосвязанных уровней: 1) глобальное (всемирное) гражданское общество, как предельно широкая общность людей, существующая в рамках цивилизации; 2) социетальное гражданское общество, объединяющее граждан отдельного социума по ряду социокультурных признаков; 3) локальное гражданское общество, т.е. организованные коллективы людей, связанные общими целями или проблемной ситуацией; 4) гражданские общины, т.е. самоуправляемые коллективы, объединенные общими делами и единой территорией; 5) малые организационные формы гражданской самодеятельности[2].

Эксперты отмечают, что для современного общества характерна мультикультурная модель развития, т.е. бесконфликтного сосуществования в одном жизненном пространстве множества разнородных групп и объединений. Такой подход позволяет достичь консенсуса между их желанием сохранить свою самобытность и индивидуальность и необходимостью обеспечить целостность общества.

Современное общество следует рассматривать как объединение множества — плюралистическое устройство. Однако конкуренция здесь неуместна, поэтому возникает необходимость координации и урегулирования этого многообразия, ориентированная на профилактику столкновений и согласование интересов, целей и задач. Именно это и возлагается на гражданское общество и государство как организованные формы.

В связи с этим вопросы формирования и развития гражданского общества в современной России, наряду с продолжающимися теоретическими дискуссиями, приобретают и сугубо практическое значение, поскольку плюрализм мнений, взглядов, подходов и действий присущ общественной жизни.

Современная теория гражданского общества ставит в центр коллективные права и структуры — это добровольческие самоуправляемые объединения граждан, действующие в условиях правовой государственности[3].

Как отмечают эксперты, сегодня в новых трансформирующихся условиях наблюдается тенденция к сближению общества и государства, усилению сотрудничества, партнерства и взаимодействия между государственными и общественными институтами, что в наибольшей сте-

[1] Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. 2-е изд., доп. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2002. С. 128—129.

[2] Там же. С. 147—148.

[3] Полянский Д.В. Значение идеи гражданского общества для развития институтов современного российского права // Проблемы российского законодательства: история и современность: матер. междунар. науч.-практ. конф., Тольятти, 21—22 февр. 2013 г. Самара: Изд-во Самар. гуманит. акад., 2013. С. 70.

пени способствует достижению результатов[1].

При этом в основе построения гражданского общества лежит высокий уровень правового сознания и правовой культуры. Также важным аспектом зрелого гражданского общества является его внутренняя самоорганизация. Практикуется множество форм организации гражданского общества, т.е. общественных институтов, имеющих социальное и государственное значение. Это, например, общественные советы при органах публичной власти, общественные палаты, институты наблюдателей и присяжных заседателей, комиссии по помилованию, адвокатура, медиация, частные правоохранительные структуры, казачество, волонтерское движение, добровольческие военные формирования и даже частные военные (военно-охранные) компании.

Многие исследователи сегодня отмечают значительное влияние некоммерческого сектора на построение гражданского общества и на реализацию государственной политики[2]. Особую роль во взаимодействии институтов гражданского общества и органов публичной власти сегодня играют общественно-государственные формирования, которые создаются при непосредственном участии и содействии государства в лице его органов для совместного с обществом решения наиболее значимых задач, находящихся на стыке компетенций государства и гражданского общества, и являются своеобразным связующим звеном между ними, а также полноценным элементом политической системы страны[3].

Такой подход к государственно-общественной системе управления зародился еще в советской правовой науке. Так, в 1965 г. Ц.А. Ямпольская отмечала, что государственные органы постепенно превращаются в государственно-общественные органы[4]. Позднее И.Л. Бачило, Н.В. Витрук, Л.И. Зайганов и Е.А. Лукашева писали, что государственно-общественные органы представляют собой новый вид структуры государственного механизма[5].

Сегодня деятельность таких организаций охватывает многие сферы и имеет межотраслевой характер. Они способны брать на себя многие социальные и политические функции. С их помощью представляется возможность реализовывать такие направления как социальная поддержка, просвещение, культура, спорт, военно-патриотическое воспитание, семья и пр. В целом это способ вовлечения гражданского общества в непосредственную реализацию функций по ключевым направлениям государственной политики[6].

В последнее время, осознавая потенциал таких объединений, государство обратило на них внимание и стало активно пользоваться этим институтом.

В новых условиях, когда ведется информационная война и проводится специальная военная операция принципиальным трансформациям подвергается в том числе государственно-общественный диалог. Приоритетными сферами взаимодействия общества и государства становятся сферы военно-гражданских отношений, противодействия радикализму (включая экстремизм, идеологию терроризма, русо-

[1] См., напр.: Малько А.В. Правовое сотворчество как высшая форма сотрудничества органов государства и институтов гражданского общества // Правовая культура. 2024. № 3(58). С. 110—113.

[2] См., напр.: Бакулин Э.М. Гражданско-правовой статус некоммерческих организаций, уполномоченных осуществлять публично-правовые функции : дис. … канд. юрид. наук. М., 2020; Пилипенко А.Д. Роль социально ориентированных некоммерческих организаций в развитии гражданского общества современной России : дис. … канд. полит. наук. М., 2023.

[3] Поспехов И.А. Общественно-государственные организации в политической системе Российской Федерации // Марийский юридический вестник. 2014. Вып. 11. С. 87—91.

[4] Ямпольская Ц.А. Общественные организации и развитие советской социалистической государственности. М.: Юрид. лит., 1965. С. 81.

[5] Советское государство в условиях развитого социалистического общества / И.Л. Бачило, Н.В. Витрук, Л.И. Зайганов, Е.А. Лукашева; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Наука, 1978. С. 115.

[6] См., напр.: Мичурина Е.С. Осуществление некоммерческими организациями деятельности в области реализации семейной политики // Правовая культура. 2024. № 4(59). С. 99—105.

фобию, сепаратизм, протестную активность, неонацизм и пр.), сохранение исторической памяти, историко-культурного и военно-патриотического воспитания и просвещения.

В настоящее время основой правового регулирования статуса общественно-государственных организаций являются Конституция Российской Федерации и Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях».

В соответствии со ст. 30 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на объединение. При этом государством гарантируется свобода деятельности общественных объединений. Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем. В ст. 51 Закона об общественных объединениях установлено, что до принятия федерального закона о государственно-общественных объединениях они создаются и осуществляют свою деятельность в соответствии с имеющимися нормативными правовыми актами органов государственной власти.

Таким образом, общественно-государственные организации формально являются разновидностью общественных организаций. Вместе с тем, в ст. 17 этого Закона закреплено положение о том, что вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность общественных объединений, равно как и вмешательство общественных объединений в деятельность органов государственной власти и их должностных лиц, не допускается. Далее в ст. 20 Закона отмечается, что задачи государственно-общественных объединений не должны противоречить законодательству. При этом четкого перечня таких задач Закон не дает. Специфика деятельности отдельных общественно-государственных объединений регламентируется отдельными подзаконными актами.

Так, например, деятельность первой в России общественно-государственной организации — «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России» (ДОСААФ) регулируется постановлением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2009 г. № 973 «Об Общероссийской общественно-государственной организации «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России», в соответствии с которым преобразована Общероссийская общественная организация «Российская оборонная спортивно-техническая организация — РОСТО (ДОСААФ)» и на данную организацию возложены государственные задачи, а ряд федеральных органов исполнительной власти представлен в ее наблюдательном совете (Минобороны России, Минспорта России, Минобрнауки России).

В последнее время в России появился еще ряд новых общественно-государственных организаций различной направленности. Так, Указом Президента Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 1710 создана Общероссийская общественно-государственная организация «Российское военно-историческое общество», учредителями которого от имени государства стали Минкультуры России и Минобороны России. Указом Президента Российской Федерации от 11 декабря 2015 г. № 617 создана Общероссийская общественно-государственная просветительская организация «Российское общество «Знание», учредителем которой стало Минобрнауки России. Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2016 г. № 581 в целях консолидации усилий государства и гражданского общества по созданию условий для сохранения культурных ценностей, возрождения культурных традиций, обеспечения популяризации российской культуры, содействия развитию культурного потенциала создана Общероссийская общественно-государственная организация «Российский фонд культуры», учредителем которой от имени Российской Федерации стало Минкультуры России. Указом Президента Российской Федерации от 11 декабря 2018 г. № 706 было поддержано предложение Общероссийской общественной организации «Союз женщин России» об участии государства в ее деятельности, изменении статуса организации на общественно-государственную организацию,

возложении на нее ряда государственных задач, а также включении в органы ее управления представителей федеральных органов государственной власти (Минтруда России, Минпросвещения России, Минздрава России, Минкультуры России). Указом Президента Российской Федерации от 13 ноября 2020 г. № 701 создана Общероссийская общественно-государственная организация «Ассамблея народов России», учредителем которой от имени государства стало ФАДН России. В соответствии с Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи» создано Общероссийское общественно-государственное движение детей и молодежи, ориентированное на решение задач по реализации государственной политики в интересах детей и молодежи, их воспитанию, профессиональной ориентации, организации досуга, подготовке к полноценной жизни в обществе.

Однако в целом следует констатировать бессистемность и рассогласованность нормативного регулирования данной сферы, что требует законодательного решения. В частности, назрела необходимость принятия специального федерального закона об общественных объединениях с участием государства, в котором будет отражена специфика правового статуса данных организаций, ориентированная на решение государственных задач. Подобный закон имеется, например, в Республике Беларусь — Закон Республики Беларусь от 19 июля 2006 г. № 150-З «О республиканских государственно-общественных объединениях».

В целом же институт государственно-общественного партнерства активно развивается, охватывая все более широкий круг сфер и направлений взаимодействия, направленного на решение стратегически важных государственных задач.

Это, с одной стороны, позитивный момент, но с другой — обуславливает необходимость государственного контроля (надзора) за законностью такой деятельности в целях недопущения произвола и нарушений конституционных прав и свобод граждан со стороны соответствующих общественно-государственных организаций, пренебрежения ими требований федерального и регионального законодательства, обеспечения качества и эффективности их деятельности по решению государственных задач. Правовая институционализация общественных объединений с участием государства неизбежно должна сопровождаться формированием специальных организационно-правовых основ обеспечения государственного контроля (надзора) за их деятельностью.

Государственный контроль (надзор), являясь необходимой функцией государственного управления, призван, как это следует из федеральных законов от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» и от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», предупреждать, пресекать и выявлять нарушения нормативных требований, установленных в целях охраны жизни, здоровья людей, нравственности, прав и законных интересов граждан и организаций, предотвращения вреда (ущерба) животным, растениям, окружающей среде, обороне страны и безопасности государства, объектам культурного наследия и иным подобного рода охраняемым законом ценностям. В ходе его реализации уполномоченные органы государственной власти дают правовую оценку деятельности общественных структур, предполагающую, помимо прочего, применение мер государственного принуждения в случае нарушения требований законодательства, вплоть до запрета или ликвидации общественных объединений.

Государственный контроль (надзор) выступает необходимым средством укрепления порядка, законности и справедливости во всех сферах жизнедеятельности общества.

Государственный контроль (надзор) в отношении общественных объединений выделяется как направление контрольно-надзорной деятельности государства, от-

дельно оформленное в организационно-правовом плане.

Впервые четкое указание о том, что государственный контроль (надзор) является неотъемлемой и необходимой частью законодательного регулирования деятельности общественных объединений, было в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 18-П[1].

Организационную основу контроля (надзора) как самостоятельного вида государственного контроля (надзора) за деятельностью общественно-государственных организаций и общественных объединений составляют Минюст России и его территориальные органы, наделенные законом полномочиями по выявлению и устранению нарушений в деятельности общественных объединений. Помимо этого, контрольно-надзорную функцию в отношении общественных объединений реализуют и иные отраслевые специальные государственные органы (Рособрнадзор, Росздравнадзор, Ростехнадзор и др.), а также прокуратура Российской Федерации.

В соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015г. № 2-П [2] наличие специального государственного контроля (надзора) в отношении данных организаций, осуществляемого органами исполнительной власти, не исключает возможность распространения на них и прокурорского надзора, что во многом предопределяется конституционной природой прокуратуры как государственного органа. Конституционно значимые цели, для достижения которых создается прокуратура, исключают возможность редуцирования прокурорского надзора в отношении общественных объединений. Вместе с тем прокуратура при осуществлении надзора не должна подменять иные органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Право каждого на объединение как один из важных элементов конституционного статуса личности — это возможность свободно создавать объединения для защиты своих интересов и выражения мнений и убеждений, в том числе в целях участия в управлении делами государства и решения задач, связанных с обеспечением прав и свобод человека и гражданина, а также свободы деятельности общественных объединений.

Общественные объединения, свобода деятельности и равенство перед законом которых гарантируются Конституцией Российской Федерации, самостоятельно выбирают формы и методы реализации поставленных задач, а органы публичной власти, призванные оказывать содействие самоорганизации граждан, не вправе произвольным образом ограничивать деятельность общественных объединений и вмешиваться в их дела, в том числе в отношении оценки целесообразности направлений и содержания такой деятельности.

Вместе с тем, обязанность соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации, установленная ч. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации, в полной мере распространяется на объединения

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15декабря 2004 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами Общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной».

граждан. Следовательно, их формирование и функционирование должны носить законный характер и отвечать требованиям, вытекающим из Конституции Российской Федерации — как из ее специальных предписаний, определяющих объективные пределы нормативного содержания права на объединение, включая запрет создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13), так и из положений ч. 3 ст. 55, предусматривающих возможность ограничения, наряду с другими конституционными правами и свободами, права на объединение федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Таким образом, закрепляя на основе Конституции Российской Федерации и с учетом положений международно-правовых актов, участницей которых является Россия, порядок реализации ее гражданами права на объединение, федеральный законодатель, на которого п. «а», «в» ст. 71 и ч. 1 ст. 76 Конституции Российской Федерации возлагается регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина, а также контроль за соблюдением Конституции Российской Федерации и федеральных законов, призван не только создавать надлежащие условия для учреждения и регистрации объединений граждан, определять их правовое положение, с тем чтобы граждане, объединившись, имели возможность эффективно отстаивать свои права и законные интересы, но и обеспечивать осуществление данного права в соответствии с конституционными требованиями, включая требование соблюдения Конституции и законов Российской Федерации всеми участниками соответствующих правоотношений, в том числе посредством введения механизмов государственного контроля (надзора).

В ходе реализации государственного контроля (надзора) уполномоченные органы государственной власти дают правовую оценку деятельности общественных структур, предполагающую, помимо прочего, применение мер государственного принуждения в случае нарушения требований законодательства, вплоть до запрета или ликвидации общественных объединений.

Приоритетной задачей российского законодателя является национальная безопасность и минимизация возможности иностранного вмешательства во внутригосударственные дела Российской Федерации, в первую очередь в политическую сферу.

Вместе с тем общественные институты зачастую не имеют возможности самостоятельно финансировать подобную деятельность. Однако поскольку такая деятельность соответствует целям и задачам государства, то исполнение общественными институтами такой важной социальной функции реализуется при финансовой поддержке государства. В связи с этим важной составляющей государственного контроля (надзора) за деятельностью общественно-государственных организаций выступает государственный финансовый контроль направляемых средств, на их целевое использование.

Также одно из направлений государственного контроля (надзора) за деятельностью общественных объединений (организаций) направлено на выявление так называемого «иностранного заказа» общественным объединениям с соответствующим финансовым обеспечением, направляемым на их счета зарубежными кураторами. В этой связи ст. 29 Закона об общественных объединениях предусмотрена обязанность информировать федеральный орган государственной регистрации — Минюст России об объеме денежных средств и иного имущества, полученных от иностранных источников, которые указаны в ст. 3 Федерального закона от 14 июля 2022г. № 255-ФЗ «О контроле за

деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», о целях расходования этих денежных средств и использования иного имущества и об их фактическом расходовании и использовании по форме и в сроки, которые установлены уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Приоритетной задачей надзора (контроля) в указанной сфере, является выявление источников зарубежного финансирования детских, юношеских, молодежных общественных организаций с целью ограничения и пресечения нежелательного иностранного влияния на стратегически важные сферы[1].

Данные обзоров Минюста России по типичным нарушениям обязательных требований, выявленных его территориальными органами при осуществлении контрольно-надзорных функций в отношении некоммерческих организаций, свидетельствуют о том, что подавляющее большинство выявляемых нарушений связано с предоставлением отчетной документации[2].

Таким образом, необходимо обозначить ряд принципиальных моментов, связанных с организацией деятельности общественно-государственных организаций и обеспечению ее эффективности в сфере военной (оборонной) безопасности в новых условиях.

Во-первых, общественно-государственные организации обладают высоким потенциалом для обеспечения национальных интересов и приоритетов в сфере патриотического воспитания и историко-культурного просвещения населения, обороны и военной безопасности страны. Грамотное, продуманное и организованное использование данного института позволит обеспечить высокий уровень социального согласия, народной инициативы, единения интересов и консолидации усилий и ресурсов общества и государства.

Во-вторых, имеющие место бессистемность и рассогласованность нормативного правового регулирования данной сферы требуют выработки дополнительных законодательных решений. Назрела необходимость принятия специального федерального закона об общественных объединениях с участием государства, в котором будет отражена специфика правового статуса данных организаций, ориентированная на решение государственных задач. Также необходимо принятие подзаконного правового акта, регламентирующего порядок преобразования общественного объединения в общественно-государственное объединение.

В-третьих, следует оперативно сформировать единый специальный государственный реестр общественных объединений с участием государства, ведение которого поручить Минюсту России.

В-четвертых, целесообразно разработать систему критериев эффективности деятельности общественно-государственных объединений, а также обеспечить постоянный мониторинг таких показателей со стороны государства.

Список источников

1. Бакулин Э.М. Гражданско-правовой статус некоммерческих организаций, уполномоченных осуществлять публично-правовые функции : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2020. 205 с.

2. Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург: Юридический Центр Пресс, 2002. 301 с.

3. Закомолдин Р.В., Васнецова А.С. О наделении прокуроров дополнительными полномочиями по противодействию финансированию терроризма // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 5(103). С. 83—90.

4. Малько А.В. Правовое сотворчество как высшая форма сотрудничества органов государства и институтов гражданского общества // Правовая культура. 2024. № 3(58). С. 110—113.

[1] См. подробнее: Меркурьев В.В., Закомолдин Р.В. Прокуратура в механизме обеспечения национальной безопасности и противодействия преступности в новых условиях // Искусство правоведения. 2024. № 4(12). С. 97—105; Закомолдин Р.В., Васнецова А.С. О наделении прокуроров дополнительными полномочиями по противодействию финансированию терроризма // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 5(103). С. 83—90.

[2] См., напр.: Обзор типичных нарушений обязательных требований, выявленных при осуществлении контрольно-надзорных функций Минюста России за I квартал 2023 г. URL: https://minjust.gov.ru/ru/ministry/territorial_structure/ (дата обращения: 28.12.2024).

5. Меркурьев В.В., Закомолдин Р.В. Прокуратура в механизме обеспечения национальной безопасности и противодействия преступности в новых условиях // Искусство правоведения. 2024. № 4(12). С. 97—105.

6. Мичурина Е.С. Осуществление некоммерческими организациями деятельности в области реализации семейной политики // Правовая культура. 2024. № 4(59). С. 99—105.

7. Пилипенко А.Д. Роль социально ориентированных некоммерческих организаций в развитии гражданского общества современной России : дис. … канд. полит. наук. Москва, 2023. 215 с.

8. Полянский Д.В. Значение идеи гражданского общества для развития институтов современного российского права // Проблемы российского законодательства: история и современность: матер. междунар. науч.-практ. конф., Тольятти, 21—22 февр. 2013 г. Самара: Изд-во Самар. гуманит. акад., 2013. С. 67—74.

9. Поспехов И.А. Общественно-государственные организации в политической системе Российской Федерации // Марийский юридический вестник. 2014. № 11. С. 87—91.

10. Советское государство в условиях развитого социалистического общества / И.Л. Бачило, Н.В. Витрук, Л.И. Зайганов, Е.А. Лукашева; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. Моска: Наука, 1978. 327 с.

11. Ямпольская Ц.А. Общественные организации и развитие советской социалистической государственности. Москва: Юрид. лит., 1965. 197 с.

Public-state organizations in the system of ensuring national and military (defense) security of the Russian Federation in the context of new challenges and threats

© **Zakomoldin R.V.**,
candidate of law sciences, docent, researcher at the Department of scientific support for prosecutorial supervision and strengthening the rule of law in the field of federal security, interethnic relations and countering extremism of the Research Institute, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal status and regulatory regulation of public-state organizations. It is noted that in modern conditions, when an information war is being waged and a special military operation is being carried out, the state-public partnership is also being transformed. Public-state organizations today are one of the most promising forms of interaction between the state and society in solving key problems of state policy in the field of military-civil relations, countering radicalism, preserving historical memory, education and patriotic education. Attention is focused on the need to adopt a special law on public organizations with state participation.

Keywords: civil society, public-state organizations, public policy, state-public dialogue, national security, military security.

For citation: Zakomoldin R.V. Public and state Organizations in the System of Ensuring National and Military (Defense) Security of the Russian Federation in the Context of New Challenges and Threats // Military Law. 2025. № 2. pp. 28-36.

The article was received by the editorial office on February 1, 2025.

Современные угрозы безопасности государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности

© **Камышанский Дмитрий Юрьевич,**
член Экспертно-консультативного совета при Совете Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности, старший преподаватель юридического факультета Московского университета имени А.С. Грибоедова

Аннотация. В условиях современных вызовов и угроз, обусловленных в первую очередь проведением Российской Федерацией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины и, как следствие, беспрецедентными санкциями коллективного Запада в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь, важным представляется проведение научной дискуссии по вопросам выявления, анализа и противодействия указанным возникающим угрозам. Автором на основе анализа содержания международных правовых актов, научных трудов российских и зарубежных ученых и иных специалистов по указанной проблематике, а также ряда статистических данных выявлены основные угрозы безопасности Организации Договора о коллективной безопасности, обусловленные проведением Российской Федерацией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины. Так, автором представлены наиболее опасные виды транснациональной организованной преступности, основные признаки транснациональных организованных преступных формирований в государствах-членах ОДКБ, а также предпринята попытка к определению ряда мер по противодействию указанному виду преступности в рамках ОДКБ. Кроме того, в научной статье выделены основные угрозы безопасности Организации, исходящие от НАТО, и предпринята попытка к определению ряда мер, которые способны минимизировать деструктивную политику Альянса в отношении ОДКБ.

Ключевые слова: Организация Договора о коллективной безопасности, ОДКБ, угрозы безопасности, транснациональная организованная преступность, транснациональные преступления, НАТО, специальная военная операция, международное право.

Для цитирования: Камышанский Д.Ю. Современные угрозы безопасности государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности // Военное право. 2025. № 2. С. 37—44.

Статья поступила в редакцию 16 января 2025 г.

В последние несколько лет мировое сообщество наблюдает переломный момент в политическом, экономическом и социальном мироустройстве, который обусловлен уходом от однополярного мира к многополярному. Подтверждается это, в первую очередь, проведением Российской Федерацией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, в рамках которой также бесспорно происходят борьба с навязыванием всесторонней гегемонии и ослабление политических амбиций Соединенных Штатов Америки, формы и методы деятельности которых уже давно нарушили практически все допустимые нормы, в том числе международного права.

По нашему мнению, международная безопасность, применительно к государствам-членам Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), предусматривает такое состояние международных отношений, при котором обеспечивается стабильное развитие каждого государства и создаются условия для взаимовыгодного, в том числе военно-экономического сотрудничества.

Государства-члены ОДКБ активно участвуют в построении международной архитектуры безопасности, ответственно подходят к совершенствованию механизмов международной кооперации на таких

актуальных направлениях сотрудничества, как противодействие международному терроризму, борьба с распространением наркотиков, незаконной миграцией и торговлей людьми[1], обеспечение информационной безопасности, противодействие преступлениям коррупционной направленности и др.

Заместитель руководителя Секретариата Парламентской Ассамблеи ОДКБ — начальник экспертно-аналитического отдела, кандидат юридических наук В.В. Бондуровский отмечает, что «в сложных международных условиях ОДКБ последовательно выдерживает курс на укрепление коллективной безопасности и обеспечение законных интересов государств-членов»[2].

Современные вызовы и угрозы безопасности государств-членов Организации, имеющих во многом близкую историю, а также культурные и правовые традиции, по нашему мнению, целесообразно разделить на несколько уровней.

Мировой уровень (угрозы, находящиеся за пределами государств).

К таким угрозам можно отнести террористическую деятельность, экстремизм, транснациональную организованную преступность, наркоторговлю, фальсификацию истории[3], киберпреступность[4] и др. Указанные угрозы влияют на безопасность всех без исключения государств-членов ОДКБ и в наибольшей степени определяют стремление к развитию системы региональной безопасности, поскольку противостоять таким вызовам в одиночку не представляется возможным.

Региональный уровень (угрозы, формирующиеся в конкретном регионе).

К региональным угрозам относятся нерешенные территориальные вопросы и вооруженные конфликты (например, Азербайджан и Армения, Таджикистан и Кыргызстан и др.), нелегальная миграция, противоречия по вопросам, связанным с природными ресурсами (например, водными биологическими ресурсами) и др. Такие вызовы также определяют желание государств обеспечить свою национальную безопасность при помощи участия в тех или иных военно-политических блоках, организациях и т.п.

Внутригосударственный уровень.

К числу таких угроз можно отнести:

— несостоятельность, некомпетентность и (или) коррумпированность правящей государственной элиты;

— недостаточную эффективность государственного, регионального и (или) муниципального управления;

— архаичность социально-экономического блока;

— наличие несогласованных между собой организационно-правовых норм (справедливости ради отметим, что зачастую финансируемых и управляемых зарубежными государствами, целью которых является дестабилизация социальных и иных внутригосударственных процессов в угоду своих корыстных интересов);

— контрабанда оружия, наркотиков и их прекурсоров и т.д.;

---

[1] См. подробнее: Авдеев В.А., Аксенов А.Н. Приоритетные направления противодействия насильственной преступности // Российский следователь. 2023. № 5. С. 32—36.

[2] Бондуровский В.В., Поспелов С.В. Меры по противодействию вызовам и угрозам коллективной безопасности: основные итоги ноябрьской (2023 года) сессии Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 1 (62). С. 35.

[3] См., например: Афонин А.С., Камышанский Д.Ю. Характеристика зарубежного опыта политизации истории в контексте угроз государственной безопасности Российской Федерации // Грибоедовские чтения – 2023: современные вызовы юридической науки и практики: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 23 октября 2023 г. М.: Издательская группа «Юрист», 2024. С. 109—126; Колесник А.А. О криминализации деяний, направленных на реабилитацию нацизма и искажение исторической правды, в законодательстве государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2022. № 3 (56). С. 74—84; Алимов Э.В. Правовое регулирование понятия «историческая память» // Культура: управление, экономика, право. 2024. № 3. С. 2—6.

[4] См. подробнее: Самойлов И.Н., Камышанский Д.Ю. Потенциальные и реальные угрозы технологии deepfake (дипфейк) // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2024. № 4. С. 17—22.

— неконтролируемые миграционные потоки;

— рост или длительная стабильность противоправной деятельности организованных преступных формирований.

Подобные вызовы, как показывает опыт интеграции внутри Организации, оказывают негативное воздействие на стремление к развитию региональных структур безопасности.

Кроме того, стоит отметить, что на само существование ОДКБ в последнее время стали оказывать негативное влияние такие факторы, как:

1. Беспринципный характер национальных интересов ряда стран Центральной Азии, Южного Кавказа. Так, анализ показывает, что участились случаи лоббирования интересов национальных финансово-политических элит с их ориентацией на Запад[1].

2. Отход ряда государств от принципов интеграции в единое военно-стратегическое пространство.

3. Стремление ряда государств-членов ОДКБ нарастить взаимодействие с НАТО, укрепить военно-политические связи и экономическое взаимодействие с Соединенными Штатами Америки. Кроме того, участие в дискуссиях о возможности размещения на своих территориях экономических структур, а в ряде случаев и непосредственное предоставление своих территорий для временного размещения военных структур Северо-Атлантического Блока (Киргизия, Казахстан).

4. Усиление конкуренции между государствами, в первую очередь республиками Центральной Азии, за региональное лидерство.

В рамках одной публикации осветить все вышеуказанные проблемы, даже в минимальной степени, невозможно. Поэтому более подробно остановимся на отдельных совершенно очевидных и комплексных угрозах безопасности, имеющих значение как для Организации в целом, так и для государств-участников ОДКБ, относящихся к мировому и региональному уровням, а именно:

— транснациональная организованная преступность, в том числе преступления коррупционной направленности;

— деструктивная деятельность НАТО, включающая в себя, в первую очередь, экономическое давление и использование возможностей оппозиции по дестабилизации политической обстановки.

Рассматривая указанные угрозы, в первую очередь необходимо отметить, что объединенная официальная статистика трансграничной организованной преступности в Организации на данный момент времени не ведется.

По оценкам ряда экспертов[2], более 50 организованных групп и преступных сообществ, осуществляющих противоправную деятельность на территории государств-членов ОДКБ имеют международные связи, т.е. соучастников, подразделения или обособленные группы на территории других государств.

К *наиболее опасным видам трансграничной организованной преступности* на территории государств-членов ОДКБ можно отнести:

— международный терроризм;

— преступный оборот наркотических средств и психотропных веществ;

— преступный оборот вооружений, в том числе оружия и боеприпасов;

[1] См. подробнее: Камышанский Д.Ю. О некоторых аспектах взаимосвязи лоббизма и коррупции в Соединенных Штатах Америки // Наука и образование как основа развития России. Кадры для инновационной экономики : Сборник статей по итогам Шестого Профессорского форума 14—16 ноября 2023 г. Том 1, Москва, 14—16 ноября 2023 г. М.: Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание», 2023. С. 219—226.

[2] См., например: Акименко М.А. О некоторых криминологических особенностях проявления криминальной активности транснациональной организованной преступности в период пандемии COVID-19 // Евразийская адвокатура. 2021. № 3(52). С. 109—110; Постоева Е.А. Борьба с транснациональной организованной преступностью в государствах БРИКС // Мировой судья. 2023. № 11. С. 2—8; Modernization of legal technologies in the field of personal and information security / V.A. Avdeev, O.A. Avdeeva, J. Ya. Bulygina [et al.] // Brazilian Journal of Law and International Relations. 2022. Vol. 1, No. 34. P. 396—413 и др.

— коррупция в высших органах государственной власти;

— легализация (отмывание) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем;

— лжепредпринимательство;

— незаконная политическая борьба, включая финансирование
и организационную поддержку радикальных политических течений путем лоббирования;

— криминальные сферы услуг (рэкет, похищения людей, оказание псевдоохранных услуг, выбивание долгов)[1].

Также в последние несколько лет в государствах-членах ОДКБ достаточно распространены организованные преступления, прежде всего, в финансово-кредитной сфере, такие как:

— подделка банковских чеков и кредитных карточек,

— выпуск и распространение необеспеченных ценных бумаг,

— проведение незаконных операций по переводу за границу крупных денежных сумм,

— фиктивные банкротства и др.

Стоит отметить, что в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19 закрытие границ, карантинные меры и прекращение международной торговли нанесли серьезный удар по мировой экономике. Это отразилось и на организованной преступности: в условиях карантина многие страны сообщили о снижении потребления некоторых наркотиков, повышении цен на них и снижении качества нелегально продаваемых наркотических веществ. Такая ситуация продолжилась в условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, однако члены транснациональных организованных преступных формирований находят новые механизмы осуществления противоправной деятельности.

По данным Главного управления МВД России по борьбе с организованной преступностью, более тысячи граждан государств-членов Организации вовлечены в мировые трансграничные организованные преступные формирования (ТОПФ)[2]. Они имеют устойчивые связи с преступными структурами США, Германии, Польши, Венгрии, Китая, Турции, стран Балтии и других государств[3].

Представляется, что *основными признаками ТОПФ в государствах-членах ОДКБ* являются:

— регулярные сделки по приобретению в странах проживания членов ТОПФ товаров и доставка их в страны, где проживают другие члены ТОПФ
и где они пользуются повышенным спросом;

— наличие смешанных по составу организованных групп, занимающихся контрабандой и специализирующихся исключительно на нелегальном вывозе крупных партий товаров;

— действующая в отдельных сферах (но с единым руководством) сеть сбыта товаров;

— наличие сети обмена рублей, полученных от нелегального сбыта, на конвертируемую валюту;

— установление каналов вывоза за границу ценностей, полученных преступным путем.

Как верно отмечает профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наукэкспертнм И.М. Мацкевич, в государствах-членах ОДКБ «ТОПФ появились не спонтанно, а умножались по мере роста социально-политической нестабильности, вы-

[1] Дмитриев К.О. Транснациональная организованная преступность и международный опыт борьбы с ней // На страже закона. 2023. № 2 (2). С. 17.

[2] Статистика и аналитика МВД России [Электронный ресурс] URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai//Deljateinost/statistics (дата обращения: 02.01.2025).

[3] См. подробнее: Апкаев Д.М. Международные организации в борьбе с транснациональной организованной преступностью (краткая характеристика деятельности) // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2023. № 3(37). С. 71—76.

званной быстрыми и ошибочными преобразованиями в экономике и политике»[1].

По нашему мнению, целям дальнейшего укрепления сотрудничества государств-членов ОДКБ в сфере противодействия трансграничной организованной преступности (ТОП) будут соответствовать следующие меры:

1. Совершенствование международной нормативной правовой базы, предусматривающей в том числе разработку модельных законов и программ по борьбе с отдельными опасными видами преступлений.

2. Совершенствование порядка международного розыска лиц, причастных к ТОП.

3. Разработка и реализация совместных целевых программ и долгосрочных планов по противодействию ТОП в рамках основных институтов системы международной безопасности.

4. Расширение сотрудничества правоохранительных и контролирующих органов государств-членов Организации.

Рассматривая угрозу деструктивной деятельности государств-членов НАТО, стоит отметить, что ОДКБ сталкивается с экономическим давлением со стороны Запада. Так, экономические санкции были направлены на ограничение возможностей для развития российской и белорусской экономики[2]. ЕС сократил инвестиционную активность, что привело к снижению макроэкономических показателей, однако благодаря предпринимаемым мерам ситуация в экономике Российской Федерации и Республики Беларусь стабилизировалась.

При этом санкции в отношении Российской Федерации носили более масштабный характер, были направлены на подрыв ее экономической базы, нанесение максимального ущерба[3]. Повышенное внимание Запад уделял энергетической сфере, рассчитывая за счет сокращения поставок углеводородных ресурсов на внешние рынки резко граничить поступление средств в бюджет. Однако предпринятые меры и координация взаимодействия в рамках Организации позволили сгладить негативное влияние санкций западных стран и добиться в 2023 г. экономического роста.

Угрозой ОДКБ служат попытки Запада использовать оппозицию, часть которой оказалась за пределами государств-членов Организации. Политическая и финансовая поддержка оппозиционных сил направлена на поддержку информационного давления на указанные государства. Это позволяет обосновывать санкционную политику внутри западных стран и объяснить экономические потери и ухудшение социально-экономических условий жизни.

Также в качестве угрозы Союзному государству выступает непосредственно военно-политическая деятельность НАТО. Так, Альянс использует конфликт на Украине для расширения своего влияния. Курс, взятый ранее Швецией и Финляндией на вхождение в Альянс, планы НАТО по активизации в Балтийском регионе и Арктике отражают устремления военного блока ограничить присутствие Российской Федерации в ключевых регионах, имеющих особое значение.

Важно, что Запад по-прежнему не исключает возможности смены политической власти в Беларуси, прихода к управлению государством оппозиционных сил.

Такой ход развития событий рассматривается в качестве варианта, который приведет к кардинальной смене внешнеполитического курса Республики Беларусь, выходу из интеграционных проектов: Союзного государства, Евразийского экономического союза и ОДКБ. Итогом должно стать изменение внешней политики на российском направлении, создание нового очага напряженности на границе с Россией. В случае реализации данных

[1] Мацкевич И.М. Транснациональная организованная преступность: понятие и признаки // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 4. С. 72.

[2] Hunter Ch. E. The Design and Impact of Western Economic Sanctions against Russia // The RUSI Journal. 161:3:52-64, June / July 2016.

[3] Vatanka A. Can the West Stop Russian-Iranian Convergence? // Middle East Institute. 2023. 3 April.

планов белорусская внешняя политика должна принять антироссийский характер. Ключевую роль в этом процессе планировала играть Польша, которая рассчитывала «… стать руководящей силой, определяющей внутреннюю и внешнюю политику всего Европейского союза в целом»[1].

По нашему мнению, НАТО стремится использовать Украину и прибалтийские государства для затягивания конфликта, срыв любых инициатив, предполагающих его урегулирование мирными средствами с использованием норм международного права.

По нашему мнению, можно выделить следующие основные меры, которые способны минимизировать деструктивную политику НАТО в отношении ОДКБ:

1. Сохранение высокой активности политических контактов между государствами – членами ОДКБ. Развитие политического диалога в рамках Организации повысит координацию на высшем уровне и уменьшит вероятность односторонних шагов. Тем более, что Запад не оставляет попыток оказать влияние на Армению и Казахстан.

2. Расширение военного сотрудничества с возможностью формирования единых военных подразделений, что обусловлено геополитической конфронтацией между НАТО и ОДКБ. Запад выступает за сохранение конфликта с перспективой вовлечения в него других государств постсоветского пространства. Так, например, активная работа организована в отношении Молдавии, которая расширяет военно-политическое сотрудничество с ЕС и НАТО.

3. Расширение сотрудничества между государствами-членами ОДКБ в сферах, которые представляют взаимный политический, экономический и социальный интерес, в целях преодоления санкционного давления. Также это может касаться гармонизации и имплементации законодательств.

4. Формирование общих подходов к экономическому сотрудничеству с третьими странами, которые должны быть юридически регламентированы в рамках Организации, например, в виде модельного акта.

Важно, что в течение последних десятилетий ОДКБ является международным и признанным инструментом обеспечения региональной безопасности и коллективной защиты союзных государств от внешней агрессии. Эффективность Организации подтверждается незыблемостью ее внешних рубежей и многогранностью подходов к нейтрализации общих проблем.

Проведение Российской Федерацией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины ставит вопрос о принципиально иной форме взаимодействия и координации между государствами-членами ОДКБ в рамках Организации.

Полагаем, что профессионализм и опыт парламентариев государств-членов ОДКБ, с учетом использования научного потенциала уважаемых экспертов в вопросах обеспечения международной безопасности и подготовки модельных правовых актов, будут способствовать нейтрализации возникающих вызовов и угроз. Бесспорным представляется, что необходимо выработать системный подход развития законотворчества как важнейшей составляющей обеспечения коллективной безопасности государств – членов ОДКБ.

Несомненно, изложенными выше угрозами и путями их решения не может быть охвачен весь спектр национальных угроз государствам-членам ОДКБ, но решение приведенных проблем могло бы оздоровить не только криминальную обстановку в этих государствах, но их безопасность Организации в целом.

Список источников

1. Hunter Ch.E. The Design and Impact of Western Economic Sanctions against Russia // The RUSI Journal. 161:3:52-64, June / July 2016.

2. Avdeev V.A., Avdeeva O.A., Bulygina J.Ya. [et al.] Modernization of legal technologies in the field of personal and information security // Brazilian Jour-

[1] Баранчик Ю.В. Политические и экономические отношения Польши и стран Прибалтики по итогам президентских выборов в Белоруссии // Постсоветский материк. 2020. № 4(28). С. 46.

nal of Law and International Relations. 2022. Vol. 1, No. 34. P. 396—413.

3. Vatanka A. Can the West Stop Russian-Iranian Convergence? // Middle East Institute. 2023. 3 April.

4. Авдеев В.А., Аксенов А.Н. Приоритетные направления противодействия насильственной преступности // Российский следователь. 2023. № 5. С. 32—36.

5. Акименко М.А. О некоторых криминологических особенностях проявления криминальной активности транснациональной организованной преступности в период пандемии COVID-19 // Евразийская адвокатура. 2021. № 3(52). С. 109—110.

6. Алимов Э.В. Правовое регулирование понятия «историческая память» // Культура: управление, экономика, право. 2024. № 3. С. 2—6.

7. Апкаев Д.М. Международные организации в борьбе с транснациональной организованной преступностью (краткая характеристика деятельности) // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2023. № 3(37). С. 71—76.

8. Афонин А.С., Камышанский Д.Ю. Характеристика зарубежного опыта политизации истории в контексте угроз государственной безопасности Российской Федерации // Грибоедовские чтения — 2023: современные вызовы юридической науки и практики : Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 23 октября 2023 г. Москва: Издательская группа «Юрист», 2024. С. 109—126.

9. Баранчик Ю.В. Политические и экономические отношения Польши и стран Прибалтики по итогам президентских выборов в Белоруссии // Постсоветский материк. 2020. № 4 (28). С. 37—53.

10. Бондуровский В.В., Поспелов С.В. Меры по противодействию вызовам и угрозам коллективной безопасности: основные итоги ноябрьской (2023 года) сессии Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 1 (62). С. 34—41.

11. Дмитриев К.О. Транснациональная организованная преступность и международный опыт борьбы с ней // На страже закона. 2023. № 2 (2). С. 15—20.

12. Камышанский Д.Ю. О некоторых аспектах взаимосвязи лоббизма и коррупции в Соединенных Штатах Америки // Наука и образование как основа развития России. Кадры для инновационной экономики : Сборник статей по итогам Шестого Профессорского форума 14—16 ноября 2023 г. Том 1, Москва, 14—16 ноября 2023 г. Москва: Общероссийская общественная организация «Российское профессорское собрание», 2023. С. 219—226.

13. Колесник А.А. О криминализации деяний, направленных на реабилитацию нацизма и искажение исторической правды, в законодательстве государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2022. № 3 (56). С. 74—84.

14. Мацкевич И.М. Транснациональная организованная преступность: понятие и признаки // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 4. С. 69—77.

15. Постоева Е.А. Борьба с транснациональной организованной преступностью в государствах БРИКС // Мировой судья. 2023. № 11. С. 2—8.

16. Самойлов И.Н., Камышанский Д.Ю. Потенциальные и реальные угрозы технологии deepfake (дипфейк) // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2024. № 4. С. 17—22.

Modern threats to the security of the member States of the Collective Security Treaty Organization

© **Kamyshansky D.Yu.,**
Member of the Expert Advisory Council under the Council of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization, Senior Lecturer of the Law Faculty of Moscow University Named After A.S. Griboyedov

Abstract. In the context of modern challenges and threats caused primarily by the Russian Federation conducting a special military operation to demilitarize and denazify Ukraine and, as a result, unprecedented sanctions of the collective West against the Russian Federation and the Republic of Belarus, it is important to conduct a scientific discussion on identifying, analyzing and countering these emerging threats. Based on the analysis of the content of international legal acts, scientific works of Russian and foreign scientists and other specialists on this issue, as well as a number of statistical data, the authors identifies the main threats to the security of the Collective Security Treaty Organization caused by the

Russian Federation conducting a special military operation to demilitarize and denazify Ukraine. Thus, the authors presents the most dangerous types of transnational organized crime, the main signs of transnational organized criminal formations in the CSTO member states, and also attempts to identify a number of measures to counter this type of crime within the framework of the CSTO. In addition, the scientific article highlights the main threats to the security of the Organization emanating from NATO, and attempts to identify a number of measures that can minimize the destructive policy of the Alliance towards the CSTO.

Keywords: Collective Security Treaty Organization, CSTO, security threats, transnational organized crime, transnational crimes, NATO, special military operation, international law.

For citation: Kamyshinsky D.Y. Modern Threats to the Security of the Member States of the Collective Security Treaty Organization // Military law. 2025. No. 2. pp. 37-44.

The article was received by the editorial office on January 16, 2025.

Некоторые вопросы правового обеспечения информационной безопасности: военно-правовой аспект

© **Чипига Илья Вячеславович,**
преподаватель кафедры защиты и действий населения в ЧС Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; преподаватель Военного учебного центра Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева
© **Сероухов Александр Валерьевич**,
преподаватель Военного учебного центра Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева
© **Быстров Константин Владимирович**,
Старший преподаватель Военного учебного центра Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева

Аннотация. Рассмотрены вопросы правового регулирования на национальном и международном уровне аспекта информационной безопасности по причине развития технологий внушения, принуждения и создания паттернов поведения в ущерб государству и гражданам страны. Рассмотрена необходимость создания информационного поля в борьбе с дезинформацией и развития критического мышления наших граждан для противодействия кибератакам и манипуляциям.

Ключевые слова: правовое регулирование информационной безопасности, информационная война, технологии внушения, защита государственных интересов.

Для цитирования: Чипига И.В., Сероухов А.В., Быстров К.В. Некоторые вопросы правового обеспечения информационной безопасности: военно-правовой аспект // Военное право. 2025. № 2. С. 45—52.

Статья поступила в редакцию 17 февраля 2025 г.

В настоящее время мир глобально втянут в информационные войны, которые ведутся уже столетия. Запад использует последние исследования техники, психологии против иностранных граждан. Россия — не исключение, поэтому в нашей стране выстраиваются социологические, психологические и правовые аспекты защиты в рамках информационной безопасности.

Рассмотрение вопроса по теме информационной безопасности и ее правового обеспечения требует тщательного анализа теоретических аспектов этого феномена. Первоначально обратим внимание на Большую российскую энциклопедию, дающую определение информационной безопасности Российской Федерации[1] как важнейшей сферы национальной безопасности, характеризующей состояние защищенности информационной среды, ее формирование и развитие в интересах государства и общества. При этом идет пояснение, что в разных кон-

[1] Большая российская энциклопедия. Информационная безопасность Российской Федерации. URL: https://bigenc.ru/c/informatsionnaia-bezopasnost-f29938 (Дата обращения 18.02.2025).

текстах может быть различный смысл. Далее, там же дается определение информационной войны[1] как противоборства между двумя государствами или группами государств в информационном пространстве в целях нанесения ущерба государственным информационным системам, нанесения ущерба другим принципиально важным системам и объектам. Определение крайне длинное, но точно описывающее данное явление; помимо нанесения ущерба политическим, экономическим, социальным сферам, проходит масштабная психологическая обработка населения для четко определенной цели как дестабилизация общества, государства, принуждения и убеждения государства принимать решения в интересах противной стороны. При этом в самом определении сформулировано, что какого-либо полного, целостного определения нет. Информационная война может рассматриваться как концепция, которая охватывает использование информации в качестве основного средства достижения политических, экономических или военных целей, либо как вспомогательный элемент. Она включает в себя не только дезинформацию и пропаганду, но также кибератаки, манипуляцию массовым сознанием, что было наглядно продемонстрировано волной антиправительственных восстаний под названием «Арабская весна» и государственным переворотом в Киеве в феврале 2014 г. В условиях глобализации[2] и грядущих перемен, на что справедливо указывают И.В. Ильин, А.Д. Урсул, Т.А. Урсул, и быстрого развития информационных технологий, вопросы правового регулирования в этой области становятся особенно актуальными.

Для исследования и формирования информационной безопасности проанализируем основные понятия, связанные с информационными войнами. Информационная война может быть охарактеризована как применение стратегий и тактик воздействия на систему восприятия, мнений и решений целевой аудитории путем управления информационными потоками. Это явление проявляется на различных уровнях и может быть использовано как государственными, так и негосударственными акторами. В эпоху цифровизации информационные войны становятся более сложными и изощренными, что требует от общества и государства адекватных ответных мер.

В Российской Федерации правовое регулирование информационной безопасности осуществляется рядом нормативных правовых актов, которые защищают как государственные интересы, так и права граждан. Одним из основополагающих документов является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Этот нормативный правовой акт устанавливает основные принципы, связанные с использованием информации и информационных технологий, а также определяет требования к защите информации от неправомерного доступа и воздействия. Он охватывает вопросы, связанные с поиском, получением, передачей информации, с регистрацией и хранением информации, ограничением к доступу информации, а также регулирует деятельность средств массовой информации и их ответственность.

Значительное внимание уделяется защите детей от различной вредоносной информации. В связи с этим обратим внимание на Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 285-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Этот закон устанавливает правила для определения и ограничения доступа детей к вредоносной или неподходящей для их полноценного развития информации, что становится важным аспектом в борьбе с дезинформацией и манипуляциями в ин-

[1] Большая российская энциклопедия. Информационная война. URL: https://bigenc.ru/c/informatsionnaia-voina-2b7815 (Дата обращения 12.02.2025).

[2] Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Образование устойчивого развития: глобальный контекст // Вестник Московского университета, серия 27: Глобалистика и геополитика. 2017. № 2. С. 3—29.

формационном пространстве. Закон реализует состояние защищенности для детей в таких аспектах как физическое, духовное, нравственное развитие. Для реализации данного федерального закона утвержден перечень федеральных мероприятий на обеспечение информационной безопасности детей, в котором перечислены наименования мероприятий по проведению различных обучающих циклов в сфере информационной грамотности, жизни подростков в сети, мониторинг деятельности, защиты персональных данных, аккумулирования различных практик и т.д.

Также стоит отметить, что на уровне защиты информационной инфраструктуры принят Федеральный закон от 26 февраля 2016 г. № 26-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Этот закон направлен на защиту ключевых информационных систем и ресурсов, ответственных за выполнение критически важных функций в обществе, от кибератак и других угроз. Он определяет механизмы для создания системы обнаружения, предупреждения, защиты этих объектов и обозначает органы, отвечающие за реализацию этих мероприятий. Интернациональные кибератаки, происходящие в рамках информационных войн, подчеркивают важность данного закона, так как он направлен на обеспечение информационной безопасности как на уровне отдельных организаций, так и государства в целом.

Информационная безопасность отражается в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где уделено внимание вопросам информационно-коммуникационных технологий, как они могут быть использованы для вмешательства во внутренние дела государств, нарушать их суверенитет и территориальную целостность, что представляет угрозу для мира. Деятельность иностранных спецслужб по проведению разведки или выведению из строя объектов критической инфраструктуры в целях дестабилизации обстановки должна быть выявлена и пресечена. Различные службы иностранных государств в целях дестабилизации Российской Федерации в различных сферах жизнедеятельности распространяют недостоверную и ложную информацию, например, об угрозе совершения террористических актов, рекламируются террористические и экстремистские организации, призывают особенно доверчивых граждан к массовым беспорядкам или участию в публичных мероприятиях, которые могут перерасти в массовые беспорядки. В первую очередь, на кого проще повлиять информационно, являются молодые граждане. Не имея в полной мере сформированного критического мышления, они могут стать объектом негативного воздействия на привитие им криминального образа жизни, внушение поведения на потребление наркотических, психотропных веществ, совершения самоубийств и т.д.

Одним из основных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы информационной безопасности, является Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г № 646. Доктрина устанавливает ключевые определения, стратегические цели, организационные основы обеспечения информационной безопасности для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Для обеспечения национальных интересов страны, выявив действия и факторы, которые несут опасность нанесения ущерба информационных систем, сайтов в «Интернете», сетей связи, субъектов, создающих и обрабатывающих информацию, необходимо создать и поддерживать состояние защищенности как для личности, общества, так и для государства в целом. Учитывая, что информационные технологии влияния носят международный характер, и присутствует тенденция к увеличению в западных СМИ информации, создающей предвзятую оценку государственной политики

Российской Федерации, необходимо вести информационную работу на международном уровне, развивать русские каналы, в том числе каналы патриотичных русских блогеров на официальных языках ООН. На национальном уровне необходимо исключить размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Правовую основу борьбы в информационном противоборстве также определяет Уголовный кодекс Российской Федерации, который включает статьи, касающиеся преступлений в области информационных технологий. Например, статьи 28-й главы, касающиеся неправомерного доступа к компьютерной информации, ее сбора и хранения, распространения вредоносных компьютерных программ, связанных с использованием информационных технологий, создают правовые рамки для действий правоохранительных органов в случае возникновения угроз. Эти нормы закладывают основы для борьбы с распространением ложной информации, фейковых новостей и целенаправленных кампаний по дезинформации.

В УК РФ внесены такие статьи, как 207.3, касающаяся публичного распространения заведомо ложных фактов об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, что также положительно сказалось на информационном поле. Статьей 280.3 УК РФ установлена ответственность за публичные действия, заявления, целью которых является дискредитация Вооруженных Сил. Статьей 354.1 установлена ответственность за реабилитацию нацизма, за распространение заведомо ложной информации о работе и деятельности ветеранов и нашей Родины в годы Второй мировой войны, тем более, что через некоммерческие организации, развернутые на территории России, Западом были созданы организованные группы по формированию искусственных ложных доказательств по дискредитации достижений СССР и самого СССР.

На международном уровне Конвенция о киберпреступности, подписанная в Будапеште в 2001 г., определяет общие положения, касающиеся компьютерных преступлений, и служит основой для международного сотрудничества в этой области. Определены преступления против конфиденциальности, целостности компьютерных данных, нарушением авторского права. Важным направлением в рамках этой конвенции является вывод, что страны-участницы обязуются предоставлять друг другу информацию о киберпреступлениях и содействовать в их расследовании. Этот документ подчеркивает необходимую координацию усилий государств в борьбе с киберугрозами, которые часто являются компонентом информационных войн.

Также стоит отметить принципы и рекомендации ООН и других международных организаций по вопросу этики в интернете и ответственности за распространение дезинформации. Эти принципы и рекомендации обращают внимание на необходимость создания комплексных механизмов для предотвращения угроз, возникающих в результате использования интернета как инструмента манипуляции общественным мнением [1]. Они включают как более строгие правила для платформ и провайдеров информации, так и образовательные инициативы для повышения медиа-грамотности населения. Формирование критического мышления и правильного восприятия информации помогает гражданам понимать глубину и масштабы манипуляций в информационном пространстве. При этом, учитывая ведущую Западом против России информационную войну, такие принципы как доверие и устойчивость общества, заключающиеся в надежности и точности информации, либо принципа независимых, свободных СМИ, заключающегося в поддержании журналистики в интересах общества во всем мире, вы-

[1] Алексеенко О.А. Актуальные глобальные проблемы человечества // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2018. Т. 1, № 1. С. 4—9.

зывают удивление либо логичное объяснение отсутствия многополярного мира, и ввиду этого наличие политики двойных стандартов.

В современных условиях государства создают органы и агентства, ответственные за анализ и регулирование контента, доступного в интернете. Это может включать в себя инициативы, направленные на выявление и блокировку дезинформации, а также кампании по повышению осведомленности населения о рисках, связанных с использованием ненадежных источников информации.

Краткий обзор правового регулирования информационной безопасности показывает, что существует необходимость в комплексном подходе. Для России требуется объединение усилий правительств, в первую очередь стран Организации Договора о коллективной безопасности и БРИКС, общественных организаций и самих граждан для борьбы с дезинформацией и укреплением информационной безопасности. Факторы, такие, как глобализация, развитие цифровых технологий и сложности современного мира, требуют от государств активного реагирования на возникающие вызовы. Это может включать адаптацию существующих систем к новым условиям и проработку новых механизмов сотрудничества на международной арене. Признание важности информации как ресурса требует не только защиты, но и гармоничного, ответственного ее использования в интересах общества. Информационные войны представляют собой сложный и многоаспектный феномен, который требует внимания как со стороны специалистов в области права, так и со стороны исследователей, работающих в сфере социальных наук. Вопросы, связанные с этикой, правами человека и безопасностью информации, становятся центральными в современных дискурсах о необходимости создания защищенной и управляемой информационной среды.

Однако, несмотря на существующие нормативные акты, вопросы правового регулирования в области информационных войн остаются во многом неразрешенными. Проблемы возникают в связи с интернациональным характером информационного пространства и сложности определения юрисдикции[1]. Информация часто пересекает границы государств, и установление единой правовой базы для ее регулирования становится задачей, требующей межгосударственного сотрудничества.

Международные организации, такие, как Совет Европы, также осознают важность регулирования данной области. Они разрабатывают стратегические рекомендации и руководства для государств, чтобы те могли вырабатывать свои собственные программы регулирования. Однако их реализация сталкивается с разными подходами, поскольку каждая страна или группа стран имеет свои представления о свободе слова, безопасности и праве на информацию. Несмотря на это, данное урегулирование может быть направлено и против граждан Европы, что наглядно видно на примере продвижения ЛГБТ-сообществ, у участников которых широко распространена склонность к насилию и садизму[2], на что справедливо указывают Д.К. Григорян и А.В. Геращенко. Особенно ярко это проявилось на примере сокрытия и замалчивания от европейцев незаконного вооруженного переворота на Украине в 2014 г., референдумов о независимости Донбасса[3], восьми лет обстрелов его мирных

[1] Алексеенко О.А., Ильин И.В. Цифровизация глобального мира и роль государства в цифровой экономике // Информационное общество. 2018. № 2. С. 27—32.

[2] Григорян Д.К., Геращенко А.В. Роль информационно-коммуникационных технологий в продвижении ЛГБТ-движений: сравнительно-правовой анализ России и западных стран. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-v-prodvizhenii-lgbt-dvizheniy-sravnenitelno-pravovoy-analiz-rossii-i-zapadnyh-stran (дата обращения: 12.02.2025).

[3] Корякин В.М. Политико-правовые и международно-правовые предпосылки проведения специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины // Вестник военного права. 2024. № 2. С. 7—13; Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции

жителей, и отказа по этому поводу в регистрации и рассмотрении жалоб в Европейском Суде по правам человека о нарушении прав и свобод киевским режимом.

Поэтому следует уделить внимание вопросам этики в контексте передачи информации. Существует необходимость в формировании общественного сознания и критического отношения к информации, выходящей из разных источников. Образование и медиа-грамотность становятся ключевыми аспектами борьбы с дезинформацией. Важно, чтобы граждане обладали необходимыми навыками для анализа информации и понимания того, как различать правдивые и ложные сведения.

Правовое регулирование информационных войн представляет собой сложный и комплексный процесс, требующий активного участия как государственных институтов, так и общества в целом. Эффективные меры по защите от негативного влияния информационных войн во многом зависят от способности правовых систем адаптироваться к быстро меняющемуся миру технологий и информации. Существующие нормативные правовые акты для защиты государственных интересов необходимо пересматривать и обновлять, учитывая современные угрозы и вызовы. Образовательные инициативы, международное сотрудничество и активная позиция граждан могут стать важными факторами в построении безопасного информационного пространства, т.к. статьи в УК РФ могут уберечь среднестатистического гражданина России, но не граждан, которые в пожилом возрасте страдают дисциркуляторной энцефалопатией[1], которое проявляется в когнитивном расстройстве, что описывает в своей работе В.А. Парфенов. Ввиду этих дисфункций снижается способность к абстрагированию, появляется повышенная внушаемость, чем пользуются иностранные спецслужбы, в результате чего гражданское население может совершить, в том числе, поджоги банкоматов, военкоматов, либо перевод своих денежных средств врагу. Это указывает на необходимость повышенного внимания к данной категории граждан, заботы детей и внуков, вовлечение в активную социальную жизнь, например центров долголетия.

По мере роста значимости информационного поля для национальной безопасности, акцент на информационную грамотность становится все более актуальным. Образовательные инициативы, направленные на повышение уровня медиаграмотности населения, обеспечивают людей необходимыми навыками для критического анализа информации и снижения уязвимости к манипуляциям с информацией. Важно понимать, что только осведомленное общество может эффективно противостоять негативным эффектам, которые могут возникать в результате информационных войн.

Среди ключевых аспектов, которые нуждаются в дальнейшей проработке, необходимо отметить важность соблюдения баланса между защитой национальной безопасности и правами граждан. Ведь меры противодействия дезинформации могут восприниматься как ограничение свободы слова, что создает напряженность в обществе. Поэтому важно, чтобы законодательные инициативы и государственные органы действовали прозрачно и вовлекали общественность в обсуждение новых норм и практик.

Стоит обратить внимание на индивидуальную ответственность пользователей интернета. Каждый человек, активно использующий информацию в цифровом пространстве, должен заботиться о том, чтобы проверять источники, критически анализировать получаемую информацию и быть осведомленным о методах манипуляции общественным мнением. Это может быть достигнуто через обще-

---

по денацификации и демилитаризации Украины. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 10—24.

[1] Парфенов В.А. Дисциркуляторная энцефалопатия: дифференциальный диагноз и лечение. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/distsirkulyatornaya-entsefalopatiya-differentsialnyy-diagnoz-i-lechenie/viewer (дата обращения: 13.02.2025).

ственные кампании, образовательные программы, а также через активное вовлечение образовательных учреждений. На уровне высоких технологий также происходит постоянная эволюция инструментов и технологий, которые могут значительно улучшить способность распознавать и блокировать информацию, представляющую угрозу. Эти технологии могут варьироваться от алгоритмических решений, способных фильтровать контент в реальном времени, до сложных систем искусственного интеллекта, которые анализируют паттерны распространения информации. Однако ключевыми остаются вопросы этики и ответственности за алгоритмическое принятие решений, что подчеркивает необходимость жесткого контроля и прозрачности в использовании таких технологий. Необходимы и систематические консультации между законодателями, экспертами в области технологий, правозащитниками и обществом в целом.

Нельзя забывать и о роли традиционных медиа. СМИ, обладая мощными ресурсами и возможностью охвата широкой аудитории, могут сыграть главенствующую роль в борьбе с дезинформацией. Важно, чтобы редакции развивали критическое мышление, активно объясняли своей аудитории как распознать фейки и, таким образом, способствовали медиа и правовой грамотности населения, ответственности за совершение деяний. Пусть даже небольшие шаги в просвещении общества способны обеспечить более устойчивый щит против манипулятивных тактик. Эту задачу также могут реализовать учителя и преподаватели, периодически проводя занятия по информационной безопасности в рамках ведения информационных войн, притом эффективность данного предложения сложно переоценить.

Цели, к достижению которых можем прийти, это не только борьба с дезинформацией, но и формирование устойчивой информированной гражданской позиции, способной оценивать информацию, делая осознанный выбор. Это путь к более здоровому информационному пространству, в котором каждая личность сможет свободно выражать свои мысли и делиться информацией без страха подвергнуться манипуляциям.

Работа ведется, преклонение перед западной культурой в настоящее время неуклонно снижается. Впечатлительные граждане, что попали под пропаганду Запада и уехали из страны, возвращаются назад. Появляется новая настоящая элита – ветераны СВО. Эту работу нужно продолжать.

Список источников

1. Алексеенко О.А. Актуальные глобальные проблемы человечества // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2018. Т. 1, № 1. С. 4—9.

2. Алексеенко О.А., Ильин И.В. Цифровизация глобального мира и роль государства в цифровой экономике // Информационное общество. 2018. № 2. С. 27—32.

3. Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Образование устойчивого развития: глобальный контекст // Вестник Московского университета, серия 27: Глобалистика и геополитика. 2017. № 2. С. 3—29.

4. Корякин В.М. Политико-правовые и международно-правовые предпосылки проведения специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины // Вестник военного права. 2024. № 2. С.7—13. EDN: PDAURK

5. Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : Серия: Теория и история государства и права. Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 360 с. ISBN 978-5-605-22287-3. EDN KYVIBT.

Some issues of legal provision of information security: military-legal aspect

© **Chipiga I.V.,**
Lecturer of the Department of Protection and Actions of the population in Emergency situations Lomonosov Moscow State University Lecturer at the Military Training Center of the Moscow Academy The Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev
© **Seroukhov A.V.**,
Lecturer at the Military Training Center of the Moscow Academy The Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev
© **Bystrov K.V**.,
Senior Lecturer at the Military Training Center of the Moscow Academy The Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev

Abstract. The issues of legal regulation at the national and international levels of the aspect of information security due to the development of technologies of suggestion, coercion and the creation of patterns of behavior to the detriment of the state and citizens of the country are considered. The necessity of creating an information field in the fight against disinformation and the development of critical thinking of our citizens to counter cyber attacks and manipulation is considered.

Keywords: legal regulation of information security, information warfare, suggestion technologies, protection of state interests.

For citation: Chipiga I.V., Serpukhov A.V., Bystrov K.V. Some issues of Legal provision of Information security: Military-legal aspect // Military law. 2025. No. 2. pp. 45-52.

The article was received by the editorial office on February 17, 2025.

Теория и история военного права

Особенности вещевого обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны

© **Бутов Сергей Валерьевич,**
старший научный сотрудник научно-исследовательского центра ФГКВОУ ВО «Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации»

Аннотация. В статье представлен историко-правовой анализ вещевого обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрен порядок обеспечения вещами фронтовиков войск внутреннего предназначения, принимавших участие в сражениях с немецко-фашистскими захватчиками. Представлен типовой перечень вещевого имущества личного состава войск НКВД, обозначены меры, предпринятые государством для преодоления проблем вещевого обеспечения военнослужащих.

Ключевые слова: вещевое обеспечение; форма одежды, переход на ношение погон, военнослужащие; войска НКВД; Великая Отечественная война.

Для цитирования: Бутов С.В. Особенности вещевого обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2025. № 2. С. 53—60.

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2025 г.

В годы Великой Отечественной войны государство стремилось максимально гарантировать военнослужащим их право на материальное обеспечение, так как от реализации этого права в значительной степени зависело качество выполнения бойцами своих задач на фронте[1]. Представляя собой важный элемент служебно-правового положения военнослужащих, материальное обеспечение состояло из денежного довольствия[2], продовольственного и вещевого обеспечения, а также медицинской помощи. На современном этапе развития российского военного законодательства эти вопросы относятся к предметной области правового регулирования военно-социального права[3].

Материальное обеспечение военнослужащих войск НКВД в военное время было организовано централизованной системой органов военного снабжения (далее — ОВС), во главе которой находилось Управление военного снабжения (далее —

[1] Бутов С.В. Роль советского военного законодательства в достижении победы СССР в Великой Отечественной войне // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права : Материалы IX международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2023. С. 103.

[2] Бутов С.В. Особенности денежного обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2025. № 1(89). С. 20—26.

[3] Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. М.: ИГПАН, 2021; Корякин В.М. Военно-социальное право как подотрасль военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 8(289). С. 10.

УВС) НКВД СССР. Исполнительными органами ОВС были отделы материально-технического обеспечения соединений и воинских частей НКВД. Правовым основанием функционирования ОВС являлось соответствующее Положение, утвержденное приказом НКВД СССР от 5 января 1941 г. № 0019. Органы снабжения в соответствии с нормами довольствия и количеством личного состава войск, размещали заказы в народном хозяйстве на необходимую продукцию, получали, организовывали ее хранение на своей складской базе и выдавали непосредственно потребителям.

Вещевое обеспечение военнослужащих войск НКВД СССР включало комплекс мер организационно-правового характера, направленный на удовлетворение потребностей фронтовиков в обмундировании, нательном белье, обуви, постельных принадлежностях, предметах личной гигиены, ухода и ремонта обуви и обмундирования в объеме, достаточном для эффективного решения служебно-боевых задач.

Снабжение вещевым имуществом военнослужащих Наркомата внутренних дел носило централизованный характер. Ответственность за вещевое обеспечение войск НКВД возлагалась на УВС НКВД СССР, полномочия которого определялись соответствующим положением об этом Управлении[1]. Нормы вещевого довольствия дифференцировались по территориальному признаку в зависимости от климата района дислокации воинских частей. Снабжение вещевым имуществом на летний период производилось к 15 апреля, на зимний — к 15 сентября.

Не только командиры (начальники) всех степеней и органы военного снабжения НКВД обязаны были осуществлять контроль за материальным обеспечением военнослужащих. Широкие полномочия были предоставлены Особым отделам НКВД, которые внесли свой вклад в общую Победу над врагом[2]. Следует признать такой подход правильным, так как указанные органы обладали достаточной самостоятельностью, находились непосредственно на фронтах, наделялись широкими оперативно-розыскными полномочиями, имели доступ к цензуре писем военнослужащих[3]. К примеру, в спецсообщении НКВД СССР от 14 ноября 1941 г. № 41/3286 в НКО СССР, составленном на основе информации, полученной из Особых отделов НКВД, указывалось, что «на Северо-Западном фронте ощущается острая нужда в теплом обмундировании. Имеются части, находящиеся на передовых позициях, которые не полностью обеспечены теплым обмундированием. На 10 ноября с.г. всего по фронту установлено 193 факта обморожения. … Особая нужда имеется в валенках, так как фронт валенок не имеет»[4]. Командование оперативно реагировало на подобные сообщения, пытаясь в кратчайший срок устранить выявленные нарушения в обеспечении военнослужащих.

Правовая основа вещевого обеспечения войск НКВД СССР была разработана в довоенные годы. Правовым актом, регламентировавшим снабжение этих войск, являлось Положение о вещевом и обозном снабжении войск НКВД, утвержденное 9 сентября 1940 г. приказом НКВД СССР

[1] Положение о Главном управлении военного снабжения НКВД Союза ССР, объявленное приказом Народного комиссара внутренних дел Союза ССР от 27 марта 1939 г. № 00296 //Лубянка. ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ 1917—1960. Справочник. Сост., введение и примечания А.И. Кокурина, Н.В. Петрова; науч. ред. Р. Г. Пихоя. М.: Издание МФД, 1997. С. 230—232.

[2] Бутов С.В. Значение деятельности особых отделов НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны для ее победоносного завершения и дальнейшего совершенствования правового статуса Росгвардии // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2(27). С. 5—13.

[3] Бутов С.В. О роли Особых отделов НКВД СССР в обеспечении правового положения военнослужащих в годы Великой Отечественной войны // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2(189). С. 126.

[4] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября — 31 декабря 1941 г. / Федер. служба контрразведки РФ, Академия федер. службы контрразведки РФ; Рук. группы авт.-сост. В.П. Ямпольский. М.: Русь, 2000. С. 305—306.

№ 792»[1].

Вещевым имуществом военнослужащие войск внутреннего предназначения обеспечивались по нормам, установленным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 апреля 1941 г. № 1010-405сс и приказами НКВД–НКГБ СССР от 16 мая 1941 г. № 00606/00193, НКВД СССР от 20 мая 1941 г. № 00650 и НКВД СССР от 28 мая 1941 г. № 503/19[2].

В соответствии с указанными нормативными актами, был объявлен типовой перечень вещевого имущества для личного состава войск НКВД:

— для начсостава: шапка-ушанка, фуражка, пилотка суконная, шинель двубортная, гимнастерка шерстяная, гимнастерка х/б, шаровары шерстяные, шаровары х/б;

— для младшего начсостава сверхсрочной и срочной службы: шапка-ушанка, фуражка, шинель грубосуконная, гимнастерка х/б, шаровары суконные, шаровары х/б;

— для рядового состава: шапка-ушанка, фуражка, пилотка суконная, шинель грубосуконная, гимнастерка суконная, гимнастерка х/б, шаровары шерстяные, шаровары х/б[3].

В целях ликвидации многообразия формы одежды со снабжения войск НКВД снимались: открытый френч для авиачастей войск НКВД, башлык, краги, окантовка хлопчатобумажного обмундирования и суконных пилоток для начсостава. Всем родам войск и служб для ношения летом и зимой устанавливался единый цвет обмундирования на мирное и военное время. Однако изготовить в необходимом количестве новое обмундирование к началу войны не удалось.

Войска НКВД, особенно в начальный период войны, как и Красная Армия, испытывали серьезные трудности в вещевом обеспечении, имели место факты, когда призывники из южных районов страны в зимнее время перевозились в летней гражданской одежде и даже без обуви[4]. Это было связано с тем, что значительная часть складов с вещевым имуществом в приграничных районах была уничтожена врагом с началом боевых действий. Выходившие из окружения военнослужащие, как правило, прибывали в части в непригодном для дальнейшей носки обмундировании или переодетые в крестьянскую одежду, часть бойцов бросали ранцы с вещами, когда шли в атаку из-за тяжести и неудобства[5].

Военное обмундирование, выданное мобилизованным и призванным в войска НКВД, а также военнослужащим рядового и младшего начсостава переходило в их собственность и после завершения войны сдаче не подлежало.

Военнослужащие обеспечивались вещевым имуществом на основании аттестата в той воинской части, в списках которой они состояли. При отсутствии вещевого аттестата проводилось расследование, виновные в его утрате или убытии военнослужащего к новому месту службы без аттестата привлекались к ответственности.

В соответствии с распоряжением Наркомата связи в июле 1941 г. красноармейцам и младшему начальствующему составу войск НКВД действующей армии было предоставлено право бесплатной пересылки посылок при условии их отправки организованным порядком через службу почтовой связи воинской части в

[1] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 302. Т. 1. Л. 401—437.

[2] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 302. Т. 1. Л. 181—186, 220—228, 229—243.

[3] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 304. Т. 2. Л. 221—222.

[4] Бутов С.В. Обеспечение прав военнослужащих войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны на надлежащий воинский быт как необходимое условие сохранения их боеспособности, жизни и здоровья // Актуальные проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства в современных геополитических условиях : Сборник научных трудов Всероссийского межвузовского круглого стола, Санкт-Петербург, 17 марта 2023 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. С. 46.

[5] Центральный архив Министерства обороны (далее — ЦАМО). Ф. 208. Оп. 14703. Д. 1. Л. 141—143.

военные комиссариаты[1]. С 7 января 1943 г. право на бесплатную отправку писем и почтовых карточек получили все военнослужащие войск НКВД при условии пересылки их через почтовые органы Красной Армии[2].

Вследствие дефицита обмундирования на фронте допускалась замена некоторых элементов военной формы, на ту, что была в наличии. Так, в связи отсутствием на складе УВС НКВД зеленых фуражек многие войсковые наряды на Северо-Западном фронте несли службу на КПП в пилотках[3]. В конце 1941 г. до января 1943 г. была прекращена выдача обмундирования офицерскому составу тыловых частей войск НКВД, с 1 апреля 1942 г. в этих частях на основании постановления ГКО № 1490с вместо шинелей рядовому и младшему начсоставу тыловых частей и учреждений (санитарных, автотранспортных, складов, мастерских и т.п.) начали выдавать куртки ватные, двубортные[4]. Ранее выданные военнослужащим указанных частей шинели оставались у бойцов до полного износа.

Зимой 1942—1943 г. новые теплые вещи поступали только войскам действующей армии, а тыловые части обходились отремонтированным обмундированием. При отправке раненых из армейских госпиталей в тыл имеющиеся у них полушубки, валенки, меховые рукавицы изымались, заменялись шинелями, обувью кожаной, ватным обмундированием. Изъятые вещи после приведения в порядок обращались на дообеспечение частей. Снимаемые с убитых верхние теплые вещи (полушубки, ватное обмундирование, валенки, жилеты меховые, шапки ушанки, перчатки, подшлемники, меховые рукавицы) после стирки, дезинфекции и ремонта обращались на обеспечение подразделений.

В условиях боевых действий, когда войскам зачастую приходилось в любую погоду преодолевать препятствия ползком под огнем врага, устанавливать сроки носки вещей было нецелесообразно. В связи с этим 25 марта 1942 г. ГКО принял постановление № 1492с «О порядке расходования вещевого имущества в Красной Армии на военное время»[5], согласно которому сроки носки вещевого имущества военнослужащих, входящих в состав действующей армии, не вводились. Вещи подлежали замене только после установления их непригодности к дальнейшему использованию по прямому назначению. Во всех случаях нецелевого расхода имущества, в том числе путем противоправных действий военнослужащих, воинское командование обязано было проводить расследование с привлечением виновных лиц в умышленной порче имущества к судебной ответственности.

Резкое возрастание потребности в вещевом имуществе вследствие увеличения численности армии, значительных потерь и повышенного износа вещей заставило упростить составные элементы обмундирования, использовать заменители материалов для его изготовления, экономить красители для одежды. Например, в 1942 г. было разрешено для пошива офицерского обмундирования использовать гражданскую шерстяную ткань, шинельное и портяночное сукно на хлопчатобумажной основе. Широко применялись заменители кожи, такие как кирза, брезент, ременная тесьма и т. п. Допускалось снижение сортности полушубков и рукавиц, изготовление их из овчины. Летнее обмундирование могло выпускаться в осветленной расцветке с целью экономии вещевых красителей.

Указанные меры несколько снизили качество вещевого имущества, но значительно ускорили сроки его производства и объем, что в чрезвычайных условиях войны имело более важное значение.

Государственный комитет обороны с 1943 г. начал планировать заказы на веще-

[1] ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Ед. хр. 5. Л. 96.

[2] О бесплатной отправке писем военнослужащим и в их адреса: постановление СНК СССР от 7 января 1943 г. № 25 // СП СССР. 1943. № 1. Ст. 19.

[3] Российский государственный военный архив. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 82. Л. 59.

[4] Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 25. Л. 66, 67.

[5] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 25. Л. 69—71.

вое имущество для НКВД, что положительно сказалось на вещевом обеспечении военнослужащих этого наркомата. В первом квартале 1943 г. ГКО потребовал от предприятий вещевой промышленности доукомплектовать войска НКВД теплыми предметами вещевого имущества.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 февраля 1943 г. были введены новые знаки различия для войск НКВД[1]. В целях реализации этого Указа приказ НКВД СССР от 18 февраля 1943 г. № 126 требовал всему личному составу войск установить погоны и перейти на их ношение до 15 мая 1943 г.; ввести в действие Правила ношения формы одежды личным составом органов и войск НКВД[2]. Командирам частей войск НКВД вменялось в обязанность осуществлять пристальный контроль за соблюдением формы одежды подчиненных. При этом разрешалось донашивать ранее выданное обмундирование с новыми знаками различия. Существующие нарукавные знаки на шинелях, мундирах, кителях и гимнастерках, нарукавные знаки различия начсостава войск НКВД отменялись.

Согласно приказу НКВД СССР № 126 было установлено ношение повседневных погон всему личному составу войск внутреннего предназначения, в том числе находившемуся в составе действующей армии и выполнявшему задачи в прифронтовой полосе. Полевые погоны отличались от повседневных тем, что их поле имело цвет хаки. Поле повседневных погон командного состава было золотистое или серебристое. Просветы и кант стали зелеными для пограничных войск и васильковыми для внутренних войск. Звездочки по золоченому полю серебряные, по серебряному полю золоченые. Пуговицы золоченые. Эмблемы были по роду войск и служб. Серебряное поле погон устанавливалось для интендантской службы и войск связи. Поле погон рядового и младшего командного состава для пограничных войск было зеленое, кант малиновый. Для внутренних войск поле погон – краповое, кант васильковый. Пуговицы латунные. Трафарет номера, присвоенного воинской части и нашивки желтые, у нестроевых подразделений нашивки белые.

Переход на новую форму одежды способствовал улучшению внешнего вида военнослужащих войск НКВД, упорядочению служебных отношений между ними. В одном из приказов, посвященных переходу на новые знаки различия указывалось: «Погоны — символ воинской чести, почетного служебного положения. … Переход на ношение погон необходимо рассматривать как одно из важнейших мероприятий правительства по повышению дисциплины и подтянутости личного состава…»[3]. Ношение погон обязывало иметь аккуратный внешний вид, быть вежливым, строго соблюдать установленные правила поведения.

В Красной Армии приказом НКО СССР от 22 июня 1943 г. № 243 было объявлено о введении в НКВД званий и погон, тождественных армейским, а также требовалось всему начальствующему и рядовому составу РККА приветствовать военнослужащих войск НКВД порядком, предусмотренным Строевым уставом[4].

В апреле 1944 г. по примеру РККА в войсках НКВД для офицерского состава была введена вещевая книжка, которая являлась «единственным документом, подтверждающим право офицера на постановку на вещевое довольствие и получение вещей»[5]. Введение вещевой книжки в НКВД, часть войск которого состояла на

[1] О званиях начальствующего состава органов НКВД и милиции: О введении новых знаков различия для личного состава органов и войск НКВД: приказ НКО с объявлением указов Президиума Верховного Совета СССР 13 февраля 1943 г. № 77 // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13(2-3). Приказы народного комиссара обороны СССР, 1943–1945 гг. Москва: Терра, 1997. С. 75—77.

[2] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 302. Т. 1. Л. 42—66.

[3] Отдел архивной информации Информационного центра Главного управления МВД РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 229. Л. 5.

[4] Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13(2-3). Приказы народного комиссара обороны СССР, 1943—1945 гг. Москва: Терра, 1997. С. 183.

[5] О введении вещевых книжек для офицеров войск НКВД: приказ НКВД СССР от 15 апреля 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 302. Т. 2. Л. 510.

довольствии органов снабжения Красной Армии, было необходимым.

Постановлением ГКО в июне 1944 г. были предоставлены некоторые льготы в вещевом обеспечении высшим и старшим офицерам войск НКВД, «имеющим срок выслуги 25 лет и более, при увольнении с военной службы в запас или в отставку»[1]. Они сохраняли право ношения обмундирования со знаками различия. Кроме того, указанная категория лиц наделялось правом за наличный расчет по госценам приобретать военное вещевое имущество.

Существенную помощь войскам НКВД действующей армии в вещевом обеспечении оказывало народное патриотическое движение. Оно носило закономерный, массовый характер и «основывалось на внутреннем побудительном мотиве. Источником его являлось понимание значимости единства личности и общества, общества и государства, армии и тыла в условиях тотального военного противостояния»[2]. Гигантский размах патриотического движения свидетельствовал о том, что именно в годы войны был сделан решающий шаг в формировании духовно-нравственного единства советского народа[3].

На фронт из тыловых районов страны отправлялись подарки фронтовикам, в том числе изготовленные руками населения: рукавицы, носовые платки, полотенца и т. п. Только Москворецким районным комитетом ВКП(б) к 1 мая 1943 г. военнослужащим 173-го полка НКВД было направлено 150 подарков[4]. Неименные подарки направлялись в подразделения действующей армии, при этом наиболее ценные из них использовались для награждения военнослужащих войск НКВД, отличившихся в боях с врагом. В зимнее время значительно активизировался сбор для защитников Отечества теплых вещей: шерстяных варежек, валенок, полушубков. По данным А.М. Синицына, в период Великой Отечественной войны населением страны на нужды фронта были собраны теплые вещи в объеме, способном обеспечить более 10 млн. военнослужащих[5].

Бесперебойному снабжению войск НКВД способствовал хорошо налаженный ремонт вещевого имущества. Военнослужащие производили мелкий ремонт одежды самостоятельно, средний ремонт был организован в мастерских воинских частей, а капитальный — в мастерских окружных управлений военного снабжения НКВД[6]. Например, в период войны непосредственно в войсках было отремонтировано свыше 100 тыс. пар валенок.

Демобилизованные военнослужащие войск НКВД действующей армии обеспечивались полным комплектом обмундирования и обуви[7].

Таким образом, несмотря на все трудности, связанные с условиями военного времени, государство в целом смогло гарантировать право военнослужащих войск НКВД на вещевое довольствие в

[1] О материально-бытовом обеспечении генералов, адмиралов, комиссаров государственной безопасности, комиссаров милиции и старшего офицерского состава Красной Армии, Военно-Морского Флота, войск и органов НКВД СССР и НКГБ СССР, имеющих срок выслуги 25 лет и более, зачисляемых в запас или увольняемых в отставку: постановление ГКО СССР от 28 июня 1944 г. № 6116 // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 347. Л. 76—78.

[2] Сидоренко Н.С., Нижник Н.С. Формы проявления гражданской активности уральского общества в годы Великой Отечественной войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР) : материалы XIX международной научно-теоретической конференции: в 2 ч., Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. Часть 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2022. С. 2238.

[3] Курицын В.М. Права и свободы граждан в годы Великой Отечественной войны // Советское государство и право. 1987. № 5. С 126.

[4] Москва — фронту. 1941–1945: Сб. док. и материалов / Ин-т истории АН СССР, Гл. арх. упр. при Совете министров СССР, Ин-т истории партии МГК и МК КПСС; Отв. ред. С.М. Кляцкин. Москва: Наука, 1966. С. 331.

[5] Синицын А.М. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. 2-е изд. Москва: Воениздат, 1985. С. 225.

[6] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 304. Т. 2. Л. 303—303 об.

[7] Закон о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии. Принят XII сессией Верховного Совета СССР I созыва 23 июня 1945 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 36.

объеме, необходимом для выполнения служебно-боевых задач.

В настоящее время специальная военная операция диктует необходимость корректировки законодательства о военной службе и социальной защите военнослужащих. Законодательство «мирного времени», действовавшее до ее начала, в некоторых своих частях перестало отвечать изменившимся условиям функционирования военной организации государства. Это требует от законодателя принятия оперативных мер по его корректировке сообразно новым условиям обстановки с учетом накопленного в военные годы опыта[1].

В условиях проведения специальной военной операции было бы целесообразно своевременно учитывать уроки Великой Отечественной войны, использовать положительный опыт, апробированный военным временем, для совершенствования нормативной правовой базы, регламентирующей правовое положение военнослужащих в условия вооруженных конфликтов. Так к позабытому опыту Великой Отечественной войны в части отмены сроков носки вещевого имущества военнослужащими, находящимися на передовой, Россия вернулась только на третьем году проведения специальной военной операции. За это время было создано немало проблем нашим бойцам в вещевом обеспечении. Только 5 июля 2024 г. замминистра обороны Юнус-Бек Евкуров сообщил о долгожданном решении высшего командования: «Скажу, что приказом министра обороны определено, что никаких сроков носки здесь нет, на войне. ... Вышла из строя одежда после штурмовых действий, сразу же ему (бойцу — ред.) это выдается, все на месте есть, и здесь никаких проблем не должно быть, и их нет»[2].

В связи с этим следует согласиться с В.М. Корякиным, утверждающим, что накопленный исторический опыт деятельности органов военного управления по развитию военного права должен быть использован в ходе решения проблем нормативно-правового обеспечения современной Российской армии[3] и предлагающим создать систему социальных гарантий в отношении участников боевых действий заблаговременно, исключив исторически сложившийся в нашей стране принцип военно-социальной политики в отношении участников боевых действий, когда каждой войне, каждому вооруженному конфликту — своя нормативная база социальной защиты[4].

Список источников

1. Бутов С.В. Значение деятельности особых отделов НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны для ее победоносного завершения и дальнейшего совершенствования правового статуса Росгвардии // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 2(27). С. 5—13.

2. Бутов С.В. Обеспечение прав военнослужащих войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны на надлежащий воинский быт как необходимое условие сохранения их боеспособности, жизни и здоровья // Актуальные проблемы обеспечения безопасности личности, общества и государства в современных геополитических условиях : Сборник научных трудов Всероссийского межвузовского круглого стола, Санкт-Петербург, 17 марта 2023 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. С. 43—47.

[1] Корякин В.М. Специальная военная операция диктует необходимость корректировки законодательства о военной службе и социальной защите военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 9 (302). С.

[2] Международное информационное агентство «Россия сегодня»: [сайт]. URL: https://ria.ru/20240705/ evkurov-1957774239.html (дата обращения: 01.02.2025).

[3] Корякин В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 10(291). С. 2—10.

[4] Корякин В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 93; Корякин В.М. Военно-социальное законодательство военного времени: теория и практика // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 3(308). С. 21; Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. М.: Русайнс, 2024.

3. Бутов С.В. О роли Особых отделов НКВД СССР в обеспечении правового положения военнослужащих в годы Великой Отечественной войны // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2(189). С. 126—128.

4. Бутов С.В. Особенности денежного обеспечения военнослужащих войск НКВД СССР, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны // Военное право. 2025. № 1(89). С. 20—26.

5. Бутов С.В. Роль советского военного законодательства в достижении победы СССР в Великой Отечественной войне // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права : Материалы IX международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2023. С. 103—114.

6. Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. Москва: Институт государства и права РАН, 2021. 968 с. EDN IZIVOG

7. Корякин В.М. Военное право в XXI веке: фундаментальное исследование современных проблем военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 10(291). С. 2—10.

8. Корякин В.М. Военно-социальное законодательство военного времени: теория и практика // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 3(308). С. 21—30.

9. Корякин В.М. Военно-социальное право как подотрасль военного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 8(289). С. 2—10. EDN QNHBRQ.

10. Корякин В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 85—93.

11. Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. Москва: Русайнс, 2024. 294 с.

12. Корякин В.М. Специальная военная операция диктует необходимость корректировки законодательства о военной службе и социальной защите военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 9(302). С. 2—5.

13. Курицын В.М. Права и свободы граждан в годы Великой Отечественной войны // Советское государство и право. 1987. № 5. С 126—130.

14. Сидоренко Н.С., Нижник Н.С. Формы проявления гражданской активности уральского общества в годы Великой Отечественной войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): материалы XIX международной научно-теоретической конференции: в 2 ч., Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 года. Часть 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2022. С. 2230—2241.

15. Синицын А.М. Всенародная помощь фронту. О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. 2-е изд. Москва: Воениздат, 1985. 319 с.

The peculiarities of the clothing supply of military personnel of the NKVD of the USSR, who were part of the active army during the Great Patriotic War

© Butov S.V.,
Senior Researcher at the Scientific Research Center of the Military Academy of the Order of Zhukov Academy of the National Guard of the Russian Federation

Annotation. The article presents a historical and legal analysis of the clothing of the NKVD troops of the USSR, who were part of the active army during the Great Patriotic War. The article considers the procedure for providing items to front-line soldiers of the internal troops who took part in the battles with the Nazi invaders. A standard list of personal belongings of NKVD troops is presented, and the measures taken by the state to overcome the problems of providing military personnel with personal belongings are outlined.

Keywords: clothing; uniforms, the transition to wearing shoulder straps, military personnel; NKVD troops; The Great Patriotic War.

For citation: Butov S.V. Features of clothing provision for military personnel of the NKVD troops of the USSR, who were part of the active Army during the Great Patriotic War // Military Law. 2025. No. 2. pp. 53-60.

Проблемы кодификации военного права

© **Потапов Михаил Григорьевич**,
доцент, профессор кафедры гражданского права, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации; доцент кафедры истории государства и права, конституционного права, Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета

Аннотация. В статье обозначены проблемы кодификации военного права, которые обусловлены множественностью нормативных правовых актов, не имеющих единой взаимоувязанной, иерархически выстроенной и соподчиненной системы, охватывающей военную сферу. Законодательство в целом позволяет функционировать механизму правового регулирования в военной деятельности государства, однако его система не сбалансирована и не упорядочена, что существенно осложняет решение задач в данной сфере. Во многом названные проблемы обусловлен также научно-теоретическими вопросами понимания терминов «военное право» и «кодификация», поскольку следует знать, что систематизировать и как кодифицировать нормативный материал в военной сфере. Осложняется решение этих вопросов также несовершенством и противоречивостью используемого в данной сфере понятийного аппарата. Решение обозначенных проблем видится в совершенствовании терминологического и понятийного аппарата данной сферы, а также в кодификации норм военного права. Для этого предложено разработать Военный кодекс, в котором: 1) общая часть включала бы в себя юридические нормы военного права, закрепляющие его цели, задачи и принципы; предмет и методы правового регулирования; термины и их определения; основные положения об обороне; статус субъектов военного права и их виды (военные организации, военнослужащие); понятие и виды военно-правовых актов; правовые положения военной службы по призыву и по контракту; 2) особенная часть составляла бы интегрированные юридические нормы бюджетно-финансового, материально-технического, имущественного и кадрового обеспечения, а также трудовых отношений в военных организациях.

Ключевые слова: военное право, юридические нормы, систематизация, кодификация, общественные отношения, понятийный и терминологический аппарат.

Для цитирования: Потапов М.Г. Проблемы кодификации военного права // Военное право. 2025. № 2. С. 61—70.

Статья поступила в редакцию 19 февраля 2025 г.

Актуальность темы обусловлена значением кодификации норм военного права, поскольку такая форма их систематизации упорядочивает правовое регулирование общественных отношений, приводит к системе, последовательности и логичности действий их субъектов в соответствии с нормами права обозначенной отрасли права, что способствует эффективному решению многих проблем в сфере обороны, безопасности российского общества и государства и обеспечения его суверенитета. Вместе с тем юридические нормы, содержащиеся в правовых актах, регулирующие отношения в военной сфере, не систематизированы (не кодифицированы), что существенно осложняет решение задач и правовое регулирование общественных отношений в данной сфере. Законодательство в целом позволяет функционировать механизму правового регулирования в военной сфере, однако его система не сбалансирована и не

упорядочена [1] . Обусловлено это «... множественностью нормативных правовых актов, которые не образуют единой взаимоувязанной, иерархически выстроенной и соподчиненной системы, охватывающей всю предметную область рассматриваемой сферы правового регулирования»[2]. В частности, эта множественность касается:

1) нормативных актов разной юридической силы, регулирующих: вопросы воинской обязанности и военной службы (более 300); статуса военнослужащих (более 400); общественные отношения, связанные с юридической ответственностью военнослужащих, правоохранительной деятельностью в военных организациях, обеспечением войск материально-техническими средствами, вооружением и военной техникой;

2) актов военного управления, которые не систематизированы, обладают как пробельностью, так и коллизионностью правового регулирования[3].

В военной сфере действует большое количество нормативных правовых актов, которые недостаточно научно обоснованы и зачастую не отражают фактическое положение дел, не стабильны, перманентно изменяются, противоречивы, фрагментарны, содержат положения двойственного толкования, во многом являются бланкетными, декларативными, не систематизированы и содержат нарушения правил юридической техники[4].

Необходимо также учитывать, что в структуру военного права входят не только нормы, регулирующие военно-административные, финансовые, жилищные, земельные, трудовые и имущественные отношения, но и нормы, «... которые нельзя отнести к той или иной традиционной отрасли права». Речь идет, в частности, о нормах права, которые регламентируют вопросы мобилизации, комплектования военных организаций, их боевого применения и ведения ими боевых действий[5].

Следует подчеркнуть, что систематизация нормативных правовых актов должна быть направлена на формирование системности военного права и общественных отношений в данной сфере. Упорядочить жизнедеятельность общества и общественные отношения «... может лишь то, что само систематизировано, организовано, упорядочено. Законодательство, которое разрозненно, запутано, противоречиво — не в состоянии справиться с этой задачей»[6]. Во многом эти проблемы обусловлены научно-теоретическими вопросами понимания терминов «военное право»[7] и «кодификация», поскольку следует знать, что систематизировать и как кодифицировать нормативный материал в военной сфере. Осложняется решение этих вопросов также несовершенством и противоречивостью используемого в данной сфере понятийного аппарата[8].

Решение проблем понятийного и терминологического аппарата имеет важное значение для научной, догматической и практической юриспруденции, в том числе в решении вопросов систематизации и кодификации военного права. Говоря о современном состоянии военного

[1] Вылугин В.В. Проблемные вопросы законодательной базы Российской Федерации в области обеспечения военной безопасности государства и возможные пути их решения // Совершенствование военного законодательства. По материалам научно-практической конференции на тему «Развитие российского военного законодательства на современном этапе (итоги, проблемы, перспективы)». М.: Издание Государственной Думы, 2013. С. 18.

[2] Там же.

[3] Военное право : монография: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I: История и теория военного права (с предисловием). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 422, 489.

[4] Вылугин В.В. Указ. соч. С. 18—19.

[5] Военное право: монография: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I: История и теория военного права (с предисловием). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 373.

[6] Исаков В.Б. Некоторые проблемы новой Российской кодификации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина, 2018. № 4. С. 84.

[7] Потапов М.Г. Военное право: проблемы определения понятия // Военное право. 2025. № 1 (89). С. 40—47.

[8] Яковлев В. Правовые основы безопасности России // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 3. С. 57.

права и законодательства в сфере военной деятельности государства, исследователи обращают внимание не только на проблемы неоднозначной интерпретации военного права, его сущности и места в системе российского права, но также и на проблемы его понятийного аппарата[1].

Примером могут быть проблемы понимания правового статуса воинской части, которые касаются ее прав, обязанностей и юридической ответственности, их неопределенность существенно затрудняет ее функционирование как субъекта правовых отношений. Необходимо учитывать, что воинская часть, во-первых, организация публично-властная, и, во-вторых, организационно самостоятельная боевая и административно-хозяйственная единица вооруженных сил[2], и потому является субъектом военно-правовых, служебно-правовых, административно-правовых, финансов-правовых, гражданско-правовых, трудовых отношений. На эти проблемы уже обращалось внимание автора данной статьи в других публикациях[3].

К проблемам понятийного аппарата наряду с неоднозначными трактовками военного права и статуса воинской части, которые осложняют систематизацию и кодификацию военного права, можно также отнести проблемы определения:

1) военной организации, дефиниция которой в действующем законодательстве не закреплена, что обусловлено неоднозначной ее трактовкой в научных источниках информации: как государственная структура или обособленное подразделение такой структуры, связанной с защитой страны военными средствами[4];

2) воинской части, потому что смысл и содержание этого термина, как полагает В.И. Кузнецов, «... в теоретическом отношении и в сложившейся юридической практике не соответствуют ни содержанию обозначаемого им субъекта права, ни лингвистическому значению слова «воинский». Его сложившееся применение искажает сущность государственной военной организации, которая вправе иметь и в установленных случаях применять вооружение и военную технику»[5];

3) военнослужащего, определение которого нет в действующих нормативных правовых актах, а в других источниках информации трактуется либо как: а) «... лицо, состоящее на действительно военной службе» [6], либо как б) физическое лицо, гражданин Российской Федерации не моложе 18 лет, призванный на военную службу или поступивший на военную службу по контракту[7], либо как в) представитель социальной группы, осуществляющий определенные социально необходимые функции и выполняющий задачи в учрежденных и государственных органах и организациях, в которых законом предусмотрена военная служба[8];

4) прав, обязанностей и юридической ответственности субъектов военно-правовых отношений, официальных трак-

[1] Кудашкин В.В. Военное право: понятие, актуальные проблемы и направления исследований. Материалы научно-практической конференции на тему: «Современное состояние военного права и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации» // Государство и право. 2005. № 1. С. 110.

[2] Словарь военных терминов / Сост. А.М. Плехов. М.: Воениздат, 1988. С. 57.

[3] Потапов М.Г. Проблемы правового статуса воинской части войск национальной гвардии России // Военно-юридический журнал, 2017. № 6. С. 11—13.

[4] Бараненков В.В. Правовое положение военной организации // Военное право : монография: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 514—518.

[5] Кузнецов В.И. «Военная», «войсковая», «воинская»: проблемы терминологии // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 132—148.

[6] Словарь военных терминов / Сост. А.М. Плехов. М.: Воениздат, 1988. С. 53.

[7] Основы военного права. Учебно-методическое пособие выпускнику УВЦ СФУ. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 37.

[8] Кудашкин А.В. Военнослужащий как субъект права // Военное право: монография: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 138.

товок которых также нет в действующих нормативных правовых актах. Под правами военнослужащего проф. А.В. Кудашкин понимает установленные нормативными правовыми актами «... *возможности* (курсив — П.М.) эффективного исполнения военной службы», а под его обязанностями «... *функции (основные действия)* — (курсив — П.М.), составляющие в своей совокупности существо исполнения военной службы» [1]. Однако, что понимать в данных трактовках анализируемых терминов под такими «возможностями» и «функциями (основными действиями)» военнослужащего, и чем эти термины отличаются друг от друга по своему смысловому значению? Думается, что ответы на эти вопросы должны учитывать интерпретацию названных терминов в теории права, поскольку право физического лица — это предусмотренная юридической нормой мера возможного, дозволенного его поведения, а его обязанность — это предусмотренная юридической нормой мера необходимого, должного поведения[2], которые являются двумя «полюсами» «... правоотношения как взаимной юридической связи», в которой управомоченный «носитель возможности» может совершать «известные» дозволенные действия, а правообязанный должен их исполнять[3]. При этом следует также понимать и меру возможного (дозволенного), и меру необходимого (должного) поведения военнослужащего, которые должны гармонично коррелироваться (соотноситься) друг с другом, в противном случае утрачивается возможность четкого их разграничения между собой, что может привести и приводит к неверному принятию решения при их реализации в отношениях между субъектами. Это касается так называемых общих, должностных и специальных прав и обязанностей военнослужащих. В этой связи нельзя согласиться с мнением проф. А.В. Кудашкина, в частности, о том, что «поощрение, с одной стороны, является субъективным правом командира (начальника), а с другой — его юридической обязанностью, что предусмотрено ст. 17 ДУ ВС РФ»[4]. Действительно такого рода двойственность закреплена в ст. 17 ДУ ВС РФ, поскольку командир (начальник) в пределах прав, определенных этим Уставом, *обязан* (курсив — П.М.) поощрять подчиненных военнослужащих за особые личные заслуги, разумную инициативу, усердие и отличие по службе. В ст. 21—25 этого же Устава закреплено *право* (курсив — П.М.) командиров и начальников поощрять подчиненных. В этой связи возникает вопрос: поощрение командиром подчиненных — это его право или обязанность? Если это его право, то он может поощрять или не поощрять подчиненных по своему усмотрению, если это его обязанность, то за ее неисполнение должна быть юридическая ответственность, поскольку это будет дисциплинарным проступком. Думается, что ответ на поставленный вопрос должен исключать подобного рода двойственность, и должен быть решен однозначно, поощрение подчиненных — это либо право командира, либо это его обязанность. Дело в том, что наличие по одному и тому же вопросу одновременно прав и обязанностей у одного и того же субъекта, по определению в принципе исключает юридическую конструкцию правового отношения (начальник — подчиненный), оно не возникает, не может возникнуть в части дозволенного самому себе, и не может быть исполнимо в части должного к самому себе, то есть все зависит от усмотрения начальствующего, что является правовой неопределенностью в реализации прав и обязанностей данного субъекта.

В действующем военном законодательстве не проводится различий между

[1] Там же. С. 155, 160.

[2] Теория государства и права : Учебник для вузов / Отв. ред. В.Д. Перевалов. М.: Норма, 2006. С. 222—223.

[3] Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юристъ, 1997. С. 490.

[4] Кудашкин А.В. Военнослужащий как субъект права // Военное право: монография: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 159.

правами и обязанностями в так называемых полномочиях должностных лиц, у которых права есть обязанности, а последние являются правами, что приводит к произвольной их правовой оценки, потому что решать вопросы своих полномочий (прав или обязанностей) будут сами эти лица. В зависимости от собственного понимания этих терминов субъекты самостоятельно их интерпретируют либо как субъективные права, либо как субъективные обязанности, в зависимости от ситуации своего положения[1], что может существенно влиять на принимаемые ими решения. Тем самым возможны нарушения не только общеправового принципа юридического равенства субъектов, но и содержания военно-правовых отношений в части корреляций прав и обязанностей командиров, начальников и соответствующих прав и обязанностей между ними и подчиненных им лиц.

Таким образом, при научно-теоретической систематизации и последующей нормативно-правовой кодификации норм военного права необходимо учитывать, во-первых, что субъективные права и обязанности противоположны по своему смысловому значению, во-вторых, неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязанностей всегда влечет неблагоприятные правовые последствия, тогда как не реализация прав каких-либо правовых последствий не влечет, и, в-третьих, одно и то же деяние субъекта в одном и том же правоотношении не может одновременно иметь и субъективное право и субъективную обязанность[2]. Объединение прав и обязанностей и их так называемая «слитная» трактовка в полномочиях должностного лица обусловлено нарушением правил юридической техники при их фиксации в нормативных правовых актах, что не позволяет однозначно определить и установить юридическую ответственность этого лица [3]. Объясняется это тем, что если обязанность одновременно это и право субъекта, то реализация или неисполнение последнего является правомерным его деянием, за которое не может быть в принципе какой-либо юридической ответственности. Вместе с тем неисполнение либо ненадлежащее исполнение субъективной юридической обязанности — это всегда неправомерное деяние, правонарушение, за которое предусмотрена юридическая ответственность.

Следует принимать во внимание, что несовершенство понятийного аппарата в военной сфере осложняет формирование иерархической структуры нормативных правовых актов и их систематизацию, а также затрудняет правовое регулирование в области обороны страны. Научно-теоретические проблемы в понимании дефиниций влияют также на правореализационный, правоприменительный процесс, в котором субъекты используют свою собственную трактовку тех либо иных терминов[4], что может привести к юридическим ошибкам при принятии соответствующих решений.

Различные точки зрения о понимании военного права не позволяют однозначно определить его дефиницию, что отрицательно влияет на эффективность правового регулирования общественных отношений в военной сфере и осложняет систематизацию и кодификацию норм военного права. Этот тезис подтверждается также неоднозначностью того, что закрепляют нормы военного права: принципы[5] или правила[6], или организацион-

[1] Солодовниченко Т.А. Субъективное юридическое право или юридическая обязанность? // Вестник Омского университета. Серия «Право», 2015. С. 32.

[2] Гукасян Р. Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. С. 413.

[3] Солодовниченко Т.А. Субъективное юридическое право или юридическая обязанность? // Вестник Омского университета. Серия «Право», 2015. С. 31.

[4] Яковлев В.Н. Правовые основы военной безопасности России // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 3. С. 58.

[5] Корякин В.М. Введение в теорию военного права (монография). М.: Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. М.: За права военнослужащих, 2007. С. 111—118.

[6] Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 29.

ные основы[1] деятельности военных организаций, или одновременно все перечисленное, и есть ли какое-либо их логическое, последовательное перечисление? Нет ясности и в ответах на вопрос о том, что регулируют нормы военного права: область комплектования и строительства и вооруженных сил[2]; сферу деятельности и военного строительства вооруженных сил[3]? Можно полагать, что авторы приведенных суждений включают в предмет правового регулирования военного права в основном общественные отношения в области строительства, комплектования и деятельности вооруженных сил. Однако проф. А.В. Кудашкин считает, что в названных определениях военного права не обозначена специфика его предмета правового регулирования, и предложил понимать под ним отношения по подготовке и ведению боевых действий, комплектования военных организаций и их материально-технического обеспечения, а также статус военнослужащих[4].

Между тем думается, что специфика общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования военного права, во-первых, определяется объективной необходимостью обороны страны, субъектным их составом и выполняемыми им функциями, решениями специальных задач и достижением поставленных целей в военной сфере, и, во-вторых, касается вопросов управления (администрирования), а также бюджетно-финансового, материально-технического, имущественного и кадрового обеспечения военных организаций. Следовательно, предмет правового регулирования военного права — общественные отношения в военной сфере, в деятельности военных организаций и военнослужащих, и их бюджетно-финансового, материально-технического, имущественного и кадрового обеспечения. В этой связи можно согласиться с выводом проф. А.В. Кудашкина «... о том, что нормы военного права формируют *комплексное военное законодательство* (курсив — П.М.), в которое, наряду с нормами военного права, регулирующими вопросы военной деятельности государства и военно-служебные отношения, входят нормы, относящиеся к другим отраслям права — административному, финансовому, жилищному, земельному и др.»[5]. Здесь также можно дополнить и нормы, относящиеся к трудовому и гражданскому праву, когда речь идет о специфике трудовых и имущественных отношений в деятельности военных организаций.

Таким образом, неоднозначность толкования военного права, его проблемы терминологического и понятийного аппарата, множественность нормативных правовых актов в военной сфере, их динамика, нестабильность, противоречивость, фрагментарность, декларативность, научная необоснованность и неоднородность по предмету правового регулирования не могут не осложнять кодификацию норм военного права.

Однако и здесь мы соприкасаемся с проблемами интерпретации систематизации и кодификации нормативных правовых актов, трактовки терминов «кодекс», «законодательство» и его системы. Так, под кодификацией исследователи понимают:

---

[1] Кудашкин В.В. Фундаментально-теоретические основания военного права (парадигмальный генезис теории военного права) // Труды Института государства и права РАН. 2024. Том 19. № 1. С. 145.

[2] Военное право: монография: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I: История и теория военного права (с предисловием). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 357.

[3] Кудашкин А.В. Военное право / Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия» Рубрика: юриспруденция. 2004–2017 / https://old.bigenc.ru/law/text/1923356; Кудашкин В.В. Фундаментально-теоретические основания военного права (парадигмальный генезис теории военного права) // Труды Института государства и права РАН. 2024. Том 19. № 1. С. 145; Пятаков В.А. Военное право. Конспект лекций. М.: Приор-издат, 2007. С. 3.

[4] Военное право: монография: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I: История и теория военного права (с предисловием). - М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 377, 397—398.

[5] Военное право: монография: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I: История и теория военного права (с предисловием). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. С. 373.

1) форму переработки действующих нормативных актов по их упорядочению и приведению к системе с целью эффективного регулирования общественных отношений в определенной сфере[1];

2) «... упорядочение нормативного массива путем коренной переработки содержания имеющихся в определенной сфере правового регулирования нормативных правовых актов и создания на их основе единого юридически и логически цельного нормативного акта»[2];

3) деятельность по внешней и внутренней переработке действующего законодательства с целью принятия кодекса[3];

4) вид правотворчества, в котором решаются вопросы упорядочения нормативного регулирования общественных отношений определенной сферы [4];

5) «... вид систематизации законодательства, в процессе которого правотворческий орган все выбранные внешне и внутренне обработанные нормативные правовые акты заменяет одним новым с одновременной возможностью кардинального изменения правовой материи путем изменения норм права»[5];

6) создание правового акта, имеющего системное решение в правовом регулировании определенной отрасли права[6];

7) «... разновидность юридической практики (правосистематизирующего правотворчества), направленной на издание нормативно-правовых предписаний, радикальную переработку и упорядочение существующего законодательства, результатом которой является принятие единого внутренне и внешне согласованного нормативного правового акта (конституции, кодекса, устава, Основ законодательства)» [7].

Из смыслового содержания ключевых слов в приведенных определениях кодификации возникает ряд вопросов. Что же представляет собой кодификация: 1) *форму переработки*, упорядочения и приведения в систему *действующих нормативных актов и создание единого нормативного акта*; 2) *деятельность по* внешней, и внутренней *переработки действующего законодательства с целью принятия кодекса*; 3) *вид правотворчества по упорядочиванию нормативного регулирования* общественных отношений определенной сферы; 4) *разновидность юридической практики* (правотворчества) *по изданию* нормативно-правовых *предписаний*, *переработке и упорядочения существующего законодательства для принятия единого нормативного правового акта*; 5) *вид систематизации законодательства по замене обработанных нормативных актов одним новым* с возможностью изменения правовой матери путем изменения норм права; 6) *создание правового акта*, имеющего системное решение в правовом регулировании определенной отрасли права?

По мнению проф. С.В. Полениной: «Общеизвестно, что кодификация законодательства трактуется в юридической науке, судебной практике и даже на бытовом уровне неоднозначно. С одной стороны, как процесс упорядочения и приведения в определенную систему всего действующего законодательства или его отдельных отраслей, именуемый систематизацией, либо как результат правотворчества в рамках того или иного государства (а с последней трети XX века даже на

---

[1] Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Норма, 2007. С. 637.

[2] Томин В.А. Юридическая техника: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. С. 69.

[3] Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юристъ, 1997. С. 380.

[4] Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 235.

[5] Чашин А.Н. Теория юридической систематизации. М.: Дело и Сервис, 2010. С. 46.

[6] Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922—2006). М., 2010. С. 8—9.

[7] Баранов В.М., Карташов В.Н. Юридические принципы технологии правовой кодификации // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25—26 сентября 2008 года) / Под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009. С. 60.

международном уровне), получающий название кодекс (кодифицированный нормативно-правовой акт)» [1].

Кодификацию можно проводить при условии, что нормативный материал стабилизирован и имеет систему регулирования общественных отношений [2]. Однако в настоящее время в России нет нормативного правового акта, который бы регламентировал процесс кодификации, как одной из форм систематизации нормативных правовых актов, а разработка и принятие кодексов осуществляется применительно к так называемым «обычным» законам, без учета специфики кодексов.

Определение понятия кодекса не закреплено в действующих нормативных правовых актах, а в других источниках информации он интерпретируется как:

1) закон объединяющий и *систематизирующий нормы права* (курсив — П.М.) одной отрасли законодательства[3];

2) федеральный закон, содержащий основной *массив связанных между собой правовых норм* (курсив — П.М.), регулирующий значительную сферу (отрасль) общественных отношений [4].

3) «... сводный законодательный акт, в котором объединяются и *систематизируются правовые нормы* (курсив — П.М.), регулирующие сходные между собой, однородные общественные отношения» [5];

4) «... фундаментальный нормативный акт, посредством которого *систематизируются отношения* (курсив — П.М.) всей отрасли права» [6];

Приведенные трактовки кодекса показывают неоднозначность его определения, поскольку речь идет либо о законе, либо о сводном законодательном акте, либо о фундаментном нормативном акте. При этом обращает на себя внимание неясность ответа на вопрос, что систематизируется и кодифицируется: нормы права или общественные отношения?

На наш взгляд, нормы военного права должны закреплять его цели, задачи и принципы; предмет и методы правового регулирования; термины и их определения; основные положения об обороне; статус субъектов военного права и их виды (военные организации, военнослужащие); понятие и виды военно-правовых актов; правовые положения военной службы по призыву и по контракту. Перечисленные «элементы» военного права являются его основными юридическими положениями, которые записаны в разных нормативных правовых актах, в частности в федеральных конституционных и федеральных законах соответственно: об обороне[7], о военном положении[8], о воинской обязанности и военной службе[9], о статусе военнослужащих[10], о

[1] Поленина С.В. Кодификация законодательства во временном и пространственном разрезе // Кодификация законодательства : теория, практика, техника: Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25—26 сентября 2008 г.) / Под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009. С. 46.

[2] Рахманина Т.Н. Актуальные вопросы кодификации российского законодательства // Журнал российского права, 2008. № 4. С. 31.

[3] Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юрист, 2001. С. 425.

[4] Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект). М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013. С. 16.

[5] Неверова А.С. К вопросу о терминологической сущности понятия «международный трудовой кодекс» // Современные проблемы науки и образования, 2010. № 1. С. 133.

[6] Томин В.А. Юридическая техника : учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. С. 70.

[7] Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

[8] Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении».

[9] Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

[10] Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

мобилизационной подготовке и мобилизации[1].

Думается, что названные основные положения должны составлять так называемую «общую» часть военного права, в которую должны быть интегрированы, включены, систематизированы юридические нормы, обозначенные в действующих нормативных правовых актов, и закреплены в Военном кодексе. В его особенную часть должны быть интегрированы нормы права, регулирующие специфику вопросов бюджетно-финансового, материально-технического, имущественного и кадрового обеспечения, а также трудовых отношений в военных организациях.

Список источников

1. Алексеев С.С. Общая теория права : учебник. Москва: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 565 с.
2. Баранов В.М., Карташов В.Н. Юридические принципы технологии правовой кодификации // Кодификация законодательства: теория, практика, техника : Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25—26 сентября 2008 г.) / Под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009. С. 60—72.
3. Военное право : монография: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I: История и теория военного права (с предисловием). Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. 598 с.
4. Военное право : монография: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. 888 с.
5. Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. Москва: Институт государства и права РАН, 2021. 968 с. EDN IZIVOG
6. Вылугин В.В. Проблемные вопросы законодательной базы Российской Федерации в области обеспечения военной безопасности государства и возможные пути их решения // Совершенствование военного законодательства. По материалам научно-практической конференции на тему «Развитие российского военного законодательства на современном этапе (итоги, проблемы, перспективы)». Москва: Издание Государственной Думы, 2013. С. 17—20.
7. Гукасян Р. Е. Избранные труды по гражданскому процессу. Москва: Проспект, 2008. 478 с.
8. Исаков В.Б. Некоторые проблемы новой Российской кодификации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина, 2018. № 4. С. 83—91.
9. Корякин В.М. Введение в теорию военного права (монография) // Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. Москва: За права военнослужащих, 2007.
10. Кудашкин А.В., Кудашкин В.В. Фундаментально-теоретические основания военного права (парадигмальный генезис теории военного права)// Труды Института государства иправа РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2024. Т. 19. № 1. С. 137—164. DOI: 10.35427/2073-4522-2024-19-1-a.v.kudashkin-v.v.kudashkin
11. Кузнецов В.И. «Военная», «войсковая», «воинская»: проблемы терминологии // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 132—148.
12. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922—2006). Москва: Статут, 2010. 734 с.
13. Неверова А.С. К вопросу о терминологической сущности понятия «международный трудовой кодекс» // Современные проблемы науки и образования, 2010. № 1. С. 132—136.
14. Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Норма, 2007.
15. Основы военного права : Учебно-методическое пособие выпускнику УВЦ СФУ. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. 116 с.
16. Поленина С.В. Кодификация законодательства во временном и пространственном разрезе // Кодификация законодательства: теория, практика, техника : Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25—26 сентября 2008 г.) / Под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009. С. 46—59.
17. Потапов М.Г. Военное право: проблемы определения понятия // Военное право. 2025. № 1 (89). С. 40—47.
18. Потапов М.Г. Проблемы правового статуса воинской части войск национальной гвардии России // Военно-юридический журнал, 2017. № 6. С. 11—13.
19. Пятаков В.А. Военное право. Конспект лекций. Москва: Приор-издат, 2007. 206 с.
20. Рахманина Т.Н. Актуальные вопросы кодификации российского законодательства // Журнал российского права, 2008. № 4. С. 30—39.
21. Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7—34.

[1] Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации».

22. Солодовниченко Т.А. Субъективное юридическое право или юридическая обязанность? // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4. С. 29—34.

23. Теория государства и права : Учебник для вузов / Отв. ред. В.Д. Перевалов. Москва: Норма, 2006.

24. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Москва: Юристъ, 1997.

25. Томин В.А. Юридическая техника : учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015.

26. Чашин А.Н. Теория юридической систематизации. Мсква: Дело и Сервис, 2010.

27. Яковлев В. Правовые основы безопасности России // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 3. С. 56—63.

Problems of codification of military law

© **Potapov M.G.**,
Professor of the Department of Civil Law, Associate Professor, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovleva National Guard troops Russian Federation, Associate Professor of the Department of History of State and Law, constitutional law, Novosibirsk Law Institute (branch) Tomsk State University

Annotation. The article outlines the problems of codification of military law, which are caused by the multiplicity of normative legal acts that do not have a single interconnected, hierarchically structured and subordinate system covering the military sphere. The legislation as a whole allows the mechanism of legal regulation in the military activities of the state to function, but its system is not balanced and orderly, which significantly complicates the solution of tasks in this area. In many respects, the above-mentioned problems are also caused by scientific and theoretical issues of understanding the terms “military law” and “codification”, since it is necessary to know what to systematize and how to codify normative material in the military sphere. The solution of these issues is also complicated by the imperfection and inconsistency of the conceptual apparatus used in this sphere. The solution to these problems is seen in the improvement of the terminological and conceptual apparatus of this sphere, as well as in the codification of military law norms. For this purpose, it is proposed to develop a Military Code, in which: 1) the general part would include the legal norms of military law, enshrining its goals, objectives and principles; the subject and methods of legal regulation; terms and their definitions; basic provisions on defense; the status of subjects of military law and their types (military organizations, military servicemen); the concept and types of military legal acts; legal provisions of conscript and contract military service; 2) the special part would consist of integrated legal norms of budgetary-financial, material-technical, property and personnel support, as well as labor relations in military organizations.

Key words: military law, legal norms, systematization, codification, social relations, conceptual and terminological apparatus.

For citation: Potapov M.G. Problems of Codification of Military Law // Military law. 2025. No. 2. pp. 61-70.

The article was received by the editorial office on February 19, 2025.

Органы дознания Вооруженных сил СССР в годы Великой Отечественной войны: особенности регулирования деятельности

© **Шкаревский Денис Николаевич**,
кандидат исторических наук, доцент,
Военный университет имени князя Александра Невского Минобороны России

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена отсутствием специальных исследований данных проблем и практической необходимостью изучения деятельности органов дознания в боевой обстановке. Цель статьи заключается в том, чтобы проследить эволюцию правового регулирования органов дознания в период Великой Отечественной войны на основе инструкций органам дознания РККА и ВМФ. Автор приходит к выводу о наличии ряда отличий в правовом регулировании деятельности органов дознания на флоте и в сухопутных войсках. Например, для органов дознания флота была сохранена такая стадия, как «административное расследование». В Красной армии она была ликвидирована. Наблюдается расхождение инструкций по таким вопросам как: сроки назначения дознавателей, список преступлений по которым проводилось дознание, задачи и правила назначения дознания, правила прекращения дознания. Характер ведомственных инструкций органам дознания несколько отличался. Общими тенденциями в эволюции правового регулирования органов дознания в РККА и ВМФ следует признать: существенное расширение компетенции органов дознания в боевой обстановке, нивелирование разграничения между дознанием и следствием, расширение прав командира части, сокращение обязанностей дознавателя и расширение его прав и компетенции. Также наблюдается легитимизация отступлений от ряда требований ведомственных инструкций в боевой обстановке, т.е. возврат к практике «упрощенчества». Наблюдается расширение толкования отдельных норм уголовного права.

Ключевые слова: специальная юстиция, военная юстиция, органы дознания, военное право.

Для цитирования: Шкаревский Д.Н. Органы дознания Вооруженных сил СССР в годы Великой Отечественной войны: особенности регулирования деятельности // Военное право. 2025. № 2. С. 71—77.

Статья поступила в редакцию 8 февраля 2025 г.

В период «архивной революции» изучение сталинского периода истории России стало весьма популярным среди отечественных и зарубежных исследователей. Однако, большинство их работ были посвящены изучению внесудебных органов. В 2000-х гг. внимание ученых было привлечено к органам общей юстиции. Таким образом, изучение органов специальной юстиции до настоящего времени находится на периферии исторических и историко-правовых исследований.

Между тем, в современных условиях обострения внешнеполитической обстановки весьма актуальным представляется изучение советского опыта правового регулирования органов юстиции в вооруженных силах в условиях боевых действий. Одним из ключевых звеньев данной системы являлись органы дознания. Советская историография по данной теме ограничена. Преобладают работы учебного и справочного характера[1]. Исторический опыт деятельности этих органов изучается небольшим количеством исследователей[2]. В то же время существует

[1] Справочник органам дознания и дознавателям о порядке производства дознаний в Красной Армии / сост.: В. Малишевский [и др.]. - [Б. м.]: Военный Совет Армии, 1945.

[2] Шкаревский Д.Н. Деятельность органов дознания в вооруженных силах СССР в 1930-е гг. // Военно-юридический журнал. 2024. № 5. С. 42—45.

большое количество работ, посвященных изучению различных аспектов современного состояния органов дознания[1]. Такая ситуация приводит к выводу о необходимости глубокого изучения исторического опыта регулирования деятельности советских военных органов дознания в ходе боевых действий.

Отмечу, что в советских вооруженных силах изначально было признано, что расследование «несложных дел о преступлениях, совершенных военнослужащими, целесообразнее всего производить средствами командования части». Объяснялось это следующими причинами: «1. расследование преступлений является в руках командира части одним из средств укрепления воинской дисциплины …; 2) передача расследования по делам о военнослужащих гражданским органам дознания (например, милиции) крайне нежелательна, т.к. она потребовала бы допущения в расположение воинской части посторонних для нее людей; 3) с точки зрения сохранения военной тайны лучше всего поручать расследование преступлений, связанных с нарушением дисциплины, лицам начальствующего состава; 4) расследование происшествий через начальствующий состав своей же части намного ускоряет процесс следствия …; 5) лицо, принадлежащее к составу части, будучи назначено для производства расследования, имеет то преимущество, … что оно хорошо знакомо с обстановкой в части»[2].

Цель статьи состоит в том, чтобы проследить эволюцию правового регулирования органов дознания в период Великой Отечественной войны на основе инструкций органам дознания РККА и ВМФ.

Начало Великой Отечественной войны продемонстрировало несоответствие инструкций органам дознания, принятых в 1940 г., реалиям существующего положения. В связи с этим 24 сентября и 12 ноября 1942 г. были приняты две новые инструкции органам дознания — для ВМФ и РККА СССР. Данные нормативные акты имели много общего. Это объясняется тем, что они основывались на советском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Кроме того, разработчики учитывали предшествующий опыт деятельности органов дознания и инструкции органам дознания 1929, 1931, 1933 и 1940 гг. В то же время, структура и характер инструкций 1942 г. несколько отличаются.

Инструкция органам дознания Красной Армии была введена в действие приказом Наркома обороны СССР № 357. Он определил новые тенденции в развитии дознания. В частности, закреплялось сближение процедур дознания и следствия. Так, п. 1 инструкции устанавливал, что органы дознания расследуют преступления, а п. 3 понимал под дознанием расследование, производимое лицами начальствующего состава (дознавателями) по распоряжению командира части по поводу преступления или чрезвычайного происшествия. Уточнялось, что дознание производится в письменном виде, с соблюдением норм уголовно-процессуальных кодексов. Основная задача дознания состояла в установлении всех обстоятельств преступления (чрезвычайного происшествия), виновных и его причин (п. 10).

Предварительное следствие, в отличие от дознания, проводили военные следователи или сотрудники Особых отделов. Надзор за всеми стадиями осуществляла военная прокуратура. Надзор за дознаниями военный прокурор мог поручать военному следователю. Оговаривалось, что командир части не имел права приостанавливать выполнение указаний военного прокурора, военного следователя, данные по производству дознания. Он мог лишь их обжаловать у вышестоящего военного прокурора. Такая форма, как «административное расследование» была ликвидирована.

[1] Дикарев И.С. Об обоснованности отнесения производства дознания к полномочиям органов дознания // Вестник военного права. 2023. № 2. С. 33—40.

[2] Розенблит С.Я. Дознание в Красной Армии: руководство для дознавателей. М.: НКЮ, 1942. С. 3.

Инструкция уточняла персональную подведомственность. Так, органы дознания РККА в отношении лиц вольнонаемного состава могли расследовать только дела о преступлениях, совершенных в расположении части. Преступления вольнонаемного состава, совершенные вне расположения части подлежали расследованию общими органами юстиции. Но, в случае отсутствия общих органов дознания, расследование поручалось органам военного дознания (п. 9).

Продолжительность сроков дознания сохранялась. Как и в 1930-е гг., общий строк составлял 3 суток, с возможностью пролонгирования не более чем на 14 суток. Но устанавливалось, что в случае незавершения дознания в установленный срок, оно должно передаваться военному следователю для предварительного следствия. Безосновательное затягивание сроков производства дознания становилось основанием для привлечения виновных к ответственности.

Количество дознавателей, определенных для полка, отдельного батальона, роты, оставалось прежним. Число дознавателей в штабах и учреждениях сокращалось с 1—4 до 1—2. Также устанавливалось правило, согласно которому независимо от наличия выделенных дознавателей, командир части мог поручить проведение дознания любому лицу начсостава. При назначении дознавателя, акцент был сделан на «достаточной грамотности» начсостава. Списки дознавателей в течение 3 дней после их утверждения должны были быть направлены военному прокурору соединения.

В инструкции были существенно сокращены обязанности дознавателя. Последний был обязан соблюдать тайну дознания, нормы УПК и УК. Исчезли такие обязанности как поддержание связи с военным следователем, участие в инструктажах, повышение квалификации. Права дознавателя не изменились. Инструкция усилила единоначалие командира. Так, руководство дознанием мог осуществлять только командир части (не комиссар).

Общие принципы производства дознания сохранялись: запрещались угрозы, запугивание, искажение показаний свидетелей; запрещалось «загромождение» материалов дознания второстепенными материалами, акцентировалось внимание на сборе материалов о личности обвиняемого и т.п.

Основные виды доказательств, по сравнению с инструкциями 1933 и 1940 гг., не изменились: показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы, личные показания обвиняемого. Рекомендации по сбору доказательств претерпели незначительные (косметические) изменения.

Процедура окончания дознания также не изменилась, по сравнению с предшествующими инструкциями. Командир части мог принять решение о предании обвиняемого суду Военного трибунала; прекращении дознания; направлении дознания для дальнейшего следствия военному следователю.

В то же время отмечается расширение прав командира части. Например, после прекращения дознания он мог наложить на обвиняемого дисциплинарное взыскание; направить его в штрафную часть во внесудебном порядке, издав приказ по части, или передать дело на рассмотрение товарищеского суда (п. 76).

Также инструкция 1942 г. (п. 81) обязывала дознавателя составлять обвинительное заключение. Оно должно было быть «кратким и ясным», и состоять из описательной и резолютивной частей. К этому документу следовало приложить список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание. Утвержденное командиром части обвинительное заключение направлялось военному прокурору, а затем в военный трибунал.

В инструкции содержался раздел «Методические указания по расследованию отдельных видов преступления». Среди основных преступлений наибольшее внимание законодатель уделял дознанию по делам о преступлениях, связанных с трусостью и неустойчивостью (о

самовольном оставлении поля боя, об оставлении позиции без приказа свыше), о членовредительстве и дезертирстве, о неисполнении приказания, о хищениях и промотании военного имущества, о нарушении правил караульной службы, о хулиганстве (дебош), об оскорблении.

Например, при расследовании дел об оскорблении дознаватель должен был выяснить, находились ли оскорбитель или оскорбленный при исполнении служебных обязанностей, в чем выразилось оскорбление, время и обстоятельства происшествия, личность виновного и потерпевшего, мотивы оскорбления, состояние виновного (состояние опьянения не относилось к обстоятельствам, исключающим или смягчающим вину), причины оскорбления. Если оскорбление было нанесено письменно или «в форме рисунка», то этот «письменный документ» следовало приложить к материалам дознания.

При расследовании дел о членовредительстве следовало выяснить, кем было нанесено повреждение, установить умысел, определить цель (уклонение от воинской службы). К доказательствам по таким делам относились: заключение судебно-медицинского и технического экспертов, «прокладки и приспособления, обнаруженные на месте происшествия и следы близкого выстрела», орудия членовредительства, показания свидетелей и обвиняемого, переписка обвиняемого.

Интересно, что п. 106—108 инструкции к членовредительству относили и дела о симуляции заболевания. К доказательствам по этим делам относились: заключение судебно-медицинского эксперта, документация санитарной службы (история болезни), показания свидетелей и обвиняемого, переписка последнего. Также было предусмотрено проведение «стационарного испытания» в военном госпитале в случае невозможности судебно-медицинской экспертизы.

По делам о хулиганстве (дебоше) при установлении, что пьянство сопровождалось «выведыванием или разбалтыванием военной тайны», следовало материалы дознания передать в Особый отдел НКВД[1].

Инструкция по производству дознания в ВМФ СССР была введена в действие приказом Наркома Военно-Морского Флота № 262 от 24 сентября 1942 г. Данный документ несколько отличался от инструкции органам дознания РККА. Так, этот документ устанавливал, что военные дознаватели назначались командиром приказом по части на срок 6 месяцев. Но в условиях боевой обстановки командир самостоятельно мог устанавливать и иные сроки, а также поручать проведение дознания любому лицу начальствующего состава. Количество дознавателей по отдельным частям также снизилось. Например, по инструкции 1940 г. следовало на линейном корабле выделять 4—5 дознавателей, а по инструкции 1942 г. — 2—3.

Инструкция органам дознания ВМФ, как и инструкция органам дознания РККА, сближала процедуры дознания и следствия. Но, в отличие от Инструкции органам дознания Красной Армии 1942 г., она сохранила такую форму как административное расследование для выяснения обстоятельств проступка или происшествия. Административное расследование, в отличие от дознания, производилось в произвольной форме и могло поручаться любому лицу.

Список преступлений, по которым проводилось дознание в ВМФ, был более широким, чем в РККА. Наряду с отмеченными выше, в него вошли: принуждение лица, находящегося при исполнении обязанностей по военной службе, к нарушению этих обязанностей, оказание сопротивления, мародерство, дискредитация, растраты.

Среди основных принципов дознания в ВМФ отмечались: полнота, всесторонность, объективность, быстрота. Основной задачей дознания была названа:

[1] Инструкция органам дознания Красной Армии: приказ Народного комиссара обороны СССР от 12 ноября 1942 г. № 357 // Сборник документов по истории советской военной юстиции / под ред. Л. Гусева. М.: ВЮА, 1951. С. 402—422

«в наиболее короткий срок, при наименьшем количестве дознавательских действий, добиться полноты и всесторонности дознания». Для ее достижения в условиях военных действий Инструкция разрешала дознавателю вместо плана дознания составлять перечень основных вопросов, подлежащих выяснению.

Производство дознания разрешалось лишь при наличии достаточных к тому оснований и в тех случаях, когда в отношении виновного предполагалась необходимость применения уголовного наказания. В условиях боевых действий дознавателю разрешалось проводить все следственные действия по сложным делам, не дожидаясь прибытия военного следователя.

Также Инструкция по производству дознания в ВМФ СССР уточняла основания для прекращения дознания. Среди них были: смерть обвиняемого, отсутствие в действиях обвиняемого состава преступления, недостаточность собранных по делу улик, малозначительность действия и отсутствие вредных последствий, нецелесообразность предания суду, когда действия потеряли характер общественно-опасных или лицо перестало быть общественно-опасным.

Инструкция содержала раздел «Основные вопросы расследования отдельных видов преступлений». Среди них выделялись дела о неисполнении приказаний, самовольных отлучках, дезертирстве, побеге с поля боя, нарушении уставных правил караульной и вахтенной службы, членовредительстве, нанесении оскорблений, промотании и порче предметов военного имущества, кражах, хулиганстве.

Например, в ходе дознания по делам о краже следовало произвести осмотр помещений, для установления следов и способов преступления, порядка размещения предметов. Затем следовало установить размеры похищенного и время совершения преступления. После следовало выяснить у командования и потерпевших на кого падает подозрение. При наличии достаточных оснований у подозреваемых проводился обыск. При этом «повальные массовые обыски» запрещались.

К членовредительству инструкция не относила дела о симуляции болезни. При расследовании дел о дезертирстве, побеге с поля боя следовало задержать дезертира и в ходе допросов свидетелей установить его вину[1].

Такое расширение функций органов дознания привело к следующим последствиям. К концу войны 2/3 дел о дисциплинарных и воинских преступлениях были расследованы органами дознания, 20 % их прекращались[2]. В военные трибуналы органами дознания направлялось с обвинительным заключением 19,7 % дел[3]. В целом, руководством деятельность органов дознания оценивалась как неудовлетворительная в связи с низким качеством и длительными сроками производства следственных действий.

Инструкции органам дознания ВМФ и РККА 1942 г. существенно расширяли деятельность органов дознания в боевой обстановке. Практически исчезло разграничение между дознанием и следствием. К тому же в РККА исчезла такая стадия как «административное расследование». Отмечается расширение прав командира части: во внесудебном порядке по итогам дознания он получает право выносить наказание (направление в штрафную часть). Контроль и руководство за органами дознания были оставлены за командиром части, а комиссары потеряли эти права. Происходит сокращение обязанностей дознавателя и расширение его прав и компетенции.

---

[1] Инструкция по производству дознания в Военно-Морском флоте СССР: приказ Народного комиссара Военно-Морского флота СССР от 24 сентября 1942 г. № 262 // Сборник документов по истории советской военной юстиции / под ред. Л. Гусева. М.: ВЮА, 1951. С. 377— 397.

[2] Кравцов Б. Советское военное законодательство в период Великой Отечественной войны. М.: ВПА, 1960. С. 122—123

[3] Военная прокуратура Красной Армии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Т. 1 / С. Маликов, И. Мишуткин, А. Сливков, Д. Сидорик, Т. Шнякина. М.: ВУ, 2021. С. 196.

Основные принципы производства дознания сохранялись. Однако, в условиях боевой обстановки от некоторых из них разрешалось отступать. Таким образом, сохраняется традиция «упрощенчества» при наличии определенных обстоятельств. Наблюдается расширение толкования отдельных норм уголовного права. Так, в понятие «членовредительство» стали включать случаи симуляции заболеваний.

Также имело место расхождение инструкций органам дознания в РККА и ВМФ по ряду вопросов: сроки назначения дознавателей, сохранение процедуры административного расследования, список преступлений по которым проводилось дознание, задачи и правила назначения дознания, правила прекращения дознания. В целом представляется, что инструкция органам дознания ВМФ была несколько мягче, чем инструкция органам дознания РККА.

Список источников

1. Военная прокуратура Красной Армии в годы Великой Отечественой войны (1941—1945). Т. 1 / С. Маликов, И. Мишуткин, А. Сливков, Д. Сидорик, Т. Шнякина. Москва: Военный университет, 2021. 461 с.

2. Дикарев И.С. Об обоснованности отнесения производства дознания к полномочиям органов дознания // Вестник военного права. 2023. № 2. С. 33—40.

3. Кравцов Б. Советское военное законодательство в период Великой Отечественой войны. Москва: ВПА, 1960. 129 с.

4. Розенблит С.Я. Дознание в Красной Армии: руководство для дознавателей. Москва: НКЮ, 1942. 58 с.

5. Самарин В.А. Особенности организации и функционирования следственных органов Ленинграда в годы блокады 1941—1944 гг. // Правда и закон. 2024. № 3. С. 16—24.

6. Справочник органам дознания и дознавателям о порядке производства дознаний в Красной Армии / сост.: В. Малишевский [и др.]. - [Б. м.]: Военный Совет Армии, 1945. 264 с.

7. Шкаревский Д.Н. Деятельность органов дознания в Вооруженных силах СССР в 1930-е гг. // Военно-юридический журнал. 2024. № 5. С. 42—45.

The enquiry in the Armed Forces of the USSR during the Great Patriotic War: Peculiarities of Regulation of Activities

© **Shkarevsky D.N.**,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Military University

Abstract. The relevance of the article is due to the lack of special studies. There is also a practical need to study the activities of bodies of enquiry in a combat situation. The purpose of the article is to trace the evolution of legal regulation of the bodies of enquiry during the Great Patriotic War on the basis of instructions to the bodies of enquiry of the Red Army and the Navy. The author comes to the conclusion that there are a number of differences in the legal regulation of the activities of the bodies of enquiry in the navy and in the land forces. For example, such a stage as 'administrative investigation' was preserved for the bodies of enquiry in the Navy. In the Red Army it was liquidated. There is a divergence of instructions on such issues as: the terms of appointment of inquirers, the list of offences for which the enquiry was conducted, the tasks and rules of appointment of the enquiry, the rules of termination of the enquiry. The nature of departmental instructions to bodies of enquiry differed somewhat. The general tendencies in the evolution of legal regulation of the bodies of enquiry in the Red Army and Navy should be recognised as follows: significant expansion of the competence of the bodies of enquiry in a combat situation, levelling of the distinction between enquiry and investigation, expansion of the rights of the unit commander, reduction of the duties of the inquirer and expansion of his rights and competence. There is also a legitimisation of deviations from a number of requirements of departmental instructions in a combat situation, i.e. a return to the practice of 'simplification'. There is an expansion of interpretation of certain norms of criminal law.

Keywords: special justice, military justice, bodies of enquiry, military law.

For citation: Shkarevsky D.N. Bodies of Inquiry of the Armed Forces of the USSR during the Great Patriotic War: peculiarities of Activity regulation // Military law. 2025. No. 2. pp. 71-77

The article was received by the editorial office on February 8, 2025.

Военно-административное право

Унификация правовых актов, регламентирующих деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях специальной военной операции

© **Минтягов Станислав Андреевич,**
юрист

Аннотация. Статья посвящена анализу нормативной правовой базы, регулирующей деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях специальной военной операции. Автором выявляются фрагментарность и пробельность в различных правовых актах, регламентирующих деятельность военной полиции в данном контексте. На основе выявленных проблемных аспектов предлагаются пути унификации правовых актов, направленных на повышение эффективности работы военной полиции в частности, а также обеспечение единства правоприменения в целом.

***Ключевые слова*:** военная полиция, особые периоды, унификация, специальная военная операция.

Для цитирования: Минтягов С.А. Унификация правовых актов, регламентирующих деятельность военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в специальной военной операции // Военное право. 2025. № 2. С. 78—84.

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2025 г.

Повышение эффективности деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях специальной военной операции определяет актуальность исследования данной тематики. Успешное выполнение возложенных на нее задач во многом зависит от четкости и непротиворечивости правовой базы, регламентирующей ее функционирование. На практике наблюдается фрагментарность и пробельность правовых актов, регулирующих деятельность военной полиции в специальной военной операции, что создает определенные трудности в правоприменительной практике и снижает эффективность работы данного военного правоохранительного органа.

Настоящая статья посвящена анализу существующих проблем в правовом регулировании деятельности военной полиции в ходе специальной военной операции и предложению путей унификации нормативных правовых актов, направленных на устранение выявленных противоречий и повышение эффективности правового обеспечения деятельности военной полиции.

Начало специальной военной операции обусловило формирование специфического правового регулирования, характерного для военных действий. В действующее законодательство были внесены многочисленные изменения, затрагивающие вопросы прохождения военной службы, социального обеспечения, юридической ответственности и другие сферы[1]. Одновременно формировалась правоприменительная и судебная практика, интерпретирующая новые правовые нормы.

Несмотря на отсутствие кодифицированного законодательства военного времени, вместо традиционной практики внесения изменений в существующие законы, были приняты отдельные федеральные законы, регулирующие некоторые аспекты, связанные со специальной военной

[1] Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : монография. М.: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025.

операцией[1]. Анализ причин данного явления представляет собой тему отдельного исследования.

В действующих до начала специальной военной операции правовых актах, а также принятых впоследствии упоминается ряд ключевых понятий, таких как: «военное время», «военная угроза», «военный конфликт», «вооруженный конфликт», «боевые действия», «военные действия», «военное положение», «чрезвычайное положение», «состояние войны», «территориальная оборона», «мобилизация», «период непосредственной угрозы агрессии», «контртеррористическая операция», «специальные задачи» «специальные операции», «особый период», «угрожаемый период»[2].

Такое многообразие правовых понятий, часть из которых не имеет нормативного закрепления, усложняет правоприменительную практику.

В соответствии с принятыми поправками в законодательство выделены периоды и условия, при которых регулируется те или иные правоотношения. Так, например, в ст. 332 УК РФ содержится указание на периоды военного положения и военного времени, а к условиям отнесены вооруженный конфликт или боевые действия.

В ст. 333 того же кодекса перечислены периоды мобилизации, военного положения и военного времени. Аналогичная формулировка относительно особых периодов применена в других статьях кодекса (337, 338 и др.), а также в проекте федерального закона об особенностях применения и исполнения дисциплинарного ареста в отношении военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции[3]. В первоначальной редакции, внесенной в Государственную Думу, он назывался «О некоторых особенностях применения дисциплинарного взыскания — дисциплинарный арест в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время».

Несмотря на отсутствие содержательной регламентации в рассматриваемых нормативных актах, необходимое толкование предоставлено судебной практикой. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» периоды мобилизации, военного положения, военного времени обозначены (в скобках) как особые периоды (п. 2 Постановления Пленума). В свою очередь к видам вооруженного противоборства судом отнесены: войны, проведение контртеррористических операций, вооруженные конфликты, защита Государственной границы Российской Федерации[4].

При этом, как указано в абз. седьмом п. 2 Постановления Пленума, боевые действия, в которые входят все виды вооруженного противоборства, и иные случаи, в том числе операции по поддержанию международного мира и безопасности, а также выполнение всех боевых (оперативных) задач, могут проходить в определенном районе и в определенный период при выполнении поставленных боевых (оперативных) задач.

Определения, содержащиеся в рассматриваемых нормативно-правовых актах и судебной практике, характеризуются фрагментарностью и внутренними противоречиями, что обусловливает необходимость их унификации.

У М.А. Рыльской, исследующей унификацию законодательства, встречается такое понятие как «чрезвычайное законо-

[1] См., например: О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» : федер. закон от 14 апреля 2023 г. № 120-ФЗ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 24 июня 2023 г. № 269-ФЗ и др.

[2] Некоторые из данных понятий содержатся в правовых актах, носящих закрытый характер.

[3] Об особенностях применения и исполнения дисциплинарного ареста в отношении военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции : федер. закон от 8 августа 2024 г. № 231-ФЗ.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

дательство»[1]. Как отмечается указанным автором, в жизнедеятельности любого государства появляются специфические периоды, которые должны регулироваться совокупностью особых, чрезвычайных средств регламентирования общественных и международных отношений, а именно — системой нормативно-правовых актов чрезвычайного законодательства. Чрезвычайное законодательство должно содержать совокупность нормативных правовых актов различной юридической силы, которые приобретают силу на определенный срок при наступлении кризисных ситуаций мирного или военного времени и предусматривающее возможность ограничения конституционных прав и свобод определенного вида субъектов права[2].

В.М. Корякин, рассматривая вопросы юридической ответственности военнослужащих в особых государственно-правовых режимах, именует их «специальные режимы» к которым относит: военное время, состояние войны, военное положение, период мобилизации, контртеррористические операции, миротворческие операции, военные действия, вооруженные конфликты[3].

Напомним, что согласно п. 40 ст. 20 Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации (УВП ВС РФ) на военную полицию возложена функция по участию в обеспечении режимов чрезвычайного и военного положения, участие в мероприятиях территориальной обороны, в проведении контртеррористических операций. Правовая регламентация деятельности военной полиции в период непосредственной угрозы агрессии и военного времени осуществляется на основе федеральных конституционных законов, федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации и Боевого устава военной полиции. Данные нормативные акты определяют направления деятельности, функции и полномочия военной полиции в указанных условиях (ст. 38 УВП ВС РФ).

Следовательно, приобретает актуальность работа в упорядочении и систематизации правовых актов, регламентирующих деятельность военной полиции в специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской, Запорожской областях и Украины.

Анализ вышеуказанной нормативной базы выявляет терминологическую неоднозначность и потенциальные коллизии.

С.В. Маликов и А.Н. Савенков, исследуя вопросы деятельности следственных органов в вооруженных конфликтах, справедливо отмечают важность правового регулирования при привлечении к ответственности военнослужащих, совершивших преступления в районах вооруженного конфликта, на которых вводятся особые (чрезвычайные) меры и которые сопровождаются установлением исключительных (особых) правовых режимов[4]. Под указанными режимами понимаются специальные правовые режимы деятельности органов власти и управления, допускающие ограничения правосубъектности физических и юридических лиц, вводимые в качестве временной социально-объективной и правовой меры обеспечения безопасности личности, общества и государства, определяемой сложившимися конкретными чрезвычайными обстоятельствами[5].

Считаем, что применение военной полиции в миротворческих операциях следует рассматривать вместе с другими видами операций (контртеррористических, специальных военных операций) в одном объединяющем контексте — в

[1] Рыльская М.А. Чрезвычайное законодательство: теория и практика применения // Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса». М.: Институт государства и права РАН, 2023. С. 219.

[2] Там же.

[3] Корякин, В.М. Юридическая ответственность военнослужащих в условиях специальных режимов: проблемные вопросы // Военное право. 2023. № 2. С. 116—122.

[4] Маликов С.В. Савенков, А.Н. Руководство по военно-полевой криминалистике. М., 2001. С. 87.

[5] Исмагилов Р.Ф., Карагодин А.В., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения. СПб. 2003. С. 116—117.

условиях военного конфликта. Такой вывод подтверждается судебной практикой. Так, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда от 18 мая 2023 г. № 11 в понятие «боевые действия» входит применение Вооруженных Сил, которое охватывает все виды вооруженных конфликтов, и иные случаи, в том числе операции по поддержанию международного мира и безопасности, а также выполнение всех боевых (оперативных) задач, вне зависимости от периода.

Довольно полно и четко понятие «контртеррористическая операция» определено в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Однако следует отметить, что понятие «правовой режим контртеррористической операции» в рассматриваемом нами законе не раскрывается. В ст. 11 закона указывается, что в целях пресечения и раскрытия террористического акта, а также минимизации его последствий может вводиться правовой режим контртеррористической операции.

Ученые рассматривают понятие «правовой режим» не единообразно, в связи с чем, данный вопрос можно отнести к дискуссионным. Однако у всех авторов выделяется общетеоретический аспект понятия «правовой режим»[1].

По мнению М.П. Киреева и А.А. Беляева, под правовым режимом следует понимать правовой институт, устанавливаемый государством, который включает в себя: специальный порядок регулирования; совокупность правовых мер, предназначенных для решения специфических задач; охрану общественных отношений; воздействие на поведение субъектов; обеспечение безопасности граждан и защиты конституционного строя; обеспечение функционирования публично-властных субъектов в особых обстоятельствах[2].

По мнению тех же авторов правовой режим контртеррористической операции — это особый правовой институт, устанавливаемый государством, предусматривающий систему специфических мер и действий оперативно-розыскного, разведывательного, предупредительного характера, с применением боевой и специальной техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта и преступлений террористической направленности, обеспечению безопасности граждан и учреждений, а также минимизации последствий[3].

Таким образом, контртеррористическую операцию можно рассматривать в первом случае как форму вооруженной борьбы, то есть как операцию, а во втором — как особый правовой режим, аналогичный военному или чрезвычайному положению.

Кроме этого необходимо также обратить внимание на еще один период, упомянутый в УВП ВС РФ (ст. 38) и относящийся к особому — чрезвычайное положение.

Стоит отметить, что наблюдается значительное сходство между задачами, которые могут быть возложены на военную полицию в условиях чрезвычайного положения, и задачами, выполняемыми ею в условиях военного положения. Однако ни один нормативный правовой акт не содержит закрепления этих задач.

В контексте гармонизации правовых актов, регулирующих деятельность военной полиции по обеспечению законности в условиях специальной военной операции, следует принять во внимание вывод современной теории военного права об важности детальной регламентации воинских правоотношений, которая является одним из основных принципов правового регулирования в условиях особых право-

[1] Беляева Г.С. Правовой режим: общетеоретическое исследование : авторф. дис … д-ра юрид. наук. Курск, 2013; Исаков В.Б. Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права. М., 1987 С. 245—267; Малько А.В., Родионов О.С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 9. С. 19—25; Тирских, М.Г. Право в государствах с авторитарным политическим режимом // Сибирский юридический вестник. 2011. № 3. С. 109—115.

[2] Киреев М.П., Беляев А.А. Контртеррористическая операция и ее правовой режим: теоретико-правовой аспект // Труды Академии управления МВД РФ. 2017. № 3. С. 40.

[3] Там же.

вых режимов. Этим целям служит законодательство военного времени[1].

Другие ведущие ученые в области военно-правовых исследований отмечают важность единой терминологии в международном праве как фактора унификации теории и практики, а также поиска компромиссных решений между государствами. Точность и однозначность правовой терминологии в рамках внутригосударственного регулирования также играет важную роль, определяя границы правового регулирования и обеспечивая последовательность и ясность в правоприменении. При специальная военная операция рассматривается как новый правовой институт[2].

Согласимся с мнением А.В. Кудашкина и И.В. Холикова[3] о том, что с началом проведения специальной военной операции стала проявляться специализация законодательства на уровне отдельных правовых норм, регулирующих различные сферы (например, порядок награждения в зоне специальной военной операции[4]), а также появление отдельных субинститутов, таких как денежное обеспечение участников специальной военной операции[5], юридическая ответственность для участников специальной военной операции[6] и др.) с последующей интеграцией в единый правовой институт специальной военной операции.

Таким образом, определяя практическую значимость научных исследований в данной области можно с осторожностью сказать о том, что обеспечение законности в специальной военной операции образует собой сложный (комплексный) межотраслевой институт права вооруженных конфликтов. Данный институт может включать в себя отдельные субинституты, включающие обеспечение законности в различные особые периоды (военного положения, мобилизации и т.д.) или в конкретной форме военного конфликта (специальных военных операциях, военно-полицейских операциях).

Хотя рассматриваемый институт демонстрирует признаки межотраслевого характера, находясь на границе с такими институтами, как «правовое положение участников военных конфликтов» и «юридическая ответственность в военное время», его межотраслевая природа требует более детального научного анализа.

На основе проведенного анализа основных понятий, а также сформулированного определения «специальная военная операция» заключим, что правовые акты, регламентирующие деятельность военной полиции в специальной военной операции, а также в других особых условиях и периодах нуждаются в совершенствовании и требуют идентичные формулировки.

В этой связи целесообразно внести изменения в ряд нормативных правовых актов, регламентирующих ее деятельность, в первую очередь в УВП ВС РФ. В этих актах необходимо закрепить положения о деятельности военной полиции в особые периоды, а также дать определения всем современным формам вооруженной борьбы неуказанным в законодательстве в качестве норм-дефиниций.

В целях проведения унификации законодательства, регламентирующего деятельность военной полиции в различные периоды, а также в различных вооруженных конфликтах предлагается новая дефиниция — «особые периоды», под которыми следует понимать временной про-

[1] Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. М.: Институт государства и права РАН, 2021. С. 173—192

[2] Корякин В.М. Специальная военная операция как особый правовой режим // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 8. С. 2—15; Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 15.

[3] Кудашкин А.В., Холиков И.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64) . С. 36.

[4] О некоторых вопросах награждения личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 7 октября 2022 г. № 722.

[5] О внесении изменений в некоторые указы Президента Российской Федерации : указ Президента РФ от 6 июня 2022 г. № 355.

[6] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер закон от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ.

межуток, характеризующийся исключительными условиями, которые требуют особых мер, правил и процедур.

К особым периодам нами отнесены: военное время, непосредственная угроза агрессии, военное положение, чрезвычайное положение, мобилизация, правовой режим контртеррористической операции. Под условиями будут пониматься все формы вооруженной борьбы, представляющие собой виды вооруженного противоборства при которых ведутся боевые действия (войны и вооруженные конфликты), а также операции (военно-полицейские (миротворческие и контртеррористические), специальные военные операции).

Целесообразно обеспечить интеграцию данной позиции во все нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность военной полиции, посредством внесения в них соответствующих изменений.

Список источников

1. Беляева Г.С. Правовой режим: общетеоретическое исследование : авторф. дис … д-ра юрид. наук. Курск, 2013. 44 с.

2. Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. Москва: Институт государства и права РАН, 2021. 968 с. EDN IZIVOG

3. Исмагилов Р.Ф., Карагодин А.В., Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения : монография. Санкт-Петербург, 2003. 144 с.

4. Исаков, В.Б. Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права. Москва, 1987 С. 245—267.

5. Киреев М.П., Беляев А.А. Контртеррористическая операция и ее правовой режим: теоретико-правовой аспект // Труды Академии управления МВД РФ. 2017. № 3. С. 36—40.

6. Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : монография. Серия: Теория и история государства и права. Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 360 с. ISBN 978-5-605-22287-3. EDN KYVIBT

7. Корякин В.М. Специальная военная операция как особый правовой режим // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 8. С. 2—15. EDN: OAHVQS

8. Корякин В.М. Юридическая ответственность военнослужащих в условиях специальных режимов: проблемные вопросы // Воен. право. 2023. № 2. С. 116—122. EDN: DYZMWV

9. Кудашкин А.В., Холиков И.В. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64) . С. 36. https://doi.org/10.20542/2307-1494-2023-1-31-47.

10. Маликов С.В., Савенков А.Н. Руководство по военно-полевой криминалистике. Москва: Этника, 2001. 654 с.

11. Малько А.В., Родионов О.С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 9. С. 19—25.

12. Рыльская, М.А. Чрезвычайное законодательство: теория и практика применения // Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса». Москва: Институт государства и права РАН, 2023. С. 218—229.

13. Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7—34.

14. Тирских М.Г. Право в государствах с авторитарным политическим режимом // Сибирский юридический вестник. 2011. № 3. С. 109—115.

Unification of legal acts regulating the activities of the military police of the Armed Forces of the Russian Federation in a special military operation

© **Mintyagov S.A.,**
lawyer

Abstract. The article is devoted to the analysis of the regulatory legal framework governing the activities of the military police of the Armed Forces of the Russian Federation in a special military operation. The author identifies fragmentation and gaps in various legal acts regulating the activities of the military police in this context. Based on the identified problematic aspects, ways to unify legal acts aimed at improving the effectiveness of the military police in particular, as well as ensuring the unity of law enforcement in general, are proposed.

Keywords: military police, special periods, unification, special military operation.

For citation: Mintyagov S.A. Unification of Legal Acts Regulating the Activities of the Military Police of the Armed Forces of the Russian Federation in a Special Military Operation // Military law. 2025. No. 2. pp. 78-84.

The article was received by the editorial office on February 15, 2025.

Дисциплинарная ответственность военнослужащих в виде отчисления из военной образовательной организации: практика военных судов

© **Морозов Кирилл Олегович**,
студент юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена правовым аспектам дисциплинарной ответственности военнослужащих в виде отчисления из военной профессиональной образовательной организации. Анализируются примеры дел из практики военных судов, в которых рассматривалась правомерность отчисления военнослужащих из военной профессиональной образовательной организации с последующим увольнением с военной службы. Рассматривается роль военных судов в оценке законности таких решений, выявляются ошибки, приводившие к отмене наказаний.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, курсанты, практика судов, отчисление, увольнение с военной службы.

Для цитирования: Морозов К.О. Дисциплинарная ответственность военнослужащих в виде отчисления из военной образовательной организации: практика военных судов // Военное право. 2025. № 2. С. 85—91.

Статья поступила в редакцию 17 января 2025 г.

Военная служба является особым видом федеральной государственной службы, исполняемой, как правило, гражданами Российской Федерации в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах. Граждане, проходящие военную службу, являются военнослужащими и в связи с этим, обладают особым правовым статусом, установленным Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

Основополагающим фактором обеспечения правопорядка, формирования правомерного поведения и правопонимания среди военнослужащих является воинская дисциплина[1].

В соответствии со ст. 26 Федерального закона «О статусе военнослужащих» воинский долг обязывает военнослужащих строго соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы Российской Федерации, требования общевоинских уставов, Корабельного устава Военно-Морского Флота, беспрекословно выполнять приказы командиров, быть дисциплинированными.

Из ст. 1 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации (ДУ ВС РФ) следует, что «воинская дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами, общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и приказами (приказаниями) командиров (начальников)».

Таким образом, воинское поведение складывается из законопослушного, уставного и подчиненного поведения[2].

Возлагая на военнослужащих повышенный стандарт поведения и устанавливая за его нарушение дисциплинарную ответственность, законодатель преду-

[1] Григорьев О.В. Воинская дисциплина: в истории и современной России // Интерактивная наука. 2016. № 3. С. 24.

[2] Куликов А.Ю. Психолого-педагогические проблемы работы офицера по укреплению воинской дисциплины // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. № 2. 2010. С. 205.

смотрел строгую, последовательную процедуру привлечения военнослужащих к такому виду ответственности, что обеспечивает, с одной стороны, поддержание воинской дисциплины, а с другой — защиту военнослужащего от необоснованного привлечения к ответственности.

Как известно и следует из ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих», военнослужащими являются, в числе иных граждан, курсанты военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования. Для таких военнослужащих предусмотрен особый вид дисциплинарного взыскания — отчисление из военной профессиональной образовательной организации или военной образовательной организации высшего образования, влекущий за собой по правилам подп. «ж» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» увольнение с военной службы.

Ответственности военнослужащих посвящены ряд диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук: в 1996 г. защищена кандидатская диссертация А.С. Лопатина («Административная ответственность военнослужащих и порядок ее реализации»), в 2009 г. — диссертации Н.В. Савосиной («Правовое регулирование административной ответственности военнослужащих в Российской Федерации»), А.И. Бойчук («Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: вопросы теории и правового регулирования»), С.И. Бойчук («Производство по делам об административных правонарушениях судьями гарнизонных военных судов»). Вопросы дисциплинарной ответственности военнослужащих поднимаются в докторской диссертации М.Б. Добробабы , защищенной в 2018 г. и посвященной дисциплинарной ответственности в системе государственно-служебных правоотношений.

Научные публикации в периодических научных изданиях в основном посвящены либо вопросам ответственности военнослужащих за совершение административных правонарушений, либо вопросам дисциплинарной ответственности в контексте историко-правовых исследований. В этой связи актуальным представляется рассмотрение вопросов привлечения военнослужащих-курсантов к дисциплинарной ответственности в виде отчисления из военной образовательной организации в контексте сложившейся судебной практики.

Нормативно-правовую основу настоящего исследования составили Конституция Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), федеральное законодательство по вопросам воинской обязанности и военной службе, статусе военнослужащих, а также общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации.

Эмпирической базой послужили материалы судебной практики по рассмотрению судьями военных судов административных дел об оспаривании решений об увольнении с военной службы в связи с отчислением из военной образовательной организации. На основе материалов судебной практики военных судов предлагается проследить и проанализировать допускаемые при проведении разбирательств и принятии решений о привлечении к дисциплинарной ответственности ошибки, приведшие впоследствии к отмене оспариваемого решения и восстановлению военнослужащих-курсантов на военной службе и учебе в военной профессиональной образовательной организации.

1. *Грубый дисциплинарный проступок должен быть доказан в установленном законом порядке*

Как следует из ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с совершением административного правонарушения, связанного с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ. Грубым дисциплинар-

ным проступком признается административное правонарушение, за которое военнослужащий в соответствии с КоАП РФ несет дисциплинарную ответственность (приложение № 7 к ДУ ВС РФ).

Административная ответственность потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ установлена ст. 6.9 КоАП РФ. При этом, в силу ст. 2.5 КоАП РФ, за совершение названного административного правонарушения военнослужащие несут дисциплинарную ответственность.

Так, военнослужащие В.Е. Жирков и Д.Б. Кратис проходили военную службу по контракту в должности курсантов в Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского.

Из протоколов о грубом дисциплинарном проступке, исследованных в судебных заседаниях, следует, что 10 июня 2021 г. В.Е. Жирков и Д.Б. Кратис были подвергнуты сотрудниками военной полиции экспресс-тестированию на наличие наркотических средств в организме. Результат — выявлено содержание наркотического вещества (марихуаны).

В связи с названным результатом, оба курсанта были доставлены сотрудниками военной полиции для прохождения медицинского освидетельствования, по результатам которого, как следует из исследованной в судебном заседании справки, в исследованных биологических материалах следов метаболитов тетрагидроканнабинола не обнаружено. В возбуждении дела об административном правонарушении было отказано.

Вместе с тем, оба курсанта приказом начальника Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского привлечены к дисциплинарной ответственности в виде отчисления из военной образовательной организации за совершение грубого дисциплинарного проступка, а впоследствии — уволены с военной службы в связи с отчислением из образовательной организации.

Оспаривая названные решения, В.Е. Жирков и Д.Б. Кратис обратились в 224 гарнизонный военный суд с административным исковым заявлением.

Военный суд, исследовав представленные материалы и заслушав доводы сторон, пришел к следующему выводу.

Действительно, в соответствии со ст. 2.5 КоАП РФ, военнослужащие несут дисциплинарную ответственность за административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ. При этом дела об административных правонарушениях должны возбуждаться уполномоченными на то должностными лицами (органами), а обстоятельства совершенного правонарушения должны быть установлены в соответствии с требованиями КоАП РФ также уполномоченными на то должностными лицами (органами).

В силу ст. 23.1 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена ст. 6.9 КоАП РФ, рассматриваются судьями, которые после выяснения всех обстоятельств совершения административного правонарушения в силу ч. 2 ст. 24.5 КоАП РФ вправе прекратить производство по делу об административном правонарушении в отношении военнослужащего и передать копии материалов дела соответствующему командиру (начальнику) для решения вопроса о привлечении военнослужащего к дисциплинарной ответственности.

Вместе с тем, из представленных в суд материалов следует, что дела об административных правонарушениях в отношении В.Е. Жиркова и Д.Б. Кратиса не возбуждались и не прекращались.

При таких данных, поскольку начальник Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского, в силу ст. 28.3 КоАП РФ, не наделен правом на возбуждение дел об административных правонарушениях, а таковое органами военной полиции в отношении В.Е. Жиркова и Д.Б. Кратиса также не возбуждалось, суд пришел к выводу, что доводы, изложенные в протоколе о грубом дисциплинарном проступке о том, что В.Е. Жирков и Д.Б. Кратис совершили административное правонарушение, являются голословными и

противоречат установленным судом обстоятельствам.

Административные исковые заявления удовлетворены частично, военным судом решения ученого совета факультета, приказы начальника Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского признаны незаконными. Решение 224 гарнизонного военного суда оставлено без изменения 1-м Западным окружным военным судом и Судебной коллегий по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации[1].

2. *Разбирательство по факту совершения грубого дисциплинарного проступка должно быть проведено объективно, установление вины военнослужащего в совершении дисциплинарного проступка обязательно.*

Современная военно-правовая наука признает, что одной из проблем дисциплинарной ответственности военнослужащих остается проблема соответствия примененного дисциплинарного взыскания совершенному военнослужащим проступку[2]. Вместе с тем, очевидно, что военнослужащие несут дисциплинарную ответственность лишь за те проступки, в отношении которых установлена их вина, как это следует из ст. 28.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Так, И.Ю. Волков обратился с административным исковым заявлением в Ярославский гарнизонный военный суд, оспаривая ряд действий и решений, суть которых сводилась к отчислению И.Ю. Волкова из Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны и увольнению с военной службы в связи с отчислением из военной профессиональной образовательной организации.

Из материалов дела следует, что И.Ю. Волков был привлечен к дисциплинарной ответственности в виде отчисления из военной профессиональной образовательной организации за совершение грубого дисциплинарного проступка — утрату документа, удостоверяющего личность военнослужащего, а также в связи с возбуждением в отношении него уголовных дел по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 280 и 282 УК РФ.

Суд установил, что 2 мая 2019 г. И.Ю. Волков обнаружил отсутствие военного билета, жетона с личным номером и жетона для получения секретной литературы, о чем доложил курсовому офицеру.

7 мая 2019 г. в отношении него составлен протокол о грубом дисциплинарном проступке в связи с утратой по небрежности документа, удостоверяющего личность военнослужащего. Протокол положительно рассмотрен на заседании ученого совета Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны.

Из протокола о грубом дисциплинарном проступке следовало, что И.Ю. Волков, прибыв из увольнения 1 мая 2019 г., в период с 21 часа 30 минут того же дня и до 10 часов 30 минут 2 мая 2019 г. обнаружил отсутствие военного билета, жетона с личным номером, жетона для получения секретной литературы и увольнительной записки, о чем доложил начальнику. Мероприятия по поиску документов результатов не дали.

В числе доказательств, подтверждающих событие грубого дисциплинарного проступка и виновность военнослужащего, в протоколе приведены объяснения лиц и И.Ю. Волкова, а в соответствующей графе протокола, предусматривающей изложение объяснений военнослужащего, совершившего проступок, указано на личную недисциплинированность.

При этом в протоколе не установлено смягчающих обстоятельств и содержатся сведения о привлечении И.Ю. Волкова к дисциплинарной ответственности в виде выговора от 12 сентября 2015 г.

В ходе судебного разбирательства показаниями свидетелей и объяснением И.Ю. Волкова установлено, что И.Ю. Волков 7 мая 2019 г. обратился с заявлением о краже военного билета в правоохранительные органы, о чем сообщил

[1] Решение 224 гарнизонного военного суда по делу № 2а-213/2021 и решение 224 гарнизонного военного суда по делу № 2а-214/2021.

[2] Кондратьев С.М. Современные проблемы института дисциплинарной ответственности военнослужащих // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. №4. С. 28.

своему начальнику, однако последний эти сведения проигнорировал.

При этом 2 мая 2019 г. до 10 часов 30 минут в расположении подразделения находились курсанты, в том числе, после завтрака курсанты 351 учебной группы, что не исключало кражу в указанное время курсантами у И.Ю. Волкова военного билета.

Данное обстоятельство, имеющее значение для решения вопроса о привлечении административного истца к дисциплинарной ответственности, в ходе проведения разбирательства начальником И.Ю. Волкова должным образом проверено не было. Не сообщено им о преступлении вышестоящему командованию и в военно-следственные органы.

Судом установлено также то, что в нарушение требований закона в протоколе о грубом дисциплинарном проступке указано на привлечение И.Ю. Волкова к дисциплинарной ответственности 12 сентября 2015 г., тогда как в силу ст. 103 ДУ ВС РФ это взыскание не подлежало учету ввиду истечения срока действия дисциплинарного взыскания. В соответствующей графе протокола, предусматривающей изложение объяснений военнослужащего, совершившего проступок, указано на личную недисциплинированность, в отсутствие в материалах разбирательства объяснений И.Ю. Волкова, из которых бы следовало данное указание. В нарушение требований ч. 3 ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих» не признано в качестве обстоятельства, смягчающего дисциплинарную ответственность, добровольное сообщение И.Ю. Волковым командованию об утрате документа.

На заседании ученого совета рассмотрены материалы, характеризующие И.Ю. Волкова При этом в материалы представлена информация о возбуждении в отношении И.Ю. Волкова уголовных дел по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 280, 282 УК РФ.

Данное указание содержалось и в представлении начальника Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны на отчисление И.Ю. Волкова Вместе с тем, судом установлено, что постановлением следователя-криминалиста военного следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации по Ярославскому гарнизону от 16 октября 2018 г. и постановлением старшего следователя следственного отдела по городу Рыбинск следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ярославской области от 19 ноября 2018 г. извещением от той же даты, уголовные дела в отношении И.Ю. Волкова по ч. 1 ст. 282 и ч. 2 ст. 280 УК РФ прекращены в связи с отсутствием состава преступлений с разъяснением ему права на реабилитацию.

Не отражена в презентации в качестве характеристики Волкова И. Ю. информация об отсутствии у него дисциплинарных взысканий, его успешное участие в военно-научной конференции в ноябре 2018 г., наличие у него спортивного разряда — кандидат в мастера спорта по военно-прикладному спорту, нахождение его на должности заместителя командира взвода.

При таких обстоятельствах военный суд пришел к обоснованному выводу, что разбирательство в отношении И.Ю. Волкова было проведено необъективно.

Административное исковое заявление И.Ю. Волкова удовлетворено в полном объеме, а решение Ярославского гарнизонного военного суда впоследствии оставлено без изменений 2-м Западным окружным военным судом и Кассационным военным судом[1].

3. *Дисциплинарное взыскание в виде отчисления из военной профессиональной образовательной организации возможно применить лишь за совершение одного или нескольких грубых дисциплинарных проступков.*

Как следует из ст. 100 ДУ ВС РФ, дисциплинарное взыскание — отчисление из военной образовательной организации применяется в отношении курсантов военной образовательной организации за один или несколько совершенных ими грубых дисциплинарных проступков.

[1] Решение Ярославского гарнизонного военного суда по делу №2а-104/2019.

Перечень грубых дисциплинарных проступков установлен ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и является исчерпывающим, на что, в частности, указывает формулировка приведенной нормы («являются следующие»). Следовательно, военнослужащий-курсант может быть привлечен к дисциплинарной ответственности в виде отчисления из военной профессиональной образовательной организации лишь за совершение одного или нескольких грубых дисциплинарных проступков, при этом их совершение должно быть доказано в установленном законом порядке.

Так, С.А. Боронин обратился в Московский гарнизонный военный суд с административным исковым заявлением, оспаривая отчисление из военной профессиональной образовательной организации и, как следствие, увольнение с военной службы.

Из материалов дела следует, что С.А. Боронин , находясь на территории военного полигона, вел себя неподобающе, что снято одним из его сослуживцем на мобильный телефон и впоследствии опубликовано в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Из служебной карточки С.А. Боронина усматривалось, что он ранее был трижды привлечен к дисциплинарной ответственности, при этом грубых дисциплинарных проступков не совершал. Вместе с тем, к С.А. Боронину было применено дисциплинарное взыскание в виде отчисления из военной профессиональной образовательной организации, он был уволен с военной службы.

Исследовав материалы, заслушав объяснения сторон и заключение прокурора, военный суд обоснованно пришел к выводу о незаконности отчисления С.А. Боронина и увольнения его с военной службы, поскольку в судебном заседании было установлено, что за период службы он грубых дисциплинарных проступков не совершал, а отчисление военнослужащего-курсанта из военной профессиональной образовательной организации возможно лишь за совершение одного или нескольких грубых дисциплинарных проступков.

Административное исковое заявление С.А. Боронина было удовлетворено в полном объеме, а решение военного суда впоследствии оставлено без изменений 2-м Западным окружным военным судом.

Как видно из представленных примеров из судебной практики военных судов, к отмене дисциплинарного взыскания в виде отчисления из военной профессиональной образовательной организации и, как следствие, к восстановлению на военной службе и учебе приводят ошибки, связанные, как правило, с нарушением порядка проведения разбирательства по грубым дисциплинарным проступкам — сугубо процессуальные нарушения, а также недостаточная объективность проведенного разбирательства.

Если первая категория допускаемых ошибок — процессуальные нарушения, связанные с порядком и поводами к проведению разбирательства, — требуют от должностных лиц, проводящих разбирательства по факту совершения грубого дисциплинарного проступка, беспрекословного соблюдения требований закона, то вторая категория — недостаточная объективность проведенного разбирательства — в большей степени носит оценочный характер: если для должностного лица, проводившего разбирательство, собранные доказательства могут восприниматься достаточными, то военный суд может оценить объем собранных доказательств с иной точки зрения — как недостаточный для привлечения к дисциплинарной ответственности.

Как справедливо указывает С.Н. Бордин, типовыми и грубейшими нарушениями, допускаемых при проведении разбирательства по грубым дисциплинарным проступкам, является, во-первых, неустановление того. какое именно положение нормативно-правовых актов было нарушено военнослужащим, а, во-вторых, неисследование причин и условий совершения военнослужащим проступка [1] . Это

[1] Бордин С.Н. О некоторых вопросах проведения разбирательства в соответствии с ДУ ВС РФ // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 5. С. 25.

подтверждается приведенной практикой военных судов.

Полагаем, что в таком случае должностным лицам, проводящим разбирательства по факту совершения грубого дисциплинарного проступка, во избежание возможного признания решения о привлечении к дисциплинарной ответственности незаконным решением суда, следует собирать максимально возможный объем доказательств, исходя из требований ст. 28.6 Федерального закона «О статусе военнослужащих», а также приводить объективную и актуальную информацию, характеризующую личность военнослужащего, привлекаемого к дисциплинарной ответственности.

Список источников

1. Бордин С.Н. О некоторых вопросах проведения разбирательства в соответствии с Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 5. С. 24—28.

2. Григорьев О.В. Воинская дисциплина: в истории и современной России // Интерактивная наука. 2016. № 3. С. 24—26.

3. Кондратьев С.М. Современные проблемы института дисциплинарной ответственности военнослужащих // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4. С. 27—29.

4. Куликов А.Ю. Психолого-педагогические проблемы работы офицера по укреплению воинской дисциплины // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2010. № 2. С. 205—209.

Disciplinary Liability of Military Personnel in the Form of Expulsion from a Military Educational Organization: The Practice of Military Courts

© **Morozov K.O.,**
Student, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

Annotation. The article is devoted to the legal aspects of disciplinary liability of military personnel in the form of expulsion from a military professional educational organization. The article analyzes examples of cases from the practice of military courts in which the legality of the expulsion of military personnel from a military professional educational organization with subsequent dismissal from military service was considered. The role of military courts in assessing the legality of such decisions is considered, and errors that led to the abolition of punishments are identified.

***Keywords*:** disciplinary responsibility, cadets, court practice, expulsion, discharge from military service.

For citation: Morozov K.O. Disciplinary responsibility of military personnel in the Form of Expulsion from a Military educational organization: the Practice of Military Courts // Military Law. 2025. No. 2. pp. 85-91.

The article was received by the editorial office on January 17, 2025.

О совершенствования порядка привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности и выплаты денежных премий

© **Погорелов Сергей Александрович**,
кандидат юридических наук, преподаватель Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматривается фактически сложившийся в военных организациях Вооруженных Сил Российской Федерации и войск национальной гвардии Российской Федерации порядок применения дисциплинарных взысканий, рассматривается взаимосвязь привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности и уменьшения размера его денежного довольствия. Указывается на возможность возникновения в данной сфере воинских правоотношений коррупционных проявлений, злоупотребления властью, устранения двойной формы ответственности правонарушителя. Вносятся предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, дисциплинарные взыскания, лишение (уменьшение) премий, двойное наказание, коррупциогенные факторы, денежное довольствие.

Для цитирования: Погорелов С.А. О совершенствовании порядка привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности и выплаты денежных премий // Военное право. 2025. № 2. С. 92—98.

Статья поступила в редакцию 8 февраля 2025 г.

Сегодня сложно спорить с тем фактом, что в настоящее время происходит ухудшение социально экономической обстановки, нарастание «ползучей инфляции», уменьшение реальных доходов населения и ухудшение ситуации в ряде отраслей российской экономики. Критическая напряженность проявляется во всех сферах общественных отношений без исключения, в том числе на военной службе. Так в прошедшем 2024 г. ожидаемой военными и предусмотренной федеральным законодательством индексации денежного довольствия так и не произошло, данное «событие» планируется с 1 октября 2025 г. и только на 4,5 %[1] Однако при этом официально инфляция в России только за прошлый год составила 9,5 %[2].

Эти обстоятельства приводят к определенной напряженности в оценке уровня материального обеспечения военнослужащих, особенно не участвующих непосредственно в боевых действиях и не получающих за это дополнительных выплат. Предметом настоящей статьи являются нормы законодательства о порядке обеспечения денежным довольствием военнослужащих во взаимосвязи с нормами о дисциплинарной ответственности военнослужащих, позволяющими существенно корректировать размер денежного довольствия за сам факт наличия дисциплинарных взысканий.

Прежде всего, рассмотрим вопрос о влиянии на размер денежного довольствия дисциплинарной практики. В военном праве сложилась следующая концепция деления дисциплинарных взысканий, которые могут налагаться на военнослужащих, в зависимости от характера их

[1] См.: Зарплаты в армии вырастут в 2025 году // Парламентская газета. 2024. 17 ноября.

[2] Обзор Минэкономразвития о текущей ценовой ситуации, с начала 2024 года по состоянию 23 декабря этого же года https://economy.gov.ru/material/directions/makroec/ekonomicheskie_obzory/o_tekushchey_cenovoy_situacii_25_dekabrya_2024_goda.html (дата обращения: 30.01.2025).

неблагоприятных социально-правовых последствий для виновных:

1. Дисциплинарные взыскания, применение которых влечет неблагоприятные последствия морального характера (например, выговор, строгий выговор, лишение нагрудного знака отличника).

2. Дисциплинарные взыскания, применение которых влечет ограничение некоторых прав, предоставляемых военнослужащим (например, лишение очередного увольнения из расположения воинской части или с корабля на берег).

3. Дисциплинарные взыскания, применение которых влечет для виновного ограничение нематериальных благ (например, ограничение свободы при применении дисциплинарного ареста).

4. Дисциплинарные взыскания, применение которых неблагоприятно отражается (или может отразиться) непосредственно на условиях и порядке прохождения виновным военной службы (например, досрочное увольнение с военной службы в связи с невыполнением условий контракта; отчисление из военного образовательного учреждения; отчисление с военных сборов; снижение в воинском звании или в должности, предупреждение о неполном служебном соответствии)[1].

Многие из применяемых к военнослужащим дисциплинарных взысканий имеют в основе морально-правовое содержание (выговор и т.д.), и их исполнение состоит в доведении их до сведения, в самом их оглашении для виновного и окружающих. Они относятся к санкциям, направленным на моральное осуждение правонарушителя.

Ни в одном из различных видов дисциплинарных взысканий, применяемых к военнослужащим, нет прямого указания о воздействии на имущественную сферу военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок. Но на практике имеющиеся дисциплинарные взыскания влияют и на размер денежного довольствия правонарушителя, и на его карьерный рост, и на возможность дальнейшего его увольнения по дискредитирующим основаниям. Если сопоставить нормы о дисциплинарной ответственности военнослужащих с нормами законодательства об их денежном довольствии, то можно увидеть, что наложение на военнослужащего дисциплинарного взыскания весьма часто влечет уменьшение объема получаемых им денежных средств. То есть такой военнослужащий не только испытывает некие моральные переживания в связи с привлечением к данной ответственности, но и вынужден претерпевать имущественные санкции в виде недополучения части денежного довольствия, на которое он был вправе рассчитывать при нормальном течении событий, т.е. при отсутствии факта привлечения к дисциплинарной ответственности[2].

Действительно, Федеральный закон «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» ни в одной статье не предусматривает уменьшение размера денежного довольствия в связи с применением к военнослужащему дисциплинарного взыскания. Но де-факто это происходит ввиду наличия в указанном законе отсылочных норм к подзаконным актам и установления в ведомственных приказах такого основания для лишения премий и надбавок как наличие неснятых дисциплинарных взысканий.

Так, например, в соответствии с п. 21 ст. 2 вышеуказанного закона военнослужащим выплачивается премия в размере до 3 окладов в течение года. Правила выплаты данной премии военнослужащим установлены постановлением Правительства России от 5 декабря 2011 г. № 993, которое, в свою очередь, делегировало полномочия по порядку ее выплаты руководителями военных министерств и ведомств. Руководителями военных органов исполнительной власти изданы свои приказы по данному вопросу. В частности,

[1] Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. М.: ИГПАН, 2021. С. 288.

[2] Корякин В.М. «Наказание рублем» как санкция за дисциплинарный проступок // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 3. С. 2—5.

пунктами 75—76 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации[1] предусмотрено, что премия выплачивается на основании издаваемого не реже одного раза в календарный год приказа соответствующего командира, определяющего ее конкретный размер. При этом в течение календарного года при принятии командиром решения об изменении размера премии и периода ее выплаты соответствующим приказом командира определенным военнослужащим размер и период выплаты премии изменяются. Также в названном приказе указано на то, что конкретный размер премии зависит от качества и эффективности исполнения военнослужащими должностных обязанностей в месяце, за который производится выплата премии, с учетом результатов по профессионально-должностной (должностной и (или) боевой), физической подготовке, имеющихся дисциплинарных взысканий, а также нарушений в финансово-экономической и хозяйственной деятельности.

Тут мы видим, что вопрос о фактической выплате премии военнослужащим Вооруженных Сил, а также и вопрос об уменьшении размера данной премии, находится в зависимости от воли конкретного командира воинской части, именно он определяет конкретный размер надбавки к денежному довольствию и период ее выплаты. Естественно, что при этом командир в определенной степени связан рамками законодательства. Но, по нашему мнению, данные рамки довольно обширны, а широта дискреционных полномочий по применению дисциплинарной власти в военной организации у различного уровня командиров традиционно весьма широка[2] и не столь бюрократична, как в отношении лиц гражданского персонала согласно трудовому законодательству. В этом плане правомочия командира по привлечению виновных к дисциплинарной ответственности без письменной формы разбирательства, субъективного определения им вида применяемого дисциплинарного взыскания, безусловно, относятся к коррупциогенным факторам[3], однако управление в военной сфере правоотношений довольно сложно наладить без применения указанного подхода.

Действующий в войсках национальной гвардии Порядок выплаты военнослужащим премии за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей однозначно предписывает уменьшать до 5 % размер премии военнослужащим, имеющим неснятое дисциплинарное взыскание на первое число месяца, в котором выплачивается премия[4]. То есть наличие у военнослужащего, например, любого вида дисциплинарного взыскания, даже объявленного устно, даже за любое мельчайшее нарушение (загрязненная обувь, незнание определения азимута, за разговоры и шевеление в строю, за недостаточно эффективное воспитание им подчиненных и т.п.) на первое число календарного месяца означает автоматическое снижение для него выплачиваемого размера денежного довольствия. И совсем не важно при этом, что у данного военнослужащего могут быть зафиксированы успехи и старания в боевой подготовке, в методике проведения учебных занятий, несения внутренней службы. До момента снятия с него дисциплинарного взыскания денежное довольствие он будет получать в сокращенном размере.

---

[1] Приказ Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727 «Об определении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и предоставления им и членам их семей отдельных выплат».

[2] Глухов Е.А. Приказ как средство управляющего воздействия для военнослужащего и для гражданского сотрудника // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 10. С. 25—35; Корякин В.М. Усмотрение в деятельности командира// Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2007. № 2. С. 7—12.

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

[4] П. 3 ст. 80 Порядка обеспечения денежным довольствием и предоставления отдельных (денежных) выплат в войсках национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного приказом Росгвардии от 28 ноября 2020 г. № 472.

Кроме того, дисциплинарное взыскание, наложенное старшим начальником (например, при посещении подчиненной воинской части лицами командования объединения, соединения и т.п.), может быть снято только им же или еще более вышестоящим. Нижестоящие командиры не могут даже при совершении подвига наказанным подчиненным своим решением снять ранее наложенное старшим начальником взыскание. В итоге, во все время действия взыскания наказанный военнослужащий не будет получать полноценной премии, хотя и ведет себя в дальнейшем без каких-либо правонарушений. На то, что уменьшение размера премии в федеральных органах исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, происходит без учета мнения тех непосредственных командиров, которым подчиняется наказанный военнослужащий, а в войсках национальной гвардии — вообще автоматически, ранее указывал и Е.А. Глухов[1].

Тут же можно упомянуть и еще об одном «дополнительном» взыскании военнослужащих, которое формально и есть перечне установленных военным законодательством наказаний, но имеет свои особенности, очень обременительные для наказанного лица. Так ст. 51.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», установлено, что за совершение «малозначительного коррупционного правонарушения» к военнослужащему, взамен увольнения с военной службы, возможно применить такое взыскание как «выговор». Причем налагается оно властью командира воинской части. По сложившейся практике, данное взыскание невозможно практически снять никому в течение целого года со дня применения. Более подробный анализ особенностей и противоречивости данного взыскания был произведен нами ранее[2].

Фактически виновный военнослужащий наказывается дважды: в первый раз — самим дисциплинарным взысканием и его моральным воздействием, во второй раз — уменьшением размера денежного довольствия за уже ранее совершенный дисциплинарный проступок. Снижение размера денежного довольствия не указано в числе дисциплинарных взысканий, но имеет не менее болезненный эффект, причем в отличие от одномоментного негативного морального воздействия самого дисциплинарного взыскания «удар рублем» длится довольно долгое время.

В результате непосредственные воинские руководители на местах, в особенности те, которым не безразлично материальное положение их подчиненных, стараются реже пользоваться своими правами по наложению взысканий, зная, что последствием этого будет уменьшение денежного довольствия личного состава. Вместе с тем, добровольное самоограничение командиров в дисциплинарной практике вряд ли ведет к повышению уровня дисциплины, а дисциплинарные взыскания уже не являются только мерами морального воздействия, т.к. все они стали связаны с лишениями материального характера[3].

Следует отметить, что в Федеральной службе войск национальной гвардии, помимо военнослужащих, реализуют свое право на труд еще и лица, имеющие специальные звания полиции (сотрудники), а также лица гражданского персонала. Для этой категории сотрудников установлены более лояльные правила корректировки их денежного довольствия. Согласно требованиям законодательства [4] премия им

[1] Глухов Е.А. Процесс привлечения к дисциплинарной ответственности военнослужащих становится бюрократическим // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 7—8. С. 110—118.

[2] Погорелов С.А. Проблемные вопросы установления и применения дисциплинарной ответственности к военнослужащим за коррупционные правонарушения // Военное право. 2022. № 3. С. 116—122.

[3] Глухов, Е.А. Процесс привлечения к дисциплинарной ответственности военнослужащих становится бюрократическим. С. 116.

[4] Ч. 2 ст. 47 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутрен-

не выплачивается (уменьшается) только если такой сотрудник имеет строгие дисциплинарные взыскания: «строгий выговор», «предупреждение о неполном служебном соответствии» и «перевод на нижестоящую должность». При этом снижение размера премии сотруднику действует только один месяц[1], в следующем месяце, даже если дисциплинарное взыскание по-прежнему является действующим, не снятым, премия такому правонарушителю из числа сотрудников выплачивается в полном размере.

На вышеуказанном сравнении мы видим, что военнослужащие войск национальной гвардии ставятся в гораздо более уязвимое материальное положение по сравнению с сотрудниками полиции, проходящими государственную службу в этом же ведомстве, а порой и в одной и той же воинской части. Совершение одного и того же дисциплинарного проступка послужит основанием для привлечения к одной и той же дисциплинарной ответственности (объявление выговора), но повлечет более сильный материальный урон для военнослужащего, нежели для сотрудника Росгвардии в полицейских погонах.

Таким образом, получается, что почти каждое дисциплинарное взыскание влечет и уменьшение размера денежного довольствия военнослужащего, что в условиях постоянной инфляции, а также неиндексации денежного довольствия военнослужащих становится весьма болезненным как для самого виновного, так и для членов его семьи, для семейного бюджета. Фактически виновный наказывается дважды: в первый раз — самим дисциплинарным взысканием, во второй раз — уменьшением размера денежного довольствия за уже давно совершенный дисциплинарный проступок.

Интересно отметить, что в далеком 2002 г., вводя новую для того времени систему денежного довольствия военнослужащих, законодатель перевел многие натуральные льготы и компенсации в денежную форму [2] . Размеры повышения окладов денежного содержания и соответственно всех ежемесячных выплат, формируемых в процентном к ним отношении, разработаны с учетом перевода в их состав льгот по оплате жилья, коммунальных услуг, оплате телефонов в денежном выражении[3]. Тем самым в состав денежного довольствия были включены в виде надбавок суммы, которое государство расценило адекватными стоимости отмененных военнослужащим льгот (продовольственный паек, бесплатный проезд на городском общественном транспорте, пенсионная надбавка к денежному довольствию и др.). Однако если ранее все натуральные льготы не зависели от усмотрения командира (начальника) и не могли быть снижены, отменены ввиду наличия дисциплинарных взысканий, то на сегодняшний день дисциплинарная власть командира является существенным регулятором денежного довольствия подчиненного военнослужащего.

Подводя итог, автор полагает, что уже давно созрела необходимость внесения определенных изменений в правовое регламентирование дисциплинарной практики военнослужащих и в порядок обеспечения их денежным довольствием, т. к. действующая система, помимо прочего, содержит в себе риски коррупционного характера:

1. В целях снижения возможности злоупотребления правом со стороны во-

них дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[1] Ст. 36 Порядка обеспечения денежным довольствием лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, а также предоставления им отдельных выплат (утв. приказом Росгвардии от 20 февраля 2023 г. № 45.

[2] Федеральный закон от 7 мая 2002 г. № 49-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросам денежного довольствия военнослужащих и предоставления им отдельных льгот».

[3] Неверов А.Я. Правовой аспект реформирования системы денежного довольствия военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2003. № 8. С. 32—34.

инских должностных лиц необходимо внести изменения в ст. 21 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», а также в упомянутое выше постановление Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2011 г. № 993, где непосредственно указать, при каких обстоятельствах размер премии может быть уменьшен, на какой конкретно период времени. Обязательным условием уменьшения размера премии должно быть ходатайство или согласование руководителя того подразделения, в котором проходит военную службу правонарушитель.

2. Уменьшение либо лишение поощрительных выплат не должно производиться автоматически в случае привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности. Вполне возможно дополнить перечень дисциплинарных взысканий (ст. 55, 61, 67 ДУ ВС РФ) самостоятельным видом взыскания «лишение премии на 1 месяц». В этом случае наказанный военнослужащий будет сразу знать и причину лишения премии, и срок действия наказания, а у командиров появится дополнительный рычаг воздействия на правонарушителя.

3. По аналогии с Перечнем грубых дисциплинарных проступков целесообразно предусмотреть Перечень малозначительных дисциплинарных проступков, за которые размер денежного довольствия уменьшаться не должен.

Список источников

1. Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. Москва: Институт государства и права РАН, 2021. 968 с. EDN IZIVOG

2. Глухов Е.А. Административно-правовые средства регулирования воинских отношений и правоприменительная деятельность военного руководителя // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 47—57.

3. Глухов Е.А. Приказ как средство управляющего воздействия для военнослужащего и для гражданского сотрудника // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 10(291). С. 25—35.

4. Глухов Е.А. Процесс привлечения к дисциплинарной ответственности военнослужащих становится бюрократическим // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 7—8. С. 110—118.

5. Корякин В.М. «Наказание рублем» как санкция за дисциплинарный проступок // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 3. С. 2—5.

6. Корякин В.М. Усмотрение в деятельности командира// Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2007. № 2. С. 7—12. EDN: ZHIAPZ

7. Неверов А.Я. Правовой аспект реформирования системы денежного довольствия военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2003. № 8(74). С. 32—34.

8. Погорелов, С.А. Проблемные вопросы установления и применения дисциплинарной ответственности к военнослужащим за коррупционные правонарушения // Военное право. 2022. № 3(73). С. 116—122.

On improving the procedure for bringing military personnel to disciplinary responsibility and the payment of monetary bonuses

© **Pogorelov S.A.**,
teacher at the Military Order of Zhukov Academy troops of the national guard of the Russian Federation

Abstract. The article examines the actual procedure for applying disciplinary sanctions in military organizations of the Armed Forces of the Russian Federation and the National Guard of the Russian Federation, and examines the relationship between bringing a serviceman to disciplinary liability and reducing the amount of his monetary allowance. The possibility of corruption, abuse of power or self-limitation of rights arising in this area of military legal relations is indicated. Proposals are made to improve legislation.

Keywords: disciplinary responsibility, disciplinary penalties, deprivation (reduction) of bonuses, double punishment, corruption-causing factors, monetary allowance.

For citation: Pogorelov S.A. On improving the procedure for bringing military personnel to disciplinary responsibility and payment of monetary bonuses // Military law. 2025. No. 2. pp. 92-98.

The article was received by the editorial office on February 8, 2025.

Государственно-частное партнерство в системе ОПК: проблемы правового регулирования

© **Сморчкова Лариса Николаевна**,
доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук

Аннотация. В статье анализируется правовой аспект развития государственно-частного партнерства в системе ОПК за последнее десятилетие, выявляются правовые особенности регулируемых общественных отношений, факторы, придающие им особую специфику, проблемы, требующие решения в процессе правового регулирования. Должное правовое обеспечение государственно-частного партнерства в системе ОПК будет способствовать поддержанию баланса публичных и частных интересов, устойчивому развитию этого реального сектора экономики, обеспечению обороны и безопасности государства.

Ключевые слова: оборона и безопасность, оборонно-промышленный комплекс, государственно-частное партнерство, правовое регулирование, совершенствование законодательства.

Для цитирования: Сморчкова Л.Н. Государственно-частное партнерство в системе ОПК: проблемы правового регулирования // Военное право. 2025. № 2. С. 99—105.

Статья поступила в редакцию 28 февраля 2025 г.

Традиционно считается, что экономические отношения, формирующиеся по законам рынка, находятся преимущественно в сфере частных интересов, а отношения в сфере обеспечения обороны страны представляют собой исключительно государственный интерес. Однако сложность современного мироустройства давно опровергла это традиционное представление на практике. Государственное воздействие на экономику присуще всем экономически развитым странам, что в период осуществления агрессивной санкционной политики против России стало абсолютно очевидно.

С другой стороны, анализ структуры мобилизационной экономики России, например, в период Первой мировой войны, показывает достаточное, хоть и спорное участие роль частного бизнеса в оборонной промышленности, что свидетельствует об историческом опыте подобного рода связей[1]. Именно поэтому в правовой науке все реже противопоставляют публично-правовое и частноправовое регулирование и все чаще говорят о необходимости соблюдения баланса как публично-правовых, так и частноправовых экономические интересов не только в экономике, но и в сфере обеспечения военной безопасности государства.

Оборонно-промышленный комплекс (ОПК) — яркий тому пример. В отсутствие легитимного определения ОПК под ним обычно понимается специфический сектор экономики, состоящий из отраслей, предприятий и организаций, который предназначен для удовлетворения оборонных и военных потребностей государства. При этом в качестве критерия отнесения предприятия или организации к ОПК является назначение и фактическое использование (возможность использования) производимых ими товаров или услуг для нужд обороны и обеспечения безопас-

[1] См. подробнее: Бараненков В.В. Организационно-правовые основы мобилизации экономики: уроки войны // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 4. С. 117—124; Сморчкова Л.Н. Правовое обеспечение мобилизационной экономики // Право и практика. 2023. № 2. С. 46—50.

ности государства (критерий причастности), а форма собственности, организационно-правовая форма и ведомственная принадлежность организаций принципиального значения не имеет[1].

А.В. Кудашкин и Е.А. Свининых предлагают определять ОПК как совокупность юридических лиц, осуществляющих деятельность в сфере разработки, производства, ремонта и утилизации вооружения, военной и специальной техники, иного военного имущества, также отмечая при этом, что составляющие ОПК юридические лица могут быть разными по своей организационно-правовой форме, при том как государственными, так и частными[2].

Таким образом, при правовом регулировании всего спектра отношений, складывающихся при функционировании ОПК, необходимо учитывать в комплексе и государственные, и частные интересы, и в этом смысле можно говорить о том, что ОПК присуще государственно-частное партнерство.

Целый ряд научных исследований феномена государственно-частного партнерства в оборонно-промышленном комплексе был проведен в 2014 г. Так, например, М.Ю. Глыбин рассматривал государственно-частное партнерство в ОПК как институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации программ модернизации военно-промышленного комплекса, позволяющего создать новые производства, новые рабочие места, внедрить современные технологии и вместе с тем снизить нагрузку на бюджет[3].

Л.В. Варушилин, А.Х. Курбанов, Р.А. Князьнеделин представляли систему государственно-частного партнерства в ОПК как форму взаимодействия между бизнесом и государством для решения общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях: ОПК создает технико-технологические предпосылки инновационного развития национальной экономики, стимулирует повышение квалификации рабочей силы, закладывая базу для установления высокого уровня жизни населения, что, безусловно, представляет интерес не только для государства, но и для бизнеса[4].

Г.Ф. Галиулина, С.Б. Кузнецова, Л.Б. Мингалеева говорили о том, что помимо усилий государства по формированию государственно-частного партнерства в ОПК важно создать условия для активного привлечения в оборонно-промышленном комплекс компетенций, инвестиций, технологий частного бизнеса, что должно будет способствовать повышению обороноспособности страны[5].

И.В. Самарин перспективными на тот момент видел формирование правовых форм интеграции государства и частного капитала в государственно-частное партнерство, опробование разных схем сотрудничества — от находящегося в частной собственности полного производственного цикла, через создание смешанных форм собственности (промежуточный вариант), до применения механизма концессий или доверительного управления[6].

Представленный обзор научных исследований специалистов из разных отраслей знаний дает представление об ожиданиях развития государственно-

[1] Большая российская энциклопедия 2004—2017 // https://old.bigenc.ru/text/5045275?ysclid=m7nbhus22503902116

[2] Кудашкин А.В., Свининых Е.А. Оборонно-промышленный комплекс: понятие, структура, правовые основы деятельности // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 11. С. 38—40.

[3] Глыбин М.Ю. Государственно-частное партнерство в оборонно-промышленном комплексе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2014. № 3. С. 101.

[4] Варушилин Л.В., Курбанов А.Х., Князьнеделин Р.А. Государственно-частное партнерство в оборонно-промышленном комплексе: анализ специфики и перспективы развития // Управленческое консультирование. 2014. № 3. С. 77—78.

[5] Галиулина Г.Ф., Кузнецова С.Б., Мингалеева Л.Б. Проблемы реализации государственно-частных проектов в оборонно-промышленном комплексе страны // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 3. С. 4.

[6] Самарин И.В. Государственно-частное партнерство в оборонно-промышленном комплексе: перспективы и проблемы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 5-2. С. 181—182.

частного партнерства в ОПК в совершенно иных политико-экономических условиях десять лет назад, когда законодательная база еще была не вполне сформирована.

13 июля 2015 г. был принят Федеральный закон № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», призванный создать правовые условия для привлечения инвестиций в различные отрасли экономики страны, находящимся в ведении органов публичной власти. Этот Федеральный закон напрямую не регламентирует вопросы государственно-частного партнерства в ОПК, но закрепляет понятийный аппарат, институциональные нормы и основы механизма его реализации, что вполне применимо к оборонно-промышленной сфере.

Согласно понятийному аппарату, используемому для целей указанного Федерального закона, государственно-частное партнерство — это юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве. При этом соглашение о государственно-частном партнерстве по своей правовой природе представляет собой гражданско-правовой договор между публичным партнером и частным партнером, заключенный на регламентированный законом срок.

Государственно-частное партнерство возможно рассматривать как частный случай социального партнерства (сотрудничества), возникающего с участием социальных структур, находящихся вне прямого воздействия государственных институтов власти и обособленных от государства как относительно самостоятельные сферы общественной жизни, отношения в которых складываются «по горизонтали», то есть на равных, а вмешательство государства в эти области общественных отношений допускается лишь посредством нормативной регламентации и определения пределов допустимого поведения.

Так, например, социальное сотрудничество в сфере обеспечения обороны и безопасности государства видится гораздо шире, чем формально оформленное государственно-частное партнерство в рамках ОПК, поскольку практически все предприятия и организации обеспечивают экономическую безопасность в своей сфере экономики и тем самым являются элементами общей системы субъектов, обеспечивающих экономическую безопасность страны в условиях проведения специальной военной операции[1]. Тем самым реализуется определенная интеграция государственных функций по обеспечению отдельных аспектов безопасности государства с деятельностью субъектов предпринимательской деятельности в условиях разгосударствленной экономики.

Применительно же к государственно-частному партнерству именно правовая формализация посредством вступления в договорные отношения путем объединения ресурсов и распределении рисков с целью реализации единого проекта позволяет отграничить его от иных форм социального сотрудничества. Являясь участником государственно-частного партнерства, негосударственные организации должны строить свои взаимоотношения в этой сфере в соответствии с принципом «дозволено только то, что прямо предписано» и, таким образом, осуществлять свою предпринимательскую деятельность в правовом режиме ограничения.

Развитие и повышение эффективности государственно-частного партнерства в системе ОПК требует стимулирования частного бизнеса со стороны государства самыми разными средствами — это и экономические рычаги, и системное использование инструментов управления для расширения круга субъектов предприни-

[1] Глазунова И.В. О понимании системы субъектов обеспечения экономической безопасности России // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2. С. 46.

мательской деятельности, и оптимальное сочетание самоуправления и саморегулирования хозяйственной и финансовой деятельности с повышением качества государственного руководства как экономическими, так и правовыми методами, и собственно правовое регулирование всех элементов механизма реализации государственно-частного партнерства в ОПК, которое с учетом специфики деятельности осуществляется преимущественно на подзаконному уровне.

По мнению И.В. Казьминой, Е.А. Титовой, механизм реализации государственно-частного партнерства в ОПК представляет собой совокупность организационных структур и конкретных форм, средств, инструментов и методов управления[1]. Сложившееся после принятия Федерального закона «О государственно-частном партнерстве …» подзаконное правовое регулирование в рассматриваемой сфере увязано с полномочиями Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Военно-промышленной комиссии.

Имеющийся опыт реализации государственно-частного партнерства в ОПК показал, что наиболее перспективные направления развития связаны с разработкой прорывных технологий для создания инновационной продукции, материалов и комплектующих оборонного назначения, модернизации и технологического перевооружения предприятий ОПК. Возникающие в связи с этим отношения обладают спецификой, что предопределяет не только специальное правовое регулирование, но и его закрытый характер.

Специфику регулируемых общественных отношений обусловливает, в частности, необходимость получения частным партнером допусков и иных разрешений на работу с информацией, имеющей ограниченное распространение. Осуществляемая деятельность может попадать под разрешительный режим, предоставляемый уполномоченным органов государственной власти. Гарантии безопасности осуществления деятельности по производству продукции для нужд ОПК требуют повышенного уровня государственного контроля на всех этапах. Рынок реализации выпускаемой продукции может быть достаточно ограничен, поскольку выпускаемая продукция имеет специфические свойства и специфические области применении (объекты, ограниченные в обороте), а то и вовсе выведена из гражданского оборота. Должна быть возможность устанавливать длящиеся связи и осуществлять долговременное сотрудничество для обеспечения полного жизненного цикла производимого продукта (последующей эксплуатации, технического обслуживания, модернизации).

Это лишь самое общее представление специфики осуществления деятельности в рамках государственно-частного партнерства в системе ОПК, которое тем не менее дает понимание, почему правовое регулирование, основываясь на Конституции Российской Федерации, Федеральных конституционных и Федеральных законах, детально осуществляется на подзаконном уровне и зачастую в закрытом режиме. Тем не менее правовое регулирования любых общественных отношений необходимо основывать на общих, межотраслевых, отраслевых, институциональных принципах права, тогда оно будет комплексным и системным вне зависимости от степени открытости. Совершенствование отраслевого правового регулирования, (например, в сфере административного права — института обязательных требований, разрешительной системы, отношений контроля и надзора, соотношения управленческих полномочий органов государственной власти) позволит сформировать общую правовую основу.

Однако особое внимание при этом необходимо обратить на специальные принципы правового обеспечения государственно-частного партнерства в оборонно-промышленном комплексе, среди которых в науке военного право акцентируется принцип устойчивого развития,

[1] Казьмина И.В., Титова Е.А. Механизм реализации государственно-частного партнерства на предприятиях оборонно-промышленного комплекса // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2019. № 1. С. 415—417.

определяющий в условиях глобального политического и экономического кризиса тенденции и перспективы эволюции данной отрасли[1].

С.Ю. Кашкин и Н.А. Молчанов полагают, что одним из путей совершенствования правового регулирования отношений государственно-частного партнерства в системе ОПК, способным наладить выгодное и продуктивное взаимодействие государства и бизнеса, является применение платформенных решений, внедрение которых в полной мере с учетом специфики ОПК также требует правового обеспечения. Для открытой сферы государственно-частного партнерства существует платформа «Росинфра», посредством которой можно подобрать подходящий проект, обеспечить взаимодействие между участниками, расширить контакты между заинтересованными сторонами. Однако ввиду специфики функционирования оборонно-промышленного комплекса взаимодействие на данной платформе в оборонной сфере невозможно, что порождает потребность создания аналогичной системы для исключительного сотрудничества бизнеса и оборонной сферы с учетом всех особенностей, включая секретную и ограниченную для широкого круга пользователей информацию[2].

Одной из оптимальных форм реализации государственно-частного партнерства является создание совместных предприятий, которым свойственна повышенная продуктивность и четкость решения поставленных задач как со стороны частного, так и со стороны публичного партнера. При создании совместных предприятий предметом соглашения являются имущественные объекты, а также товары и услуги, для оказания которых необходимо создание совместного предприятия, что требует специального правового регулирования, в том числе в отношении установление монопольного права государства на использование большинства результатов инновационной деятельности[3].

Кроме обозначенных выше проблем правового регулирования государственно-частного партнерства в системе ОПК необходимо, по мнению автора, обратить пристальное внимание и научно проработать следующие правовые особенности исследуемых отношений. Во-первых, отношения внутри системы ОПК выстраиваются с применением административно-правовых методов, зачастую путем принятие управленческого решения, но последующее их регулирование в рамках государственно-частного партнерства осуществляется с использованием гражданско-правового инструментария, что требует обеспечения сочетаемости с учетом как публично-правовых, так и частноправовых интересов.

Во-вторых, вполне возможно, что представляющий государство субъект ОПК обладает управленческими полномочиями в отношении других участников, состоящих с ним в договорных партнерских отношениях. Для таких случаев необходимо разработать и закрепить систему гарантий и возможности беспрепятственной реализации органами государственной власти своих полномочий, и равенства участников договорных отношений.

Третья особенность — необходимость правового обеспечения доступа для частных партнеров по ОПК к секретной информации, содержащей результаты научных разработок, к инновационному оборудованию, на охраняемые объекты для проведения испытаний и т.п.

Таким образом, в условиях сложившейся политической, внешне и внутриэкономической ситуации следует признать, что оборонно-промышленного комплекс России составляет реальный сектор экономики, и от его устойчивого развития зависит не только сбалансированное состояние государства, но и его безопас-

[1] Барков А.В., Соколов А.П. Устойчивое развитие, как принцип правового регулирования государственно-частного партнерства в оборонно-промышленном комплексе // Вестник военного права. 2019. № 4. С. 62—63.

[2] Кашкин С.Ю., Молчанов Н.А. Платформенное право государственно-частного партнерства в области оборонно-промышленного комплекса // Военная мысль. 2021. № 10 С. 14, 18.

[3] Казьмина И.В., Титова Е.А. Указ. соч. С. 418.

ность и даже суверенитет. Использование механизма государственно-частного партнерства в этой сфере является эффективным способом привлечения частных инвестиций, вовлечения коммерческих структур в высокотехнологичное производство, создания новых рабочих мест, снижения нагрузки на бюджет. В то же время государство не только сохраняет свой контроль в сфере оборонно-промышленного комплекса, но и реализует целый спектр публично-правовых интересов. Эти факторы определяют важность комплексного и системного решения выявленных проблем совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Список источников

1. Бараненков В.В. Организационно-правовые основы мобилизации экономики: уроки войны // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 4. С. 117—124.

2. Барков А.В., Соколов А.П. Устойчивое развитие, как принцип правового регулирования государственно-частного партнерства в оборонно-промышленном комплексе // Вестник военного права. 2019. № 4. С. 62—68.

3. Варушилин Л.В., Курбанов А.Х., Князьнеделин Р.А. Государственно-частное партнерство в оборонно-промышленном комплексе: анализ специфики и перспективы развития // Управленческое консультирование. 2014. № 3. С. 73—80.

4. Галиулина Г.Ф., Кузнецова С.Б., Мингалеева Л.Б. Проблемы реализации государственно-частных проектов в оборонно-промышленном комплексе страны // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. № 3. С. 4.

5. Глазунова И.В. О понимании системы субъектов обеспечения экономической безопасности России // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 2. С. 44—51.

6. Глыбин М.Ю. Государственно-частное партнерство в оборонно-промышленном комплексе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2014. № 3. С. 100—110.

7. Казьмина И.В., Титова Е.А. Механизм реализации государственно-частного партнерства на предприятиях оборонно-промышленного комплекса // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2019. № 1. С. 412—419.

8. Кашкин С.Ю., Молчанов Н.А. Платформенное право государственно-частного партнерства в области оборонно-промышленного комплекса // Военная мысль. 2021. № 10. С. 11—20.

9. Кудашкин А.В., Свининых Е.А. Оборонно-промышленный комплекс: понятие, структура, правовые основы деятельности // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 11. С. 37—47.

10. Самарин И.В. Государственно-частное партнерство в оборонно-промышленном комплексе: перспективы и проблемы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 5-2. С. 178—182.

11. Сморчкова Л.Н. Правовое обеспечение мобилизационной экономики // Право и практика. 2023. № 2. С. 46—50.

Public-private partnership in the system of the military-industrial complex: problems of legal regulation

© **Smorchkova L.N.**,
Doctor of Juridical Science, Associate Professor, Lead Researcher of the Sector of Administrative Law and Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article analyzes the legal aspect of the development of public-private partnership in the defense industry over the past decade, identifies the legal features of regulated public relations, factors that give them special specificity, and problems that need to be addressed in the process of legal regulation. Proper legal support for public-private partnership in the defense industry system will contribute to maintaining a balance of public and private interests, sustainable development of this real sector of the economy, and ensuring the defense and security of the state.

Key words: defense and security, military-industrial complex, public-private partnership, legal regulation, improvement of legislation.

For citation: Smorchkova L.N. Public-Private Partnership in the Defense Industry System: Problems of Legal Regulation // Military law. 2025. No. 2. pp. 99-105.

The article was received by the editorial office on February 28, 2025.

Военная служба, социальные гарантии военнослужащих

Генезис правового статуса граждан, имеющих судимость, и вопросы привлечения их к участию в боевых действиях в период проведения специальной военной операции

© **Гребенской Дмитрий Сергеевич,**
адъюнкт Военного университета имени князя Александра Невского

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового статуса осужденных, обоснования их участия в специальной военной операции. В контексте исторического опыта привлечения осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы, к боевым операциям по защите Отечества рассматривается соответствующая роль уголовно-правовых институтов помилования, судимости и условно-досрочного освобождения. Анализируется нормативно-правовая база, критерии отбора, оценивается эффективность привлечения к специальной военной операции осужденных, рассматриваются вопросы их освобождения от уголовной ответственности. Уделено внимание развитию законодательной базы по привлечению лиц, осужденных за совершение преступлений и отбывающих наказание в местах лишения свободы, к участию в специальной военной операции.

Ключевые слова: специальная военная операция; правовой статус осужденных; правовое положение; правовое регулирование, отбывание наказания, освобождение от исполнения наказания.

Для цитирования: Гребенский Д.С. Генезис правового статуса граждан, имеющих судимость, и вопросы привлечения их к участию в боевых действиях в период проведения специальной военной операции // Военное право. 2025. № 2. С. 106—114.

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2025 г.

В рамках проводимой специальной военной операции (СВО) и осуществления последующей частичной мобилизации военнообязанных граждан возник вопрос о возможности привлечения на военную службу граждан, имеющих судимость, отбывающих наказания в местах лишения свободы. Это решение вызвало повышенный интерес в обществе по уточнению и развитию законодательных перспектив привлечения к участию в СВО осужденных за совершенные ими уголовные правонарушения. В правовом и информационном поле обсуждается достаточно широкий спектр вопросов, касающихся оптимизации организационно-правовых основ привлечения к участию в ней различных категорий граждан — от военнообязанных до лиц, нарушивших закон и подвергнутых уголовному преследованию. Вопросы комплектования Вооруженных Сил и других войск личным составом во все времена являются важнейшим фактором обеспечения военной безопасности государства и обороны страны[1].

В этих условиях научный интерес представляют правовые возможности и законотворческие перспективы привлечения граждан, отбывающих уголовные наказания, к участию в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Российской

[1] Военно-административное право (Военная администрация) : Учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.] ; Российский государственный университет правосудия. М.: Российский государственный университет правосудия, 2022; Военное право: учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. М.: ИГПАН, 2021; Холиков И.В. Правовые аспекты обеспечения военной безопасности России: динамика подходов и концептуальные перспективы // Военное право. 2022. № 6(76). С. 22—27.

Федерации. Для этого обратимся к историческому опыту привлечения осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях, к защите Отечества путем направления их в ряды Красной Армии и рассмотрим роль уголовно-правовых институтов помилования, снятия судимости и условно-досрочного освобождения. В итоге, при положительном решении о привлечении осужденных для участия в боевых действиях такое решение должно будет носить законодательное оформление на уровне уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. В контексте данного предмета обсуждения будет рассматриваться такой вид освобождения от исполнения наказания, как освобождение от наказания в связи с изменением обстановки. В связи с этим возникает потребность принятия разъясняющих рекомендаций Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно вопросов, связанных с освобождением от отбывания наказания лиц, осужденных за уголовные деяния.

Сама идея о привлечении осужденных к защите интересов государства в военных действиях не нова. Так в истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. осужденные принимали участие в боевых действиях по защите Родины от немецко-фашистских захватчиков, но в ряды красноармейцев не могли попасть[1]. Из истории нашего народа известно, что в указанные годы правом воевать в рядах Красной Армии удостаивались далеко не все осужденные. Например, не призывались лица, осужденные за совершение контрреволюционных преступлений и совершившие тяжкие уголовные преступления.

С началом Великой Отечественной войны перед государством встало множество вопросов, по которым требовалось принять решение в кратчайшие сроки, и уголовно-исполнительная система активно участвовала в этом процессе[2]. В целом необходимо отметить, что история нашей страны в годы Великой Отечественной войны имеет многократные свидетельства героических поступков, совершенных заключенными. Достаточно вспомнить героические действия штрафных батальонов. В этом контексте представляется необходимым рассмотреть вопросы правового регулирования статуса осужденных, которые могут заслужить право для участия в защите интересов нашей страны в СВО. Возникающие вопросы ставят научную задачу, решение которой будет иметь существенное значение для науки военного права.

В рамках поставленной проблемы особое внимание необходимо уделить институту помилования и судимости в рамках действующего законодательства.

Обратимся к некоторым историческим аспектам регулирования законодательством участия осужденных в боевых действиях по защите Отечества.

Так, после начала Великой Отечественной войны по представлению НКВД СССР Президиумом Верховного Совета СССР 12 июля и 24 ноября 1941 г. были изданы указы о досрочном освобождении с передачей в Красную Армию определенных категорий заключенных, которые были осуждены за прогулы, бытовые и должностные преступления и которым государство позволило исправиться путем участия в борьбе с фашистской Германией[3]. Одной из основных задач, для решение которых привлекались заключенные, являлось строительство стратегически важных заводов, однако нельзя не обратить внимания на то, что большое число лиц, совершивших небольшие преступления, воевало, мил-

[1] Оганесян С.М. Пенитенциарная система государства (историко-теоретический и правовой анализ) : дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2005.

[2] Кузьмин С.И. Политико-правовые основы становления и развития системы исправительно-трудовых учреждений Советского государства (1917–1985 гг.): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1992.

[3] Смыкалин А.С. Пенитенциарная система советской России 1917 — начала 1960-х гг. (Историко-юридическое исследование) : дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

лионы заключенных защищали наше государство[1].

Согласно архивным документам, из мест лишения свободы были досрочно освобождены бывшие военнослужащие, осужденные в годы массовых репрессий, военачальники и другие категории командного состава. Также подлежали освобождению и лица, осужденные за прогулы, мелкие хищения, незначительные должностные и бытовые преступления, мелкое хулиганство, а также судимые впервые[2].

В первые месяцы Великой Отечественной войны около 480 тыс. осужденных были отправлены на фронт для службы в действующей армии. Кроме того, еще примерно 200 тыс. осужденных были освобождены из заключения для участия в оборонительных работах.

В период с 1942 по 1943 г. Государственный комитет обороны принял специальные решения о досрочном освобождении около 157 000 человек, осужденных за незначительные преступления, с последующим призывом их в ряды Красной Армии[3]. Также, согласно утвержденному ГУЛАГом в то время порядку, все освобожденные заключенные, отбывшие сроки наказания и годные к военной службе, были переданы в армию. За три года Великой Отечественной войны в Красную Армию было отправлено около 975 000 новобранцев, имеющих судимость.

В начале 1942 г. Секретариатом Президиума Верховного Совета СССР был разработан порядок по снятию судимости с осужденных. Была разработана Инструкция о порядке снятия судимости с военнослужащих, отличившихся в боях с немецко-фашистскими захватчиками (судимость снималась с осужденных по ходатайству командиров частей (кораблей) решением военных советов фронтов, флотов и отдельных армий от имени Президиума Верховного Совета СССР с последующим его утверждением)[4].

Заключенные направлялись на комплектование штрафных батальонов, которые выполняли боевые задачи на самых трудных и опасных участках фронта. Практика использования штрафных батальонов для укрепления дисциплины в армии известна с принятием приказа Народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина от 28 июля 1942 г. № 227, который предписывал меры по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещал самовольный отход с позиций. Основной целью этих подразделений, которые были сформированы из совершивших правонарушения офицеров и солдат, была направлена на возможность доказать свое исправление и преданность Родине. Штрафные батальоны были укомплектованы в основном из совершивших правонарушения офицеров и солдат, кто симулировал болезнь, занимался членовредительством, мародерством или мелкими хищениями. Этот приказ в просторечии получил название «Ни шагу назад!» и был связан прежде всего с критической ситуацией, связанной с отступлением Красной Армии, что привело к потере важных позиций на фронтах.

В сентябре 1942 г. Наркомат обороны СССР принял Положение о штрафных батальонах и Положение о штрафных ротах армии, а затем был выпущен приказ № 298 «О введении Положений о штрафных батальонах и ротах, а также штатов штрафного батальона, роты и заградительного отряда действующей армии". Согласно п. 15—16 данного приказа за боевое отличие штрафник мог быть освобожден досрочно по представлению командования штрафного баталь-

[1] Лелюх В.Ф. Уголовно-исполнительная система: социальные проблемы реформирования : автореф. дис. … д-ра социол. наук. Кемерово, 2006.

[2] Кузьмин С.И., Дорофеев Н.К. Исправительно-трудовые учреждения в годы Великой Отечественной войны // Закон и армия. 2005. № 6. С. 24—26.

[3] Кузьмин С.И. Исправительно-трудовые учреждения в годы Великой Отечественной войны в 1941—1945 гг. М.: Изд. Академии МВД СССР, 1991.

[4] Лысенков С.Г., Вележев С.И., Молдабаев С.С. Уголовная ответственность военнослужащих в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2003. № 1 (17). С. 26—32.

она, утвержденному военным советом фронта.

Кроме этого, по отбытии назначенного срока командование батальона готовило и направляло военному совету фронта представление об освобождении штрафника из штрафного батальона. Соответственно, штрафник освобождался из штрафного батальона в случае утверждения такого представления. При этом все освобожденные из штрафного батальона восстанавливались в воинских званиях (в случае, если оно ранее было присвоено им) и во всех правах.

Принятие в том момент данного юридически значимого документа было необходимостью, поскольку уже сложилась практика доблестного и бесстрашного участия таких лиц в военных действиях. Как отмечают историки, «отсрочка от исполнения приговора и снятие судимости снижали небоевые потери действующей армии. Около 400 тыс. осужденных военнослужащих было направлено на фронт с отсрочкой исполнения приговора до окончания войны, что сопоставимо с численностью личного состава одного фронта»[1]. Также следует отметить, что по завершении Великой Отечественной войны в стране была произведена широкая амнистия тех военнослужащих, которые получили приговоры судов и имели судимости во время войны.

Короткий экскурс в историю нашей многонациональной страны позволяет сделать соответствующие выводы и обратиться к оценке существующих правовых возможностей и законотворческих перспектив по привлечению лиц, имеющих судимость, к участию в боевых действиях в качестве военнослужащих.

Уже три года прошло с момента начала специальной военной операции, объявленной 24 февраля 2022 г. Президентом России В.В. Путиным. За это время принято весьма значительное количество нормативных правовых актов. Посредством которых осуществляется правовое обеспечение СВО[2].

В жаркие летние месяцы 2022 г., во время которых велись активные бои на территории Донбасса, возникло решение по увеличению численности личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации и пополнения их рядов мобилизованными гражданами, добровольцами и военнослужащими, проходящими военную службу по контракту для принятия участия в проводимой нашей страной специальной операции. В то время для защиты мирных жителей Донбасса привлекались подразделения Министерства обороны России, добровольческие подразделения, подразделения народной милиции и частные военные компании. В мае 2022 г. в боевых действиях начала принимать участие частная военная компания «Вагнер» (ЧВК «Вагнер»). С лета 2022 г. представители ЧВК «Вагнер» стали посещать исправительные учреждения для набора рекрутов в ряды своей компании из числа заключенных. Лицам, изъявившим желание заключить контракты с частной военной компанией, предлагалось оформить соглашение на участие в специальной военной операции сроком на шесть месяцев, по истечении которых каждому заключенному было гарантированно помилование в рамках программы «Проект К»[3]. Основной целью данной программы было увеличение штурмовых подразделений компании для выполнения ими поставленных боевых задач в рамках спецоперации.

В сентябре 2022 г. Президентом России был издан Указ об объявлении необходимой на то время частичной мобилизации. Однако мобилизацию судимых граждан Указ не предусматривал. Заключенные, изъявившие желание участво-

[1] Гриф секретности снят: потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин [и др.]; под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.

[2] Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : монография. М.: Юрлитинформ, 2025.

[3] Гребенской Д.С. История и развитие правового регулирования отношений, связанных с привлечением граждан, имеющих судимость, к участию в боевых действиях // Военное право. 2024. № 5. С. 18—24.

вать в боевых действиях, заключали соглашения с частной военной компанией, но при этом не становились военнослужащими. С началом набора заключенных в ряды ЧВК в обществе возникла острая необходимость правового регулирования и уточнения правового статуса граждан, имеющих судимость, которые были отобраны для участия в специальной военной операции и применения к данным гражданам условного помилования.

В соответствии с действующим законодательством России, которое определяет возможность освобождения осужденных от уголовной ответственности (помилование, условно-досрочное освобождение, амнистия и прочее) было принято решение о применении процедуры помилования для заключенных, принявших участие в вооруженном конфликте. Помилование как способ освобождения от наказания закреплен в ст. 89 Конституции Российской Федерации, которая разъясняет, что Президент Российской Федерации обладает исключительным правом на применение помилования, в то время как решение о применении наказания определяется судом. Государственная Дума России также обладает правом предоставить амнистию. Участие осужденных в боевых действиях в составе ЧВК «Вагнер» вызывало огромное количество вопросов в научном сообществе. Они касались в основном законности освобождения осужденных от назначенного судом наказания, правомерности заключения контрактов с такими гражданами, обоснованности их пребывания на территории проведения боевых действий и законности принятия решений по освобождению данных граждан от уголовной ответственности, от назначенного им судом наказания и пр.[1] Большое количество вопросов также возникало по отбору заключенных в местах лишения свободы для их участия в боевых действиях в зоне проведения СВО. Предпочтение по отбору добровольцев в тот промежуток времени отдавался заключенным, которые были осуждены за тяжкие преступления, склонным к агрессивным действиям, но которые стремились к искуплению своей вины. В одном из интервью, данных пресс-секретарем Президента Российской Федерации Д. Песковым, было отмечено, что осужденные судом за преступления граждане искупают свои преступления на поле боя под пулями в штурмовых подразделениях. По истечении срока контракта участники ЧВК «Вагнер» имели право на помилование в соответствии со ст. 50 Конституции Российской Федерации. Несмотря на имеющиеся сомнения в обществе по поводу правового статуса привлечения и участия осужденных в спецоперации, необходимо отметить, что с юридической точки зрения процесс их привлечения к участию в боевых действиях был соблюден, а их непосредственное участие в боевых действиях сыграло положительную роль в успехах операции. После завершения программы «Проект К» в обществе возник вопрос о допустимости и дальше привлекать граждан с уголовным прошлым для участия в боевых действиях.

По завершению программы «Проект К» задачи по набору осужденных для участия в специальной операции были возложены на Министерство обороны Российской Федерации. Заключенных набирали для пополнения рядов Вооруженных Сил России. Этому способствовало подписание 24 июня 2023 г. Президентом Российской Федерации Федерального закона № 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вносящего изменения в некоторые законы России.

Данным Федеральным законом были внесены изменения, в Федеральный за-

[1] Холиков И.В., Окоча В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147—158; Кудашкин А.В., Холиков И.В. Правовое положение «военных добровольцев» в Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 11. С. 125—138; Холиков И.В., Сайфуллин Э.К., Окоча В.А. Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 12(269). С. 65—71.

кон от 27 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», которые позволили заключать контракты на прохождение военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения и в военное время с гражданами, признанными ограниченно годными к военной службе (при отсутствии заболеваний, указанных в утвержденном Минобороны России перечне), с гражданами, имеющими судимость (за исключением определенных видов преступлений), с гражданами, совершившими преступления небольшой или средней тяжести (за исключением определенных видов преступлений), в отношении которых предварительное расследование приостановлено по ходатайству командования воинской части, а также с гражданами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, судимость которых снята или погашена.

Согласно внесенным изменениям в действующее федеральное законодательство, предусмотрено создание системы воинского учета для граждан, находящихся в местах лишения свободы. Порядок и особенности ведения учета этих граждан определены в соответствии с Положением о воинском учете.

Данным Федеральным законом установлено, что Министерство обороны Российской Федерации определяет особенности заключения контрактов о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения и в военное время с гражданами, имеющими судимость, совершившими преступления небольшой или средней тяжести, в отношении которых предварительное расследование приостановлено, а также с гражданами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, судимость которых снята или погашена. Федеральный закон также устанавливает основания для увольнения этих лиц с военной службы.

Также данным Федеральным законом, были внесены изменения в Федеральный закон т 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», которые уточняют категории преступлений, за которые граждане с судимостью не могут быть мобилизованы на военную службу.

Изменения, внесенные данным Федеральным законом, коснулись также Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, который устанавливает порядок освобождения от отбывания наказания лиц, призванных на военную службу во время мобилизации или военного конфликта в Вооруженные Силы Российской Федерации, а также тех, кто заключил контракт на военную службу в период мобилизации, военного положения или военного времени.

23 марта 2024 г. вступил в силу Федеральный закон № 61-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации", статью 34 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе" и признании утратившим силу Федерального закона "Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции"».

Законом предусмотрено, что в период мобилизации, военного положения и в военное время контракт о прохождении военной службы можно заключить с гражданами, которые согласно п. 5.1 ст. 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»:

— имеют судимость (за исключением судимости за совершение некоторых преступлений, в частности, отдельных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних);

— совершили преступления (за исключением преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и некоторых других преступлений, например, диверсия, теракт и др.), в отношении которых предварительное расследование приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения);

— отбыли наказание в виде лишения свободы, судимость которых снята или погашена.

В данном Федеральном законе законодатели уточнили категории граждан, имеющих судимость или совершивших определенные преступления, с которыми можно заключать контракт о прохождении военной службы. Например, раньше в законе говорилось о гражданах, совершивших преступления небольшой или средней тяжести. Теперь эта норма из закона исключена.

Кроме того, расширен перечень составов преступлений, препятствующих заключению таких контрактов. Например, добавлены такие составы, как контрабанда наличных денег (ст. 200.1 УК РФ), разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ), наемничество (ст. 359 УК РФ).

После принятия Федерального закона от 23 марта 2024 г. № 61-ФЗ издан межведомственный приказ Минобороны России, Минюста России и МВД России от 27 марта 2024 г., которым утвержден Порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной власти по вопросам, связанным с заключением контрактов о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения и в военное время с гражданами, указанными в подп. «а» п. 5.1 ст. 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе». Приказом определено, что в период мобилизации, в период военного положения и в военное время отбор кандидатов для поступления на военную службу по контракту в Вооруженные Силы Российской Федерации осуществляется из числа:

— лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях, а также в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, которые в отношении таких граждан исполняют функции исправительного учреждения;

— осужденных лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях и исправительных центрах (в учреждениях, исполняющих наказания, не связанные с изоляцией от общества);

— лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в отношении которых органами внутренних дел осуществляется административный надзор (поднадзорные лица);

— иных лиц, имеющих непогашенную либо неснятую судимость, в отношении которых административный надзор не установлен.

2 октября 2024 г. Президентом Российской Федерации подписано два федеральных закона, совершенствующих правовой механизм освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время.

Первый из них, Федеральный закон от 2 октября 2024 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Данным законом предусматривается возможность приостановления судом производства по уголовному делу, отмены меры пресечения и последующего освобождения от уголовной ответственности подсудимых, освобождения от наказания осужденных в случае их призыва на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключения ими в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а равно лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений во время прохождения военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время. В соответствии с этим Федеральным законом порядок взаимодействия командования воинских частей (учреждений) и судов по вопросам прекращения уголовных дел в отношении указанных лиц или их уголовного преследования, а также освобождения от наказания будет определяться совместными решениями Министерства обороны Российской Федерации и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Второй закон — Федеральный закон от 2 октября 2024 г. № 341-ФЗ «О внесе-

нии изменения в статью 34 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе"». Данный закон направлен на совершенствование правового регулирования отношений, связанных с заключением в период мобилизации, в период военного положения и в военное время отдельными категориями граждан контракта о прохождении военной службы. Закон подчеркивает, что контракт о прохождении военной службы может быть заключен с отдельными категориями граждан, обвиняемых или подсудимых на этапе судебного производства. Ранее такой возможности у перечисленных лиц не было.

В современный период вопросы обеспечения прав и законных интересов граждан приобретают особое значение. События, происходящие в стране и за рубежом, обусловливают необходимость совершенствования судебной системы Российской Федерации, на что указывается в научной литературе[1], а также дополнительного исследования такого института уголовно-исполнительного права как правовой статус осужденных граждан. Следует отметить, что обеспечение соблюдения прав и свобод человека и гражданина представляет собой один из важнейших элементов деятельности государства. Исследуя вопросы соотношения и различия правового статуса и правового положения осужденных, можно прийти к выводу о том, что особенностью правового положения осужденных является его многогранность и многоаспектность. Однако те же характеристики присутствуют и при рассмотрении содержания правового статуса. И правовое положение, и правовой статус осужденных характеризуются тем, что при отбывании наказания происходит изъятие, ограничение, конкретизация и дополнение прав и обязанностей осужденных в зависимости от вида наказания и условий его отбывания. Это требует дальнейшего совершенствования законодательства, а также проведения соответствующих научных исследований.

[1] Большакова В.М., Холиков И.В. Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 58. С. 579—604; Большакова В.М., Холиков И.В. Диалектика сменяемости и делимости: заметки о критериях периодизации судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 3(184). С. 142—159.

Список источников

1. Большакова В.М., Холиков И.В. Диалектика сменяемости и делимости: заметки о критериях периодизации судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI века // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 3(184). С. 142—159. DOI 10.17803/1729-5920.2022.184.3.142-159. EDN NKMLQY.

2. Большакова В.М., Холиков И.В. Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 58. С. 579—604. DOI 10.17072/1995-4190-2022-58-579-604. EDN WSHDPZ.

3. Военно-административное право (Военная администрация) : Учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.] ; Российский государственный университет правосудия. Москва : Российский государственный университет правосудия, 2022. 449 с. ISBN 978-5-93916-949-3. EDN LPSPHA.

4. Военное право: учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. Москва: Институт государства и права РАН, 2021. 968 с. EDN IZIVOG.

5. Гребенской Д.С. История и развитие правового регулирования отношений, связанных с привлечением граждан, имеющих судимость, к участию в боевых действиях // Военное право. 2024. № 5. С. 18—24.

6. Гриф секретности снят: потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин [и др.]; под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. Москва: Воениздат, 1993. 415 с.

7. Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : Серия: Теория и история государства и права. Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 360 с. ISBN 978-5-605-22287-3. EDN KYVIBT.

8. Кудашкин А.В., Холиков И.В. Правовое положение «военных добровольцев» в Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 11. С. 125—138. DOI 10.31857/S1026945224110118. EDN EYXQVZ.

9. Кузьмин С.И., Дорофеев Н.К. Исправительно-трудовые учреждения в годы Великой Отечественной войны // Закон и армия. 2005. № 6. С. 24—26.

10. Кузьмин С.И. Исправительно-трудовые учреждения в годы Великой Отечественной вой-

ны в 1941—1945 гг. Москва: Изд. Академии МВД СССР, 1991. 130 с.

11. Кузьмин С.И. Политико-правовые основы становления и развития системы исправительно-трудовых учреждений Советского государства (1917—1985 гг.) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 1992.

12. Лелюх В.Ф. Уголовно-исполнительная система: социальные проблемы реформирования : автореф. дис. … д-ра социол. наук. Кемерово, 2006.

13. Лысенков С.Г., Вележев С.И., Молдабаев С.С. Уголовная ответственность военнослужащих в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2003. № 1 (17). С. 26—32.

14. Оганесян С.М. Пенитенциарная система государства (историко-теоретический и правовой анализ) : дис. … д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург., 2005.

15. Смыкалин А.С. Пенитенциарная система советской России 1917 — начала 1960-х гг. (Историко-юридическое исследование) : дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005.

16. Холиков И.В., Окоча В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147—158. DOI 10.12737/jrl.2020.154. EDN UPVTVB;

17. Холиков И.В., Сайфуллин Э.К., Окоча В.А. Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 12(269). С. 65—71. EDN SSNQFM.

18. Холиков И.В. Правовые аспекты обеспечения военной безопасности России: динамика подходов и концептуальные перспективы // Военное право. 2022. № 6(76). С. 22—27. EDN NQOSKH.

The genesis of the legal status of citizens with criminal records and the issues of involving them in combat operations during a special military operation

© Grebenskoi D.S.,
Associate Professor at the Prince Alexander Nevsky Military University

Annotation. The article discusses the issues of the legal status of convicts and the justification for their participation in a special military operation. In the context of the historical experience of involving convicts serving sentences in places of deprivation of liberty in combat operations to protect the Fatherland, the relevant role of criminal law institutions of pardon, criminal record and conditional long-term release is being considered. The article analyzes the regulatory framework, selection criteria, evaluation of the effectiveness of involvement in a special military operation of convicts, and issues of their release from criminal liability. Attention is paid to the development of the legislative framework for attracting persons convicted of crimes and serving sentences in places of deprivation of liberty to participate in a Special military operation.

Key words: special military operation (SVO); legal status of convicts; legal status; legal regulation, serving sentences, release from punishment.

For citation: Grebensky D.S. The Genesis of the Legal status of citizens with criminal records and the issues of involving them in combat operations during a Special military operation // Military law. 2025. No. 2. pp. 106-114.

The article was received by the editorial office on February 20, 2025.

О некоторых правовых вопросах оказания паллиативной медицинской помощи военнослужащим

© **Иноземцев Антон Сергеевич,**
адъюнкт Военного университета имени князя Александра Невского

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые правовые вопросы оказания паллиативной медицинской помощи военнослужащим, получившим ранения (увечья, травмы), которые в ряде случаев сопряжены с необратимыми изменениями функционирования центральной нервной системы и органов, а также функций организма. Особое внимание уделяется раскрытию понятия паллиативной помощи в контексте военного законодательства. Автор делает вывод о необходимости создания нормативного правоприменительного механизма оказании паллиативной помощи военнослужащим.

Ключевые слова: паллиативная медицинская помощь, вегетативное состояние, освидетельствование, паллиативный больной, военнослужащие.

Для цитирования: Иноземцев А.С. О некоторых правовых вопросах оказания паллиативной медицинской помощи военнослужащим // Военное право. 2025. № 2. С. 115—119.

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2025 г.

Применение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в условиях современного вооруженного конфликта, характеризующегося применением различных средств его ведения и гибридным характером[1], свидетельствует, что поражающие факторы современного оружия наносят тяжелые ранения (увечья, травмы), которые в ряде случаев сопряжены с необратимыми изменениями функционирования центральной нервной системы и органов, функций организма, из-за которых военнослужащий утрачивает возможность к самостоятельной психической активности из-за обширного повреждения или дисфункции полушарий головного мозга с сохранением деятельности диэнцефалической области и ствола мозга, сохраняющих вегетативные и двигательные рефлексы (вегетативное состояние)[2].

Военнослужащие, получившие тяжелые ранения (увечья, травмы), находятся на стационарном лечении в ведомственных медицинских организациях (учреждениях) до выздоровления или иного исхода заболевания. Военнослужащие с установлением окончательного диагноза «Посттравматическое вегетативное состояние»[3] относятся к категории неизлечимо больных – «паллиативный больной».

Паллиативный больной нуждается в паллиативной медицинской помощи, которая оказывается в соответствии с утвержденным Положением[4] на базе государственных и муниципальных медицинских организаций, имеющих лицензию на осуществление данного вида медицинской деятельности в рамках системы обязательного медицинского страхования.

Необходимо отметить, что если в поле зрения специалистов в области военного

[1] Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 30—38.

[2] Военно-полевая хирургия : Учебник / В.С. Антипенко, В.И. Бадалов, Э.В. Бойко [и др.]. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: ООО «Издательская группа "ГЭОТАР-Медиа"», 2016.

[3] Код по МКБ 10 – Т98.

[4] Положение об организации оказания паллиативной медицинской помощи, включая порядок взаимодействия медицинских организаций, организаций социального обслуживания и общественных объединений, иных некоммерческих организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере охраны здоровья, утвержденное приказом Минздрава России № 345н, Минтруда России № 372н от 31 мая 2019 г.

права не раз находились вопросы правовой регламентации проблемных вопросов военно-врачебной экспертизы[1], различных аспектов медицинского и социального обеспечения военнослужащих силовых структур[2], привлечения волонтерских организаций к этой деятельности[3] и т.п., то вопросы правовой регламентации оказания военнослужащим паллиативной помощи на данном этапе не концептуализировались. Автор полагает, что в правоприменительной практике существует ряд проблем, касающихся паллиативных больных, находящихся на стационарном лечении в ведомственных медицинских организациях (учреждениях), в части, касающейся проведения им медицинского освидетельствования, а также при реализации их социальных прав.

Так, в соответствии с п. 9 ст. 31 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 освидетельствование для решения вопроса о годности к военной службе военнослужащих, получивших увечье (ранение, травму, контузию) при защите Отечества, при выполнении задач в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах или исполнении иных обязанностей военной службы (служебных обязанностей), а также военнослужащих, получивших заболевание в период прохождения военной службы за границей, на территориях государств, где велись боевые действия, в период пребывания на разведывательной или контрразведывательной работе за границей, проводится по окончании стационарного лечения независимо от его продолжительности[4]. Тем самым, Положение о порядке прохождения военной службы в императивном порядке определяет, что освидетельствование проводится по окончании стационарного лечения независимо от его продолжительности.

Вместе с тем, абзацами четвертым и пятым п. 4 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2023 г. № 565, предусматривается, что освидетельствование военнослужащих, получивших в период прохождения военной службы и

[1] См. например: Дамаскин О.В., Холиков И.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-летной экспертизы в России // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 3(162). С. 10—13; Наумов П.Ю., Холиков И.В., Солдатов С.К. Концептуализация понятия «военно-врачебная экспертиза» в междисциплинарном контексте // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2024. Т. 16, № 1. С. 422—445; Наумов П.Ю., Баранова Н.Н., Холиков И.В., Купцов С.А. Комплексное исследование правовых основ и проблемных вопросов оказания первой помощи военнослужащим (военнослужащими) // Медицина катастроф. 2023. № 3. С. 57—64.

[2] Бабайцева Е.С. Холиков И.В. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 2(60). С. 78—86; Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. М.: «Русайнс», 2024; Холиков И.В. Международно-правовые аспекты реализации транспортной стратегии Российской Федерации в сфере медицинского обеспечения на транспорте // Транспортное право и безопасность. 2018. № 4(28). С. 93—99; Белоусова М.С., Холиков И.В. Вопросы осуществления единовременной выплаты военнослужащим, получившим ранение (контузию, травму, увечье) в ходе проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 8(313). С. 99—107; Баранников М.М., Харитонов С.С. О медицинском обеспечении при призыве на военную службу по мобилизации: правовой аспект // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 8(325). С. 50—55; Кравченко М.С., Харитонов С.С. О реализации дополнительных социальных гарантий военнослужащим, участвующим в специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 10(327). С. 61—70.

[3] Грувер Н.В., Землин А.И., Холиков И.В. Правовые проблемы и организационно-педагогические условия реализации интеграционного потенциала волонтерской деятельности в процессе подготовки специалистов в области юриспруденции. М.: КноРус, 2021; Грувер Н.В., Землин А.И., Землина О.М. [и др.]. Правовые и организационные основы добровольческой (волонтерской) деятельности : учебник. М.: КноРус, 2021.

[4] Бухтияров И.В., Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю. Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицинское право России», отв. ред. А.А. Мохов, изд-во «Проспект», 2022, материалы дискуссии) // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63, № 1. С. 67—73.

военных сборов увечье, заболевание, проводится для определения категории годности к военной службе при определившемся врачебно-экспертном исходе, а под определившимся врачебно-экспертным исходом понимается такое состояние здоровья, когда результаты обследования и лечения дают основание военно-врачебной комиссии вынести заключение о категории годности к военной службе и когда дальнейшее лечение не приведет к изменению категории годности к военной службе[1].

Медицинские специалисты, кроме того, отмечают, что решение об окончании стационарного лечения военнослужащего с окончательным клиническим диагнозом: «Посттравматическое вегетативное состояние» принимается его лечащим врачом. Отсутствие у паллиативного больного возможности к самостоятельной психической активности по причине «вегетативного состояния» не является основанием считать, что данный паллиативный больной нуждается в продолжении оказания специализированной медицинской помощи в ведомственных медицинских организациях (учреждениях), но, как правило, военнослужащие с таким диагнозом освидетельствуются военно-врачебными комиссиями, признаются негодными к военной службе при определившемся врачебно-экспертном исходе, но продолжают находиться на стационарном лечении в ведомственных медицинских организациях (учреждениях).

Принимая во внимание изложенное, автор делает вывод, что возможность освидетельствования военно-врачебной комиссией до окончания стационарного лечения пациента предусматривается. Тем самым усматривается, что Положение о порядке прохождения военной службы императивно запрещает проводить освидетельствование до окончания стационарного лечения военнослужащего, а Положение о военно-врачебной экспертизе предусматривает такую возможность, и, по мнению автора, присутствует некоторый конфликт норм при их правоприменении.

Дополнительно представляется целесообразным обратить внимание на следующее.

По основаниям, предусмотренным подп. «в» п. 3 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, военнослужащий подлежит увольнению с военной службы по состоянию здоровья — в связи с признанием его военно-врачебной комиссией не годным к военной службе, за исключением военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, изъявившего желание продолжить военную службу на воинской должности, которая может замещаться этим военнослужащим.

Вместе с тем необходимо понимать, что военнослужащий, которому выставлен диагноз «посттравматическое вегетативное состояние», признается военно-врачебной комиссией негодным к военной службе, подлежит увольнению с военной службы, а также нуждается в дальнейшем оказании паллиативной медицинской помощи в специализированных медицинских организациях Минздрава России, но, вместе с тем, продолжает находиться на стационарном лечении в ведомственной медицинской организации (учреждении), до организации транспортировки паллиативного больного в специализированную медицинскую организацию Минздрава России, имеющую соответствующую лицензию на данный вид медицинской деятельности, или по месту проживания, к близким родственникам, назначенным в установленном порядке опекунами, для последующего ухода за паллиативным больным. Кроме того, возникает вопрос, а если у паллиативного больного нет близких родственников?

Вместе с тем, автор полагает, что тут могут присутствовать некоторые проблемы, неурегулированные действующим законодательством о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих. В частности, при назначении опекуна недееспособному гражданину опекун имеет право принимать все значимые ре-

[1] Наумов П.Ю., Холиков И.В. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15, № 1. С. 474—493.

шения за гражданина. Так, в правоприменительной практике потенциально может встречаться следующий проблемный вопрос: опекун не соглашается на транспортировку паллиативного больного в специализированные медицинские организации Минздрава России или к себе домой, а принимает решение, чтобы паллиативный больной и дальше находился в ведомственной медицинской организации (учреждении), но вместе с тем, ведомственные медицинские организации (учреждения) не имеют соответствующей лицензии на оказание паллиативной медицинской помощи[1].

Обозначенные некоторые правовые вопросы при оказании паллиативной помощи военнослужащим заслуживают внимания и должной правовой регуляции, требуют дополнительного обсуждения и проработки в рамках организации взаимодействия между заинтересованными органами федерального уровня.

Предполагается, что возможность устранения нормативных проблем разного толка, возникающих у паллиативных больных, возможна при создании нормативного правоприменительного механизма, определяющего соответствующий порядок действий.

Список источников

1. Бабайцева Е.С. Холиков И.В. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 2(60). С. 78—86. EDN WRTPGD

2. Баранников М.М., Харитонов С.С. О медицинском обеспечении при призыве на военную службу по мобилизации: правовой аспект // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 8(325). С. 50—55. EDN NKVKYM

3. Белоусова М.С., Холиков И.В. Вопросы осуществления единовременной выплаты военнослужащим, получившим ранение (контузию, травму, увечье) в ходе проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 8(313). С. 99—107. EDN KQZKXF

4. Бухтияров И.В., Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю. Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицинское право России», отв. ред. А.А. Мохов, изд-во «Проспект», 2022, — материалы дискуссии) // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63, № 1. С. 67—73. DOI 10.31089/1026-9428-2023-63-1-67-73

5. Военное право: учебник / А. В. Кудашкин, В. М. Корякин, В. В. Кудашкин [и др.]. Москва: Институт государства и права РАН, 2021. 968 с. EDN IZIVOG

6. Военно-полевая хирургия : учебник / В.С. Антипенко, В.И. Бадалов, Э.В. Бойко [и др.]. 2-е издание, переработанное и дополненное. Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательская группа «ГЭОТАР-Медиа»", 2016. 768 с. EDN YHYTDX

7. Грувер Н.В., Землин А.И., Землина О.М. [и др.]. Правовые и организационные основы добровольческой (волонтерской) деятельности : Учебник для направления магистратуры «Юриспруденция». Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство "КноРус"», 2021. 158 с. EDN YGXXZY

8. Грувер Н.В., Землин А.И., Холиков И.В. Правовые проблемы и организационно-педагогические условия реализации интеграционного потенциала волонтерской деятельности в процессе подготовки специалистов в области юриспруденции. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство "КноРус"», 2021. 264 с. EDN OZFMDK.

9. Дамаскин О.В., Холиков И.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-летной экспертизы в России // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 3(162). С. 10—13. EDN YWUKDX

10. Кравченко М.С., Харитонов С.С. О реализации дополнительных социальных гарантий военнослужащим, участвующим в специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 10(327). С. 61—70. EDN WUACEN

11. Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : Учебник и практикум. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2024. 294 с. EDN POZSSN

12. Наумов П.Ю., Баранова Н.Н., Холиков И.В., Купцов С.А. Комплексное исследование правовых основ и проблемных вопросов оказания первой помощи военнослужащим (военнослужащими) // Медицина катастроф. 2023. № 3. С. 57—64. DOI 10.33266/2070-1004-2023-3-57-64. EDN LQLOAC

13. Наумов П.Ю., Холиков И.В., Солдатов С.К. Концептуализация понятия «военно-врачебная экспертиза» в междисциплинарном контексте // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2024. Т. 16, № 1. С. 422—445. DOI 10.12731/2658-6649-2024-16-1-1071. EDN DOFVTM

14. Наумов П.Ю., Холиков И.В. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной

[1] Приказ Минздрава России от 19 августа 2021 г. № 866н «Об утверждении классификатора работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность».

гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15, № 1. С. 474—493. DOI 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493. EDN QIGLAF

15. Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 30—38. EDN DOKUCL

16. Холиков И. В. Международно-правовые аспекты реализации транспортной стратегии Российской Федерации в сфере медицинского обеспечения на транспорте // Транспортное право и безопасность. 2018. № 4(28). С. 93—99.

On some legal issues of palliative care for military personnel

© **Inozemtsev A.S.,**
Adjunct at the Prince Alexander Nevsky Military University

Abstract. The article discusses some legal issues providing palliative care to military personnel who have been injured (maimed, injured), which in some cases involve irreversible changes in the functioning of the central nervous system and organs, as well as body functions. The main focus is given to the disclosure of the concept of palliative care in the context of military legislation. The author makes a conclusion on the necessity to create the normative legal mechanism of provision palliative care to military personnel.

Keywords: palliative care, vegetative state, examination, palliative patient, military personnel.

For citation: Inozemtsev A.S. On Some Legal issues of palliative care for military personnel // Military law. 2025. No. 2. pp. 115-119.

The article was received by the editorial office on February 20, 2025.

О необходимости модернизации Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих»

© **Корякин Виктор Михайлович,**
доктор юридических наук, профессор, профессор 25 кафедры Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России

Аннотация. В связи со значительными изменениями в последние три года законодательства о военной службе и статусе военнослужащих, обусловленными проведением специальной военной операции и действием на отдельных территориях Российской Федерации специальных правовых режимов (военного положения, мобилизации, контртеррористической операции и др.), в статье обосновывается необходимость внесения соответствующих корректировок в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8, в котором обобщена судебная практика по применению законодательства о военной службе и статусе военнослужащих. Многие положения данного судебного акта в значительной степени утратили свою актуальность и не в полной мере отражают те реалии, которые сложились и действуют сегодня в сфере исполнения гражданами воинской обязанности, прохождения военной службы, реализации социальных гарантий военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и их семей.

В публикации обосновываются предложения о внесении в данный судебный акт изменений, касающиеся толкования судами вопросов подсудности дел военным судам, поступления на военную службу, прохождения военной службы и увольнения с военной службы, предоставления отпусков, реализации социальных гарантий и др. Отдельно рассматриваются проблемы правоприменения, связанные со статусом лиц, пребывающих в добровольческих формированиях.

Внесение предлагаемых изменений в указанное Постановление Пленума позволит обеспечить единообразие применения судами и иными правоприменителями норм военного законодательства, послужит укреплению гарантий защиты прав и законных интересов военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей.

Ключевые слова: военная служба; статус военнослужащих; специальная военная операция; мобилизация; ветеран боевых действий; граждане, пребывающие в добровольческих формированиях.

Для цитирования: Корякин В.М. О необходимости модернизации Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» // Военное право. 2025. № 2. С. 120—129.

Статья поступила в редакцию 24 января 2025 г.

Мудрый может менять мнение; глупец — никогда.
Иммануил Кант

В условиях продолжающейся с февраля 2022 г. специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины происходит существенная корректировка военного законодательства. Многие нормы законодательства т.н. «мирного времени» оказались не в полной мере пригодными для регулирования качественно новых общественных отношений, складывающихся в условиях реального применения войск по их прямому предназначению. Изменения военного

законодательства требуют соответствующих изменений и в правоприменительной практике. Свидетельством осознания этой истины явилось Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», в котором даны рекомендации правоприменителям по применению норм военно-уголовного законодательства в особые периоды, к которым отнесены периоды мобилизации, военного положения, военное время, а также условия вооруженного конфликта и ведения боевых действий.

Как показывает практика правоприменения, сегодня есть настоятельная потребность в пересмотре подходов к применению норм военного права о военной службе и статусе военнослужащих. Судебная практика в данной сфере обобщена и изложена в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» (далее — Постановление Пленума № 8). За более чем десятилетний период законодательство в данной сфере претерпело существенные изменения и дополнения. Так, согласно нашим подсчетам, только в последние три года, т.е. после начала специальной военной операции (СВО), приняты 25 законодательных актов, вносящих изменения и дополнения в Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе. За тот же период в Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» поправки внесены 23 федеральными законами. Безусловно, указанные корректировки законодательства о военной службе и статусе военнослужащих нуждаются как в научном осмыслении, так и в выработке рекомендаций судебным и иным правоприменительным органам по их применению в конкретных ситуациях, складывающихся в рассматриваемой сфере.

С учетом данных обстоятельств авторами настоящей публикации подготовлены некоторые предложения по внесению изменений и дополнений в Постановление Пленума № 8. Их содержание состоит в следующем.

1. **Уточнение подсудности гражданских и административных дел военным судам**.

Такое уточнение следует осуществить по двум направлениям:

— *во-первых*, в число лиц, на защиту нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов которых направлена деятельность военных судов, следует дополнительно включить лиц, пребывающих в добровольческих формированиях, а также членов семей погибших (умерших) военнослужащих и лиц, пребывавших в добровольческих формированиях (в случае оспаривания указанными лицами действий и решений органов военного управления и воинских должностных лиц). Согласно действующему правовому регулированию и соответствующим разъяснениям, изложенным в п. 1 Постановления Пленума № 8, правом на обращение в военные суды за защитой своих прав наделены только действующие военнослужащие и граждане, проходящие военные сборы. Кроме того, таким правом наделены лица, уволенные с военной службы, граждане, прошедшие военные сборы, граждане, пребывавшие в мобилизационном людском резерве, при оспаривании ими действия (бездействие) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятые ими решения, нарушившие права, свободы и охраняемые законом интересы указанных лиц в период прохождения военной службы, военных сборов, пребывания в мобилизационном людском резерве. В связи с появлением новой категории лиц, на которых распространяются отдельные нормы законодательства о статусе военнослужащих, — граждан, пребывающих в добровольческих формированиях[1], следует наделить этих граждан

[1] Данная категория защитников Отечества узаконена Федеральным законом от 25 декабря 2023 г.

правом на обращение в военные суды. Члены семей погибших (умерших) военнослужащих и граждан, пребывавших в добровольческих формированиях, после гибели (смерти) главы семьи приобретают, по нашему мнению, статус самостоятельного субъекта права на обращение в военные суды, поскольку их статус и защищаемые права и законные интересы являются производными от статуса погибшего (умершего). Поэтому такие члены семей также должны быть указаны в числе субъектов права на обращение в военные суды;

— *во-вторых*, в числе лиц, чьи действия (бездействие) и принятые решения могут быть обжалованы путем обращения в военные суды, следует специально оговорить специализированные организации (учреждения), находящиеся в ведении Минобороны России и иных федеральных государственных органов, в которых законом предусмотрена военная служба, созданных в целях реализации различных социальных, жилищных и иных прав военнослужащих. К их числу можно отнести, например, находящиеся в ведении Минобороны России ФГАУ «Росжилкомплекс»[1], ФГКУ «Росвоенипотека»[2], ФКУ «Военно-социальный центр»[3]. Согласно действующему правовому регулированию в военные суды обжалуются действия (бездействие) и решения органов военного управления и воинских должностных лиц. Как представляется, названные выше и иные подобные им специализированные организации весьма сложно в прямом смысле этого слова отнести к категории органов военного управления. Однако действия (бездействие) данных организаций и принимаемые ими решения самым непосредственным образом касаются реализации прав и законных интересов военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. В связи с этим полагаем целесообразным специально указать такого рода организации в п. 1 Постановления Пленума № 8 в числе субъектов, решения которых могут быть обжалованы в военных судах.

Изменения, касающиеся уточнения подсудности дел военным судам, следует внести в пункты 1, 2 и 5 Постановления Пленума № 8. При этом в п. 5 предлагается уточнить характер правоотношений, возникающих с участием членов добровольческих формирований. Следует указать, что пребывание граждан в добровольческих формированиях направлено на содействие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации (войска национальной гвардии Российской Федерации), в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (войск национальной гвардии) за пределами территории Российской Федерации. В связи с этим правоотношения, связанные с исполнением гражданами, пребы-

№ 639-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[1] Федеральное государственное автономное учреждение «Центральное управление жилищно-социальной инфраструктуры (комплекса)» Министерства обороны Российской Федерации (ФГАУ «Росжилкомплекс») в соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 29 декабря 2020 г. № 742 определена специализированной организацией, осуществляющей полномочия Минобороны России в сфере социальной защиты военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в части реализации их жилищных прав.

[2] Федеральное государственное казенное учреждение «Федеральное управление накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих» (ФГКУ «Росвоенипотека») создано в 2006 г. для обеспечения функционирование накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих.

[3] Федеральное казенное учреждение «Военно-социальный центр» Министерства обороны Российской Федерации (ФКУ «ВСЦ» Минобороны России) создано в 2024 г. Его основной задачей является соблюдение прав и социальных гарантий военнослужащих и членов их семей (обеспечение денежным довольствием, социальными и компенсационными выплатами, медицинское, жилищное и страховое обеспечение, санаторно-курортное лечение, прохождение военной службы.

вающими в добровольческих формированиях, обязанностей по контракту о пребывании в добровольческом формировании, являются публично-правовыми.

Следует отметить, что действующие правила подсудности гражданских и административных дел военным судам определены ст. 7 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации». Поэтому для реализации изложенных выше предложений по уточнению подсудности дел военным судам требуется внесение соответствующих изменений в названный Федеральный конституционный закон.

2. **Заключение контракта о прохождении военной службы**.

В п. 9 действующей редакции Постановления Пленума № 8 приводятся нормы законодательства о военной службе, предусматривающие случаи и категории граждан, с которыми не может быть заключен контракт о прохождении военной службы. В частности, в числе таких лиц указаны граждане, имеющие судимость. Однако к настоящему времени эти нормы претерпели существенные изменения. В связи с этим необходимо положения Постановления Пленума № 8, касающиеся данных вопросов, привести в соответствие с новым законодательным регулированием. В этих целях предлагается п. 9 данного Постановления дополнить абзацами третьим и четвертым следующего содержания:

«При этом судам следует иметь в виду, что указанный выше запрет на заключение контракта о прохождении военной службы с гражданами, имеющими судимость, действует только в мирное время. В период мобилизации, в период военного положения и в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации может быть также заключен с гражданами, в отношении которых вынесен обвинительный приговор и которым назначено наказание, а также с гражданами, имеющими неснятую или непогашенную судимость за совершение преступления, отбывавшими наказание в виде лишения свободы (за исключением судимости за совершение преступлений, перечисленных в подпункте "а" пункта 5.1 статьи 34 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе").

С гражданами, в отношении которых ведется дознание либо предварительное следствие или уголовное дело в отношении которых передано в суд, контракт о прохождении военной службы может быть заключен только после приостановления производства по уголовному делу по ходатайству командования воинской части (учреждения) (за исключением уголовного преследования за совершение преступлений, перечисленных в подпункте "б" пункта 5.1 статьи 34 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе")».

Нуждаются в уточнении положения Постановления Пленума № 8, в которых приводится судебное толкование вопросов нахождения военнослужащего на военной службе после истечения срока контракта. В связи с практическим применением в условиях СВО норм о режиме мобилизации имеется необходимость официального разъяснения вопросов, связанных со сроками действия контрактов о прохождении военной службы в период мобилизации. В этих целях предлагается указанное Постановление дополнить пунктом 11.1 следующего содержания:

«11.1. Согласно пункту 5 статьи 17 Федерального закона "О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации" военнослужащие при объявлении мобилизации продолжают проходить военную службу. Это означает, что контракты о прохождении военной службы независимо от срока, на который они заключены, продолжают свое действие вплоть до окончания периода мобилизации.

По окончании периода мобилизации военнослужащие, у которых к этому времени истекли сроки контрактов о прохождении военной службы, либо заключают в установленном порядке новые контракты о прохождении военной службы, либо

увольняются с военной службы. Исключение составляют случаи, когда контракт о прохождении военной службы заключен гражданином после 24 июня 2023 г. на период до достижения предельного возраста пребывания на военной службе, указанного в части 2 статьи 4 Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 269-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (см. пункт 48.2 настоящего Постановления)».

3. **Право на отдых**.

Учитывая, что участие военнослужащих в выполнении боевых и (или) специальных задач, в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, в выполнении мероприятий в зонах чрезвычайного положения, в обеспечении режима чрезвычайного положения и т.п. отнесено к мероприятиям, проводимых при необходимости без ограничения еженедельного служебного времени, а также принимая во внимание право таких военнослужащих на реабилитационный отпуск, представляется целесообразным пункт 21 Постановления Пленума № 8 дополнить абзацем следующего содержания:

«При этом судам следует иметь в виду, что в случае предоставления военнослужащему реабилитационного отпуска, предусмотренного пунктом 9.1 статьи 11 Федерального закона "О статусе военнослужащих", дополнительные сутки отдыха, предусмотренные пунктом 3 статьи 11 Федерального закона "О статусе военнослужащих" ему не предоставляются».

В связи с проведением специальной военной операции и внесением соответствующих изменений в Федеральный закон «О ветеранах» в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах существенно возросло количество военнослужащих, имеющих звание «Ветеран боевых действий» и имеющих в связи с этим право на предоставление основного отпуска в удобное для них время и право на ежегодный дополнительный отпуск продолжительностью 15 суток. Поэтому имеется необходимость дать официальное разъяснение Верховного Суда о порядке планирования и реализации указанных социальных гарантий ветеранов боевых действий в сфере предоставления отпусков.

В этих целях предлагается пункт 22 Постановления Пленума № 8 дополнить абзацем следующего содержания:

«Конкретные периоды времени предоставления военнослужащим — ветеранам боевых действий основного отпуска и дополнительного отпуска, предусмотренного пунктами 5.1 и 12 статьи 11 Федерального закона "О статусе военнослужащих", определяются графиком отпусков, составляемым ежегодно с учетом пожелания такого военнослужащего и необходимости поддержания боевой готовности воинской части».

4. **Право на жилище**.

В Постановления Пленума № 8 должна найти отражение правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о праве военнослужащих и членов их семей на повторное обеспечение жилыми помещениями на условиях и в порядке, установленном ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих». Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2025 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 14 статьи 15 Федерального закона "О статусе военнослужащих" и подпункта "д" пункта 10 Правил учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, а также военнослужащих и сотрудников Государственной противопожарной службы, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, в связи с жалобами граждан Ю.Б. Митрофановой и И.П. Рыбакова» признан не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (ч. 1), 40 и 75.1, абз. первый п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», в той мере, в какой

они в системе действующего правового регулирования — в силу неопределенности нормативного содержания, а также противоречивого смысла, придаваемого им правоприменительной практикой, — допускают произвольное толкование права на предоставление предусмотренных законом жилищных гарантий военнослужащим, ранее обеспеченным жилыми помещениями или средствами на их приобретение в качестве членов семей других военнослужащих или иных граждан[1].

Высший орган конституционного контроля счел неконституционной сложившуюся судебную практику судов общей юрисдикции, согласно которой граждане, единожды реализовавшие право на получение жилого помещения на условиях, установленных для военнослужащих и их семей, в последующем в случае совершения ими действий, связанных с отчуждением полученного за счет государства жилого помещения (намеренное ухудшение жилищных условий), лишались права на повторное признание их нуждающимися в обеспечение жильем от государства даже по истечении 5-летнего срока, установленного ст. 53 ЖК РФ, со дня совершения таких действий. Суть правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации состоит в том, что если гражданин был обеспечен жилым помещением как член семьи военнослужащего (супруг, сын, дочь и др.), а в последующем сам приобрел статус военнослужащего и соответственно стал самостоятельным субъектом права на получение жилья от государства, то он может быть признан нуждающимся в получении жилого помещения, если отвечает всем критериям для такого признания и если со времени отчуждения полученного ранее жилого помещения прошло более 5 лет.

Конституционный Суд Российской Федерации в указанном выше Постановлении указал, что впредь до внесения в законодательство и подзаконные акты изменений, вытекающих из данной правовой позиции, действующее правовое регулирование не может считаться препятствующим постановке на учет нуждающихся в жилых помещениях военнослужащих, ранее обеспеченных (в том числе по договору социального найма) жилыми помещениями за счет публичных жилых фондов или средствами на их приобретение в качестве членов семей других военнослужащих или иных граждан, независимо от последующей приватизации и (или) отчуждения жилого помещения, если они отвечают критериям нуждаемости по основаниям, предусмотренным ст. 51 ЖК РФ при условии истечения 5-летнего срока, установленного ст. 53 того же Кодекса.

В связи с изложенным предлагается Постановление Пленума № 8 дополнить пунктом 27.1 следующего содержания:

«27.1. При рассмотрении споров, связанных с обеспечением жилыми помещениями для постоянного проживания или получением денежных средств на их приобретение граждан, ранее обеспеченных такими жилыми помещениями (средствами на их приобретение) на условиях, установленных Федеральным законом "О статусе военнослужащих", судам необходимо учитывать правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, выраженную в Постановлении от 12 февраля 2025 г. № 7-П. Следует в обязательном порядке выяснять, какой статус имел такой гражданин на момент предыдущего получения жилого помещения (средств на его приобретение). Если он обеспечивался жилым помещением (средствами на его приобретение) в качестве члена семьи военнослужащего (иного лица, имеющего право на жилищное обеспечение за счет государства), а в после-

[1] По тем же мотивам признан не соответствующим Конституции Российской Федерации подп. «д» п. 10 Правил учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, а также военнослужащих и сотрудников Государственной противопожарной службы, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 1998 г. № 1054.

дующем сам приобрел статус военнослужащего, то такой гражданин может быть признан нуждающимся в получении жилого помещения независимо от приватизации и (или) отчуждения ранее полученного жилого помещения, если он отвечает критериям нуждаемости по основаниям, предусмотренным статьей 51 Жилищного кодекса Российской Федерации при условии истечения срока, установленного статьей 53 того же Кодекса».

5. **Материальная ответственность**.

Федеральным законом от 23 ноября 2024 г. № 410-ФЗ внесены изменения в Федеральный закон от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих», согласно которым его нормы распространены на граждан, пребывающих в добровольческих формированиях. Учитывая, что дела о материальной ответственности таких граждан подсудны военным судам, имеется потребность во внесении соответствующих изменений в Постановление Пленума № 8, в его раздел «Материальная и иные виды ответственности военнослужащих».

Предлагаются следующие изменения в пункт 34 данного Постановления:

в абзаце первом слова «военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы» заменить словами: «военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях»;

абзац второй изложить в следующей редакции:

«Согласно пунктам 1 и 4 статьи 8, пункту статьи 12.1 Федерального закона "О материальной ответственности военнослужащих" возмещение ущерба, размер которого не превышает одного оклада месячного денежного содержания военнослужащего и одной месячной надбавки за выслугу лет (50 процентов денежного содержания гражданина, пребывающего в добровольческом формировании, за календарный месяц), производится по приказу командира (начальника) воинской части. Приказ о привлечении к материальной ответственности может быть оспорен военнослужащим (гражданином, пребывающим в добровольческом формировании) в соответствующий военный суд в порядке, установленном главой 22 КАС РФ»;

абзац третий после слов «одной месячной надбавки за выслугу лет» дополнить словами: «(50 процентов денежного содержания гражданина, пребывающего в добровольческом формировании, за календарный месяц)»;

абзац четвертый после слова «военнослужащие» дополнить словами: «и граждане, пребывающие в добровольческих формированиях»; после слова «военнослужащим» дополнить словами: «(гражданином, пребывающим в добровольческом формировании)».

6. **Увольнение с военной службы**.

В период проведения специальной военной операции, а также введения особых правовых режимов мобилизации и военного положения существенным изменениям подвергся такой важнейший институт законодательства о военной службе, как увольнение с военной службы. Это обусловлено появлением новой категории военнослужащих — призванных на военную службу по мобилизации, предоставлением возможности прохождения военной службы гражданами, имеющими судимость, изменениями возрастных рамок прохождения военной службы и др. Безусловно, указанные новации законодательства и практика их применения нуждаются в осмыслении, судебном толковании и разъяснении.

В связи с этим предлагается Постановление Пленума № 8 дополнить пунктами 48.1 и 48.2 следующего содержания:

«48.1. При рассмотрении дел, связанных с увольнением военнослужащих с военной службы, судам следует учитывать, что в период мобилизации применяется ограниченное число оснований увольнения с военной службы. Например, Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 "Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации" установлено, что в период частичной мобилизации применяются следующие основания увольнения

с военной службы военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, а также граждан Российской Федерации, призванных на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации:

а) по возрасту — по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе;

б) по состоянию здоровья — в связи с признанием их военно-врачебной комиссией не годными к военной службе, за исключением военнослужащих, изъявивших желание продолжить военную службу на воинских должностях, которые могут замещаться указанными военнослужащими;

в) в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы.

Иные основания увольнения с военной службы, предусмотренные статьей 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», в период мобилизации не применяются.

В связи с этим при оценке законности действий командования, связанных с увольнением военнослужащих с военной службы в период мобилизации, судам надлежит давать оценку правомерности применения соответствующего основания увольнения военнослужащего с военной службы.

48.2. При рассмотрении споров, связанных с увольнением военнослужащих с военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, судам следует учитывать, что согласно части 2 статьи 4 Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 269-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" для граждан мужского пола, заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации после 24 июня 2023 г., установлен следующий предельный возраст пребывания на военной службе:

1) имеющих воинское звание высшего офицера до генерал-полковника, адмирала включительно, — 70 лет;

2) имеющих иное воинское звание, — 65 лет.

При этом судам следует иметь в виду, что указанный предельный возраст пребывания на военной службе действует только в период мобилизации, в период военного положения и в военное время. Поэтому если на момент отмены режима мобилизации (военного положения, военного времени) военнослужащий, заключивший контракт на условиях, указанных в части 2 статьи 4 Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 269-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", достиг предельного возраста пребывания на военной службе, указанного в пункте 1 статьи 49 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе"[1], он подлежит увольнению с военной службы в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе.

В отношении граждан, заключивших контракт о прохождении военной службы в иных государственных органах и организациях, в которых федеральным законом предусмотрено прохождение военной службы, а также в отношении военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, заключивших контракт о прохождении военной службы до 24 июня 2023 г., действуют нормы о предельном возрасте пребывания на военной службе, установленные статьей 49 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе".

Военнослужащие, призванные на военную службу по мобилизации, а также военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, имеющие суди-

[1] Предельный возраст пребывания на военной службе установлен для: Маршала Российской Федерации, генерала армии, адмирала флота, генерал-полковника, адмирала — 65 лет; генерал-лейтенанта, вице-адмирала, генерал-майора, контр-адмирала — 60 лет; полковника, капитана 1 ранга — 55 лет; военнослужащего, имеющего иное воинское звание — 50 лет.

мость или в отношении которых производство по уголовному делу приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения), подлежат увольнению с военной службы в соответствии с подпунктом «о» пункта 1 статьи 51 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе" — в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени. К иным категориям военнослужащих данное основание увольнения с военной службы не применяется.

В соответствии с пунктом 1.2 статьи 51 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе" граждане, осужденные к лишению свободы, призванные на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключившие в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, подлежат досрочному увольнению с военной службы только по следующим основаниям:

а) по возрасту — по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе;

б) по состоянию здоровья — в связи с признанием их военно-врачебной комиссией не годными к военной службе, за исключением военнослужащих, изъявивших желание продолжить военную службу на воинских должностях, которые могут замещаться указанными военнослужащими;

в) в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы.

При рассмотрении споров, связанных с увольнением с военной службы военнослужащих, призванных на военную службу по мобилизации и не заключивших контракт о прохождении военной службы, судам следует в качестве предельного возраста пребывания на военной службе рассматривать предельный возраст пребывания в запасе, указанный для соответствующих составов военнообязанных граждан в пункте 1 статьи 53 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе"».

Заключение.

По мнению авторов, внесение сформулированных в настоящей публикации изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 позволит обеспечить единообразие применения судами и иными правоприменителями норм военного законодательства, послужит укреплению гарантий защиты прав и законных интересов военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. При этом мы полагаем, что это будет лишь первый шаг на пути к модернизации указанного судебного акта. На следующем этапе следует разработать и принять совершенно новую редакцию постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», а ныне действующее Постановление Пленума признать утратившим силу.

В этом новом постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации должны найти отражение и судебное толкование такие вопросы, как:

— об условиях и порядке присвоения военнослужащим звания «Ветеран боевых действий»;

— о применении дисциплинарного ареста к военнослужащим;

— о применении к военнослужащим взысканий за коррупционные правонарушения.

Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 8 dated May 29, 2014 "On the Practice of Courts Applying Legislation on Military Duty, Military Service and the Status of military personnel"

© **Koryakin V.M.**,
Doctor of Law, Professor, Professor of the 25th Department of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. Due to significant changes in the legislation on military service and the status of military personnel in the last three years, due to the conduct of a special military operation and the operation of special legal regimes in certain territories of the Russian Federation (martial law, mobilization, counter-terrorism operations, etc.), the article substantiates the need to make appropriate adjustments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29 May 2014 No. 8, which summarizes judicial practice on the application of legislation on military service and the status of military personnel. Many provisions of this judicial act have largely lost their relevance and do not fully reflect the realities that have developed and are in force today in the field of citizens performing military duty, military service, and the implementation of social guarantees for military personnel, citizens discharged from military service, and their families.

The publication substantiates proposals to amend this judicial act concerning the interpretation by the courts of issues of jurisdiction of military courts, admission to military service, military service and discharge from military service, the provision of vacations, the implementation of social guarantees, etc. The problems of law enforcement related to the status of persons staying in volunteer formations are considered separately.

The introduction of the proposed amendments to the said Resolution of the Plenum will ensure uniformity in the application by courts and other law enforcement agencies of the norms of military legislation, and will serve to strengthen guarantees for the protection of the rights and legitimate interests of clergy, citizens discharged from military service, and their family members.

Keywords: military service; military personnel status; special military operation; mobilization; combat veteran.

For citation: Koryakin V.M. On the need to modernize Resolution No. 8 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 29, 2014 "On the practice of Courts applying legislation on military duty, military service and the status of military personnel" // Military Law. 2025. No. 2. pp. 120-129.

The article was received by the editorial office on January 24, 2025.

Сущность правового регулирования проведения военно-врачебной экспертизы в отношении лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальное звание полиции

© **Наумов Петр Юрьевич,**
кандидат педагогических наук, помощник начальника ФГКУЗ «Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации» по правовой работе — начальник отделения правового обеспечения

Аннотация. В 2016 г. на основании решения Президента Российской Федерации — Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации, принятого в соответствии с Конституцией Российской Федерации и оформленного соответствующим указом, на базе внутренних войск МВД России созданы войска национальной гвардии Российской Федерации, входящие в структуру нового федерального органа исполнительной власти — Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии). В целях правового регулирования деятельности войск национальной гвардии приняты необходимые нормативные правовые акты федерального, правительственного и ведомственного характера. Личный состав войск национальной гвардии включает в себя военнослужащих, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии и имеющих специальное звание полиции и лиц гражданского персонала (федеральных государственных гражданских служащих и работников) войск национальной гвардии. В отношении сотрудников Росгвардии имеется комплекс правовых норм, регулирующих оказание им медицинской помощи и проведения в отношении них военно-врачебной экспертизы. При этом законодательство о проведении военно-врачебной экспертизы в отношении сотрудников Росгвардии можно назвать «гибридным», поскольку на них распространяются часть норм в области военно-врачебной экспертизы в отношении военнослужащих, часть норм — в области проведения военно-врачебной экспертизы в отношении сотрудников органов внутренних дел и собственно нормы права, регулирующие осуществление военно-врачебной экспертизы в отношении сотрудников Росгвардии. В статье исследуется специфика правового регулирования проведения военно-врачебной экспертизы в отношении сотрудников Росгвардии, обобщаются соответствующие нормативные предписания и научные разработки по названной тематике, выдвигаются предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства Российской Федерации в изучаемой сфере.

Ключевые слова: медицинская экспертиза; военно-врачебная экспертиза; военно-врачебная (врачебно-летная) комиссия; медицинская документация; медицинское обследование; диагностические исследования; медицинское обследование; медицинское освидетельствование; исполнение служебных обязанностей.

Для цитирования: Наумов П.Ю. Сущность правового регулирования проведения военно-врачебной экспертизы в отношении лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальное звание полиции // Военное право. 2025. № 2. С. 130—140.

Статья поступила в редакцию 18 февраля 2025 г.

Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия) в общей структуре отечественных федеральных органов исполнительной власти образована Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации».

В целях правового регулирования деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации приняты Федеральные законы от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»[1] и также от 3 июля 2016 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О войсках национальной гвардии Российской Федерации"»[2], а соответствующим Указом Президента Российской Федерации утверждено Положение о Росгвардии[3].

Для изучения вопросов сущности и особенностей правового регулирования проведения (производства) военно-врачебной экспертизы в отношении сотрудников Росгвардии следует обратиться к отдельным аспектам правового статуса сотрудников Росгвардии и какое на них распространяется законодательство, в том числе о медицинском обеспечении (обслуживании) и прохождении военно-врачебной экспертизы. Данная категория лиц закрепилась в законодательстве Российской Федерации относительно недавно и их становление связано с появлением (созданием) нового федерального органа исполнительной власти, имеющего силовые и правоохранительные функции, — Росгвардии.

В силу ч. 1 ст. 24 Федерального закона «О войсках национальной гвардии» в войсках национальной гвардии предусматриваются военная служба, служба в войсках национальной гвардии Российской Федерации, государственная гражданская служба[4].

Личный состав войск национальной гвардии включает в себя военнослужащих, сотрудников, федеральных государственных гражданских служащих и работников войск национальной гвардии (ч. 1 ст. 24 Федерального закона «О войсках национальной гвардии»).

Медицинское обеспечение, медицинское освидетельствование, военно-врачебная экспертиза и санаторно-курортное лечение военнослужащих (сотрудников) Росгвардии осуществляются в медицинских организациях Росгвардии либо МВД России за счет средств, предусмотренных им в федеральном бюджете на эти цели. Такой вывод следует из ч. 2 ст. 28 Федерального закона «О войсках национальной гвардии»[5].

Статьей 44 Федерального закона № 227 действие большинства норм Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в том числе регулирующих производство военно-врачебной (врачебно-летной) экспертизы) распространено на лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии и имеющих специальные звание полиции[6].

Системообразующие организационно-правовые основы осуществления военно-врачебной экспертизы в отношении сотрудников Росгвардии содержатся в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[7] (ч. 1,

[1] Далее — «Федеральный закон «О войсках национальной гвардии».

[2] Далее — «Федеральный закон № 227».

[3] Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации».

[4] Наумов П.Ю. Некоторые размышления о подготовке будущих юристов к профессиональной деятельности в военно-медицинских организациях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 283—288.

[5] Наумов П.Ю. Тезисы о видах судопроизводства при обжаловании заключений (решений) по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Военное право. 2024. № 5 (87). С. 55—61.

[6] Холиков И.В., Наумов П.Ю. Правовые аспекты предоставления отпусков военнослужащим, находящимся по состоянию здоровья в беспомощном состоянии (в том числе в результате участия в боевых действиях) или признанным в установленном порядке недееспособными // Военное право. 2024. № 6 (88). С. 74—81.

[7] Далее — «Федеральный закон «Об охране здоровья граждан».

2, 3 ст. 25, ч. 1 и 2 ст. 58, ст. 61) и уже упомянутых федеральных законах «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (ст. 28), «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О войсках национальной гвардии Российской Федерации"» (ст. 44), а также Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 12, 19, 36, 49, 65, 68) и Положении о военно-врачебной экспертизе, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565 «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе».

На правоотношения в области производства военно-врачебной экспертизы и правовые последствия принятия по ее итогам заключений (решений) военно-врачебных (врачебно-летных) комиссий в отношении сотрудников Росгвардии (также как на военнослужащих и сотрудников иных федеральных органов исполнительной власти[1]) распространяют свое действие общие правовые нормы ч. 1 и 2 ст. 25[2] Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан».

В силу ч. 1 ст. 25 названного Федерального закона сотрудники Росгвардии имеют право на прохождение военно-врачебной экспертизы для определения годности к службе в войсках национальной гвардии Российской Федерации и для досрочного увольнения с нее на основании заключения военно-врачебной комиссии[3].

При поступлении на службу в войска национальной гвардии Российской Федерации граждане проходят медицинское освидетельствование в рамках производства военно-врачебной экспертизы и имеют право на получение полной информации о медицинских противопоказаниях для прохождения службы и иных показаниях для отсрочки или освобождения от призыва на военную службу по состоянию здоровья. Об этом гласит ч. 2 ст. 25 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан».

Проведение военно-врачебной экспертизы в отношении различных категорий военнослужащих и сотрудников федеральных органов исполнительной власти с целью определения их годности к военной службе (службе), определении (установлении) причинной связи увечий (заболеваний) с исполнением обязанностей военной службы (служебных обязанностей), предоставления различных социальных гарантий и компенсаций не осталась без внимания и надлежащего обобщения в научной литературе[4]. Вопросам медицинского обследования и медицинского освидетельствования в рамках военно-врачебной экспертизы, производимой в отношении военнослужащих (сотрудников) и членов их семей, в разное время были посвящены исследования А.В. Ганишева[5], О.В. Дамаски-

[1] Сотрудников органов внутренних дел, сотрудников органов принудительного исполнения, сотрудников таможенных органов, сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы и других.

[2] Ст. 25. Права военнослужащих и лиц, приравненных по медицинскому обеспечению к военнослужащим, а также граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, граждан, подлежащих призыву на военную службу (направляемых на альтернативную гражданскую службу), и граждан, поступающих на военную службу или приравненную к ней службу по контракту, на охрану здоровья.

[3] Бухтияров, И.В. Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю.Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицинское право России», ответственный ред. А.А. Мохов, изд-во «Проспект», 2022, — материалы дискуссии) // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63, № 1. С. 67—73.

[4] Наумов П.Ю., Холиков И.В. Утюганов А.А. Правовые вопросы соблюдения врачебной тайны при проведении военно-врачебной (врачебно-летной) экспертизы // Авиакосмическая и экологическая медицина. 2024. Т. 58, № 6. С. 108—116.

[5] Ганишев А.В. Анализ категорий годности к службе сотрудников органов внутренних дел, Росгвардии, государственной противопожарной

на[1], В.В. Куликова[2], С.С. Меметова[3], А.А. Мохова[4], И.С. Назаровой[5], А.В. Нестерова[6], В.А. Сидоренко[7], А.А. Согияйнена[8], И.В. Холикова[9], Л.П. Храпылиной[10], А.Л. Чаплюка[11] и других[12].

В данном аспекте уместно будет отметить, что такое военно-врачебная экспертиза, какие органы ее производят и какие задачи (функции) возлагаются на эти органы законодательством Российской Федерации и ведомственными нормативными правовыми актами.

Экспертная деятельность в России многообразна и включает в себя множество видов осуществляемых экспертиз в целях подтверждения (опровержения) обстоятельств, событий и фактов, а также причинно-следственной (причинной) связи происходящих с ними изменений (в том числе в состоянии здоровья). В структуре экспертной деятельности важное место занимают медицинские экспертизы, к которым относятся: а) экспертиза временной нетрудоспособности; б) медико-социальная экспертиза; в) военно-врачебная экспертиза; г) судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы; д) экспертиза профессиональной пригодности и экспертиза связи

службы, страдающих артериальной гипертензией и достигших предельного возраста пребывания на службе // Медицинский вестник МВД. 2024. Т. 129, № 2 (129). С. 70—73.

[1] Дамаскин О.В., Холиков И.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-летной экспертизы в России // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 3. С. 10—13.

[2] Куликов В.В., Дворянчиков Н.А. Ядчук В.Н. Осуществление надзора за военно-врачебной экспертизой // Вестник Росздравнадзора. 2010. № S1. С. 36—37.

[3] Пузин С.Н., Меметов С.С., Шургая М.А., Галь И.Г. Организация медицинской реабилитации ветеранов войн в контексте социальной поддержки старшего поколения в России // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2016. Т. 19, № 4. С. 172—177.

[4] Мохов А.А. Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 4 (149). С. 93—104.

[5] Назарова И.С. Специфика реализации права сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации и членов их семей на охрану здоровья и предоставление им медицинской помощи // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 8 (313). С. 113—121.

[6] Нестеров А.В. История экспертизы и экспертика // Теория и практика судебной экспертизы. 2011. № 3. С. 12—19; Нестеров А.В. Независимая медицинская экспертиза: юридический аспект // Медицинское право. 2016. № 5. С. 16—20.

[7] Сидоренко В.А. Военно-врачебная экспертиза в органах внутренних дел Российской Федерации // Медицинский вестник МВД. 2016. № 4(83). С. 2—3.

[8] Согияйнен А.А., Щепин В.О., Тельнова Е.А. Чичерин Л.П. Актуальные правовые и организационные проблемы лицензирования военно-врачебной экспертизы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. Т. 25, № 5. С. 290—294.

[9] Холиков И.В., Вовкодав В.С. Перспективы совершенствования правовой регламентации врачебно-летной экспертизы в государственной авиации // Военное право. 2022. № 2(72). С. 154—158; Холиков И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 547—555; Холиков И.В., Наумов П.Ю. Функции военно-врачебной экспертизы при организации работы по предоставлению гарантий и компенсаций участникам специальной военной операции // Вестник военного права. 2024. № 2. С. 40—46.

[10] Храпылина, Л.П., Дацко А.В., Корякин С.В., Кабалин А.П. О профессиональном стандарте специалиста по военно-врачебной экспертизе // Медицинский вестник МВД. 2019. № 6 (103). С. 7—15.

[11] Чаплюк А.Л., Бровкин С.Г., Кальманов А.С., Булавин В.В. Проблемы военно-врачебной экспертизы военнослужащих, страдающих хронической обструктивной болезнью легких // Военно-медицинский журнал. 2015. Т. 336, № 2. С. 15—21.

[12] Большакова В.М., Наумов П.Ю., Кононов А.Н. Доказательства и доказывание при осуществлении судебной защиты интересов военно-медицинских организаций // Военное право. 2021. № 2(66). С. 210—217; Леонов Т.М., Землина О.М. Правовое регулирование контроля (надзора) за качеством и безопасностью медицинской деятельности на транспорте // Мир транспорта. 2023. Т. 21, № 2(105). С. 95—100; Малюгин С.В., Винокурова А.А. Клинические рекомендации в системе регламентации оказания медицинской помощи в современной России: теоретическое представление и практические аспекты // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 7 (200). С. 28—47.

заболевания с профессией; е) экспертиза качества медицинской помощи[1].

Цели медицинских экспертиз разнообразны, как и их подвиды. Так, в рамках судебно-медицинской экспертизы проводится множество конкретных исследований. В отношении военнослужащих, сотрудников различных органов исполнительной власти, называемых силовыми или правоохранительными, а также отдельных категорий граждан могут осуществляться различные виды медицинских экспертиз, одной из которых является военно-врачебная экспертиза. Данный вид медицинской экспертизы решает большой комплекс многообразных задач в отношении большого количества граждан, связавших свою судьбу с профессиональным служением Родине[2].

Военно-врачебная экспертиза — самостоятельный вид медицинской экспертизы, проводимой очно (в отдельных, только законодательно определенных, случаях — заочно) в мирное и военное время в Вооруженных Силах России (иных войсках, воинских формированиях и органах) военно-врачебными (врачебно-летными) комиссиями в отношении военнослужащих, сотрудников и иных лиц с целью определения категории годности к военной службе (службе), установления причинной связи и разрешения иных вопросов в соответствии с возложенными на военно-врачебные (врачебно-летные) комиссии задачами, предполагающей проведение медицинского обследования и освидетельствования при определившемся врачебно-экспертном исходе (для категории годности) с вынесением письменного заключения по форме, установленной уполномоченными государственными органами[3].

Положение о военно-врачебной экспертизе [4] содержит в себе целый комплекс взаимосвязанных между собой норм, регулирующих производство военно-врачебной экспертизы в отношении сотрудников Росгвардии. Эти нормы связаны с возложением на военно-врачебные комиссии задач по медицинскому освидетельствованию сотрудников Росгвардии (подп. «а» п. 3 Положения), определением причинной связи увечий и заболеваний (подп. «г» п. 3 Положения), проведением медицинского освидетельствования для вынесения заключения о категории годности сотрудника Росгвардии только при определившемся врачебно-экспертном исходе (абз. четвертый п. 4 Положения), вынесением заключений, необходимых для реализации права сотрудников Росгвардии и членов их семей на проезд на безвозмездной основе (п. 7 Положения).

В п. 11 Положения о военно-врачебной экспертизе указано, что директор Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации — главнокомандующий войсками национальной гвардии Российской Федерации и министр внутренних дел Российской Федерации организуют обследование и освидетельствование лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, и членов их семей. Обследование сотрудников проводится в медицинских организациях федеральных органов исполнительной власти, к которым сотрудники прикреплены на медицинское обеспечение, в объеме не менее объема, установленного п. 76 данного Положения. В отдельных случаях обследование может проводиться в медицинских организациях государ-

[1] Наумов П.Ю., Большакова В.М., Землин А.И., Холиков И.В. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283—306.

[2] Наумов П.Ю., Холиков И.В. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture.2023. Т. 15, № 1. С. 474—493.

[3] Наумов П.Ю., Холиков И.В., Солдатов С.К. Концептуализация понятия «военно-врачебная экспертиза» в междисциплинарном контексте // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2024. Т. 16, № 1. С. 422—445.

[4] Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565.

ственной и муниципальной систем здравоохранения, к которым сотрудники прикреплены на медицинское обеспечение на основании заключенных договоров об оказании медицинской помощи. Освидетельствование сотрудников проводится в порядке, аналогичном порядку, установленному пунктами 27, 28, 30, 30(1), 30(2), 31, 34 и 37 указанного Положения с учетом особенностей прохождения приравненной службы.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июня 2022 г. № 1165 Положение о военно-врачебной экспертизе дополнено пунктом 12(3), согласно которому обследование и освидетельствование военнослужащих (сотрудников) может проводиться в военно-медицинских организациях и созданных в них военно-врачебных комиссиях (врачебно-летных комиссиях) независимо от их ведомственной принадлежности с осуществлением взаимных расчетов за проведение обследования и освидетельствования военнослужащих (сотрудников) между федеральными органами исполнительной власти (федеральными государственными органами).

В соответствии с п. 30(1) Положения о военно-врачебной экспертизе по результатам освидетельствования граждан, поступающих на службу в войска национальной гвардии Российской Федерации, дается заключение о годности к службе в войсках национальной гвардии Российской Федерации по следующим категориям: А — годен к службе в войсках национальной гвардии Российской Федерации; Б — годен к службе в войсках национальной гвардии Российской Федерации с незначительными ограничениями; В — ограниченно годен к службе в войсках национальной гвардии Российской Федерации; Г — временно не годен к службе в войсках национальной гвардии Российской Федерации; Д — не годен к службе в войсках национальной гвардии Российской Федерации.

Пункт 74 Положения о военно-врачебной экспертизе направлен на разрешение вопросов проведения медицинского освидетельствования в рамках военно-врачебной экспертизы, когда в этом есть необходимость у граждан, проходивших службу в том числе в качестве сотрудников Росгвардии. Адекватным выглядит и то, что причины и время увольнения не имеют значения для такого освидетельствования, поскольку это позволяет восстановить права, интересы и получить гарантии и компенсации уже после увольнения[1].

Гл. IX[2] (пункты с 91 по 100) Положения о военно-врачебной экспертизе посвящена определению причинной связи увечий и заболеваний (в т.ч. сотрудников Росгвардии) с исполнением служебных обязанностей. Заключение военно-врачебной комиссии о причинной связи увечий (заболеваний) в отношении сотрудников Росгвардии выносится в традиционных формулировках: «военная травма»; «заболевание получено в период военной службы»; «общее заболевание» и другие.

Стоит обратить внимание на п. 99 Положения о военно-врачебной экспертизе, согласно которому при наличии вновь открывшихся обстоятельств получения увечья, заболевания и их связи с исполнением служебных обязанностей заключение о причинной связи увечья, заболевания в отношении сотрудника Росгвардии может быть заочно (по документам) пересмотрено (с отменой ранее вынесенного заключения). Это дает возможность в случае обнаружения значимых документов или установления юридически важных обстоятельств обратиться в военно-врачебную комиссию для изменения заключения о причинной связи и не быть в таком случае связанным пресекательными процессуальными сроками.

---

[1] Наумов П.Ю. Правовое регулирование заочного медицинского освидетельствования в рамках проведения военно-врачебной экспертизы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2025. № 1 (330). С. 53—62.

[2] Глава IX. Определение причинной связи увечий, заболеваний военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, сотрудников, граждан, проходивших военную службу и приравненную службу, военные сборы, и прокурорских работников.

В развитие норм, регулирующих производство военно-врачебной экспертизы в отношении сотрудников Росгвардии, разработана и установленным порядком утверждена ведомственная нормативная правовая база, содержащая в себе комплекс норм, регулирующих рассматриваемые вопросы медицинского обследования и медицинского освидетельствования в рамках деятельности военно-врачебных комиссий.

Основным нормативным правовым документом, регулирующим производство военно-врачебной экспертизы в отношении сотрудников Росгвардии, является приказ Росгвардии от 19 сентября 2022 г. № 328 «О требованиях к состоянию здоровья граждан, поступающих на военную службу (службу) в войска национальной гвардии Российской Федерации, военнослужащих и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, а также Перечне дополнительных обязательных диагностических исследований, проводимых до начала медицинского освидетельствования». Данным нормативным правовым актом утверждены Требования к состоянию здоровья граждан, поступающих на службу в войска национальной гвардии Российской Федерации, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции (прил. № 2), содержащее в себе 2 графы категорий граждан, освидетельствуемых по данному приказу (I графа — граждане, поступающие на службу в войска национальной гвардии, ранее не проходившие службу в федеральных органах исполнительной власти и федеральных государственных органах на должностях, по которым предусмотрено присвоение специальных (воинских) званий; II графа — сотрудники Росгвардии, граждане, поступающие на службу в войска национальной гвардии, проходящие (проходившие) службу в федеральных органах исполнительной власти и федеральных государственных органах на должностях, по которым предусмотрено присвоение специальных (воинских) званий). Для сотрудников Росгвардии приведенными требованиями установлены следующие категории годности для службы в Росгвардии: А — годен к службе в войсках национальной гвардии; Б — годен к службе в войсках национальной гвардии с незначительными ограничениями; В — ограниченно годен к службе в войсках национальной гвардии; Г — временно не годен к службе в войсках национальной гвардии; Д — не годен к службе в войсках национальной гвардии.

Требования являются основным ведомственным документом в области производства военно-врачебной экспертизы в отношении сотрудников Росгвардии и настольной книгой председателя, членов и лечащих врачей медицинских организаций еще и потому, что данными Требованиями утверждено Расписание болезней сотрудников Росгвардии, содержащее в себе следующие разделы: инфекционные и паразитарные болезни (ст. 1—7 Расписания болезней сотрудников Росгвардии); новообразования (ст. 8—10 Расписания болезней сотрудников Росгвардии); болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм (ст. 11 Расписания болезней сотрудников Росгвардии); болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ (ст. 12 и 13 Расписания болезней сотрудников Росгвардии); психические расстройства (ст. 14−20 Расписания болезней сотрудников Росгвардии); болезни нервной системы (ст. 21—28 Расписания болезней сотрудников Росгвардии); болезни глаза и его вспомогательных органов (ст. 29—36 Расписания болезней сотрудников Росгвардии); болезни уха и сосцевидного отростка (ст. 37—41 Расписания болезней сотрудников Росгвардии); болезни системы кровообращения (ст. 42—48 Расписания болезней сотрудников Росгвардии); болезни органов дыхания (ст. 49—53 Расписания болезней сотрудников Росгвардии); болезни органов пищеварения (ст. 54—61 Расписания болезней сотрудников Росгвардии); болезни

кожи и подкожной клетчатки (ст. 62 и 63 Расписания болезней сотрудников Росгвардии); болезни костно-мышечной системы, соединительной ткани, системные васкулиты (ст. 64—70 Расписания болезней сотрудников Росгвардии); болезни мочеполовой системы (ст. 71—78 Расписания болезней сотрудников Росгвардии); беременность, роды и послеродовой период (ст. 79 Расписания болезней сотрудников Росгвардии); последствия травм, отравлений и других воздействий внешних факторов (ст. 80—85 Расписания болезней сотрудников Росгвардии); прочие болезни (ст. 86—98 Расписания болезней сотрудников Росгвардии).

Из беглого анализа содержания Расписания болезней сотрудников Росгвардии видно, что, во-первых, по формальному количеству, структуре заболеваний (состояний) и распределению их по группам нозологий данное Расписание идентично Расписанию болезней, прилагаемому к Положению о военно-врачебной экспертизе (в нем те же 17 разделов, распределенных по группам заболеваний (состояний) и также содержится 88 статей), во-вторых, оно разработано достаточно типовым и во многом аналогично расписаниям болезней, применяемым в других федеральных органах исполнительной власти.

Также важными с точки зрения регулирования производства военно-врачебной экспертизы в отношении сотрудников являются следующие нормативные правовые акты, принятые в Росгвардии: приказ Росгвардии от 24 декабря 2021 г. № 476 «Об утверждении Порядка организации направления на медицинское освидетельствование военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, и граждан, проходящих военные сборы в войсках национальной гвардии Российской Федерации, а также перечня должностных лиц, принимающих решение об их направлении на медицинское освидетельствование»; приказ Росгвардии от 20 мая 2019 г. № 166 «Об утверждении форм документации (кроме унифицированных форм медицинской документации), необходимых для деятельности военно-врачебных комиссий, созданных в войсках национальной гвардии Российской Федерации»; приказ Росгвардии от 21 декабря 2020 г. № 502 «Об определении состава военно-врачебных комиссий, осуществляющих освидетельствование военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации и граждан, проходящих военные сборы в войсках национальной гвардии Российской Федерации, в целях, указанных в абзаце втором пункта 51 Положения о военно-врачебной экспертизе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 565»; приказ Росгвардии от 19 апреля 2017 г. № 118 «Об утверждении Порядка выдачи справки о травме в войсках национальной гвардии Российской Федерации, формы справки о травме и Правил ее заполнения»; приказ Росгвардии от 16 октября 2019 г. № 349 «Об утверждении Порядка проведения контрольного медицинского обследования и повторного медицинского освидетельствования по результатам независимой военно-врачебной экспертизы граждан, поступающих на военную службу (службу) по контракту в войска национальной гвардии Российской Федерации, военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, граждан, проходивших военную службу во внутренних войсках, военную службу (службу) в войсках национальной гвардии Российской Федерации»; приказ Росгвардии от 8 февраля 2023 № 21 «Об утверждении Порядка организации работы по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, и сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, а также оформлению и учету документов, необ-

ходимых для принятия решения о выплате страховой суммы (компенсации), в войсках национальной гвардии Российской Федерации».

Таким образом, в отношении сотрудников Росгвардии имеется комплекс правовых норм, регулирующих оказание им медицинской помощи и проведения в отношении них военно-врачебной экспертизы. При этом законодательство о проведении военно-врачебной экспертизы в отношении сотрудников Росгвардии можно назвать «гибридным», поскольку на них распространяются часть норм в области военно-врачебной экспертизы в отношении военнослужащих, часть норм в области проведения военно-врачебной экспертизы в отношении сотрудников органов внутренних дел и собственно нормы права, регулирующие осуществление военно-врачебной экспертизы в отношении сотрудников Росгвардии.

Одним из путей совершенствования нормативного правового регулирования производства военно-врачебной экспертизы в отношении сотрудников Росгвардии является рассмотрение возможности консолидации норм права на ведомственном уровне в единый акт, по примеру того, который издан в МВД России[1] и которым утверждена Инструкция по организации деятельности военно-врачебных комиссий в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Актуальным направлением дальнейшего научного поиска является обобщение нормативно-правовых предписаний и научных разработок в области фиксации оказания медицинской помощи и причинения увечий (ранений, травм, контузий) при участии сотрудников Росгвардии в боевых действиях, вооруженных конфликтах, решении задач борьбы с терроризмом.

[1] Приказ МВД России от 14 июня 2018 г. № 370 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности военно-врачебных комиссий в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Список источников

1. Большакова В.М., Наумов П.Ю., Кононов А.Н. Доказательства и доказывание при осуществлении судебной защиты интересов военно-медицинских организаций // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 210—217.

2. Бухтияров, И.В. Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю. Опыт концептуализации военных аспектов медицинского права (обсуждение главы 14 учебника «Медицинское право России», ответственный ред. А.А. Мохов, изд-во «Проспект», 2022, — материалы дискуссии) // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63, № 1. С. 67—73. DOI: 10.31089/1026-9428-2023-63-1-67-73.

3. Ганишев А.В. Анализ категорий годности к службе сотрудников органов внутренних дел, Росгвардии, государственной противопожарной службы, страдающих артериальной гипертензией и достигших предельного возраста пребывания на службе // Медицинский вестник МВД. 2024. Т. 129, № 2 (129). С. 70—73. DOI: 10.52341/20738080_2024_129_2_70.

4. Дамаскин О.В., Холиков И.В. Проблемные вопросы правовой регламентации врачебно-летной экспертизы в России // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2018. № 3. — С. 10—13.

5. Куликов, В.В., Дворянчиков Н.А., Ядчук В.Н. Осуществление надзора за военно-врачебной экспертизой // Вестник Росздравнадзора. 2010. № S1. С. 36—37.

6. Леонов Т.М., Землина О.М. Правовое регулирование контроля (надзора) за качеством и безопасностью медицинской деятельности на транспорте // Мир транспорта. 2023. Т. 21, № 2(105). С. 95—100. DOI 10.30932/1992-3252-2023-21-2-11.

7. Малюгин С.В., Винокурова А.А. Клинические рекомендации в системе регламентации оказания медицинской помощи в современной России: теоретическое представление и практические аспекты // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 7(200). С. 28—47. DOI 10.17803/1729-5920.2023.200.7.028-047.

8. Мохов А.А. Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 4(149). С. 93—104. DOI 10.17803/1994-1471.2023.149.4.093-104.

9. Назарова И.С. Специфика реализации права сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации и членов их семей на охрану здоровья и предоставление им медицинской помощи // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 8(313). С. 113—121.

10. Наумов П.Ю., Большакова В.М., Землин А.И., Холиков И.В. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы //

Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283—306. DOI 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306.

11. Наумов П.Ю. Некоторые размышления о подготовке будущих юристов к профессиональной деятельности в военно-медицинских организациях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3(63). С. 283—288.

12. Наумов, П.Ю. Правовое регулирование заочного медицинского освидетельствования в рамках проведения военно-врачебной экспертизы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2025. № 1 (330). С. 53—62.

13. Наумов П.Ю. Тезисы о видах судопроизводства при обжаловании заключений (решений) по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Военное право. 2024. № 5 (87). С. 55—61.

14. Наумов П.Ю., Утюганов А.А., Кононов А.Н. Некоторые особенности организации и деятельности правовых подразделений медицинских организаций войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2023. № 6 (82). С. 33—41.

15. Наумов П.Ю., Холиков И.В., Солдатов С.К. Концептуализация понятия «военно-врачебная экспертиза» в междисциплинарном контексте // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2024. Т. 16, № 1. С. 422—445. DOI 10.12731/2658-6649-2024-16-1-1071.

16. Наумов П.Ю., Холиков И.В. Утюганов А.А. Правовые вопросы соблюдения врачебной тайны при проведении военно-врачебной (врачебно-летной) экспертизы // Авиакосмическая и экологическая медицина. 2024. Т. 58, № 6. С. 108—116. DOI 10.21687/0233-528X-2024-58-6-108-116.

17. Наумов П.Ю., Холиков И.В. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15, № 1. С. 474—493. DOI 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493.

18. Нестеров А.В. История экспертизы и экспертика // Теория и практика судебной экспертизы. 2011. № 3. С. 12—19.

19. Нестеров А.В. Независимая медицинская экспертиза: юридический аспект // Медицинское право. 2016. № 5. С. 16—20.

20. Пузин С.Н., Меметов С.С., Шургая М.А., Галь И.Г. Организация медицинской реабилитации ветеранов войн в контексте социальной поддержки старшего поколения в России // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2016. Т. 19, № 4. С. 172—177. DOI 10.18821/1560-9537-2016-19-4-172-177.

21. Сидоренко В.А. Военно-врачебная экспертиза в органах внутренних дел Российской Федерации // Медицинский вестник МВД. 2016. № 4 (83). С. 2—3.

22. Согияйнен А.А., Щепин В.О., Тельнова Е.А. Чичерин Л.П. Актуальные правовые и организационные проблемы лицензирования военно-врачебной экспертизы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. Т. 25, № 5. С. 290—294. DOI: 10.18821/0869-866X-2017-25-5-290-294

23. Холиков И.В., Вовкодав В.С. Перспективы совершенствования правовой регламентации врачебно-летной экспертизы в государственной авиации // Военное право. 2022. № 2 (72). С. 154—158.

24. Холиков И.В., Наумов П.Ю. Правовые аспекты предоставления отпусков военнослужащим, находящимся по состоянию здоровья в беспомощном состоянии (в том числе в результате участия в боевых действиях) или признанным в установленном порядке недееспособными // Военное право. 2024. № 6 (88). С. 74—81.

25. Холиков И.В., Наумов П.Ю. Функции военно-врачебной экспертизы при организации работы по предоставлению гарантий и компенсаций участникам специальной военной операции // Вестник военного права. 2024. № 2. С. 40—46.

26. Холиков И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 4 (24). С. 547—555. DOI 10.20310/2587-9340-2022-6-4-547-555.

27. Храпылина, Л.П., Дацко А.В., Корякин С.В., Кабалин А.П. О профессиональном стандарте специалиста по военно-врачебной экспертизе // Медицинский вестник МВД. 2019. № 6 (103). С. 7—15.

28. Чаплюк А.Л., Бровкин С.Г., Кальманов А.С., Булавин В.В. Проблемы военно-врачебной экспертизы военнослужащих, страдающих хронической обструктивной болезнью легких // Военно-медицинский журнал. 2015. Т. 336, № 2. С. 15—21.

Essence of legal regulation of conducting military medical examinations in relation to persons serving in the troops of the national guard of the Russian Federation and holding a special police rank

© **Naumov Petr Y.,**
PhD in Pedagogical Sciences, Assistant to the Head of the Federal State Healthcare Institution «Main Military Clinical Hospital of the Troops of the National Guard of the Russian Federation» for legal work — Head of the Legal Support Department

Abstract. In 2016, based on the decision of the President of the Russian Federation — Supreme Commander-in-Chief of the Armed Forces of the Russian Federation, formalized by the relevant decree, the troops of the National Guard of the Russian Federation were created on the basis of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which are part of the structure of the new federal executive body — the Federal Service of the Troops of the National Guard of the Russian Federation. In order to legally regulate the activities of the troops of the National Guard, the necessary regulatory legal acts of a federal, governmental and departmental nature were adopted. The personnel of the troops of the National Guard includes military personnel, persons serving in the troops of the National Guard and holding a special police rank and civilian personnel (federal state civil servants and employees) of the troops of the National Guard. With regard to employees of the Russian Guard, there is a set of legal norms regulating the provision of medical care to them and the conduct (implementation) of a military medical examination in relation to them. At the same time, the legislation on conducting military medical examinations of Rosgvardia employees can be called "hybrid", since they are subject to some of the rules in the field of military medical examinations of military personnel, some of the rules in the field of conducting military medical examinations of employees of internal affairs agencies, and the actual rules of law governing the implementation of military medical examinations of Rosgvardia employees. The article examines the specifics of legal regulation of conducting military medical examinations of Rosgvardia employees, summarizes the relevant regulatory requirements and scientific developments on the topic, and puts forward proposals for further improvement of the legislation of the Russian Federation in the area under study.

Keywords: medical examination; military medical examination; military medical (medical-flight) commission; medical documentation; medical examination; diagnostic studies; medical examination; medical certification; performance of official duties.

For citation: Naumov P.Y. The Essence of the Legal Regulation of Military medical examination in relation to Persons Serving in the Troops of the National Guard of the Russian Federation and having a Special Police Rank // Military law. 2025. No. 2. pp. 130-140.

The article was received by the editorial office on February 18, 2025.

Юридические инновации в ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих в условиях проведения специальной военной операции

© **Спирин Николай Дмитриевич**,
соискатель 20 кафедры (военного права) Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России
© **Боброва Ольга Геннадьевна**,
кандидат юридических наук, доцент заведующий 20 кафедрой (военного права), Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России

Аннотация. Проведение специальной военной операции предопределяет необходимость изменения правового механизма реализации права на жилище в денежной форме военнослужащими и членами их семей. Рост стоимости жилых помещений послужил причиной снижения возможности приобретения жилья в рамках участия военнослужащих в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения. В статье сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования в исследуемой области. Предложена возможность использования денежных средств, предназначенных для функционирования данной денежной формы, на приобретения жилья посредством иных льготных программ ипотечного кредитования, существующих на рынке недвижимости в России.

Ключевые слова: специальная военная операция, накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих, льготная ипотека, правовой статус военнослужащих, денежные формы жилищного обеспечения, право на жилище.

Для цитирования: Спирин М.Д., Боброва О.Г. Юридические инновации в ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих в условиях проведения специальной военной операции // Военное право. 2025. № 2. С. 141—149.

Статья поступила в редакцию 5 января 2025 г.

Обеспечение военной безопасности нашей страны в условиях глобального противостояния и нарастающих военных угроз, безусловное достижение целей специальной военной операции, вступление в состав России Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области — перечисленные факторы предопределяют необходимость не только увеличения численности личного состава Вооруженных Сих, других войск, воинских формирований и органов, но и совершенствование их правового статуса, в первую очередь, прав, социальных гарантий и компенсаций. Как отмечает профессор В.В. Бараненков, «совершенствование правового статуса военнослужащих, других государственных служащих, добровольцев, волонтеров, иных граждан, отстаивающих интересы России в зоне СВО и на новых территориях вообще, отнесено к важнейшим задачам военно-правовой науки»[1].

Отметим, что будучи самым тесным образом связанным с правом социального обеспечения граждан Российской Федерации, военно-социальное право обладает рядом отличительных особенностей, обусловленных спецификой профессиональной деятельности военнослужащих. К од-

[1] Бараненков В.В. Правовой статус субъектов военного права: теория и актуальные проблемы в условиях проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 4. С. 18—19.

ной из таких особенностей можно отнести объем предоставляемых социальных благ: социальное обеспечение военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей отличается повышенными по сравнению с иными категориями граждан размерами пенсий, пособий, страховых, компенсационных и иных выплат. Этим подчеркивается особый характер служебной деятельности военнослужащих, государственная значимость воинского труда[1].

Президентом России отмечено, что долг государства — «всегда помнить боевых товарищей, которые погибли, защищая Родину и наш народ. Необходимо окружить постоянной заботой их семьи и детей. Приоритетом в работе всех органов власти должно стать решение социальных вопросов участников СВО»[2].

Участие военнослужащих в СВО связано с наличием высокого риска для жизни и здоровья, что предопределяет необходимость дополнительных мер социальной поддержки. По мнению профессора С.С. Харитонова, право на жилище военнослужащих выступает одной из важнейших и весомых социальных гарантий[3]. Денежной формой реализации права на жилище военнослужащих, заключивших контракты о прохождении военной службы после 1 января 2005 г., на основании ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 20 августа 2005 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» является участие в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих (далее — Закон о НИС).

Отличительной особенностью указанной денежной формы жилищного обеспечения военнослужащих является то, что каждый участник указанной программы (далее — участник НИС) в целях приобретения права на жилое помещение по прошествии 3 лет участия в ипотечной системе (за исключением участников СВО) имеет право на заключение договора целевого жилищного займа.

Учитывая ограниченную сумму целевого жилищного займа, военнослужащие в большинстве случаев вынуждены заключать с кредитной организацией (банком) ипотечные договоры. В последующем погашение ипотечного кредита на приобретение (строительство) жилого помещения осуществляется военнослужащим-заемщиком за счет средств федерального бюджета. Данные платежи осуществляются учреждением (ФГКУ «Росвоенипотека») до момента исполнения договора ипотечного кредита (в указанной части) или до момента исключения военнослужащего из реестра участников НИС[4].

Согласно сведениям, размещенным на официальном сайте ФГКУ «Росвоенипотека», размер процентной ставки кредита, предоставляемого по программе «Военная ипотека», составляет от 19,75 % до 27,7% годовых. Максимальная сумма ипотечного кредита составляет от 1 295 тыс. руб. до 1 860 тыс. руб.[5] Также учитывая, что в большинстве случаев к моменту возникновения основания на приобретения жилья у участника НИС на именном его накопительном счете находятся денежные средства в размере от 1 500 000 руб. до 1 700 000 руб., примерная сумма, на которую может рассчитывать участник

[1] Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. М.: ИГПАН, 2021. С. 330—342.

[2] Расширенное заседание коллегии Минобороны // Режим доступа: http://www.kremli№.ru/eve№ts/preside№t/№ews/75887 (дата обращения: 20.01.2025).

[3] Харитонов С.С. К вопросу реализации права военнослужащих на дополнительную жилую площадь по нескольким основаниям // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 1. С. 45—51.

[4] Нидер С.А. Некоторые аспекты функционирования накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, связанные с признанием арбитражным судом военнослужащего-участника несостоятельным (банкротом) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 1.

[5] Кредитные программы // Режим доступа: https://m.rosvoe№ipoteka.ru/prgramms/kredit№ie_programmi/ipotech№oe_kreditova№ie/ (дата обращения: 20.01.2025).

НИС для приобретения жилья (по истечении 3 лет участия в НИС), составляет от 2 795 000 руб. до 3 560 000 руб.

В большинстве случаев срок кредита на приобретение жилья ограничен предельным возрастом пребывания на военной службе военнослужащего, который составляет для военнослужащих мужского пола 50 лет, а для военнослужащих женского пола 45 лет[1]. При этом, размер ежегодного накопительного взноса участника НИС в 2025 г. составляет 383 979,3 руб.[2] Таким образом, можно предположить, что если военнослужащий стал участником НИС с указанной даты, то к моменту достижения им предельного возраста пребывания на военной службе на его накопительном счете будут находится денежные средства в размере от 2 795 000 руб. до 3 560 000 руб. Однако, как справедливо указано профессором В.М. Корякиным, в ходе функционирования накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих наблюдается утрата покупательской способности накоплений ввиду значительного и постоянного роста инфляции. Очевидно, что индексация накопительного взноса участников НИС, предусмотренная пунктом 2 статьи 5 Закона о НИС, не успевает за фактическим ростом цен на недвижимость. Кроме того, до настоящего времени не разрешен и остается актуальным вопрос о дифференциации размеров накопительных взносов в зависимости от состава семьи военнослужащего[3].

На основании изложенного считаем, что одна из ключевых функций жилищного обеспечения военнослужащих, заключающаяся в стимулировании военнослужащих к долгосрочному исполнению обязанностей военной службы[4], в настоящее время утрачивает свое значение.

Указанные факторы послужили основанием к тому, что органами государственной власти была осуществлена попытка создания для участников СВО отдельной, так называемой «льготной ипотеки» с установлением процентной ставки на уровне 2 % годовых по аналогии с льготной ипотекой во вновь принятых с состав России новых регионах («Льготная ипотека на территориях новых субъектов Российской Федерации» [5]). Кроме того, данная программа предполагала предоставление кредитных лимитов по аналогии с семейной ипотекой на уровне 12 млн. руб. для г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, Московской и Ленинградской областей и на уровне 6 млн. руб. для остальных регионов России. Проектируемая денежная форма жилищного обеспечения военнослужащих-участников СВО содержала в себе принцип однократности ее реализации, а также предполагала возможность ее распространение на членов семей военнослужащих погибших (умерших) в ходе проведения СВО. Данная форма жилищного обеспечения должна была иметь адресный характер, чтобы жилье по ней могло быть приобретено исключительно в регионе проживания, что само по себе предполагало создание условий, исключающих необоснованный рост цен на недвижимость в г. Москве и Московской области[6].

[1] Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

[2] Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов».

[3] Корякин В.М. Военно-социальная составляющая федерального бюджета на 2024 год // Военное право. 2024. № 1. С. 60—68.

[4] Кудашкин А.В. Жилищное право : учебнил. М.: Норма; Инфра-М, 2010. С. 86—7.

[5] Перечень поручений по итогам пресс-конференции Президента 14.12.2023 (утв. Президентом Российской Федерации 12 февраля 2024 г. № Пр-250); Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 г.; Решение Минфина России от 05.12.2024 г. № 24-68903-01277-Р.

[6] Депутат Колунов предложил создать программу льготной ипотеки для участников СВО // Парламентская Газета. Режим доступа: https://www.p№p.ru/social/deputat-kolu№ov-predlozhil-sozdat-programmu-lgot№oy-ipoteki-dlya-uchast№ikov-svo.html (дата обращения: 20.01.2025).

Отметим, что Министерством финансов Российской Федерации программа «льготной ипотеки» для участников СВО не была поддержана в связи с тем, что комплекс действующих льготных ипотечных программ («Семейная ипотека», «Льготная ипотека», «Дальневосточная и арктическая ипотека», «Сельская ипотека», «Льготная ипотека на территориях новых субъектов Российской Федерации», «ИТ-ипотека») создал значительные диспропорции на рынке ипотечного кредитования. Неоднократное продление и расширение условий льготных ипотечных программ и их распространение на все больший круг граждан и жилищных объектов привело к тому, что льготная ипотека превратилась из точечной меры поддержки населения в массовый продукт. Указанные факторы повлекли за собой отрицательные результаты и не позволили достичь поставленных целей, направленных, прежде всего, на повышение доступности жилья для населения. Кроме того, законопроект о «льготной ипотеке» предполагал выделение дополнительных денежных средств, предоставляемых из федерального бюджета, однако источники компенсирования указанных расходов определены не были[1]. По данным причинам программа «льготной ипотеки» реализована не была.

Проведенное исследование позволило сформулировать предложения по совершенствованию правового механизма реализации права на жилище военнослужащих-участников СВО. Особо подчеркнем, что создание новой денежной формы жилищного обеспечения для военнослужащих-участников СВО, посредством предоставления льготной ипотеки с процентной ставкой по кредитному договору в размере 2 % годовых, при условии недостаточности лимитов бюджетных денежных средств не является целесообразным.

Поскольку большинство участников специальной военной операции сейчас являются военнослужащими, разумно предложить для них дополнительные меры социальной поддержки. Эти меры можно реализовать через денежные выплаты на жилье для военнослужащих.

Военнослужащие, которые участвуют в СВО и хотят получить жилье посредством НИС, должны иметь определенные преимущества по сравнению с теми, кто не участвует в операции. Поэтому для этой группы военнослужащих разумно установить более низкую процентную ставку по ипотечным кредитам, чтобы облегчить им покупку жилья. Например, военнослужащий-участник СВО должен иметь возможность реализовать право на жилище по льготной процентной ставке в размере не более 6,5 % годовых (по аналогии с программой ипотечного кредитования «Семейная ипотека» не более 6,5 % годовых[2]).

Кроме того, если участник СВО получил государственную награду, поощрение от Президента России, ему должна предоставляться возможность на получение сниженной процентной ставки по ипотечному кредиту в рамках участия в НИС (например, на 1 %). Если указанный военнослужащий относится к категории «старший офицер», то ему также может быть предоставлен ипотечный кредит со сниженной процентной ставкой (например, на 1 %).

Отметим, что каждое основание для снижения процентной ставки по предоставляемому ипотечному кредиту военнослужащему должно учитываться отдельно. Например, военнослужащий в воинском звании «подполковник» награжден государственной наградой. Тогда предполагаемый размер процентной ставки по кредитному договору на участие в НИС для него может составить не более 4,5 % годовых.

[1] Минфин не поддержал предложение о льготной ипотеке под 2% для участников СВО. Парламентская Газета // https://www.p№p.ru/social/mi№fi№-№e-podderzhal-predlozhe№ie-o-lgot№oy-ipoteke-pod-2-dlya-uchast№ikov-svo.html (дата обращения: 20.01.2025).

[2] Стасишин Н., Некрасова С. Льготная ипотека. Официальная позиция // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации: 2024. № 9. С. 50—53.

Необходимым отметить, что ипотечный продукт по программе НИС следует предоставлять участникам СВО с учетом всех имеющихся оснований для снижения размера процентной ставки. Минимальный размер процентной ставки для военнослужащего-участника СВО на приобретение жилья по программе накопительно-ипотечной системы, по нашему мнению, может составлять не менее 2 % годовых (по аналогии с льготной ипотекой на территориях новых субъектов Российской Федерации[1]).

Отметим, что настоящее время участники СВО имеют право на приобретение жилья по ипотечному кредиту с процентной ставкой не более 2 % годовых во вновь принятых субъектах Российской Федерации[2]. Поскольку указанное право распространено на участников СВО решением Президента России[3], то принятие проектируемых изменений потребует аналогичного решения по отношению к программе «военной ипотеки».

Отметим, что в целях функционирования льготного ипотечного кредитования на территории вновь принятых в состав России субъектов Правительством Российской Федерации было принято постановление от 31 декабря 2022 г. № 2565[4]. Однако в последующем указанный нормативный акт был признан утратившим силу.

В настоящее время порядок возмещения российским кредитным и иным организациям недополученных ими доходов по кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации для приобретения или строительства жилых помещений на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, а также на территориях иных субъектов Российской Федерации определен решением Минфина России от 5 декабря 2024 г. № 24-68903-01277-Р[5].

---

[1] О льготных ипотечных программах, направленных на улучшение жилищных условий граждан Российской Федерации, а также о заключении кредитного договора : письмо Минфина России от 3 мая 2024 г. № 05-06-11/39125.

[2] Жители ДНР, ЛНР, Запорожской, Херсонской и Белгородских областей смогут оформить ипотеку под 2% на вторичку. Информация Минфина России от 24 апреля 2024 г. // СПС «Гарант». (дата обращения: 20.01.2025).

[3] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г.

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2022 г. № 2565 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета акционерному обществу «ДОМ РФ» в виде вкладов в имущество акционерного общества «ДОМ РФ», не увеличивающих его уставной капитал, на цели возмещения российским кредитным и иным организациям недополученных ими доходов по кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации для приобретения или строительства жилых помещений на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, а также на территориях иных субъектов Российской Федерации, и возмещения российском страховым организациям понесенных ими расходов на страховые выплаты в связи с гибелью (утратой) либо повреждением объектов недвижимости, расположенных на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, и (или) причинением вреда жизни и здоровью заемщиков по кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации для приобретения или строительства жилых помещений на указанных территориях, правил возмещения российским кредитным и иным организациям недополученных ими доходов по кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации для приобретения или строительства жилых помещений на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, а также на территориях иных субъектов Российской Федерации, и правил возмещения российским страховым организациям понесенных ими расходов на страховые выплаты в связи с гибелью (утратой) либо повреждением объектов недвижимости, расположенных на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей и (или) причинением вреда жизни или здоровью заемщиков по кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации для приобретения или строительства жилых помещений на указанных территориях».

[5] Решение Минфина России от 5 декабря 2024 г. № 24-68903-01277-Р «О порядке предоставления субсидии АО «ДОМ.РФ» на цели возмещения российским кредитным и иным организациям недополученных ими доходов по кредитам (займам), выданным гражданам РФ для приобретения или строительства жилых помещений на территориях

Указанное решение содержит информацию о том, что основанием для получения субсидии является Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». Государственной программой, в реализацию которой предоставляется субсидия АО «ДОМ РФ», является Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации».

Отметим, что Указом Президента Российской Федерации от 6 июня 2023 г. № 418 «О жилищном обеспечении отдельных категорий граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» закреплены условия и основания для получения единовременной денежной выплаты либо жилого помещения в собственность определенной группой граждан, а постановлением Правительства Российской Федерации от 1 сентября 2023 г. № 1426 утверждены Правила предоставления субвенций из федерального бюджета бюджетам Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской области на осуществление переданных полномочий Российской Федерации по обеспечению жилыми помещениями отдельных категорий граждан Российской Федерации. Данные нормативные правовые акты приняты с целью выполнения мероприятий государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»[1]. Исходя из высказанного суждения профессора В.М. Корякина о том, что меры государственной поддержки в той или иной области общественных правоотношений осуществляются, как правило, на законодательной, нормативной основе[2], то можно утверждать, что принятие проектируемых изменений в закон о НИС повлечет за собой необходимость разработки нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения по предоставлению военнослужащим-участникам СВО льготных процентных ставок по ипотечным кредитам при приобретении жилья посредством участия в НИС (по аналогии с упомянутыми выше Указом Президента и постановлением Правительства России по предоставлению субвенций).

Подчеркнем, что перечень оснований для снижения процентной ставки по военной ипотеке, предоставляемой военнослужащему-участнику СВО, должен быть закреплен в законе о НИС путем внесения дополнительного пункта 18 в ч. 2 ст. 9. Внесение дополнительно пункта в указанную норму видится целесообраз-

ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, а также на территориях иных субъектов РФ, и возмещения российским страховым организациям понесенных ими расходов на страховые выплаты в связи с гибелью (утратой) либо повреждением объектов недвижимости, расположенных на территориях ДНР, ЛНР, Белгородской, Запорожской и Херсонской областей, и (или) причинением вреда жизни или здоровью заемщиков по указанным кредитам (займам) (вместе с Правилами возмещения российским кредитным и иным организациям недополученных ими доходов по кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации для приобретения или строительства жилых помещений на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, а также на территориях иных субъектов Российской Федерации, Правилами возмещения российским страховым организациям понесенных ими расходов на страховые выплаты в связи с гибелью (утратой) либо повреждением объектов недвижимости, расположенных на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Белгородской, Запорожской и Херсонской областей, и (или) причинением вреда жизни или здоровью заемщиков по кредитам (займам), выданным гражданам Российской Федерации для приобретения или строительства жилых помещений на указанных территориях).

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2017 г. № 1710 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации».

[2] Корякин В.М. Правовая поддержка участников специальной военной операции: теоретико-правовой аспект // Военное право. 2024. № 6. С. 20—21.

ным в связи с тем, что она закрепляет перечень участников НИС, а также определяет основания, позволяющие включать и исключать военнослужащих из НИС.

Принятие соответствующих изменений создаст условия для распространения на военнослужащих-участников СВО дополнительных мер социальной поддержки в условиях существующего механизма реализации права на жилище. Более того, ипотечный кредит в рамках функционирования НИС под льготные 2 % годовых будет предоставляться не всем военнослужащим-участникам СВО, а только имеющим на это определенные основания (основания для снижения процентной ставки: воинское звание, наличие государственных наград и проч.).

Предлагаемая новелла обеспечит перераспределение части бюджетных денежных средств, предназначенных для функционирования НИС, на погашение российским кредитным организациям недополученных ими доходов по кредитам (займам). Основанием для перераспределения указанных денежных средств послужат договоры ипотечного кредитования военнослужащих-участников СВО, заключенные с банком АО «ДОМ РФ». В данной ситуации военнослужащие-участники СВО смогут заключать ипотечные договоры на участие в НИС с применением льготной процентной ставки, а ФГКУ «Росвоенипотека» будет осуществлять ежемесячные платежи, предусмотренные законом о НИС, в указанную кредитную организацию с целью исполнения обязательств ипотечного кредита. Указанное обстоятельство будет способствовать снижению размера субсидии, предоставляемой из средств федерального бюджета, необходимой для принятия проектируемых изменений в целом.

Кроме того, с целью улучшения социальной защищенности военнослужащих полагаем целесообразным распространить право участников ипотечной системы, которое изложено в ч. 1 ст. 4 Закона о НИС, на приобретения жилья посредством иных льготных ипотечных программ, функционирующих на территории России («Семейная ипотека»[1], «Дальневосточная и арктическая ипотека»[2], «Сельская ипотека»[3], «Льготная ипотека на территориях новых субъектов Российской Федерации», «ИТ-ипотека»[4] и проч.). Поскольку воен-

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2019 г. № 1170 «Об утверждении Положения о реализации мер государственной поддержки семей, имеющих детей, в целях создания условий для погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам)»; решение Минфина России от 2 октября 2024 г. № 22-67385-00655-Р «О порядке предоставления субсидии АО «ДОМ.РФ» на возмещение недополученных доходов и затрат в связи с реализацией мер государственной поддержки семей, имеющих детей, в целях создания условий для погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам)».

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2019 г. № 1609 «Об утверждении условий программы «Дальневосточная и арктическая ипотека», Правил предоставления субсидий из федерального бюджета акционерному обществу «ДОМ.РФ» в виде вкладов в имущество акционерного общества «ДОМ.РФ», не увеличивающих его уставный капитал, для возмещения российским кредитным организациям и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам, предоставленным гражданам Российской Федерации на приобретение или строительство жилых помещений на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, а также на сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации, и внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2015 г. № 1713».

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2019 г. № 1567 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и акционерному обществу «ДОМ.РФ» на возмещение недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам Российской Федерации на строительство (приобретение) жилого помещения (жилого дома) на сельских территориях (сельских агломерациях)».

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 805 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета акционерному обществу «ДОМ.РФ» в виде вклада в имущество акционерного общества «ДОМ.РФ», не увеличивающего его уставный капитал, на цели возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным работникам аккредитованных организа-

нослужащие, принимающие участие в СВО, проживают в различных регионах России (сельская местность, районы Дальнего Востока, Арктические регионы и проч.), то они могут быть участниками различных льготных программ ипотечного кредитования. Такое право может быть закреплено посредством внесения изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2019 г. № 1567, постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 805, постановление Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2019 г. № 1170, постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2019 г. № 160, решений Минфина России о предоставлении денежных средств АО «ДОМ РФ» для функционировании на территории России комплекса льготных ипотечных программ, с целью распространения возможности привлечения в льготное ипотечное кредитование денежных средств, выделенных на функционирование НИС.

На основании изложенного считаем, что предоставление субсидиарного способа реализации права на жилище военнослужащим в условиях проведения СВО, обладающего большей экономической привлекательностью, представляется перспективным и обоснованным.

Список источников

1. Бараненков В.В. Правовой статус субъектов военного права: теория и актуальные проблемы в условиях проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 4. С. 18—19.

2. Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. Москва: Институт государства и права РАН, 2021. 968 с. EDN IZIVOG

3. Корякин В.М. Правовая поддержка участников специальной военной операции: теоретико-правовой аспект // Военное право. 2024. № 6. С. 20—21. EDN: ALWFWV

4. Корякин В.М. Военно-социальная составляющая федерального бюджета на 2024 год // Военное право. 2024. № 1. С. 60—68. EDN: SGXVCK

5. Кудашкин А.В. Жилищное право : учебник. Москва: Норма; Инфра-М, 2010. 421 с.

6. Нидер С.А. Некоторые аспекты функционирования накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, связанные с признанием арбитражным судом военнослужащего – участника несостоятельным (банкротом) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 1. С. 33—39.

7. Стасишин Н., Некрасова С. Льготная ипотека. Официальная позиция // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2024. № 9. С. 50—53.

8. Харитонов С.С. К вопросу реализации права военнослужащих на дополнительную жилую площадь по нескольким основаниям // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 1. С. 45—51.

ций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий, и Правил возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным работникам аккредитованных организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий»; решение Минцифры России от 31 июля 2024 г. №23-68902-00855-Р «О порядке предоставления субсидии акционерному обществу «ДОМ.РФ», г. Москва, в виде вклада в имущество, не увеличивающего его уставный капитал, на цели возмещения кредитным и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам (займам), выданным работникам аккредитованных организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий.

Legal innovations in the mortgage system of housing for military personnel in the context of a special military operation

© **Spirin N.D.**,
Candidate of the 20th Department (Military Law) of the Prince Alexander Nevsky Military University, Major of Justice
© **Bobrova O.G.**,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the 20th Department (Military Law), Prince Alexander Nevsky Military University

Annotation. The conduct of a special military operation determines the need to change the legal mechanism for the realization of the right to housing in monetary form by military personnel and their family members. The increase in the cost of residential premises caused a decrease in the possibility of purchasing housing as part of the participation of military personnel in the funded mortgage housing system. The article formulates proposals for improving the legal regulation in the field under study. The possibility of using funds intended for the functioning of this monetary form for the purchase of housing through other preferential mortgage lending programs existing on the real estate market in Russia is proposed.

Keywords: special military operation, accumulative mortgage system of housing for military personnel, preferential mortgage, legal status of military personnel, monetary forms of housing, the right to housing.

For citation: Spirin M.D., Bobrova O.G. Legal Innovations in the mortgage system of housing for military personnel in the context of a special military operation // Military law. 2025. No. 2. pp. 141-149.

The article was received by the editorial office on January 5, 2025.

Уголовное право и криминология

Квалификация государственной измены в форме перехода на сторону противника

© **Демчук Сергей Дмитриевич,**
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье рассмотрена действующая редакция ст. 275 УК РФ в отношении перехода на сторону противника. Описано обнаружение умысла на его совершение, проанализированы объективные и субъективные признаки данного преступления, а также вопросы совокупности с иными преступлениями.

Ключевые слова: адресат; войска (силы); организации; формирования; вооруженный конфликт; боевые действия; прямой умысел.

Для цитирования: Демчук С.Д. Квалификация государственной измены в форме перехода на сторону противника // Военное право. 2025. № 2. С. 150—156.

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2025 г.

Реализация норм уголовного закона в ходе проведения специальной военной операции (СВО) выявила определенные проблемы. Поэтому изменения УК РФ последних лет отражают реакцию нашего государства на происходящие события и связанные с ними общественно опасные деяния. Практика применения новых норм в рассматриваемом аспекте позволяет сформулировать особенности квалификации некоторых преступлений против интересов России в условиях СВО. Сюда необходимо отнести и такую новую форму государственной измены, введенную Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ, как переход на сторону противника (в ред. Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 510-ФЗ).

Согласно примечанию 1 к ст. 275 УК РФ под противником понимаются иностранное государство, международная либо иностранная организация, непосредственно противостоящие Российской Федерации в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники. Таким образом, адресатом рассматриваемого преступления является противник нашей страны. Примечание 2 к этой статье гласит, что переходом на его сторону является участие в составе сил (войск) противника в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники либо добровольное участие в деятельности органов власти, учреждений, предприятий, организаций противника, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации. Следовательно обязательным признаком здесь является любой вариант вооруженного противоборства наших Вооруженных Сил, других войск и органов, а также добровольческих формирований с противником, включая боевые действия, контртеррористические операции и собственно проводимую в настоящее время СВО[1].

[1] Понятие Вооруженных Сил, других войск и органов, а также добровольческих формирований дано в ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне». При оценке ситуации можно ориентироваться на сходные определения вооруженного конфликта в Военной доктрине Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976), Военной доктрине Союзного государства (утв. Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. № 5) и в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы». Термины «военные действия» и «боевые действия» раскрываются в указанном Постановлении Пленума Верховного Суда. Объемный перечень вооружения и военной техники приведен в ст. 1 Федерального закона от

Таким образом, эта форма государственной измены по своим объективным и субъективным признакам близка к переходу на сторону врага как форме измены Родине, предусмотренной в свое время ст. 64 УК РСФСР. Под ним понималось оказание гражданином СССР помощи военному противнику в ущерб внешней безопасности страны. Обязательным при этом являлось состояние войны или военного конфликта между СССР и другим государством, которому изменник оказывает помощь[1].

Полагаем, что до появления рассматриваемой нами новеллы уголовного законодательства подобные действия субъекта государственной измены подлежали квалификации как оказание иной помощи в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации. Однако в результате изменений, внесенных в УК РФ, были устранены его основные недостатки, обусловленные отсутствием законодательства военного времени. В значительной мере этому способствовало принятие и вступление в силу Федерального закона от 28 декабря 2024 г. № 510-ФЗ, внесшего изменения в статьи 275—276 и дополнившего УК РФ статьей 276.1 «Оказание помощи противнику в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации».

Раздел X УК РФ охватывает целый ряд преступлений, угрожающих национальной безопасности. Их *родовым объектом* являются общественные отношения обеспечивающие нормальное функционирование институтов государственной власти в соответствии с конституционными принципами. *Видовой объект* преступлений, включенных в гл. 29 УК РФ. — общественные отношения, поддерживающие основы конституционного строя и безопасность государства. Соответственно, *непосредственным объектом* государственной измены являются общественные отношения, которые складываются в связи с обеспечением национальной безопасности Российской Федерации от внешних угроз. В данном случае они обусловлены наличием противника.

Совершению рассматриваемого преступления может предшествовать *обнаружение умысла,* которое само по себе не является даже неоконченным преступлением и не влечет уголовной ответственности. Однако данный этап психической деятельности лица, задумавшего совершение государственной измены в интересах противника, требует адекватного реагирования. В такой ситуации необходимо выяснить причины формирования умысла, реальность возникшего намерения, его «близость» к созданию условий для совершения преступления и какого именно.

Лицам, обнаружившим умысел о переходе на сторону противника, объявляется официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, дознание и предварительное следствие по которым отнесено законодательством Российской Федерации к ведению органов федеральной службы безопасности.

Рассмотрим стадии (этапы) реализации умысла лица применительно к данной форме государственной измены от приготовления к ней до оконченного преступления. В плане полноты выполнения *объективной стороны* перехода на сторону противника отметим, что ст. 275 УК РФ не предусматривает в качестве обязательного признака наступление последствий имеющих причинную связь с деянием. При их наличии, в зависимости от объективных и субъективных признаков состава иного преступления, возможна дополнительная квалификация по соответствующим нормам уголовного закона[2].

Приготовление к данной форме государственной измены может состоять в

19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами». Применительно к рассматриваемой ситуации это в первую очередь комплексы различных видов оружия и средств обеспечения его боевого применения.

[1] Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Под ред. Ю.Д. Северина. М., 1980. С. 139.

[2] Если состав иного преступления отсутствует, необходимо рассмотреть вопрос о возможности учета предусмотренных ст. 63 УК РФ обстоятельств, отягчающих наказание.

разработке лицом плана действий и установлении контактов (связей) с официальными или иными представителями противника с целью участия в составе его войск, других воинских либо военизированных формирований в военных или боевых действиях либо с целью участия в деятельности органов госуправления (включая спецслужбы и правоохранительные органы), коммерческих и некоммерческих организаций противника, направленной против безопасности России. Представителю адресата преступления также сообщаются интересующие его персональные данные лица и мотивы принятого решения, согласовываются условия и способы перехода на сторону противника.

Возможны продумывание и подготовка изменником алиби, мер конспирации, поиск и изучение специализированной литературы по тактической медицине, полевой фортификации, вооружению и военной технике, а также приискание средств или орудий совершения преступления. При этом незаконный оборот предметов, указанных в диспозициях соответствующих норм уголовного закона, требует дополнительной квалификации содеянного как оконченного преступления. В некоторых случаях имеется вероятность приискания соучастников или предварительный сговор на совершение данной формы государственной измены.

Покушение на совершение рассматриваемой формы государственной измены является следующей стадией реализации умысла лица. Это может выражаться в направлении (передаче) представителю адресата преступления копий либо оригиналов личных документов и даче явно выраженного согласия на участие в составе конкретных вооруженных формирований противника в военных или боевых действиях. То же самое относится к согласию на участие в деятельности органов госуправления и любых организаций противника, направленной против безопасности России. Подобного рода согласие по существу является клятвой или присягой лица на осуществление изменнической деятельности. Возможно прохождение им вступительных испытаний с включением в списки кандидатов в личный состав этих формирований или в штат кадров работников указанных органов и организаций противника. На данном этапе лицо не смогло полностью выполнить объективную сторону преступления по не зависящим от него обстоятельствам (например, вследствие задержания при покушении на незаконное пересечение Государственной границы).

Оконченный состав рассматриваемого деяния заключается в оказании субъектом преступления прямой личной помощи противнику в любых действиях его сил (войск) с применением вооружения и военной техники либо в деятельности органов власти, учреждений, предприятий, организаций противника, направленной против безопасности России. При этом лицо проходит службу в конкретных вооруженных формированиях либо выполняет возложенные на него обязанности в соответствующих органах госуправления, коммерческих и некоммерческих организациях противника, непосредственно решающих задачи военного противостояния с нашей страной.

Основной способ совершения преступления включает в себя как прямое участие в боях, так и выполнение лицом соответствующих заданий в расположении или в тылу наших сил (войск) в рамках диверсионно-разведывательной деятельности, в частности, устройство засад, минирование путей сообщения, корректировка огня и сбор разведывательной информации. Кроме того, возможно выполнение вспомогательных функций в подразделениях тылового обеспечения, например, по ремонту техники и вооружения либо подготовке личного состава в учебных подразделениях.

Применительно ко второму способу перехода на сторону противника изменник может работать в органах исполнительной власти, коммерческих и некоммерческих организациях адресата преступления. В частности, это участие лица в решении задач и выполнении функций государства по линии правоохранительных органов или спецслужб противника либо ведение

агитационно-пропагандистской деятельности. Возможно выполнение работ по снабжению вооруженных формирований противника военным имуществом (например, доставка топлива или продовольствия, изготовление и ремонт БПЛА, средств связи, производство военного снаряжения и т.п. на предприятиях военно-промышленного комплекса).

Для правильной квалификации содеянного следует иметь в виду, что разграничение данной формы государственной измены, предусмотренной ст. 275 УК РФ от сходного преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 208 УК РФ проводится по следующему основному признаку. В первом случае Российская Федерация является стороной действий с применением вооружения и военной техники против непосредственно противостоящих нашей стране сил (войск) противника. Во втором случае Российская Федерация не является стороной таких действий, но имеет в них свои интересы, которые могут быть формализованы, например, двусторонним договором с иностранным государством.

При этом согласно диспозициям частей 2 и 3 ст. 208 УК РФ идеальная совокупность данных преступлений невозможна, что относится и к невозможности идеальной совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 208 и ст. 275 УК РФ.

Аналогичная ситуация возникает при добровольной сдаче в плен с целью перехода на сторону противника, что охватывается составом государственной измены и исключает квалификацию содеянного по ст. 352.1 УК РФ[1]. Это относится и к невозможности идеальной совокупности преступлений, предусмотренных статьями 275 и 275.1 УК РФ.

Кроме того, при квалификации содеянного российскими гражданами необходимо учитывать, что оказание ими помощи (содействия) странам которые не являются нашим противником образует состав других форм государственной измены. Так, в ходе проводимой Российской Федерацией СВО военную и иную помощь Украине оказывают, в частности, США, ФРГ и Франция. Однако силы (войска) этих стран не участвуют непосредственно в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники против нашей страны. Поэтому в данном случае действия изменника должны квалифицироваться как шпионаж либо выдача государственной тайны или оказание иной помощи адресату преступления (США, ФРГ, Франция).

Содержание *субъективной стороны* всех форм государственной измены определяет объект посягательства, а вина лица выражена прямым умыслом, причем он носит определенный (конкретизированный) и, как правило, заранее обдуманный характер[2].

В рассматриваемом случае интеллектуальный элемент вины заключается в том, что субъект преступления осознает общественную опасность деятельности угрожающей безопасности нашей страны и предвидит возможность или неизбежность причинения ей ущерба *в интересах противника*. Таким образом, лицо понимает фактические обстоятельства совершения данной формы государственной измены. Волевой элемент вины состоит в желании наступления ожидаемых последствий и настойчивость в реализации перехода на сторону противника.

При этом субъективная сторона добровольного участия лица в деятельности органов власти и любых организаций противника, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации имеет определенную специфику. Добровольность и заведомость такой деятельности означают, что изменник без принуждения,

[1] Аналогичное разъяснение содержится в п. 111 Постановления Пленума Верховного Суда России от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

[2] О содержании умышленной вины см., напр.: Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. М., 2010. С. 221—230; Найбойченко В.В. Вина в умышленных преступлениях (закон, теория, практика) : дисс. … канд. юр. наук. Саратов, 2016. С. 155—186; Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В.П. Ревина. М., 2016. С. 201—209.

по собственному желанию участвует в ней, достоверно зная о ее направленности. Иными словами, при данном способе совершения преступления вина лица также выражена прямым умыслом и обусловлена целью причинить ущерб безопасности своего государства *в интересах противника*.

Мотивы совершения государственной измены должны быть выявлены и учтены при расследовании уголовного дела и его рассмотрении судом. Чаще всего это враждебное отношение к конституционному строю, политической системе и проводимой в настоящее время СВО, а также праворадикальные взгляды. В тех случаях, когда по этим мотивам лицом совершаются иные деяния, требуется дополнительная квалификация содеянного по соответствующим составам преступлений.

Субъектом государственной измены в форме перехода на сторону противника может быть только российский гражданин, являющийся вменяемым лицом, достигшим шестнадцатилетнего возраста. Наличие у него двойного гражданства на квалификацию содеянного не влияет.

В случае перехода на сторону противника военнослужащего-гражданина Российской Федерации, этому может предшествовать его дезертирство. При таких обстоятельствах содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 275 и 338 УК РФ.

В случае выполнения объективной стороны данной формы государственной измены лицом, достигшим возраста четырнадцати лет, но не достигшим шестнадцатилетнего возраста оно может быть привлечено к уголовной ответственности если содеянное охватывается составами преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Иностранные граждане и лица без гражданства могут быть только организаторами, подстрекателями и пособниками субъекта преступления — гражданина Российской Федерации (исполнителя перехода на сторону противника)[1].

Освобождение от уголовной ответственности лица, совершившего государственную измену в форме перехода на сторону противника при соблюдении требований, предусмотренных ч. 2 ст. 75 и п. 3 примечания к ст. 275 УК РФ обязательно для правоприменителя. При этом субъект преступления должен утратить общественную опасность, что подтверждается содействием с его стороны в предотвращении дальнейшего ущерба безопасности государства. С нашей точки зрения он должен быть большим, чем уже причиненный переходом на сторону противника ущерб.

В судебно-следственной практике наиболее часто встречаются факты приготовления к совершению данной формы государственной измены и покушения на ее совершение, что обусловлено сложившейся ситуацией, когда органами безопасности пресекается именно неоконченное преступление.

Так, например, по ч. 1 ст. 30 и ст. 275 УК РФ квалифицированы действия ряда граждан России, которые поставили перед

[1] Это положение о соучастии относится и к российским военнослужащим, не являющимся гражданами России. Участие таких лиц в вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом, а также участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам России должно квалифицироваться по ч. 2 ст. 208 УК РФ. Участие постоянно проживающего в России лица без гражданства в вооруженном конфликте, военных действиях или иных действиях с применением вооружения и военной техники на территории иностранного государства в целях, противоречащих интересам России должно квалифицироваться по ч. 3 ст. 208 УК РФ. При этом в случае дезертирства российского военнослужащего, не являющегося гражданином России, его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 208 и 338 УК РФ. В зависимости от фактических признаков, содеянное иностранным гражданином или лицом без гражданства в интересах противника России может быть квалифицировано по ст. 276 либо 276.1 УК РФ (при отсутствии признаков шпионажа). Таким образом, идеальная совокупность этих преступлений исключена.

собой цель вступить в вооруженные формирования, воюющие на стороне Украины против российской армии, проводящей СВО. С этой целью изменники вступили в связь с их представителями, сообщили о себе необходимые сведения и выполнили другие подготовительные мероприятия. Однако данные лица были задержаны сотрудниками органов безопасности при попытке выезда на территорию Украины[1].

Кроме того, некоторые изменники привлечены к уголовной ответственности по совокупности состава перехода на сторону противника и, как правило, преступлений террористической направленности. В частности, содеянное ими квалифицировано как приготовление к участию в террористической организации (ч. 1 ст. 30 и ст. 205.5 УК РФ) и участие в ней (ст. 205.5 УК РФ). Это обусловлено тем, что данные лица имели своей целью участие в боевых действиях в составе вооруженных формирований, признанных террористическими организациями и запрещенных на территории России (Азов, Легион Свобода России, Русский добровольческий корпус)[2].

К длительным срокам лишения свободы за покушение на государственную измену осуждены лица, инициативно принявшие аналогичные решения о переходе на сторону противника чтобы участвовать в боевых действиях в составе его вооруженных формирований против российской армии, проводящей СВО. Для этого изменники осуществили необходимые подготовительные мероприятия, включая установление связи и достижение договоренности с представителями адресата преступления, а также выполнили полученные указания и пытались покинуть территорию нашей страны. Однако они были задержаны сотрудниками органов безопасности в субъектах России граничащих с Украиной.

Перечисленные действия представляли собой начальный этап выполнения объективной стороны перехода на сторону противника и с точки зрения теории уголовного права являлись неоконченным покушением. Они квалифицированы по ч. 3 ст. 30, ст. 275 и другим нормам УК РФ, в зависимости от фактически содеянного лицом[3].

Список источников

1. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Под ред. Ю.Д. Северина. Москва: Юрид. лит., 1980. 416 с.

2. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. Мсква: Норма: Инфра-М. 2010. 640 с.

3. Найбойченко В.В. Вина в умышленных преступлениях (закон, теория, практика) : дис. … канд. юрид. наук. Саратов: СГЮА, 2016. 236 с.

4. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В.П. Ревина. Москва: Юстицинформ. 2016. 580 с.

[1] См., напр.: Официальный сайт ИА ТАСС. URL: https://tass.ru/proisshestviya/19111837 и ГАС РФ «Правосудие» // Верховный Суд Республики Северная Осетия-Алания. Уголовное дело № 2-4/2023; Официальный сайт ФСБ России. URL: http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm!id=10439758@fsbMessage.html; URL: http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm!id=10439788@fsbMessage.html; URL: http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm!id=10439805@fsbMessage.html (дата обращения: 30.12.2024).

[2] См., напр.: Официальный сайт РИА Новости. URL: https://ria.ru/20240704/gosizmena-1957355042.html и ГАС РФ «Правосудие» // Южный окружной военный суд. Уголовное дело № 1-206/2024; Официальный сайт ФСБ России. URL: http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm!id=10439802@fsbMessage.html (дата обращения: 30.12.2024).

[3] См., напр.: Официальный сайт ИА ТАСС. URL: https://tass.ru/proisshestviya/22778903 и ГАС РФ «Правосудие» // Владимирский областной суд. Уголовное дело № 2-22/2024; Официальный сайт ИА БНК. URL: https://www.bnkomi.ru/data/news/176670/ и ГАС РФ «Правосудие» // 1 Западный окружной военный суд. Уголовное дело № 2-47/2024.

Qualification of state treason in the form of a transition to the side of the enemy

© **Demchuk S. D.,**
Candidate of Legal Sciences, associate professor

Annotation. The article examines the current version of Article 275 of the Criminal Code of the Russian Federation regarding defection to the enemy. The detection of intent to commit it is described, the objective and subjective signs of this crime are analyzed, as well as issues related to other crimes.

Keywords: addressee; troops (forces); organizations; formations; armed conflict; hostilities; direct intent.

For citation: Demchuk S.D. Qualification of High treason in the form of defection to the Enemy // Military law. 2025. No. 2. pp. 150-156.

The article was received by the editorial office on February 10, 2025.

Последствия поступления на военную службу в Вооруженные силы Соединенных Штатов Америки граждан Российской Федерации в период проведения специальной военной операции

© **Чепель Владимир Иванович**,
студент ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых последствий для граждан Российской Федерации, поступающих на военную службу в Вооруженные силы Соединенных Штатов Америки в период проведения специальной военной операции. В статье рассматриваются правовые коллизии, возникающие в связи с отсутствием международных соглашений между Российской Федерацией и США в области военной службы и двойного гражданства. Особое внимание уделено вопросам квалификации действий граждан России, проходящих службу в армии США, и их ответственности согласно российскому законодательству. В статье анализируются уголовно-правовые и международно-правовые аспекты, включая статус комбатантов согласно Женевским конвенциям.

Ключевые слова: граждане Российской Федерации, военная служба в США, специальная военная операция, уголовная ответственность, международное гуманитарное право, Женевские конвенции, двойное гражданство, комбатанты, национальная безопасность.

Для цитирования: Чепель В.И. Последствия поступления на военную службу в Вооруженные силы Соединенных Штатов Америки граждан Российской Федерации в период проведения специальной военной операции // Военное право. 2025. № 2. С. 157—160.

Статья поступила в редакцию 23 февраля 2025 г.

Современные геополитические реалии, связанные с проведением специальной военной операции, обусловили необходимость тщательного анализа правовых последствий для граждан Российской Федерации, проходящих военную службу или участвующих в вооруженных формированиях за границей. Одним из таких вопросов является прохождение военной службы гражданами России в странах группы Рамштайн, что в условиях текущего конфликта приобретает особую значимость с точки зрения безопасности Российской Федерации и правового регулирования правоотношений. В статье данный вопрос рассматривается на примере прохождения военной службы в Вооруженных силах США.

Отсутствие международных соглашений между Российской Федерацией и США в области военной службы и двойного гражданства создает правовые коллизии, которые требуют детального изучения. В частности, возникает вопрос о квалификации действий граждан Российской Федерации, проходящих службу в Вооруженных силах США, и их ответственности согласно российскому законодательству. Данная проблема затрагивает не только вопросы уголовного права, но и международно-правовые аспекты.

Целью настоящей статьи является анализ правовых последствий для граждан Российской Федерации, поступающих на военную службу в Вооруженные силы США в период проведения специальной военной операции, а также определение возможных мер ответственности в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Граждане России мужского пола, обладатели вида на жительство в Соединенных Штатах Америки или получившие гражданство США, в возрасте с 18 до 25 лет являются военнообязанны-

ми в Соединенных Штатах Америки и обязаны встать на воинский учет согласно Закону о воинской повинности[1]. Российские граждане часто выбирают службу в Вооруженных силах США для получения гражданства, льгот и стабильного дохода.

Согласно ст. 6 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» гражданин Российской Федерации, имеющий гражданство другого государства, рассматривается Российской Федерацией только как гражданин Российской Федерации, если иное не предусмотрено международными договорами. Так как Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки не заключили ни соглашения о военной службе и статусе лиц, проходящих военную службу, ни договор о двойном гражданстве, это означает, что даже если гражданин Российской Федерации получил гражданство США и был принят на военную службу в США, он продолжает нести обязанности перед Российской Федерацией, включая воинскую обязанность, несет юридическую ответственность и т.д. Граждане России, проходящие военную службу в Вооруженных силах США, не рассматриваются как исполняющие воинскую обязанность гражданина США или лица, обладающего видом на жительство. Они рассматриваются как иностранные граждане, то есть граждане Российской Федерации. Наличие двойного гражданства не освобождает гражданина России от ответственности за действия, которые могут быть квалифицированы как преступления против безопасности России. Исходя из этого факта, в случае поступления гражданина России на военную службу в Вооруженные силы США возможно наступление юридической ответственности.

Юридическая ответственность в различных правовых теориях по-разному интерпретируется. Согласно позиции А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной, правовая (юридическая) ответственность за нарушение норм государственно-организованного права — это принудительно исполняемая обязанность, возникающая в связи с правонарушением[2].

В период проведения специальной военной операции Соединенные Штаты Америки оказывают помощь вооруженным формированиям Украины. Военнослужащие Вооруженных сил США привлекаются для доставки вооружения, военной и специальной техники, консультирования, обучения военнослужащих ВСУ, предоставляют разведывательную информацию, координируют работу сил ПВО, оказывают финансовую и иную поддержку. Если гражданин России, проходящий службу в Вооруженных силах США, участвует в поддержке вооруженных формирований Украины, его действия могут быть квалифицированы как направленные против безопасности Российской Федерации, за которые предусмотрена уголовная ответственность, т.к. согласно ч. 1. ст. 12 УК РФ на него распространяется действие Уголовного закона России[3]. Граждане России часто привлекаются для обучения военнослужащих вооруженных формирований Украины в связи с отсутствием языкового барьера.

Особое внимание следует уделить тому, что Вооруженные силы США хотя и не являются официальным участником конфликта, Соединенные Штаты оказывают поддержку вооруженным формированиям Украины, что создает дополнительные правовые риски для граждан Российской Федерации, служащих в армии США.

С точки зрения международного гуманитарного права, согласно ст. 43 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г. комбатантами

[1] 50 U.S.C. § 3802 (2022) United States Code. 2022. Title 50. Section 3802.

[2] Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права : учебник. СПб.: Изд. С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. С. 443.

[3] Бубнова Н.И. Военная помощь США и других западных стран Украине после начала российской специальной военной операции // Россия и современный мир. 2023. № 2. С. 79—105.

признаются лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, и непосредственно участвующие в боевых действиях. При этом военнослужащие США формально не являются частью вооруженных сил Украины, что может вызывать сомнения в их статусе как комбатантов. Однако если военнослужащие США непосредственно участвуют в боевых действиях, например, управляя системами ПВО или оказывая иную военную поддержку, их действия могут быть квалифицированы как участие в вооруженном конфликте. В практике Международного суда ООН, например, в деле «Никарагуа против США» (1986), было установлено, что лица, участвующие в вооруженных конфликтах на стороне иностранного государства, могут быть признаны комбатантами, даже если они не входят в состав официальных вооруженных сил[1]. Это означает, что если гражданин Российской Федерации, служащий в армии США, непосредственно участвует в боевых действиях на Украине (например, управляет системами ПВО или оказывает иную военную поддержку), его действия могут быть квалифицированы как участие в вооруженном конфликте. В таком случае он может быть признан комбатантом, даже если формально не является частью вооруженных формирований Украины.

Деяния гражданина России, несущего военную службу в США, не попадают под предусмотренные ч. 3 ст. 208 УК РФ, если в ином случае он не исполняет свои должностные обязанности военнослужащего США и участвует в вооруженном конфликте в вооруженных формированиях и организациях на территории Украины, либо исполняет задачи, связанные использованием вооружением и военной техники. Поэтому деяния данных лиц следует квалифицировать как предусмотренные ст. 275 УК РФ. Предварительное следствие по расследованию производится, согласно ст. 151 УПК РФ следователями ФСБ России.

За нарушение данной нормы права предусмотрены санкции в виде лишения свободы от двенадцати до двадцати лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет или пожизненным лишением свободы.

Однако законодатель сформулировал правило, по которому лицо согласно ч. 3 вышеуказанной статьи может быть освобождено от уголовной ответственности, если лицо добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации и если в его действиях не содержится иного состава преступления. Такое решение законодателя позволяет мотивировать участников вооруженного конфликта отказываться от дальнейшего продолжения противоправных действий и позволит гражданам вернуться на территорию Российской Федерации.

Следует отметить, что дела, связанные с квалификацией действий граждан Российской Федерации по ст. 275 и 208 УК РФ, чаще всего относятся к категории дел, расследование которых осуществляется следователями органов безопасности. В связи с этим судебные процессы по таким делам, как правило, проводятся в закрытых судебных заседаниях, а материалы уголовных дел не подлежат публичному распространению в целях обеспечения государственной безопасности. Данные обстоятельства существенно ограничивают доступ к информации о судебной практике по указанной категории дел, что делает ее практически недоступной для анализа в открытых источниках. В связи с этим можно сделать вывод о том, что публично доступная судебная практика по

[1] Дело «Никарагуа против США» (1986) // Международный суд ООН. Решение от 27 июня 1986 года. – URL: https://www.icj-cij.org (дата обращения: 23.02.2025).

делам, связанным с прохождением гражданами России военной службы в Вооруженных силах США, крайне ограничена, а большинство подобных случаев остаются за рамками публичного обсуждения.

Однако похожие случаи привлечения к ответственности были в отношении российских военнослужащих и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях. Так, по приговору суда Первомайского района города Бишкека обвиняемый Кубанычбек уулу Аскар был признан виновным в совершении преступления по ч. 1 ст. 416 УК Кыргызской Республики (наемничество), несмотря на то, что он являлся военнослужащим Вооруженных Сил России и был отправлен в зону проведения специальной военной операции в связи с осуществлением своих обязанностей. Согласно согласно примечанию к ст. 416 УК КР данный гражданин не мог быть признан наемником.

Таким образом, служба граждан Российской Федерации в армии США в условиях конфликта на Украине может повлечь уголовную ответственность по ст. 275 и в некоторых случаях по ст. 208 УК РФ. Однако, если гражданин добровольно сообщит о своих действиях органам власти, он может быть освобожден от ответственности. Для предотвращения правовых коллизий возможно заключить международные соглашения между Россией и США в области военной службы.

Список источников

1. Бубнова Н. И. Военная помощь США и других западных стран Украине после начала российской специальной военной операции // Россия и современный мир. 2023. № 2. С. 79—105.

2. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права : Учебник. Санкт-Петербург: Издательство С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. 443 с.

Consequences of Russian Citizens Joining the Military Service of the United States Armed Forces During the Special Military Operation

© **Chepel V.I.**,
Student Saint-Petersburg State Univers

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal consequences for citizens of the Russian Federation who join the military service of the United States Armed Forces during the special military operation . The article examines the legal conflicts arising from the absence of international agreements between the Russian Federation and the United States in the field of military service and dual citizenship. Special attention is paid to the qualification of actions of Russian citizens serving in the U.S. Army and their liability under Russian legislation. The article analyzes criminal-legal and international-legal aspects, including the status of combatants under the Geneva Conventions.

Keywords: citizens of the Russian Federation, military service in the USA, special military operation in Ukraine, criminal liability, international humanitarian law, Geneva Conventions, dual citizenship, combatants, national security.

For citation: Chepel V.I. Consequences of admission to military service in the Armed Forces of the United States of America of citizens of the Russian Federation during a special military operation // Military law. 2025. No. 2. pp. 157-160.

The article was received by the editorial office on February 23, 2025.

Некоторые проблемные аспекты законодательной регламентации уголовной ответственности за мародерство

© **Чукин Дмитрий Сергеевич**,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации, подполковник юстиции

Аннотация. Восстановление в уголовном законодательстве ответственности за мародерство является положительным результатом уголовной политики, направленной на регулирование общественных отношений в соответствии с требованиями времени и общественно-политической обстановки. Отмечается, что изменение существующей дефиниции мародерства, которая содержится в диспозиции ч. 1 ст. 356.1 УК РФ, путем включения термина «хищение», позволит исключить многие вопросы, возникающие в теории и правоприменительной практике. Резюмируется, что отдельные признаки состава данного преступления являются дефектами законодательной техники, что требует модернизации данной уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: мародерство, хищение, субъект преступления, квалификация преступлений.

Для цитирования: Чукин Д.С. Некоторые проблемные аспекты законодательной регламентации уголовной ответственности за мародерство // Военное право. 2025. № 2. С. 161—166.

Статья получена 3 февраля 2025 г.

Безопасность государства, от которой напрямую зависит личная и общественная безопасность, обеспечивается комплексом превентивных мер, в первую очередь организационно-правового характера. Постоянное изменение международной социально-политической обстановки диктует необходимость проведения военно-правовых исследований, посвященных ее обеспечению[1]. Активная антироссийская деятельность западных держав, направленная на подрыв основ отечественного конституционного строя и военной безопасности как его узлового элемента, проводимая в последние годы, эскалация которой собственно и спровоцировала начало специальной военной операции, предопределила ревизию законодательства, в первую очередь военно-уголовного, следствием чего явилось возвращение в уголовный закон многих составов преступлений, которые успешно функционировали в советском законодательстве. При этом, о необходимости реституции данных норм, в научном сообществе говорили уже достаточно давно, с тех пор, как они изначально не вошли в УК РФ 1996 г.[2], однако их легитимация произошла только под давлением реалий боевых действий[3].

Одной из таких норм явилась ст. 356.1 УК РФ, восстановившая уголовную ответственность за мародерство. Необходимость ее возвращения обу-

[1] Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. М.: Институт государства и права РАН, 2021. Корякин В.М. Военное право : учебник / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Редакционно-издательское объединение «Новая юстиция», 2024.

[2] Ахметшин Х.М. Действующее законодательство Российской Федерации о преступлениях против военной службы нуждается в совершенствовании // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2006. № 4.

[3] Чукин Д.С. Добровольная сдача в плен (статья 352.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): restitutio in integrum // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 7(324). С. 74—83.

словлена, в первую очередь, повышенной степенью общественной опасности противоправного завладения чужим имуществом, которое совершено в специальные периоды — во время военного положения, в военное время, в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Как показал опыт проведения специальной военной операции, военнослужащие ВСУ и иностранные наемники, пользуясь тем, что многие объекты, квартиры и частные домовладения остались без охраны, разграбляли имущество, при этом зачастую фальсифицируя информацию, искажая фактические данные, и обвиняя российских военных в этих преступлениях. Прозападные СМИ и иноагенты, пользуясь малограмотностью обывателей, так же распространяли фейки, формируя в глазах международного сообщества образ российского солдата-мародера, чтобы оправдывать перед западными гражданами военную помощь Украине. Кроме того, нельзя полностью исключать реальные факты мародерства, совершаемые российскими военнослужащими, которые могут подрывать авторитет и воинскую дисциплину, а так же оказывать негативное влияние на других военнослужащих[1].

Право собственности, как одно из фундаментальных человеческих прав, неизбежно нарушаемое в процессе любой войны, предопределило необходимость выделения специального вида посягательства на него, совершенное в особых условиях. Мародерство, истоки которого коренятся в жажде наживы, известно человечеству с незапамятных времен, однако сам термин был введен в оборот в ходе Тридцатилетней войны. Этимологически оно восходит к фр. marauder «грабить», от ср.-франц. maraud «негодяй». Как таковая, дефиниция мародерства в международном законодательстве не содержится, лишь в отдельных нормативных правовых актах можно найти описание деяний, сходных с мародерством по смыслу приводимых признаков. Ст. 47 IV Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. содержит безусловный запрет на грабеж, ст. 50 I-й Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» и ст. 147 IV-й Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «О защите гражданского населения во время войны» серьезным нарушением признает присвоение имущества, не вызываемые военной необходимостью, а ст. 15 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г. призывает стороны конфликта принимать меры по ограждению раненых от ограбления.

Советское уголовное законодательство относило мародерство к воинским преступлениям. Ст. 214 УК РСФСР 1922 г. определяла мародерство как противозаконное отобрание при боевой обстановке у гражданского населения принадлежащего последнему имущества, с употреблением угрозы военным оружием и под предлогом необходимости сего отобрания для военных целей, а также снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся у них вещей. Ст. 193.27 УК РСФСР 1926 г. под мародерством понимала похищение на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых. Эта же формулировка перешла в статью 266 УК РСФСР 1960 г. Кроме того, ст. 267 данного кодекса устанавливала ответственность за разбой и противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости, совершаемые по отношению к населению в районе военных действий.

УК РФ 1996 г. декриминализировал мародерство. Оно было восстановлено как преступление против мира и безопасности человечества Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-

[1] Мирхайдарова М.Ю. Криминализация и ужесточение ответственности за совершение преступлений против военной службы, против мира и безопасности человечества в условиях проведения специальной военной операции // Российский следователь. 2023. № 8. С. 40—42.

ФЗ в ст. 356.1 УК РФ, при этом законодатель существенно, по сравнению с советским уголовным законодательством, трансформировал признаки его состава. Изменение видового и родового объекта в данном случае представляется, на взгляд автора, вполне оправданным. В вооруженных конфликтах сегодня принимают участие, помимо военнослужащих, множество других субъектов — наемники, народные ополченцы, граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, а создавшейся в результате военного положения ситуацией, кроме того, пользуются как обычные граждане, так и различные криминальные элементы.

Ст. 266 УК РСФСР 1960 г. дефинировала мародерство как похищение на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых. При этом, термин «похищение» формально не позволял отождествить это деяние с хищением, определение которого содержалось в примечании к ст. 144 данного УК, а кроме того, распространялось лишь на отдельные преступления против собственности, в отличие от того понятия, которое находится в примечании 1 к ст. 158 УК РФ и носит уголовно универсальный характер.

Следует отметить, что определение, данное в ст. 356.1 УК РФ, сформулировано более удачно, поскольку, в отличие от предыдущих, содержит указание на корыстную цель и отсутствие связи с вынужденной необходимостью, что позволяет отграничить его от обстоятельств, исключающих преступность деяния, в частности, от крайней необходимости.

Это определение во многом повторяет признаки хищения, приводимые в примечании 1 к ст. 158 УК РФ: «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение в пользу виновного или других лиц чужого имущества», исключив такой признак, как причинение ущерба в результате его совершения. Таким образом, возникает вопрос: является ли данное определение следствием дефекта законотворческой техники, или законодатель сознательно отмежевал мародерство от хищения.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что определение, приведенное в диспозиции ч. 1 ст. 356.1, *уже*, чем определение хищения, что оставляет открытым вопрос об их отождествлении, хотя многие исследователи полагают, что для целей уголовного закона их можно считать идентичными. Так, А.М. Плешаков отмечает, что мародерство чаще всего совершается путем краж, грабежей и разбоя, а такие формы хищения, как мошенничество и присвоение (растрата) не будут являться характерными для него[1]. С этой позиции, момент окончания мародерства зависит от того, какую из конкретных форм хищения он представляет.

На взгляд автора, замена имеющейся формулировки мародерства термином «хищение» снимет многие вопросы теоретического и правоприменительного характера.

Предметом преступления, как это явствует из ст. 356.1 УК РФ, выступает чужое имущество. В связи с этим, не до конца понятна логика законодателя, который в диспозиции статьи дополнительно конкретизировал его виды: имущество убитых, раненых, а так же гражданского населения. Автор согласен с позицией, полагающей, что данная юридико-техническая конструкция представляется избыточной, вследствие чего ее целесообразно исключить[2].

Поскольку размер похищенного в статье законодательно не определен, а в ст. 7.27 КоАП РФ, определяющей размер мелкого хищения, ст. 356.1 УК РФ не указана, действия, образующие объективную сторону мародерства, являются криминообразующими вне зависимо-

[1] Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Квалификация мародерства и его отграничение от иных преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. 1(64). С. 39—44.

[2] Власенко В.В. Уголовная ответственность за мародерство // Законность. 2023. № 9. С. 37—43.

сти от стоимости или размера похищенного. В таких случаях необходимо руководствоваться здравым смыслом и применять положения ч. 2 ст. 14 УК РФ о малозначительности. Кроме того, следует согласиться с мнением Ю.О. Гончаровой, которая считает необходимым, по аналогии с преступлениями против собственности, расширить дифференциацию стоимости похищенного при мародерстве имущества, и установить его значительный размер[1].

Думается, что хищение предметов, ограниченных в гражданском обороте, например оружия или наркотиков, образует самостоятельный состав преступления и должно квалифицироваться по ст. 226 и 229 УК РФ соответственно.

Конструктивным признаком объективной стороны мародерства выступает обстановка его совершения, которая определена бланкетной диспозицией статьи:

— период военного положения,

— военное время;

— в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий.

Таким образом, такой конструктивный признак, как совершение преступления в период мобилизации, в данном преступлении отсутствует. При этом ведение боевых действий, в отличие от иных видов обстановки, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 365.1 УК РФ, не имеет легального закрепления, вследствие чего обладает высокой степенью оценочности[2].

Кроме того, вызывает вопросы отсутствие в статье указания на место его совершения, поскольку военное время не ограничивается пространственными рамками, а военное положение распространяется как на территорию всей страны, так и отдельные ее местности, поэтому мародерство может быть совершено не на поле боя или вблизи с ним, а в населенном пункте за много километров от него.

Возникает насущный вопрос об ответственности за мародерство в период природных катаклизмов, паводков и иных чрезвычайных обстоятельств природного или техногенного характера, поскольку в таких условиях многие жители покидают свои дома, что создает благоприятную обстановку для хищений[3].

Составообразующим признаком мародерства выступает корыстная цель, повторяя дефект определения хищения, указанный в примечании 1 к ст. 158 УК РФ. Корысть определяется как страсть к приобретению, жадность к деньгам и богатству, любостяжание, падкость на барыш, выгоду, пользу, наживу, добычу, захваченные богатства[4]. Как это неоднократно отмечалось в исследованиях, цель представляет собой конечный результат, в то время как корысть характеризует не цель действий, а побуждению лица, совершающего преступление, то есть представляет собой мотив[5], что должно найти отражение в определении хищения. Если изъятие чужого имущество не преследует извлечение выгоды материального характера, а связано с временным распоряжением, либо для его последующего уничтожения, состав мародерства будет отсутствовать, что

[1] Гончарова Ю.О. Новелла уголовного законодательства об ответственности за мародерство (ст. 356.1 УК РФ): технико-юридический анализ конструкции состава преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 2(64). С. 266—271.

[2] Чукин Д.С. О необходимости соблюдения принципа справедливости при законотворчестве и законотолковании // Военное право. 2024. № 3(85). С. 201—208.

[3] Ключевская Н. За мародерство во время ЧС предлагают ввести уголовную ответственность / СПС «Гарант» (дата обращения 17.12.2024 г.).

[4] Даль В.И. Толковый словарь. М., 1881. Т. 2. С. 171

[5] Хилюта В.В. Корыстная цель в хищении: существуют ли пределы расширительного толкования? // Lex russica. 2020. № 4. С. 93—102; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021.

следует учитывать при квалификации в следственно-судебной практике.

Квалифицированные виды мародерства, указанные в ч. 2 ст. 356.1 УК РФ, предполагают совершение его в форме грабежа — то есть с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, а в п. «а» ч. 3 ст. 356.1 УК РФ — с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия — то есть, по сути, в форме разбоя.

При этом п. «в» ч. 3 ст. 356.1 УК, определяя в качестве признака мародерства угрозу применения насилия, опасного для жизни, конкурирует с п. «в» ч. 4 данной статьи — как совершенное с угрозой убийства, что, на взгляд автора, представляет собой типичный пример дефекта законодательной техники.

Определение мародерства, приведенное в УК РСФСР, является более лаконичным, поскольку в ст. 356.1 УК РФ конструктивным признаком состава будет отсутствие вынужденной необходимости, которая является оценочным понятием и не относится к ст. 39 УК РФ. В связи с этим, неоднозначное и неточное толкование объективной стороны рассматриваемого преступления может сказаться на практике правоприменения[1].

Уголовная ответственность за мародерство наступает с 16 лет. Поэтому думается, если мародерство осуществляется лицом в возрасте от 14 до 16 лет, оно подлежит ответственности за преступления против собственности — за кражу, грабеж или разбой.

Как отмечает А.Г. Кибальник, норма о мародерстве может считаться специальной по отношению к ст. 356 УК РФ, поскольку разграбление национального имущества представляет собой одну из форм запрещенных методов ведения войны [2]. Однако автор полагает, что предмет мародерства, которым выступает чужое имущество, шире, чем обособленный предмет в ст. 356 УК РФ — национальное имущество, и мародерство выступает по отношению к данной статье общей нормой, а последняя, в свою очередь, является специальной.

Как полагает В.В. Власенко, совершение мародерства воинским должностным лицом или сотрудником правоохранительного органа (то есть субъектом, указанным в примечании к ст. 285 УК РФ) должно квалифицироваться по совокупности ст. 286 и 356.1 УК РФ, поскольку квалифицирующий признак «с использованием служебного положения» в ст. 356.1 отсутствует[3].

Таким образом, реституция в уголовном законодательстве ответственности за мародерство является положительным результатом уголовной политики, позволяющим регулировать общественные отношения в соответствии с требованиями времени и общественно-политической обстановки. Наряду с этим, анализ показывает наличие в статье 356.1 УК РФ отдельных дефектов законодательной техники, которые требуют дальнейшей модернизации уголовного закона.

Список источников

1. Ахметшин Х.М. Действующее законодательство Российской Федерации о преступлениях против военной службы нуждается в совершенствовании // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2006. № 4. С. 2—4.

2. Власенко В.В. Уголовная ответственность за мародерство // Законность. 2023. № 9. С. 37—43.

3. Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. Москва: Институт государства и права РАН, 2021. 968 с. EDN IZIVOG

4. Гончарова Ю.О. Новелла уголовного законодательства об ответственности за мародерство (ст. 356.1 УК РФ): технико-юридический

[1] Лобач Д.В. Уголовно-правовая характеристика мародерства как преступления против мира и безопасности человечества в российском уголовном законодательстве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1. С. 53—61.

[2] Кибальник А.Г. «Реанимация» мародерства в уголовном праве // Российский следователь. 2024. № 1. С. 64—68.

[3] Власенко В.В. Уголовная ответственность за мародерство // Законность. 2023. № 9. С. 37—43.

анализ конструкции состава преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2023. Т. 17. № 2(64). С. 266—271.

5. Кибальник А.Г. «Реанимация» мародерства в уголовном праве // Российский следователь. 2024. № 1. С. 64—68.

6. Корякин В.М. Военное право : учебник / 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Редакционно-издательское объединение «Новая юстиция», 2024. 496 с. EDN: MPRSFN

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021. 816 с.

8. Лобач Д.В. Уголовно-правовая характеристика мародерства как преступления против мира и безопасности человечества в российском уголовном законодательстве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1. С. 53—61.

9. Мирхайдарова М.Ю. Криминализация и ужесточение ответственности за совершение преступлений против военной службы, против мира и безопасности человечества в условиях проведения специальной военной операции // Российский следователь. 2023. № 8. С. 40—42.

10. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Квалификация мародерства и его отграничение от иных преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1(64). С. 39—44.

11. Хилюта В.В. Корыстная цель в хищении: существуют ли пределы расширительного толкования? // Lex russica. 2020. № 4. С. 93—102.

12. Чукин Д.С. Добровольная сдача в плен (статья 352.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): restitutio in integrum // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2024. № 7(324). С. 74—83.

13. Чукин Д.С. О необходимости соблюдения принципа справедливости при законотворчестве и законотолковании // Военное право. 2024. № 3(85). С. 201—208.

Socially dangerous consequences as a basis for criminalizing crimes against military service

© **Chukin D.S.**,
senior lecturer of the Department of criminal procedure and criminology of the Saratov military order of Zhukov of the red banner Institute of the national guard of the Russian Federation, Lieutenant Colonel of the justice Department

Summary. The restoration of responsibility for looting in criminal legislation is a positive result of criminal policy aimed at regulating public relations in accordance with the requirements of the time and the socio-political situation. It is noted that replacing the existing definition of looting, which is contained in the disposition of Part 1 of Article 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, with the term "theft", will eliminate many issues arising in theory and law enforcement practice. It is summarized that certain elements of the composition of this crime are defects in legislative technology, which requires the modernization of this criminal law norm.

***Keywords*:** looting, embezzlement, the subject of the crime, the qualification of crimes.

For citation: Chukin D.S. Some Problematic aspects of the Legislative regulation of criminal liability for looting // Military Law. 2025. No. 2. pp. 161-166.

The article was received on February 3, 2025.

Уголовный процесс и криминалистика

Особенности следов близкого выстрела, образованных при стрельбе из пистолета Ярыгина «Грач»

© **Никонович Сергей Леонидович,**
доктор юридических наук, доцент, Военный университет имени князя Александра Невского Минобороны России
© **Нурушев Арстангали Амангалиевич,**
кандидат юридических наук, доцент, Волгоградская академия МВД России

Аннотация. Криминалисты в своей практической деятельности часто сталкиваются с исследованием объектов со следами выстрела, образованными огнестрельным оружием. Основным вопросом в ходе исследования является установление дистанции выстрела. При его разрешении эксперты-баллисты могут испытывать затруднения, особенно когда неизвестно используемое оружие и его калибр. Обычно в таком случае они обращаются к справочной литературе, которая на сегодняшний день явно устарела и не охватывает всего спектра современного отечественного и зарубежного огнестрельного оружия, и следов его применения на месте происшествия, в том числе в условиях специальной военной операции. В статье рассмотрены особенности проявления следов близкого выстрела на белой джинсовой ткани, образованные пулями от выстрела из пистолета Ярыгина «Грач» калибра 9х19 мм.

Ключевые слова: пистолет Ярыгина «Грач» 9 мм, копоть выстрела, пороховые газы, следы близкого выстрела, зерна пороха.

Для цитирования: Никонович С.Л., Нурушев А.А. Особенности следов близкого выстрела, образованных при стрельбе из пистолета Ярыгина «Грач» // Военное право. 2025. № 2. С. 167—172.

Статья поступила в редакцию 19 февраля 2025 г.

Разрешение ряда экспертных задач по установлению дистанции выстрела, его направления, угла встречи пули с преградой, а также установлению типа и вида примененного огнестрельного оружия по следам выстрела не является чем-то новым в криминалистической практике[1]. Однако и в настоящее время эксперты-баллисты при решении указанных вопросов сталкиваются с определенными трудностями.

Изучению данного вопроса посвятили свои труды многие ученые криминалисты нашей страны[2]. Так, например, И.В. Виноградов в 1952 г. обнаружил и объяснил возможность отложения дополнительных следов выстрела вокруг огнестрельных повреждений за пределами близких дистанций[3].

[1] Стрелковое и холодное оружие, боеприпасы, взрывные устройства и взрывчатые вещества : учеб. пособие / С.А. Едресов, В.М. Юрин, С.А. Балтабаев, А.А. Нурушев [и др.] ; Костанайская акад. МВД Респ. Казахстан. Алматы: Лантар Трейд, 2021.

[2] Дворянский И.А. Автоматические пистолеты и следы их на пулях и гильзах. Судебно-баллист. справочник [В 2 т.] / МВД СССР. Всесоюз. науч.-исслед. ин-т. М-во юстиции ЛитССР. Науч.-исслед. ин-т судебной экспертизы. М., 1972; Жук А.Б. Стрелковое оружие. М, 1993; Жук А.Б. Револьверы и пистолеты. М.: Мир и образование, 2022; Никонович С.Л. Криминалистическое исследование отечественного стрелкового оружия и боеприпасов. Липецк: ЛГПУ, 2006.

[3] Криминалистика : учебное пособие / А.Ф. Волынский, И.В. Тишутина И.В., Никонович С.Л.; под ред. проф. А.Ф. Волынского. Тамбов: изд-во Першина Р.В., 2016.

Анализ экспертной практики показывает, что в настоящее время на баллистическое исследование часто поступают объекты со следами выстрела (фрагменты одежды, стекла, древесины, обоев и т.д.), по которым эксперту-баллисту необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Имеются ли на представленном объекте следы (повреждения), образованные огнестрельным оружием?

2. Если да, то каков тип, вид данного огнестрельного оружия?

3. Каков калибр огнестрельного оружия, направление выстрела, какова дистанция выстрела?

Отвечая вопросы, поставленные следователем, эксперту необходимо знать не только особенности основного и дополнительного факторов выстрела, но и виды огнестрельных повреждений, образующихся при выстреле на различных преградах. Уметь выявлять и оценивать морфологические характеристики огнестрельных повреждений, распознавать локализацию и топографию дополнительных следов выстрела в зоне огнестрельного повреждения и вокруг него.

Ключевой задачей установления расстояния, с которого произведен выстрел, является учет факторов производства выстрелов из разных типов и образцов огнестрельного оружия, по различным объектам, а также особенности отражения дополнительных следов выстрела на разноименных расстояниях.

Поэтому эксперту необходимо иметь большое количество справочной литературы с иллюстрациями, описанием следов выстрела с близкого расстояния, произведенных из разных моделей оружия по различным преградам.

При анализе литературы в области криминалистики и судебной медицины можно прийти к выводу, что преобладающая информация в ней основывается на методах и образцах оружия прошлых лет и не охватывают все многообразие современного огнестрельного оружия. Это существенно затрудняет решение экспертных задач по исследованию отдельных моделей оружия и следов его применения.

Поэтому в данной статье рассматриваются особенности проявления следов близкого выстрела на белой джинсовой ткани, произведенных из пистолета Ярыгина «Грач» калибра 9х19 мм.

Пистолет Ярыгина «Грач» имеет индекс ГРАУ-6П35, используемый патрон — 9х19мм. Пистолет является современным, короткоствольным, самозарядным огнестрельным оружием. Разработан в период с 1993 по 2000 годы коллективом конструкторов под руководством В.А. Ярыгина. Серийное производство данного пистолета освоено на Ижевском механическом заводе.

В 2003 г. пистолет Ярыгина «Грач» был принят на вооружение Вооруженными силами Российской Федерации. На начало 2010 г. пистолеты Ярыгина начали также поступать на вооружение в подразделения внутренних войск и специальных подразделений МВД России[1].

Пистолет Ярыгина (Грач) калибра 9х19 имеет начальную скорость пули 420 м/с. Пистолет включает в себя следующие части: а) магазин, емкость которого 18 патронов 9х19; б) рамку с рукояткой и спусковой скобой; в) затвор с прицельными приспособлениями, ударником и выбрасывателем; г) ствол, с возвратной пружиной и направляющей; д) ударно-спусковой механизм, е) предохранитель и затворную задержку. Работа механизмов пистолета осуществляется за счет использования энергии пороховых газов при коротком ходе ствола. Ударно-спусковой механизм ударникового типа.

Общая длина пистолета — 198 мм, прицельная дальность — 50 м, длина ствола — 112,8 мм, длина нарезной части ствола — 50 мм, шаг нарезов канала ствола — 350, число нарезов — 6 (правых), вес (с магазином, без патронов) — 0,95 кг, скорострельность выстрелов/мин — 30.

Для изучения следов близкого выстрела, образующихся на белой джинсо-

[1] https://ru.wikipedia.org/wiki/Пистолет_Ярыгина (access date: 19/11/2024).

вой ткани при стрельбе из пистолета Ярыгина (Грач) калибра 9х19 мм, были изготовлены 10 мишеней из плотного картона размером 270 х 270мм. На каждую мишень с помощью степлера были закреплены отрезки джинсовой ткани.

По мишеням производилась экспериментальная стрельба из технически исправного пистолета Ярыгина (Грач) штатными патронами калибра 9Х19 ПФО.

Стрельба осуществлялась на дистанциях от 0 см (упор) до 100 см в мишени под углом 90^0.

Описание следов близкого выстрела при стрельбе из пистолета Ярыгина (Грач) калибра 9 мм.

При дистанции 0 см (упор):

Последовательность и механизм отображения: формирование повреждения осуществляется газопороховой струей и предпульным столбом воздуха;

Параметры поврежденной ткани: неправильный четырехугольник;

Размеры тканевого дефекта: 4х5 мм;

Полное отсутствие пояска обтирания;

Характер механического воздействия пороховых газов и предпульного столба воздуха: разрыв ткани выраженный, сформированный в виде округлой формы сверху и снизу по контуру с усеченными краями; окраины разрывов ткани имеют неровные нити; направленность тканевых волокон в просвет повреждения;

Характер наслоения копоти выстрела: наслоения выделенные, характеризуются наличием центральной и периферийной зон. Наслоение копоти в области центра более интенсивное, имеет черный цвет, формат наслоения близок к округлой форме, размерные характеристики достигают от 5 до 7 мм между углами. Наслоение серого цвета в периферийной зоне в виде овальной формы размером 20х35мм.

Отсутствует наслоение частиц зерен пороха.

Не выражено визуально механическое воздействие частиц пороховых зерен на ткани;

Не выражено визуально термическое действие пороховых газов и зерен пороха на ткани;

Штанцмарка присутствует.

При дистанции 5 см:

Последовательность и механизм отображения: повреждение формируется пулей;

Параметры поврежденной ткани: неправильный четырехугольник;

Размеры тканевого дефекта: 5х5 мм;

Полное отсутствие пояска обтирания;

Характер механического воздействия пороховых газов и предпульного столба воздуха: отсутствует;

Характер наслоения копоти выстрела: наслоения выделенные, характеризуются наличием центральной и периферийной зон. Наслоение копоти в области центра интенсивное, имеет серо-черный цвет, формат наслоения близок к круглой, радиусом 100 мм, с расходящимися от центра двенадцатью лучевидными направлениями, длиной от 15 до 20 мм;

Отсутствует наслоение частиц зерен пороха.

Не выражено визуально механическое воздействие частиц пороховых зерен на ткани;

Не выражено визуально термическое действие пороховых газов и зерен пороха на ткани.

При дистанции 10 см:

Последовательность и механизм отображения: повреждение формируется пулей;

Параметры поврежденной ткани: неправильный четырехугольник;

Размеры тканевого дефекта: 4х5 мм;

Присутствует поясок обтирания диаметром 8 мм;

Характер механического воздействия пороховых газов и предпульного столба воздуха: отсутствует;

Характер наслоения копоти выстрела: наслоения менее выделенные, характеризуются наличием центральной и периферийной зон. Наслоение копоти в области центра интенсивное, имеет серо-черный цвет, формат наслоения близок к круглой, радиусом от 60 до 800 мм. В периферийной зоне наслоение в виде серого- черного цвета, по форме близкой к овальному диаметру 110мм с расходящимися от центра лучевидными направлениями, длиной от 15 до 20 мм;

Отсутствует наслоение частиц зерен пороха.

Не выражено визуально механическое воздействие частиц пороховых зерен на ткани;

Не выражено визуально термическое действие пороховых газов и зерен пороха на ткани.

При дистанции 20 см:

Последовательность и механизм отображения: повреждение формируется пулей;

Параметры поврежденной ткани: неправильный четырехугольник;

Размеры тканевого дефекта: диаметр 4х5 мм;

Присутствует поясок обтирания диаметром 9 мм;

Характер механического воздействия пороховых газов и предпульного столба воздуха: отсутствует;

Характер наслоения копоти выстрела: наслоения менее выделенные, характеризуются наличием центральной и периферийной зон. Наслоение копоти в области центра интенсивное, имеет серый цвет, формат наслоения близок к круглой, радиусом от 15 до 25 мм. В периферийной зоне наслоение в виде серого цвета, по форме близкой к овальному диаметру 110 мм.

Отсутствует наслоение частиц зерен пороха.

Не выражено визуально механическое воздействие частиц пороховых зерен на ткани;

Не выражено визуально термическое действие пороховых газов и зерен пороха на ткани.

При дистанции 30 см:

Последовательность и механизм отображения: повреждение формируется пулей;

Параметры поврежденной ткани: круглая, диаметр отверстия 4мм;

Размеры тканевого дефекта: диаметр 4мм;

Присутствует поясок обтирания диаметром 8-9 мм;

Характер механического воздействия пороховых газов и предпульного столба воздуха: отсутствует;

Характер наслоения копоти выстрела: наслоения наименее выделенные, характеризуются наличием центральной и периферийной зон. Наслоение копоти в области центра интенсивное, имеет серой цвет, формат наслоения близок к круглой, радиусом от 15 до 30 мм. В периферийной зоне наслоение в виде серого цвета, по форме близкой к овальному диаметру 100 мм.

Отсутствует наслоение частиц зерен пороха.

Не выражено визуально механическое воздействие частиц пороховых зерен на ткани;

Не выражено визуально термическое действие пороховых газов и зерен пороха на ткани.

При дистанции 40 см:

Последовательность и механизм отображения: повреждение формируется пулей;

Параметры поврежденной ткани: форма близкая к овальной;

Размеры тканевого дефекта: диаметр 3 мм;

Присутствует поясок обтирания диаметром 8 мм;

Характер механического воздействия пороховых газов и предпульного столба воздуха: отсутствует;

Характер наслоения копоти выстрела: наслоения наименее выделенные, характеризуются слабо обозначенной периферийной зоной. Наслоение копоти в области центра мало интенсивное, имеет светло серый цвет, формат

наслоения мало интенсивен, близок к круглой, диаметром 80 мм.

Отсутствует наслоение частиц зерен пороха.

Не выражено визуально механическое воздействие частиц пороховых зерен на ткани;

Не выражено визуально термическое действие пороховых газов и зерен пороха на ткани.

При дистанции: 60—100 см:

Последовательность и механизм отображения: повреждение формируется пулей;

Форма повреждения: неправильный шестиугольник;

Размеры тканевого дефекта: диаметр 3мм;

Присутствует поясок обтирания диаметром 9 мм;

Характер механического воздействия пороховых газов и предпульного столба воздуха: отсутствует;

Характер наслоения копоти выстрела: на поверхности ткани следы копоти от выстрела отсутствуют;

Отсутствует наслоение частиц зерен пороха.

Не выражено визуально механическое воздействие частиц пороховых зерен на ткани;

Не выражено визуально термическое действие пороховых газов и зерен пороха на ткани.

Полагаем, что приведенные в статье характеристики и описание следов близкого выстрела, образованных на белой джинсовой ткани при стрельбе из указанного пистолета с применением патрона 9х19 мм, позволит экспертам-баллистам более точно устанавливать дистанцию выстрела на исследуемых объектах, изъятых с мест происшествий, связанных с криминальным использованием пистолета Ярыгина (Грач), в том числе в условиях проведения специальной военной операции.

Список источников

1. Дворянский И.А. Автоматические пистолеты и следы их на пулях и гильзах. Судебно-баллист. справочник, [В 2 т.] / МВД СССР. Всесоюз. науч.-исслед. ин-т. М-во юстиции Лит. ССР. Науч.-исслед. ин-т судебной экспертизы. Москва: Б. и., 1972. 27 с.

2. Жук А.Б. Револьверы и пистолеты. Москва: Мир и образование, 2022. 600 с.

3. Жук А.Б. Стрелковое оружие. Москва, 1993. 590 с.

4. Криминалистика : учебное пособие / А.Ф. Волынский, И.В. Тишутина И.В., Никонович С.Л.; под ред. проф. А.Ф. Волынского. Тамбов: изд-во Першина Р.В., 2016. 170 с.

5. Стрелковое и холодное оружие, боеприпасы, взрывные устройства и взрывчатые вещества : учеб. пособие / С.А. Едресов, В.М. Юрин, С.А. Балтабаев, А.А. Нурушев [и др.] ; Костанайская акад. МВД Респ. Казахстан. Алматы: Лантар Трейд, 2021. 197 с.

6. Никонович С.Л. Криминалистическое исследование отечественного стрелкового оружия и боеприпасов. Липецк: ЛГПУ, 2006. 11 с.

Features of the traces of a close shot formed when firing a Yarygin "Grach" pistol

© **Nikonovich S.L.**,
Doctor of Law, Associate Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Russian Ministry of Defense
© **Nurushev A.A.**,
PhD in Law, Associate Professor, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. In their practical work, forensic experts, namely ballistic experts, often come to examine objects with traces of a shot formed by a firearm. One of the main questions on these traces is establishing the distance of the shot. When solving forensically significant issues, experts may experience diffi-

culties, especially when the weapon used and its caliber are unknown. In this case, help is provided by reference literature, which today does not cover the entire spectrum of modern firearms and traces of their use at the scene of the crime. This article examines and illustrates the features of the manifestation of traces of a close shot on white denim fabric formed by bullets fired from a Yarygin "PYa" pistol of 9x19 mm caliber. In addition, the article contains general information and some tactical

Keywords: Yarygin's "Rook" 9 mm pistol, shot soot, powder gases, traces of a close shot, gunpowder grains.

For citation: Nikonovich S.L., Nurushev A.A. Features of the traces of a close shot formed when firing a Yarygin pistol "Grach" // Military Law. 2025. No. 2. pp. 167-172.

The article was received by the editorial office on February 19, 2025.

Амбулаторная карта как источник криминалистически значимой информации в расследовании ятрогенных преступлений

© **Шестак Виктор Анатольевич,**
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
© **Попель Мария Сергеевна,**
обучающаяся 3-го курса специалитета Московской академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты применения амбулаторной карты пациента в рамках расследования и раскрытия ятрогенных преступлений. Сформулированы отличительные характеристики амбулаторной карты от иной медицинской документации. Проанализированы примеры судебно-следственной практики использования амбулаторной карты больного и ее данных при расследовании преступлений, совершенных медицинскими работниками. Исследуется необходимость установления причинно-следственной связи между данными, полученными из амбулаторной карты, и наступившими общественно-опасными последствиями, вызванными действием (бездействием) медицинских работников. Определено значение амбулаторной карты пациента как доказательства на различных этапах расследования уголовного дела. Авторами исследуется роль медицинских данных, полученных из амбулаторной карты пациента, в процессе производства судебно-медицинской экспертизы и последующего сопоставления полученных результатов. Раскрывается важность проведения осмотра медицинской документации на наличие следов фальсификации. Предложен вывод о многофункциональности амбулаторной карты пациента как источнике криминалистически значимой информации, определена ее доказательственная ценность в процессе раскрытия и расследования ятрогенных преступлений.

***Ключевые слова*:** ятрогенные преступления, амбулаторная карта пациента, расследование преступлений.

Для цитирования: Шестак В.А., Попель М.С. Амбулаторная карта как источник криминалистически значимой информации в расследовании ятрогенных преступлений // Военное право. 2025. № 2. С. 173—177.

Статья поступила в редакцию 9 февраля 2025 г.

Повышение качества и доступности медицинской помощи, включая вакцинацию и лекарственное обеспечение, является одной из основных задач государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации. Вместе с тем в 2023 г. количество возбужденных по результатам проверок уголовных дел о ятрогенных преступлениях[1] составило 2332, что на 20 % больше, чем в 2022

[1] *Ятрогенные преступления* — это неосторожные или умышленные общественно опасные деяния медицинских работников, нарушающие законные принципы и условия оказания медицинской помощи, совершенные при исполнении своих профессиональных обязанностей и ставящие под угрозу причинение вреда или причиняющие вред жизни и здоровью, иным законным правам и интересам пациентов.

г.[1], что свидетельствует о повышении активности правоохранительных органов в данной сфере. При этом в рамках расследования уголовных дел о ятрогенных преступлениях возникает вопрос о перечне документов, необходимых для приобщения к материалам уголовного дела. Основным источником информации в данном случае является медицинская карта пациента (история его болезни).

Согласно приказу Минздрава России от 15 декабря 2014 г. № 834н «Об утверждении унифицированных форм медицинской документации, используемых в медицинских организациях, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях, и порядков по их заполнению» медицинская карта является основным учетным медицинским документом медицинской организации (иной организации), оказывающей медицинскую помощь в амбулаторных условиях взрослому населению. Важно отметить, что указанный документ изготавливается в единичном экземпляре на каждого пациента независимо от того, сколькими врачами проводится лечение. Как и любой другой документ, медицинская карта имеет обязательные реквизиты. Требования к минимальному составу реквизитов для любого документа определяются двумя государственными стандартами: ГОСТ 6.10.4-84 «Унифицированные системы документации. Придание юридической силы документам на машинном носителе и машинограмме, создаваемым средствами вычислительной техники. Основные положения»[2] и ГОСТ 6.10.5-87 «Унифицированные системы документации. Требования к построению формуляра-образца»[3]. Обязательными реквизитами для большинства медицинских документов являются: наименование организации (должностного лица); наименование вида документа (кроме письма); угловой штамп с датой, входящим или исходящим номером; регистрационный номер; текст; подпись; печать[4].

Вместе с тем амбулаторная карта пациента содержит в себе данные, отличающие ее от иной медицинской документации. Так, в ней содержится информация о динамике развития болезни, заключениях врачебной комиссии, проведенных медицинских исследованиях, результатах анализов больного, а также об иные действиях и назначения, проведенных лечащим врачом.

Что же касается значения амбулаторной карты на первоначальном этапе расследования, то, полагаем необходимым отметить, что ее изучение позволяет определить дополнительные обстоятельства совершенного преступления, выявить прямую или косвенную причинно-следственные связь между действием (бездействием) врача и наступлением общественно-опасных последствий, а именно: причинение вреда здоровью или смерти пациенту. Правильность такого тезиса, полагаем, наглядно может проиллюстрировать следующий пример из судебно-следственной практики. гражданин А., имеющий квалификацию по специальности «Лечебное дело», был признан виновным в причинении тяжкого вреда по неосторожности (ч. 2 ст. 118 УК РФ)). Из материалов уголовного дела следует, что 16 октября 2018 г. бригадой скорой медицинской помощи в приемное отделение доставлена гражданка Б. с жалобами на интенсивную боль в эпигастральной области в левом подреберье, околопупочной области с иррадиацией в поясничную область, тошноту, однократную рвоту с желчью, кашицеобразный стул с примесью крови до двух раз в сутки, головокружение, слабость, с диагнозом: «Подо-

[1] Хазизулин В.Б. Расследование преступлений, совершенных при оказании медицинской помощи : дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. С. 257.

[2] ГОСТ 6.10.4-84 «Унифицированные системы документации. Придание юридической силы документам на машинном носителе и машинограмме, создаваемым средствами вычислительной техники. Основные положения» // Доступ из системы ГАРАНТ.

[3] ГОСТ 6.10.5-87 «Унифицированные системы документации. Требования к построению формуляра-образца» // Доступ из системы ГАРАНТ.

[4] Карташова А.Л. История болезни как основной юридический документ // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 5-1. С. 108—113.

зрение на панкреатит. Болезнь Крона стадия обострения. Артериальная гипотензия». На основании данных, указанных в медицинской карте Б., установлено, что А. недостаточно подробно собрал анамнез заболевания, не выяснил возможные эпизоды кишечного кровотечения в анамнезе и проводившееся лечение; не провел лабораторные и инструментальные исследования; не выявил осложнения болезни Крона, присутствующие на момент обращения и осмотра[1].

Кроме того, полагаем, что при проведении осмотра медицинской карты пациента следователю необходимо проверить и подлинность указанного документа, отсутствие на нем следов подделки документации, таких как, дописка, замена частей документа, вклейка отдельных страниц или подделка оттисков печатей и штампов. В случае их обнаружения деяние дополнительно должно быть квалифицировано по ст. 327 УК РФ (подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков). То есть, медицинская карта, сама по себе, может выступать в роли самостоятельного предмета преступления и указывать на наличие признаков иного состава преступления.

Такой подход подтверждается и складывающейся правоприменительной практикой. Так, приговором Промышленного районного суда г. Смоленска врач-нейрохирург Г. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст.124 УК РФ (неоказание помощи больному, повлекшее по неосторожности смерть больного). В материалах уголовного дела указано, что Г. надлежащим образом поступившего Д. не осмотрел: частоту дыхательных движений и пульс в течение 1 минуты не подсчитал; артериальное давление не измерил; фонендоскопом грудную клетку и живот не прослушал; поколачивание по поясничной области пациента не произвел; реакцию зрачков на свет не определил; не произвел смывание крови с лица пациента и не обработал ссадины раствором антисептика, а также не выполнил иные диагностические процедуры, указанные в листе осмотра, внеся в медицинскую карту больного Д. заведомо ложные сведения о выполнении указанных процедур. При этом Г. дал указание другому медицинскому работнику оформить фиктивный акт о самовольном уходе пациента из больницы, подписал указанный документ и оформил в медкарте фиктивную выписку из больницы. Врачом был поставлен фиктивный штамп «отказ от экстренной госпитализации» и выполнена ложная запись «ушел без осмотра». Врачом также был поставлен неверный диагноз «ушибы и ссадины мягких тканей головы и лица, алкогольное опьянение», который не соответствовал его тяжелому состоянию[2]. В последующем в связи с неоказанием соответствующей медицинской помощи от полученных травм Д. скончался.

Своевременный и тщательный осмотр медицинской карты позволит следователю принять правильное решение при квалификации преступного деяния, отграничить один состав преступления от другого. К примеру, при разграничении причинения тяжкого вреда по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 118 УК РФ) и неоказания помощи больному, повлекшее по неосторожности смерть больного (ч. 2 ст. 124 УК РФ). Такая необходимость переквалификации уголовно наказуемого деяния потребовалась в следующей ситуации, когда врач-хирург Р. не оказал медицинскую помощь пациенту без уважительных причин. Р. не собрал анамнез заболевания, не взял анализ кро-

[1] Приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 28.07.2023 № 1-137/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/hjSfq7XbraUr/?page=3&regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (дата обращения 17.11.2024).

[2] Приговор Промышленного районного суда г. Смоленска от 16.09.2020 № 1-30/2020 1-429/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. https://sudact.ru/regular/doc/KkpFKUeebamR/?page=8&regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo (дата обращения 17.11.2024).

ви, не провел ультразвуковое исследование брюшной полости, не установил причины боли в животе, не назначил лечение, не рекомендовал повторный осмотр при сохраняющихся болях. В результате неоказания врачом медицинской помощи у больного развилось заболевание, причинившее тяжкий вред здоровью последнего (Определение судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 2 июля 2021 г. по делу № 7У-7509/2021[77-3126/2021] .

Таким образом, значение амбулаторной карты пациента как источника криминалистически значимой информации заключается в ее многоаспектном применении в ходе уголовного преследования лиц, виновных в совершении ятрогенных преступлений. Ее рациональное использование на различных этапах расследования уголовного дела с учетом объема и использования специализированной терминологии позволяет точно определить предмет доказывания, а также собрать достаточную доказательную базу. Содержание указанной медицинской документации может являться основой для принятия процессуальных решений, проведения следственных и иных процессуальных действий, что позволит установить истину по расследуемому уголовному делу и обеспечить права всех участников судопроизводства.

Список источников

1. Карташова А.Л. История болезни как основной юридический документ // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 5-1. С. 108—113.

2. Хазизулин В.Б. Расследование преступлений, совершенных при оказании медицинской помощи: дис. … канд. юрид. наук. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, 2023. 264 с.

Outpatient card as a source of criminalistically significant information in the investigation of iatrogenic crimes

© **Shestak V.A.,**
Doctor of Juridical Science, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
© **Popel M.S.,**
3rd year student, A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Abstract. The article discusses the theoretical and practical aspects of using the patient's outpatient card in the investigation and disclosure of iatrogenic crimes. The distinctive characteristics of the outpatient card from other medical documentation are formulated. The examples of the forensic investigative practice of using the patient's outpatient card and its data in the investigation of crimes committed by medical professionals are analyzed. The necessity of establishing a causal relationship between the data obtained from the outpatient card and the socially dangerous consequences caused by the action (inaction) of medical workers is being investigated. The significance of the patient's outpatient card as evidence at various stages of the criminal investigation is determined. The authors investigate the role of medical data obtained from the patient's outpatient record in the process of conducting a forensic medical examination and subsequent comparison of the results obtained. The importance of examining medical records for signs of falsification is revealed. The conclusion on the versatility of the patient's outpatient card as a source of criminalistically significant information is proposed, and its evidentiary value in the process of disclosure and investigation of iatrogenic crimes is determined.

***Keywords**:* iatrogenic crimes, patient outpatient card, source of forensically significant information, forensic investigative practice.

For citation: Shestak V.A., Popel M.S. Outpatient card as a source of criminalistically significant information in the investigation of iatrogenic crimes // Military law. 2025. No. 2. pp. 173-177.

The article was received by the editorial office on February 9, 2025.

Зарубежное военное законодательство. Военные проблемы международного права

О проблемных вопросах имплементации международно-правовой ответственности военно-политических союзов

© **Баймышев Владимир Геннадьевич**,
магистрант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. Имплементация международно-правовой ответственности военно-политических союзов как международных организаций рассматривается в качестве юридического механизма, обеспечивающего фактическое осуществление норм об ответственности, то есть неукоснительное соблюдение субъектами системы международных отношений прав и реализацию обязанностей, закрепленных в этих нормах. В статье имплементация ответственности военно-политических союзов рассматривается через использование согласительных мер, выступающих в качестве способа обеспечения международно-правовой имплементации норм об ответственности военно-политических союзов. Проводится анализ таких мер, как призвание к ответственности и мирное урегулирование споров и ситуаций. Делается вывод о необходимости совершенствования международно-правовой системы рассмотрения споров и ситуаций с участием военно-политических союзов путем формирования универсального международного судебного органа или арбитража.

Ключевые слова: международное право, имплементация международно-правовой ответственности, международные организации, военно-политические союзы.

Для цитирования: Баймышев В.Г. О проблемных вопросах имплементации международно-правовой ответственности военно-политических союзов // Военное право. 2025. № 2. С. 178—187.

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2025 г.

Деятельность военно-политических союзов в современных условиях нередко сводится не к обеспечению безопасности международного сообщества, а к созданию новых угроз и эскалации военных конфликтов[1]. Военно-политические союзы могут осуществлять деструктивную деятельность через собственные силы и средства, частные военные и частные военные охранные компании, привлекая иные организации и структуры[2]. Вопросы наступления ответственности за это — актуальные вопросы для современной доктрины международного права[3]. Международно-правовая ответственность военно-политических союзов наступает в результате совершения международно-противоправного деяния, которое представляет собой нарушение международно-правовых обязательств международной организацией[4]. При этом не имеет значе-

[1] Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 30—38.

[2] Наумов П. Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2(65). С. 207—218.

[3] Холиков И.В., Сайфуллин Э.К., Окоча В.А. Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 12(269). С. 65—71.

[4] Холиков И.В., Сазонова К.Л. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // Право в

ния, предпринимают ли потерпевшие субъекты какие-либо действия для призвания организации к международной ответственности. Важно определить, какие действия могут быть правомерными для потерпевших субъектов международного права в случае нарушения международно-правовых принципов и норм. Это необходимо для обеспечения выполнения ответственной стороной международного права обязательств по прекращению нарушения и возмещению причиненного вреда, приобретая особое значение для современной доктрины международного права в текущих геополитических реалиях[1].

Характерно, что актуальность проблемы имплементации ответственности в международной практике не теряется со времен становления древнеримского права, получив отражение в широко известных максимах того периода: *applicatio est vita regulae* («применение — жизнь нормы»), *execution est finis et fructus legis* («исполнение есть завершение и плод закона»)[2].

Введение в действие обязательств по прекращению нарушений и возмещению ущерба, которые возлагаются на ответственный военный альянс в результате совершения им международно-противоправного деяния, и составляет содержание процесса имплементации ответственности военно-политических союзов[3].

Имплементация международно-правовой ответственности международных организаций рассматривается в качестве юридического механизма, призванного обеспечить фактическое осуществление норм об ответственности, то есть неукоснительное соблюдение субъектами международных отношений их прав и реализацию обязанностей, закрепленных в этих нормах[4]. В авторских исследованиях идет опора на подобное, международное понимание имплементации[5].

Сущность реализации ответственности военно-политических союзов как процесса заложена в проекте статей об ответственности международных организаций, разработанном Комиссией международного права ООН. Этот процесс предполагает определенную последовательность ее элементов: призвание к международной ответственности и принятие мер в отношении ответственной за международно-противоправное деяние международной организации с целью побудить ее выполнить обязательства, вытекающие из содержания ответственности. С учетом этого полагается одним из основных способов обеспечения международно-правовой имплементации норм об ответственности военно-политических союзов является использование согласительных мер, к которым можно отнести призвание к ответственности и мирное урегулирование споров и ситуаций.

Реализация прав и обязанностей субъектов международных отношений, возникающих ввиду имплементации ответственности военно-политических союзов, осуществляется посредством предъявления конкретных требований к несущей ответственность международной организации. Потерпевшая сторона вправе требовать всестороннего, своевременного и полного выполнения обязательств, основанных на правоотношениях их ответственности, в том числе предоставление возмещения за затронувшее ее нарушение.

Следует подчеркнуть, что выражение потерпевшей стороной протеста другому

Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 102—111.

[1] Холиков И.В. Некоторые проблемные вопросы международно-правовой регламентации использования беспилотных морских систем в военных целях // Военное право. 2019. № 6(58). С. 276—282.

[2] Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. М.: ИГПАН, 2021.

[3] Кешнер М.В. Право международной ответственности. М., 2017. С. 21.

[4] Холиков И.В., Баймышев В.Г. Проблемные вопросы регламентации международно-правовой ответственности военно-политических союзов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2025. № 1(330). С. 102—110.

[5] В рамках данной публикации рассматривается, прежде всего, обеспечение имплементации норм права международной ответственности на международном уровне (прим. Автора).

субъекту международного права, в том числе по дипломатическим каналам, напоминание о международных обязательствах по договорам, в которых стороны являются участниками, указание на нарушения норм международного права не является формой призвания к ответственности. Различие между предъявлением международного требования, связанного с международной защитой, и «неофициальными дипломатическими обменами, осуществляемыми с единственной целью содействия урегулированию спора», проводится, в частности, в Конвенции об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими и юридическими лицами других государств 1965 г.[1]

В ответ на призвание к ответственности добровольное выполнение ответственной стороной конкретных требований потерпевшего субъекта международного права о прекращении международно-противоправного деяния, предоставлении заверений и гарантий его неповторения, а также исполнение обязательства по возмещению ущерба за совершенное правонарушение снимает правовые последствия международного деяния.

Во время операции НАТО «Союзническая сила» в Югославии в мае 1999 г. по китайской дипломатической миссии в г. Белград была выпущена управляемая ракета и несколько корректируемых авиабомб, что привело к гибели трех граждан КНР. В ходе созванного по инициативе Китая совещания Совета Безопасности Постоянный представитель КНР при ООН выразил НАТО во главе с США протест и призвал к ответственности за данный авиаудар, потребовав наказать виновных и принести извинения китайскому народу[2]. Первоначально представители Североатлантического альянса выступили с заявлением, что данный инцидент произошел в результате ошибки в целеуказании, а действительной целью бомбардировки было расположенное в непосредственной близости к этому месту здание Федерального управления по снабжению. Соединенные Штаты, выводя военный альянс из-под претензий, добровольно взяли на себя ответственность за ошибку в выборе цели, приведшей к нанесению авиаудара по китайской дипмиссии в Югославии, и компенсировали Китаю причиненный ущерб, урегулировав тем самым ситуацию мирным путем[3]. Выполнение обязательства Соединенными Штатами (как члена военного альянса) по компенсации ущерба Китаю не означает, что сама организация Североатлантического договора была привлечена к ответственности. Этот важный момент подчеркивает слабость механизмов привлечения к ответственности военно-политических союзов как единого субъекта международного права.

В случае отказа от добровольного выполнения своих обязательств возникающие международные споры и ситуации, в соответствии с п. 3 ст. 2 Устава ООН, должны разрешаться мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость. При этом в ст. 33 данного универсального документа установлено, что стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору.

В развитие данных положений Генеральная Ассамблея ООН приняла целый

[1] Вашингтонская конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими и юридическими лицами других государств 1965 г. Пункт 2 ст. 27. United Nations, Treaty Series, U.N.T.S. Vol. 575. P. 159.

[2] Письмо Постоянного представителя Китая при ООН от 7 мая 1999 г. на имя Председателя Совета Безопасности. S/1999/523; Отчет 4000-го заседания СБ ООН. май, 1999. S/PV.4000 // Официальный сайт ООН. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/pro/n99/ 853/56/pdf/n9985356.pdf;

[3] Gazzini, T. NATO coercive military activities in the Yugoslav crisis (1992—1999), European Journal of International Law, 2001. 12(3), pp. 391—436. doi: 10.1093/ejil/12.3.391, p. 425.

перечень международных нормативно-правовых актов, среди которых — Манильская декларация о мирном разрешении споров 1982 г. На региональном уровне регуляторами отношений выступают Межамериканский договор о мирном разрешении споров 1948 г. (Боготинский пакт), Европейская конвенция о мирном решении споров 1957 года, Конвенция по примирению и арбитражу в рамках ОБСЕ 1992 г. и др. К ним также относятся уставы региональных организаций и военно-политических союзов (АС, ЕС, ЛАГ, НАТО, ОАГ, ОДКБ, СНГ и пр.), содержащие положения о мирном улаживании споров.

В этой связи представляется возможным в качестве наиболее распространенных международно-правовых средств урегулирования споров и ситуаций, затрагивающих сферу деятельности международных организаций, выделить договорные механизмы, судебные и арбитражные разбирательства.

Механизмы мирного разрешения международных споров и ситуаций предусмотрены в различных многосторонних конвенциях. В них определяются форматы взаимодействия субъектов международного права в специальных сферах, в том числе таких как, например, в Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г., в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а также в двусторонних договорах и соглашениях. В то же время к основным договорным механизмам в вопросах регулирования ответственности военно-политических союзов и правоотношений между субъектами международного права, наряду с универсальными принципами международного права, в том числе принципа о необходимости соблюдения договоров и мирном разрешении споров, возможно отнести статьи об ответственности международных организаций, проект которых был принят к сведению Генеральной Ассамблеей ООН в 2011 г. Несмотря на то, что в нем отсутствует упоминание об урегулировании споров, полагается, что неизбежно будут возникать вопросы по поводу толкования и применения положений данного проекта по мере расширения практики взаимодействия международных организаций с другими субъектами международного права. Полагается, что логическим продолжением работы Комиссии по международному праву ООН над проектом статей должна стать разработка на его основе Конвенции об ответственности международных организаций с включением в текст документа раздела о международно-правовых средствах рассмотрения споров, когда субъектом этой ответственности является международная организация. Данное положение является необходимым и обоснованным, учитывая возрастающую роль в системе международных отношений международных организаций и, в первую очередь, военно-политических союзов, деятельность которых необходимо регулировать посредством создания соответствующих международных норм.

В условиях текущей геополитической нестабильности, характеризующейся в том числе низкой договороспособностью ведущих мировых держав даже в важнейших вопросах относительно поддержания международной безопасности, трудно спрогнозировать результаты переговорного процесса. Вполне вероятны затруднения в формулировании положений и принятии в краткосрочной перспективе в рамках Генассамблеи ООН новой Конвенции. Вместе с тем необходимость дальнейшей совместной работы всего международного сообщества на данном направлении нашла широкое понимание в юридическом сообществе, в том числе в докладе Всемирной Ассоциации международного права, в котором подчеркивается, что данный проект Комиссии международного права ООН является лишь основой, а не набором уже установленных и неизменных принципов и правил для дальнейшего прогрессивного развития института ответственности международных организаций[1].

[1] Report of International Law Association. Study Group on the Responsibility of International Organiza-

Помимо этого, существующие пробелы в современной международно-правовой системе привели к тому, что, в настоящее время отсутствует какая-либо судебная или арбитражная практика призвания к ответственности военно-политических союзов. Уникальность ситуации состоит в том, что ни один из действующих органов международного правосудия не наделен компетенцией принимать иски против военных альянсов. Именно поэтому призвание к ответственности НАТО после проведения альянсом операции в Югославии осуществлялось не в отношении самой организации как единой организационной структуры, обладающей международной правосубъективностью, иски подавались исключительно против отдельных государств-членов данного военно-политического союза. Теоретические исследования и наработки в данной области, как, например, мнение экспертов-международников о том, что «обеспечить ответственность НАТО за нарушения норм международного гуманитарного прав будет проще, если говорить об ответственности организации в целом, а не отдельных ее членов. Будет проще собирать доказательства, выплачивать компенсации пострадавшим, которые будут иметь дело с одной структурой»[1], так и остались теорией, не найдя практического приложения. Организация Североатлантического договора за всю историю своего существования фактически не понесла никакой международной ответственности, за исключением принесения отдельных извинений военно-политическим руководством некоторых стран-участниц данного союза. НАТО не получала исков от государств или других международных образований и не предъявляла международных претензий ни одному государству, включая государства-члены НАТО[2].

Все имевшиеся правонарушения, в том числе те, которые можно квалифицировать как серьезные (например, массовые жертвы среди гражданского населения и целенаправленное разрушение объектов гражданской инфраструктуры и др.) и которые могли бы служить основаниями для призвания военного блока к ответственности, интерпретировались руководством альянсом либо как неизбежные издержки, либо сам факт данного деяния отрицался в принципе[3].

В отличие от НАТО, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) не участвовала в крупномасштабных военных операциях за пределами территории своих членов. Однако это не исключает полностью возможность призвания к ответственности. Например, в 2010 г. ОДКБ направила миротворческие силы в Кыргызстан для стабилизации обстановки после межэтнических столкновений, а в 2022 г. — в Казахстан для урегулирования ситуации после массовых беспорядков. Если бы в ходе этих операций были допущены нарушения прав человека или международного гуманитарного права, это могло бы стать основанием для призвания ОДКБ к ответственности. Однако такие инциденты не были зафиксированы, что может свидетельствовать о более сдержанном подходе ОДКБ к применению силы по сравнению с другими военно-политическими союзами.

С учетом этого в интересах дальнейшего прогрессивного развития международного права на данном направлении необходима активизация работы всех участников международного сообщества, в том числе Российской Федерации, в

tions. Sofia Conference. 2012. URL: http://www.ila-hq.org/en/committees /study_groups.cfm/cid/1019.

[1] Rosen N. How are Multinational NATO Operations Responsible for International Humanitarian Law Violations? // The Fletcher Forum of World Affairs. 2013. Vol. 37. No.3. P.168.

[2] Nauta, D., International responsibility of NATO and its personnel during military operations / Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2018.

[3] Сазонова К.Л. Вопросы международно-правовой ответственности Организации Североатлантического договора (НАТО): теоретико-концептуальные аспекты и ключевые юридические коллизии по итогам осуществленных операций // Национальная безопасность / nota bene. 2016. № 2. С. 183—190.

рамках других дву- и многосторонних форматов международного взаимодействия, таких как, например, ОДКБ, ШОС, БРИКС и др.

В то же время следует принимать во внимание имеющиеся в международном праве особенности его имплементации. Так, например, в конвенциях международного гуманитарного права о защите жертв войны обязательства, принимаемые государствами, носят односторонний, гуманистический, ценностный, но при этом не взаимный характер[1]. Данный принцип зафиксирован в ст. 1, общей для всех Женевских конвенций, и п. 1 ст. 1 Дополнительного протокола I, в соответствии с положениями которых «Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются соблюдать или заставлять соблюдать» вышеуказанные международно-правовые акты.

В Комментариях к Женевским конвенциям и Дополнительным протоколам также особо выделяется односторонний аспект обязательства государств: «Сразу беря на себя это обязательство, договаривающиеся стороны подчеркивают, что Конвенция — это не контракт, основанный на взаимности, который связывает одно государство с другой или другими договаривающимися сторонами только в той мере, в какой они сами соблюдают свои обязательства, а скорее ряд односторонних обязанностей, торжественно принимаемых перед лицом мирового сообщества, представляемого другими договаривающимися сторонами. Каждое государство берет обязательства как в отношении самого себя, так и других государств».

Тем самым можно констатировать, что обязанность того или иного государства соблюдать Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительный протокол I не зависит от их соблюдения другим участником договора, каждое государство — участник Женевских конвенций и Дополнительного протокола I 1977 г. в праве индивидуально потребовать объяснений по поводу нарушений положений этих договоров и призвать нарушителя к ответственности.

Данное утверждение абсолютно в той же степени применимо и к вопросам ответственности военно-политических союзов. В соответствии с этим основное внимание полагается целесообразным уделить наработке на национальном и региональном уровнях нормотворческой и правоприменительной практики реализации ответственности международных организаций, которая в последующем должна стать практической и концептуальной основой для формирования норм обычного права и дальнейшего прогрессивного развития международного права в целом.

Судебная и арбитражная практика с участием военно-политических союзов, прежде всего НАТО, не так широко известна и обширна, как у отдельных государств. Данный факт обусловлен, в первую очередь, тем, что большинство споров, связанных с деятельностью международных организаций, решается в рамках внутренней структуры организации или через дипломатические каналы, а сама процедура разбирательства, в первую очередь арбитражного, имеет конфиденциальный характер[2]. В то же время применительно к этому тезису имеется несколько заслуживающих внимание ремарок.

Споры между государствами-участниками военно-политических союзов, касающиеся интерпретации соглашений или обязательств в рамках военных союзов, могут быть разрешены через судебные и арбитражные механизмы, предусмотренные в двусторонних или многосторонних соглашениях.

Так, например, правовую основу системы разрешения споров НАТО составляют Соглашение между странами-участницами Североатлантического договора о статусе их вооруженных сил, под-

[1] Наумов П.Ю., Новиков Н.С. Жизнь или смерть: ценностные константы и экзистенциальная миссия «Человека войны» // В мире научных открытий. 2015. № 9-4(69). С. 1361—1375.

[2] Permanent Court of Arbitration Optional Rules for Arbitration involving International Organisationsand States, 1996. Article 25(4); Permanent Court of Arbitration Optional Rules for Arbitrationbetween International Organisations and Private Parties, 1996. Article 25(4).

готовленное в Лондоне 19 июня 1951 г., и Конвенция о статусе Организации Североатлантического договора, национальных представителей и международного персонала, подписанная в Оттаве 20 сентября 1951 г. В данных правовых актах определяется правовой статус военнослужащих НАТО на территории принимающих государств — «договаривающейся стороны, на территории которой размещены силы или гражданский персонал НАТО, независимо от того, базируются они на этой территории или осуществляют через нее транзит», содержатся положения о порядке разрешения споров и привлечения к ответственности, регулируются вопросы о правах и привилегиях иностранных военнослужащих, юрисдикции военнослужащих и грузов [1].

В 2013 г. Совет НАТО (North Atlantic Council) утвердил поправки к своим положениям о гражданском персонале и учредил на основе апелляционного совета административный трибунал НАТО (NATO Administrative Tribunal). В состав судебного органа входят пять членов из разных стран НАТО, которые назначаются советом. Трибунал, как правило, проводит устные слушания и выносит решения, имеющие обязательную силу. Он компетентен «выносить решения по индивидуальным спорам, инициированных действующим или отставным членом международного персонала НАТО или его законным преемником, который затронут решением, предположительно не соответствующим положениям о гражданском персонале или условиям его назначения в организацию» [2]. Отдельные примеры арбитражной практики трибунала (преимущественно по трудовым спорам) имеются[3].

Иски против государств-участников военно-политических союзов в некоторых случаях могут рассматривать национальные суды или Международный суд ООН, например, заявления, связанные с последствиями военных операций, проводимыми военно-политическими союзами. Однако подобные иски, как правило, касаются конкретных действий государств, а не военно-политических союзов как международных организаций – субъектов международного права.

К одному из наиболее известных дел, касающихся деятельности Североатлантического союза можно отнести исковые заявления, поданные 29 апреля 1999 г. в Международный суд ООН Сербией и Черногорией к десяти странам НАТО о признании воздушных ударов по Югославии в ходе операции НАТО «Союзническая сила» неправомерными. Международный суд принял постановление, в котором подчеркнул, что не обладает юрисдикцией для рассмотрения требований по настоящему делу, поскольку Сербия и Черногория не являлась участником Статута Суда во время представления заявлений[4].

Первый иск к НАТО от физических лиц был подан 20 января 2021 г. в Высший суд г. Белград. Исковое заявление к Организации Североатлантического договора бывшего военнослужащего вооруженных сил Союзной Республики Югославия Д.С. о компенсации ущерба здоровью, причиненного в 2000—2001 годах путем применения радиоактивных боеприпасов, было подано через адвоката

[1] Status of forces agreement URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_ texts_17265.htm; Agreement on the status of the North Atlantic Treaty Organization, National Representatives and International Staff signed in Ottawa URL: https://www.nato.int /cps/en/natohq/official_texts_17248.htm

[2] NATO Administrative Tribunal / URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/ topics_114072.htm.

[3] EM v Headquarters Allied Joint Force Command Brunssum: повторное прохождение процедуры отбора на вакантную должность. Case No. 2019/1282 (29/11/2019); Gasparini v. Italy and Belgium. Application no.10750/ 03. Judgment of 12 May 2009. P.10.

[4] Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 2003—2007 годы. ST/LEG/SER.F/l/Add.3 / Официальный сайт МС ООН. URL: https://legal.un.org/ icjsummaries/documents/russian/ st_leg_serf1_add3.pdf

истца Срджана Алексича, который подчеркнул, что данное заявление полностью идентично искам 500 итальянских военнослужащих, находившихся в 1999 г. в Косове и Метохии. Из них, по его данным, почти 260 заявлений были удовлетворены. Пострадавшим впоследствии итальянское военное ведомство выплатило соответствующую компенсацию. Помимо этого, победой заявителя завершилось аналогичное дело во Франции, в Великобритании, Нидерландах, Турции и ФРГ судебные процессы находятся на стадии рассмотрения дела по существу. Примечательно, что данные иски затрагивают вопросы призвания НАТО к ответственности лишь косвенно, исключительно с позиции того факта, что государство-делинквент при совершении правонарушения выступало как член военного альянса.

Официальное представительство Североатлантического союза в Сербии, не признавая ответственность, в своем обращении к суду указала на факт обладания полного иммунитета под юрисдикцией Сербии, сославшись на соглашение с Союзным государством Сербии и Черногории «О транзитном участии и поддержке миротворческих операций» от 2005 г. и соглашение от 2006 г., в соответствии с которым основана канцелярия по связи в г. Белград. Вместе с тем, по мнению сербского адвоката, ни одно из этих соглашений не дает иммунитета НАТО как организации, а применение иммунитета не может быть ретроактивно. «Поэтому НАТО не может за военные преступления над гражданским населением и за незаконную агрессию получить иммунитет по соглашению 2005 года»[1].

В свою очередь Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ, полное название — Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г.) отказался осудить НАТО за нападение на Югославию и признать факты совершения целенаправленных бомбардировок гражданских объектов с нарушением международного гуманитарного права и прочее. В заключении МТБЮ постановил, что операция «Союзническая сила» является правомерной, однако признал, что отдельные цели НАТО имели «спорный или неясный в международном праве характер» ввиду их двойного (как военного, так и гражданского) назначения. Трибунал постановил признать обвинения Югославии несостоятельными и не проводить каких-либо мер, в том числе расследований событий против НАТО[2].

Главный обвинитель, прокурор Гаагского Международного трибунала ООН по бывшей Югославии Карла дель Понте[3] впоследствии признала, что: «Мои сотрудники открыто обсуждали вопрос натовских бомбардировок. … Если бы я пошла дальше в расследовании действий НАТО, то не только потерпела бы неудачу, но еще и лишила бы свою службу возможности продолжать расследование преступлений, совершенных во время войн 90-х годов. Безопасность работы трибунала в Боснии и Герцеговине, а также в Косово, зависела от НАТО…»[4].

В некоторых случаях независимые комиссии или организации проводят собственные расследования и публикуют отчеты о действиях субъектов международного права, особенно в контексте соблюдения прав человека и международного гуманитарного права. Эти документы зачастую содержат рекомендации и выводы, которые используются в судебных разбирательствах. Помимо этого, данные отчеты, разрабатываемые в определенной направленности и с конкретными полити-

[1] Интервью Срджана Алексича «Российской газете» / URL: https://rg.ru/2023/11/10/advokat-srdzhan-aleksich-u-processa-protiv-nato-est-perspektivy.html

[2] Final Report to the Prosecutor by the Committee Established to Review the NATO Bombing Campaign Against the Federal Republic of Yugoslavia / URL: https://www.icty.org/en/press/ final-report-prosecutor-committee-established-review-nato-bombing-campaign-against-federal.

[3] Занимала должность с 1999 по 2008 гг. – *прим. автора.*

[4] Дель Понте К. Охота: я и военные преступники. М.: Эксмо, 2008. С. 106.

ческими целями, способны вызывать широкий общественный резонанс, что также может привести к возбуждению судебного процесса.

Например, в середине 1990-х годов международная неправительственная организация (МНПО) «Хьюман Райтс Вотч» (созданная при непосредственном участии влиятельных политических деятелей американского либерального истеблишмента и крупнейших производственных и финансовых корпораций США) начала открыто критиковать национальные правительства и рекомендовать международным организациям (включая ООН и НАТО), а также ведущим мировым державам, какие меры следует применять к странам-делинквентам за нарушения в области прав человека. Декларируя в качестве цели мониторинг, расследование и документирование нарушений прав человека глобальная правозащитная организация принимает активное участие в деятельности Международного уголовного суда, международных трибуналов, в работе национальных судов, в том числе на территории бывшей Югославии (Боснии и Герцеговине), в судебных органах Африканских стран, таких, как, например, Гвинея, Кот-д'Ивуар, Демократическая Республика Конго[1]. «Хьюман Райтс Вотч» тесно сотрудничает с Организацией Объединенных Наций, привлекает членов Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи, Совета по правам человека, Управления Верховного комиссара по правам человека и других органов ООН к решению вопросов в области нарушения прав человека. При этом она предоставляет им собственную информацию, полученную в результате собственных якобы независимых расследований. Одним из таких является оценка ситуации в Югославии, сыгравшая весомую роль в формировании общественного мнения в отношении режима С. Милошевича в период подготовки к проведению операции НАТО «Союзническая сила», став «классическим» примером политизации правозащитной деятельности и приверженности «двойным стандартам»[2].

Таким образом, очевидна необходимость совершенствования международных систем рассмотрения споров и ситуаций с участием военно-политических союзов путем разработки универсального международного договора о судебном органе или арбитраже с последующим формированием такой международной структуры. Реализация данной инициативы позволит обеспечить эффективное и в короткие сроки разрешение возникающих разногласий, и привлекать к ответственности не только отдельные государства-члены, но и сами союзы как самостоятельные субъекты международного права, исключив при этом необходимость в каждом конкретном случае договариваться о порядке формирования состава специального судебного или арбитражного органа *ad hoc*, правилах процедуры и т.д.

Список источников

1. Военное право : учебник / А. В. Кудашкин, В. М. Корякин, В. В. Кудашкин [и др.]. Москва: Институт государства и права РАН, 2021. 968 с. EDN IZIVOG.

2. Дель Понте К. Охота: я и военные преступники. Москва: Эксмо, 2008. 638 с.

3. Кешнер М.В. Право международной ответственности : учебник. Москва: Проспект, 2017. 239 с.

4. Наумов П.Ю., Новиков Н.С. Жизнь или смерть: ценностные константы и экзистенциальная миссия «Человека войны» // В мире научных открытий. 2015. № 9-4(69). С. 1361—1375.

5. Наумов П. Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2(65). С. 207—218. DOI 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218.

6. Сазонова К.Л. Вопросы международно-правовой ответственности Организации Североатлантического договора (НАТО): теоретико-концептуальные аспекты и ключевые юридические коллизии по итогам осуществленных операций // Национальная безопасность / nota bene. 2016. № 2. С. 183—190. DOI: 10.7256/2454-0668.2016.2.15527.

7. Холиков И.В., Баймышев В.Г. Проблемные вопросы регламентации международно-правовой

[1] Human Rights Watch. Topics. International Justice. URL: https://www.hrw.org/topic /international-justice.

[2] Civilian Deaths in the NATO Air Campaign — The Crisis in Kosovo URL: https://www.hrw.org/legacy/reports/2000/nato/Natbm200-01.htm

ответственности военно-политических союзов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2025. № 1(330). С. 102—110.

8. Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 30—38.

9. Холиков И.В. Некоторые проблемные вопросы международно-правовой регламентации использования беспилотных морских систем в военных целях // Военное право. 2019. № 6(58). С. 276—282.

10. Холиков И.В., Сазонова К.Л. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 102—111.

11. Холиков И.В., Сайфуллин Э.К., Окоча В.А. Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 12(269). С. 65—71.

12. Gazzini T. NATO coercive military activities in the Yugoslav crisis (1992– 1999), European Journal of International Law, 2001. 12(3), pp. 391–436. doi: 10.1093/ejil/12.3.391, p. 425.

13. Nauta D., International responsibility of NATO and its personnel during military operations / Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2018.

14. Rosen N. How are Multinational NATO Operations Responsible for International Humanitarian Law Violations? // The Fletcher Forum of World Affairs. 2013. Vol. 37. No.3. P.168.

On the problematic issues of the implementation of international legal responsibility of military-political alliances

© **Baymyshev V.G.,**
master's degree student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Abstract. The implementation of international legal responsibility of military-political alliances as international organizations is considered as a legal mechanism that ensures the actual implementation of the rules on responsibility, that is, strict observance by subjects of the system of international relations of the rights and the implementation of the duties enshrined in these rules. In the article, the implementation of the responsibility of military-political alliances is considered through the use of conciliatory measures, which act as a way to ensure the international legal implementation of the rules on the responsibility of military-political alliances. An analysis of such measures as calling for responsibility and peaceful settlement of disputes and situations is carried out. A conclusion is made on the need to improve the international legal system for considering disputes and situations involving military-political alliances by forming a universal international judicial body or arbitration.

Keywords: international law, implementation of the international responsibility, international organizations, military alliances.

For citation: Baymyshev V.G. On Problematic issues of the Implementation of International Legal Responsibility of Military-Political Unions // Military Law. 2025. No. 2. pp. 178-187.

The article was received by the editorial office on February 20, 2025.

Понятие и общая характеристика финансирования международного терроризма

© **Мельничук Виктор Алексеевич,**
кандидат военных наук, доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях университета МВД России

Аннотация. Статья посвящена изучению понятия и общей характеристики финансирования международного терроризма. В работе проводится анализ механизмов и инструментов, используемых террористическими организациями для привлечения средств. Кроме того, в статье рассматриваются меры, предпринимаемые международным сообществом для борьбы с финансовой поддержкой терроризма. В статье выделены ключевые финансовые потоки, которые поддерживают деятельность террористов, а также обращается внимание на эволюцию этих методов в условиях современных технологий. В заключении статьи делается акцент на необходимости постоянного обновления методов борьбы с финансированием международного терроризма, с учетом постоянно меняющейся природы угрозы. Работа представляет собой важный вклад в понимание и эффективное противостояние этому глобальному вызову.

Ключевые слова: международный терроризм, финансирование терроризма, подпольный банкинг, хавала, отмывание денег, террористическая организация, банковский контроль.

***Для цитирования*:** Мельничук В.А. Понятие и общая характеристика финансирования международного терроризма // Военное право. 2025. № 2. С. 188—194.

Статья поступила в редакцию 19 января 2025 г.

Международный терроризм на сегодняшний день является одной из главных угроз всему миропорядку, поскольку терроризм подобно вирусу распространился по всему миру и в связи с этим его локализация и единовременное уничтожение просто не представляется возможным. У терроризма нет религии, национальности и территориальной принадлежности и в любой момент, в любом уголке земли может возникнуть очередная террористическая ячейка[1]. Бороться с терроризмом призваны спецслужбы при тесном международном сотрудничестве, но, локализуя и уничтожив очередную ячейку террористической организации, будет решена лишь точечная проблема. Для глобальной победы над международным терроризмом требуется перекрыть для данных организаций доступ к материальным и людским ресурсам, но наиболее важной целью будет являться перекрытие потоков финансирования терроризма.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что терроризм в общемировом масштабе возник относительно недавно, и у мирового сообщества еще не выработалась эффективная стратегия борьбы с данным негативным явлением. Главной причиной распространенности терроризма является наличие и огромное разнообразие финансовых потоков, поддерживающих террористическую деятельность.

Стоит отметить, что действующее уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за финансирование терроризма и выделяет данное деяние в отдельный состав преступления.

Целью данной работы является детальное изучение финансирования терроризма, как самостоятельной формы содействия террористической деятельности.

Под финансированием терроризма в настоящее время понимается предостав-

[1] Бураева Л.А. О некоторых аспектах использования социальных сетей террористическими и экстремистскими организациями // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2014. № 5 (61). С. 28—32.

ление средств или финансовой помощи террористическим организациям или отдельным лицам, занимающимся террористической деятельностью.

Финансирование — это важнейший компонент терроризма, поскольку он позволяет террористам приобретать ресурсы, совершать нападения и поддерживать свои террористические организации по всему миру. Финансирование терроризма может включать в себя различные незаконные действия, включая сбор средств, отмывание денег, незаконную торговлю и эксплуатацию законных финансовых систем.

Финансирование террористической деятельности[1] представляет собой устойчивую систему, которая состоит из трех составляющих:

1. Привлечение денежных средств — начальный этап финансирования терроризма, целью которого выступает поиск возможных вариантов получения денежных средств.

2. Перемещение денежных средств — технический процесс финансирования терроризма, целью которого является доставка денежных средств от спонсоров до самих организаций.

3. Реализация полученных доходов — заключительный этап финансирования терроризма, на котором осуществляется использование полученных денежных средств для осуществления террористической деятельности.

На сегодняшний день в абсолютном большинстве государств существуют законодательные меры, предполагающие уголовную ответственность за финансирование терроризма. Зачастую данные меры представлены в рамках законов о борьбе с отмыванием денег. Во многих странах и международных организациях сегодня существуют перечни организаций, признаваемых террористическими. В России судами террористическими признаны 48 организаций, их деятельность запрещена в Российской Федерации, а пресечением их незаконной деятельности занимаются силовые структуры как внутри государства, так и за его пределами.

Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег — Financial Action Task Forse (ФАТФ) была учреждена «семеркой» при участии Европейской комиссии в ходе Парижской встречи G7в июле 1989 г.

Создание Группы стало ответом на возросшие объемы отмываемых преступных доходов во всем мире. С учетом сложности работы по выявлению «грязных денег» в международной финансовой системе возникло понимание неотложности разработки коллективных мер противодействия финансовым преступлениям. Российская Федерация была принята в члены данной группы в июле 2003 г.[2]

В начале своей деятельности ФАТФ фокусировала свое внимание на работу по противодействию финансирования терроризма методом выявления этой деятельности в некоммерческих и незарегистрированных организациях, предоставляющих финансовые услуги, такие, как подпольный банкинг или хавала, а также введение уголовной ответственности за эти деяния.

Под подпольным банкингом в данной ситуации понимается теневая банковская система[3], по своей сути аналогичная банковской системе, но выходящая за рамки обычных правил в процессе осуществления своей деятельности. Пример: NBFI (non-banking financial institutions), что в переводе с английского обозначает — небанковские финансовые учреждения, которые включают: хедж-фонды, страховые фирмы, ломбарды. В

[1] Гаужаева В.А. Понятие «финансовой операции» в преступлениях, связанных с легализацией денежных средств и иного имущества, добытого преступным путем // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. 2013. Т. 15. №1. С. 119—124.

[2] Репинская О.В. К вопросу о формировании единообразных подходов в мировой практике противодействия терроризму // Евразийский союз ученых. 2015. № 11-2 (20).

[3] Фуражнин Д.Ю. О понятии «международное сотрудничество в области противодействия терроризму» // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 12. С. 83—88.

свою очередь «хавала» — это система взаимозачетов между брокерами, которая в основном используется на Среднем Востоке, в Африке и Азии[1].

Как отмечалось ранее, в большинстве стран имеются списки организаций, по тем или иным причинам признающихся террористическими, хотя до сих пор не выработано единой формулы для признания организации террористической. Также помимо учета террористических организаций ведется учет организаций, оказывающих финансовую поддержку международному терроризму. В России данную функцию выполняют Федеральная антимонопольная служба, Министерство финансов и Правительственная комиссия по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации[2].

Террористические организации имеют на своем вооружении целый ряд стратегий, позволяющий им получать финансирование в обход установленных в их отношении ограничений. Одной из самых распространенных схем является дробление одного большого платежа на несколько небольших финансовых операций для усложнения их отслеживания и обхода банковского контроля.

Часто для осуществления финансовых транзакций привлекаются лица без уголовного прошлого. Все эти уловки могут быть замаскированы под благотворительные цели, пожертвования или разнообразные подарки членам семьи и прочее[3].

В организации и осуществлении террористической деятельности огромное значение имеют источники финансирования. Террористические группировки постоянно используют в своей деятельности разнообразные источники добывания денежных средств, включая незаконную торговлю нефтью на черном рынке, распространение наркотиков, содержание автосалонов и т.д. Как известно ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) получает львиную долю доходов от продажи нефти на «черном» рынке, а полученные с этого средства идут на финансирование террористической деятельности.

Абсолютное большинство финансовых операций, направленных на финансирование террористической деятельности, осуществляется по средствам сети интернет, поскольку в интернете гораздо проще сохранить анонимность и осуществлять беспрерывные денежные переводы. Террористические организации также могут получать доступ к денежным средствам лиц, даже не относящихся к террористической деятельности по средствам осуществления мошеннических действий в отношении данных лиц.

Среди методов получения заработка у террористов сильно распространена пропагандистская деятельность. Пропагандой в данных организациях занимаются специально обученные люди, которые знают все «болевые точки» предполагаемого источника финансирования в лице конкретного человека или же организации.

Далее предлагается детально разобраться в методах финансирования террористической деятельности. Все методы финансирования терроризма можно классифицировать исходя из двух критериев:

1. Степень формальности денежных потоков.

2. Стиль осуществления денежных переводов.

---

[1] Грачев М.И., Грачева Н.Г. Цифровая безопасность России и научные школы Санкт-Петербурга // Наука Санкт-Петербурга — Петрограда — Ленинграда и обеспечение безопасности страны : Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2022 г. Санкт-Петербург: Российский государственный гидрометеорологический университет. 2022. С. 371—376.

[2] Мешалкин С.Н. Некоторые аспекты законодательного регулирования антитеррористической деятельности в Российской Федерации // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. № 2 (42).

[3] Григонис В.П., Зубарев Н.В. Войска национальной гвардии как элемент механизма Российского государства в обеспечении национальной безопасности в современных условиях // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 3(308). С. 58—67.

Исходя из первого критерия все денежные переводы можно разделить на: формальные, полуформальные, неформальные.

Под формальными методами финансирования понимается использование традиционных финансовых каналов, таких как банки, банковские переводы, благотворительные организации и предприятия, для перемещения денег.

Полуформальные методы представляют собой осуществление финансирования с помощью использования теневого банкинга и «подставных» коммерческих организаций, служащих посредниками между спонсорами и террористическими организациями[1].

Неформальные методы включают в себя контрабанду наличных денег, «хавала» и другие способы, позволяющие избежать обнаружения и регулирования.

Второй критерий позволяет раскрыть каждый из методов финансирования [2], поскольку хоть номинально они и служат одной цели, но каждый метод структурно отличается от остальных.

Таким образом, становится возможным выделить следующие методы финансирования террористической деятельности:

1. Отмывание денежных средств.
2. Государственная поддержка терроризма.
3. Вымогательство и рэкет.
4. Пожертвования и иная благотворительная деятельность.
5. Похищение людей с целью выкупа.
6. Использование подставных компаний и предприятий.
7. Эксплуатация природных ресурсов.
8. Киберпреступность и иная деятельность в интернете.
9. Иностранные пожертвования и зарубежные сторонники.
10. Иная преступная деятельность, направленная на получение денежных средств.

Далее детально разберем каждый из представленных выше методов.

Отмывание денежных средств. Финансирование террористической деятельности и отмывание денег представляют собой концептуальные противоположности, которые зачастую связаны с законодательством и регулированием. Отмывание денег является процессом легализации денежных средств, полученных преступным путем и в дальнейшем интегрируемых в финансовую систему. При финансировании террористической деятельности важен не сам источник получения денежных средств, а конечная цель их использования. Террористические организации, как правило, переправляют денежные средства через онлайн-платежные системы, или используют для этой цели организации, связанные с торговлей, для отмывания денег.

Поддержка терроризма государством. Отдельные государства оказывают финансовую поддержку террористическим организациям посредством прямого финансирования или путем направления средств через неправительственные организации. Примером государственного финансирования терроризма может являться спонсирование террористических актов на территории Израиля одной из правящих партий Палестины. Сегодня мы можем наблюдать самое жесточайшее обострение отношений между Израилем и Палестиной, по своей сути, представляющее собой, ведение боевых действий между данными государствами. Обстрел городов Израиля ведется с территории Сектора Газа, которая является анклавом палестинского государства. Власть в Секторе Газа осуществляет группировка «Хамас», являющаяся одной из правящих партий Палестины.

Вымогательство и рэкет. Террористические группы могут вымогать деньги у отдельных лиц, предприятий или сообществ, требуя «защитных» выплат или

[1] Мельничук В.А. Меры противодействия преступлениям, совершаемым в сфере IT-технологий // Наукосфера. 2023. № 8-2. С. 128—132.

[2] Мельничук В.А. Профилактическая деятельность по предотвращению проявления экстремизма на территории Российской Федерации // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2023. № 2(16). С. 42—50.

угрожая насилием. Наиболее распространен такой способ на территориях, на которых уже имеются ячейки террористических организаций. Под страхом расправы они заставляют совершать различные денежные выплаты за «спокойное существование». Люди и организации, которые отказываются платить установленную цену, подвергаются различным посягательствам, как на собственность, так и на жизнь.

Пожертвования и иная благотворительная деятельность. Доноры добровольно или неосознанно вносят средства в террористические организации через законные или кажущиеся законными благотворительные организации, фонды или частных лиц. Так, например, финансирование Аль-Каиды (запрещенная на территории России террористическая организация) в большинстве своем состоит из частных пожертвований от государств Персидского залива.

Похищение людей с целью выкупа. Террористические группы могут похищать людей и требовать выкуп от правительств, корпораций или отдельных лиц. В Голливудских блокбастерах похищение людей зачастую заканчивается гениальной спецопераций и победой бравых военных над террористами. Но в действительности в большинстве случаев органы государственной власти ставят во главу угла человеческие жизни и предпочитают совершить выплату денег, а не ставить под угрозу жизнь и здоровье заложников.

Использование подставных компаний и предприятий. Террористические организации могут создавать предприятия, выглядящие законными, или использовать подставные компании для сбора и перемещения средств, скрывая при этом их истинный источник или цель. Использование подставных компаний широко распространено также среди лиц, занимающихся иной незаконной деятельностью, например, мошенничеством. Суть данных компаний заключается в том, что они существуют лишь номинально и служат для отмывания денежных средств или совершения иных финансовых транзакций, с целью скрыть истинное назначение поступающих денежных средств.

Эксплуатация природных ресурсов. Террористические группы могут эксплуатировать природные ресурсы на своей территории, такие, как нефть, полезные ископаемые или древесина, для получения дохода. Рассмотреть данный способ дохода можно на примере террористической организации ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация). В 2015 г. бюджет организации достигал 2 млрд. долларов, половина из которых пришли от контрабанды нефти. ИГИЛ производила до 75000 баррелей в день, что составляло выручку до 1,3 млн. Долларов. Главными скупщиками нефти многие исследователи называют Турцию и Иорданию.

Киберпреступность и иная деятельность в интернете. Террористы могут участвовать в киберпреступлениях, таких, как взлом, кража личных данных или онлайн-мошенничество, с целью сбора средств или финансирования своих операций. Примером реализации данного метода может служить кибератака, произошедшая 15 июля 2022 г., когда 4 группировки иранских правительственных хакеров провели разрушительную атаку на государственные онлайн-сервисы и правительственные веб-сайты Албании, выведя их из строя.

Иностранные пожертвования и зарубежные сторонники. Террористические организации могут получать финансовую поддержку от сочувствующих или сторонников, находящихся за границей, часто через неформальные каналы или онлайн-платформы.

Иная преступная деятельность, направленная на получение денежных средств. К данной категории преступной деятельности можно отнести: контрабанду оружием, торговлю людьми, незаконный оборот наркотиков, отмывание денег и т.д.

Таким образом, в современном мире существует огромное количество методов и способов осуществления финансирования террористической деятельности, и сделать это может, по сути, любая пре-

ступная организация или человек, разделяющий те или иные радикальные взгляды.

Вместе с развитием технологий совершенствуются и способы финансирования террористической деятельности, в связи с этим финансовые учреждения, занимающиеся денежными переводами, постоянно подвергаются угрозе из-за возможности их использования для финансирования террористической деятельности. В настоящее время банковский сектор ввиду простоты и оперативности проведения переводов по всему миру становится привлекательной целью для террористических организаций. В связи с этим проведение электронных и онлайн-платежей, а также использование цифровых валют представляют собой уязвимую область из-за возможности осуществления анонимных финансовых операций.

Список источников

1. Бураева Л.А. О некоторых аспектах использования социальных сетей террористическими и экстремистскими организациями // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2014. № 5 (61). С. 28—32.

2. Гаужаева В.А. Понятие «финансовой операции» в преступлениях, связанных с легализацией денежных средств и иного имущества, добытого преступным путем // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. 2013. Т. 15. №1. С. 119—124.

3. Грачев М.И., Грачева Н.Г. Цифровая безопасность России и научные школы Санкт-Петербурга // Наука Санкт-Петербурга — Петрограда — Ленинграда и обеспечение безопасности страны : Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2022 г. Санкт-Петербург: Российский государственный гидрометеорологический университет. 2022. С. 371—376.

4. Грачев М.И., Примакин А.И., Воронов С.А., Ефимова А.Б. Метод повышения информационной безопасности организационных систем // Наукоемкие технологии в космических исследованиях Земли. 2022. Т. 14, № 4. С. 33—38.

5. Григонис В.П., Зубарев Н.В. Войска национальной гвардии как элемент механизма Российского государства в обеспечении национальной безопасности в современных условиях // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 3(308). С. 58—67.

6. Мельничук В.А. Меры противодействия преступлениям, совершаемым в сфере IT-технологий // Наукосфера. 2023. № 8-2. С. 128—132.

7. Мельничук В.А. Профилактическая деятельность по предотвращению проявления экстремизма на территории Российской Федерации // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2023. № 2(16). С. 42—50.

8. Мешалкин С.Н. Некоторые аспекты законодательного регулирования антитеррористической деятельности в Российской Федерации // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. № 2 (42).

9. Репинская О.В. К вопросу о формировании единообразных подходов в мировой практике противодействия терроризму // Евразийский союз ученых. 2015. № 11-2 (20).

10. Фуражнин Д.Ю. О понятии «международное сотрудничество в области противодействия терроризму» // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 12. С. 83—88.

The concept and general characteristics of the financing of international terrorism

© **Melnichuk V.A.,**
Candidate of Military Sciences, Associate Professor of the Department of Internal Affairs in Special Conditions at the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. Annotation. The article is devoted to the study of the concept and general characteristics of the financing of international terrorism. The paper analyzes the mechanisms and tools used by terrorist organizations to raise funds. In addition, the article examines the measures taken by the international community to combat financial support for terrorism. The article highlights the key financial flows that support the activities of terrorists, and draws attention to the evolution of these methods in modern tech-

nology. In conclusion, the article focuses on the need for constant updating of methods to combat the financing of international terrorism, taking into account the constantly changing nature of the threat. The work represents an important contribution to understanding and effectively confronting this global challenge.

Keywords: international terrorism, financing of terrorism, underground banking, hawala, money laundering, terrorist organization, banking control.

For citation: Melnichuk V.A. The Concept and general characteristics of the financing of international terrorism // Military law. 2025. No. 2. pp. 188-194.

The article was received by the editorial office on January 19, 2025.

Общая характеристика правового положения органов национальной безопасности Республики Армения в системе обеспечения национальной безопасности страны

© **Редкоус Владимир Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН

Аннотация. Республика Армения как и Азербайджанская Республика, их взаимоотношения друг с другом в контексте отношений каждой из стран с Российской Федерацией, с Турцией, с США и странами Западной Европы, уже давно не сходят с передних полос средств массовой информации, заставляя и политиков, и экспертов в области военной и национальной безопасности всесторонне анализировать происходящие события, делать прогнозы развития в области региональной и национальной безопасности каждой из стран, вырабатывать предложения по снижению напряженности во взаимоотношениях между государствами и по мирному устраивающему все стороны выходу из возникших проблем. В сложившихся условиях трудно давать объективную оценку сложившейся ситуации из-за отсутствия полного объема всесторонней и объективной информации, которая не может быть получена из заявлений лидеров государств, их действий, а также средств массовой информации. На помощь приходит сравнительное правоведение, использование которого позволяет не только расширить горизонты представлений об особенностях национальных правовых систем исследуемых государств, но и оценить характер проводимой государственной политики в той или иной области государственного управления, в том числе и в области обеспечения национальной безопасности. В рамках данной статьи мы остановимся на особенностях правового регулирования обеспечения национальной безопасности в Республике Армения, являющейся до настоящего времени важнейшим партнером Российской Федерации как в рамках Содружества Независимых Государств, так и в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Ключевые слова: государственное управление; конституционное право; административное право; национальная безопасность; органы национальной безопасности; разведывательная деятельность; контрразведывательная деятельность; борьба с преступностью; сравнительное правоведение.

Для цитирования: Редкоус В.М. Общая характеристика правового положения органов национальной безопасности Республики Армения в системе обеспечения национальной безопасности страны // Военное право. 2025. № 2. С. 195—202.

Статья поступила в редакцию 28 января 2025 г.

Развитие публично-правового управления неизменно связано с совершенствованием общественных отношений в сфере обеспечения национальной безопасности, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности [1] . Вопросы совершенствования управления в сфере обеспечения национальной безопасности являются актуальными и для Российской Федерации, особенно в условиях проведения специальной

[1] Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения – 2022») // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 79—88; Кобзарь-Фролова М.Н., Соколов А.Ю. Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения — 2022»): обзор // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 1. С. 297—304.

венной операции. Возрастает ценностное начало обеспечения национальной безопасности[1].

Также Российской Федерации необходимо учитывать характер отношений между государствами, входящими в Содружество Независимых Государств, Организацию Договора о коллективной безопасности, с тем, чтобы адекватно определять и корректировать свою политику в области обеспечения региональной и национальной безопасности в соответствии с реальными и потенциальными угрозами, возникающими в пределах действия данных межгосударственных объединений. В этих целях большую помощь может оказать сравнительный анализ законодательств России и зарубежных государств в рассматриваемой области.

Рассмотрим опыт правового регулирования в области обеспечения национальной безопасности Республики Армения, входящей и в Содружество Независимых Государств, и в Организацию Договора о коллективной безопасности, которая до недавнего времени считалась форпостом российского влияния в Кавказском регионе, обеспечивавшего относительную стабильность в межгосударственных отношениях. Многовекторность политики Республики Армения не лучшим образом сказывается на двусторонних российско-армянских отношениях, поэтому нам необходим поиск любых средств для восстановления взаимного доверия и партнерства во всех областях взаимоотношений Российской Федерации и Республики Армения.

Правовую основу обеспечения национальной безопасности Республики Армения составляют Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г.; Закон Республики Армения от 24 января 2002 г. № ЗР-294 «Об органах национальной безопасности»; Закон Республики Армения от 7 апреля 2003 г. № ЗР-532 «О службе в органах национальной безопасности»; Закон Республики Армения от 17 декабря 2001 г. № ЗР-265 «О государственной границе»; Закон Республики Армения от 17 декабря 2001 г. № ЗР-266 «О пограничных войсках»; Закон Республики Армения от 19 ноября 2007 г. № ЗР-223 «Об оперативно-розыскной деятельности»; Закон Республики Армения от 19 апреля 2005 г. № ЗР-79 «О борьбе с терроризмом»; Закон Республики Армения от 29 декабря 2006 г. № ЗР-258 «О правовом режиме военного положения»; Закон Республики Армения от 12 апреля 2012 г. № ЗР-106 «О правовом режиме чрезвычайного положения», а также иные законодательные и подзаконные нормативные правовые акты, нормы международных договоров.

Говоря о конституционном регулировании вопросов обеспечения безопасности, обратим внимание на ряд положений Конституции Республики Армения (далее — РА) от 5 июля 1995 г., где упоминается термин «безопасность» в различных контекстах.

Так, в ст. 14 «Вооруженные Силы и оборона» Конституции РА сказано, что Вооруженные Силы РА обеспечивают защиту, безопасность, территориальную целостность и неприкосновенность границ РА; Вооруженные Силы РА соблюдают нейтралитет в политических вопросах и находятся под гражданским контролем; каждый гражданин обязан в установленном законом порядке участвовать в защите РА. Употребляется термин «безопасность».

Во многих статьях употребляется термин «государственная безопасность». Возьмем, например, ст. 25 «Право на физическую и психическую неприкосновенность» Конституции РА, где закреплено, что каждый имеет право на физическую и психическую неприкосновенность; право на физическую и психическую неприкосновенность может быть ограничено только законом в целях государственной без-

[1] Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. М.: ИГПАН, 2021; Редкоус В. М. Ценностное значение категории «безопасность» // Правовые ценности: формирование, эволюция, функции (посвященная памяти профессора В.М. Курицына) : сборник научных трудов, Москва, 21—22 декабря 2023 г. М.: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя», 2024. С. 18—25.

опасности, пресечения или раскрытия преступлений, защиты общественного порядка, здоровья и нравственности или основных прав и свобод других лиц. Употребляется термин «государственная безопасность».

В целом ряде статьей Конституции РА наблюдается сопряжение понятий «оборона и безопасность государства». В Конституции РА есть пример употребления понятия «национальная безопасность» применительно к служащим национальной безопасности.

В настоящее время с учетом изменения формы правления в Республике Армения большими полномочиями в области обеспечения национальной безопасности обладает Премьер-министр РА. Так, в соответствии со ст. 152 Конституции РА «Правомочия Премьер-министра и других членов Правительства» Премьер-министр в рамках программы определяет основные направления политики Правительства, руководит деятельностью Правительства и координирует работу членов Правительства. Премьер-министр может давать конкретные рекомендации членам Правительства. Он возглавляет Совет безопасности, порядок формирования и деятельности которого устанавливается законом.

Основные положения в области обеспечения национальной безопасности закреплены в Законе РА от 24 января 2002 г. № ЗР-294 «Об органах национальной безопасности» (далее – Закон РА). Остановимся на них несколько подробнее.

Так, в Законе РА закреплено понятие «национальная безопасность РА» как «состояние государства и общества, при котором обеспечена безопасность личности, общества и государства, территориальная целостность, суверенитет, конституционный строй, нормальное развитие экономики страны, защита материальных и духовных ценностей общества, прав и свобод граждан, окружающей среды от внутренних и внешних угроз. Функции по обеспечению национальной безопасности РА в пределах своей компетенции осуществляют соответствующие органы государственного управления».

В Российской Федерации Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» определения национальной безопасности не содержит, несмотря на рекомендации ученых включить данное понятие именно в текст Федерального закона. Понятие национальной безопасности Российской Федерации как состояния защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны, закреплено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г.[1]

В соответствии с Законом РА органы национальной безопасности являются составной частью системы обеспечения национальной безопасности РА и обеспечивают в пределах своей компетенции безопасность личности, общества и государства.

Служба национальной безопасности является уполномоченным органом, подчиненным премьер-министру. Система органов национальной безопасности РА состоит из уполномоченного органа, включая центральные и областные органы пограничных войск, учебных центров, специальных и других подразделений.

Общее руководство деятельностью уполномоченного органа осуществляет Правительство РА. Управление уполномоченным органом осуществляет премьер-министр, а непосредственное руководство — руководитель уполномоченного органа. В системе уполномоченного органа в установленном порядке действуют органы разведки, контрразведки, военной контрразведки. Уполномоченный орган на территории РА осуществляет оперативное руководство работой органов и подразделений, осуществляющих разведыватель-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»

ную деятельность, связанную с проблемами национальной безопасности.

Деятельность органов национальной безопасности основывается на принципах: законности, демократии, равенства всех перед законом, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, независимости от деятельности партий и общественных объединений, сочетания не запрещенных законодательством РА гласных и негласных методов и средств своей деятельности.

Закон РА закрепляет гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также вопросы защиты сведений об органах национальной безопасности.

Так, при осуществлении органами национальной безопасности своей деятельности гарантируется соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Не допускается ограничение прав и свобод человека и гражданина, за исключением случаев, предусмотренных Конституцией и законами РА. Лицо вправе опротестовать действия органов национальной безопасности либо их должностных лиц, нарушающих его права и свободы, в порядке, установленном законодательством РА. Государственные органы, органы местного самоуправления, организации и граждане имеют право в порядке, установленном законодательством РА, получать разъяснения и информацию от органов национальной безопасности в случае ограничения своих прав и свобод органами национальной безопасности.

Государственные органы, организации и граждане в установленном законодательством порядке вправе требовать возмещения материального ущерба, понесенного вследствие незаконных действий органов национальной безопасности. Органы национальной безопасности не имеют права без согласия гражданина собирать, хранить, использовать или распространять полученные в процессе деятельности органов национальной безопасности сведения о личной и семейной жизни гражданина, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Сотрудники органов национальной безопасности в случае допущения в процессе исполнения своих обязанностей нарушения прав и свобод человека и гражданина несут ответственность в порядке, установленном законом.

Граждане РА, допущенные к государственной тайне о деятельности органов национальной безопасности, несут за ее разглашение ответственность в порядке, установленном законодательством РА.

Документы и материалы, содержащие сведения о сотрудниках органов национальной безопасности, лицах, сотрудничающих или сотрудничавших с ними на конфиденциальной основе, а также о тактике, методах и средствах осуществления органами национальной безопасности разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, подлежат хранению в архиве уполномоченного органа.

Материалы архива уполномоченного органа рассекречиваются или уничтожаются в порядке, установленном законом или другими правовыми актами.

Эти положения во многом сходны с положениями, закрепленными в Федеральном законе от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», в его ст. 5 «Принципы деятельности федеральной службы безопасности», в ст. 6 «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина в деятельности федеральной службы безопасности», в ст. 7 «Защита сведений о федеральной службе безопасности».

Обратим внимание на основные направления деятельности органов национальной безопасности, закрепленные в гл. 2 Закона РА (статьи 9—14).

Так, деятельность органов национальной безопасности осуществляется по следующим основным направлениям: разведывательная деятельность; контрразведывательная деятельность; военная контрразведывательная деятельность; охрана Государственной границы; борьба с преступностью. Иные направления деятельности органов национальной безопасности определяются настоящим Законом РА и другими законами РА.

Деятельность органов национальной безопасности, применяемые ими методы и

средства не должны нарушать установленные Конституцией и законами РА права и свободы человека и гражданина, причинять ущерб жизни, здоровью, имуществу людей и наносить вред окружающей среде.

Разведывательная деятельность, в том числе внешняя разведка, — осуществляемая органами национальной безопасности в пределах своей компетенции деятельность, направленная на получение сведений об угрозах национальной безопасности РА и на укрепление основ государства. Порядок и условия взаимодействия органа разведки уполномоченного органа с органами исполнительной власти РА определяются законодательством РА и принятыми ими совместно правовыми актами, а с международными организациями — международными договорами. Порядок проведения разведывательных мероприятий, а также порядок использования негласных методов и средств при осуществлении разведывательной деятельности устанавливаются законодательством РА, регулирующим оперативно-розыскную деятельность, и актами уполномоченного органа.

Контрразведывательная деятельность — деятельность органов национальной безопасности в пределах своей компетенции по выявлению, предупреждению и пресечению разведывательной деятельности специальных служб и других организаций иностранных государств, а также отдельных лиц.

Основаниями для осуществления органами национальной безопасности контрразведывательной деятельности являются: а) наличие сведений о разведывательной деятельности специальных служб и других организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, направленной против национальной безопасности Республики Армения; б) необходимость борьбы с преступлениями; в) необходимость обеспечения защиты сведений, составляющих государственную тайну; г) необходимость изучения (проверки) лиц, сотрудничающих или сотрудничавших с органами национальной безопасности на конфиденциальной основе; д) необходимость обеспечения внутренней безопасности.

Основания осуществления контрразведывательной деятельности могут быть изменены только законом. В процессе контрразведывательной деятельности органы национальной безопасности могут использовать не запрещенные законодательством РА гласные и негласные методы и средства, характер которых определяется условиями этой деятельности. Порядок использования негласных методов и средств при осуществлении контрразведывательной деятельности устанавливается актами уполномоченного органа.

Контрразведывательная деятельность, ограничивающая конфиденциальность цифровой, в том числе телефонной коммуникации, переписки и другой нецифровой коммуникации граждан Республики Армения, а также право на неприкосновенность жилья, осуществляется в установленном законом порядке.

Для осуществления контрразведывательной деятельности в случаях, предусмотренных частью пятой настоящей статьи, органы национальной безопасности по требованию суда представляют служебные документы, касающиеся оснований для осуществления контрразведывательной деятельности (за исключением оперативно-служебных документов, содержащих сведения о лицах, сотрудничающих или сотрудничавших с органами национальной безопасности на конфиденциальной основе, а также об организации, о тактике, методах и средствах осуществления контрразведывательной деятельности).

Решение суда относительно права осуществления контрразведывательной деятельности и материалы, послужившие основанием для его принятия, хранятся в органах национальной безопасности в порядке, установленном законодательством.

Военная контрразведывательная деятельность осуществляется органом военной контрразведки (службами, отделами, отделениями) уполномоченного органа в Вооруженных Силах РА, в войсках Полиции РА, в других войсках и в иных воинских формированиях, а также в их органах

управления в целях выявления, предупреждения и пресечения преступлений, защиты от проникновения специальных служб иностранных государств, а также в целях содействия командованию в поддержании боеспособности и боевой готовности.

Органы национальной безопасности в целях разрешения задач, поставленных перед ними настоящим Законом РА и другими законами, осуществляют оперативно-розыскные мероприятия и секретные следственные действия в порядке, установленном законодательством РА. На органы национальной безопасности законом могут возлагаться и другие задачи борьбы с преступностью.

Органы национальной безопасности по делам, переданным в их компетенцию, осуществляют охрану места происшествия, правила которой устанавливаются Правительством РА. Органы национальной безопасности, в соответствии с законодательством РА, имеют и используют места содержания задержанных.

Охрану Государственной границы Республики Армения осуществляют пограничные войска в соответствии с законодательством РА и международными договорами РА.

Положения гл. 2 Закона РА вполне сравнимы с положениями гл. II «Основные направления деятельности органов Федеральной службы безопасности» Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», ст. 8 которого закрепляет, что деятельность органов федеральной службы безопасности осуществляется по следующим основным направлениям: контрразведывательная деятельность; борьба с терроризмом; борьба с преступностью; разведывательная деятельность; пограничная деятельность; обеспечение информационной безопасности. Иные направления деятельности органов федеральной службы безопасности определяются федеральным законодательством.

Явные, но не принципиальные отличия: в Законе РА к основным направлениям деятельности отнесена «военная контрразведывательная деятельность», но не отнесена «борьба с терроризмом», а в Федеральном законе «О федеральной службе безопасности» все наоборот. С учетом достижений юридической науки в области обеспечения национальной безопасности позиция российского законодателя, определившего борьбу терроризмом как одно из основных направлений деятельности органов федеральной службы безопасности, выглядит более предпочтительным и методологически обоснованным[1].

Гл. 3 Закона РА называется «Полномочия органов национальной безопасности» и включает полномочия органов национальной безопасности РА безотносительно их деления обязанности и права органов безопасности. В этом контексте положения гл. III «Полномочия органов федеральной службы безопасности» Федерального закона «О федеральной службе безопасности», включающие ст. 12 «Обязанности органов федеральной службы безопасности» и ст. 13 «Права органов федеральной службы безопасности» также выглядят более обоснованными.

Также в Федеральном законе «О федеральной службе безопасности» более подробно, чем в законе РА, раскрыты вопросы применение органами федеральной службы безопасности мер профилактики (ст. 13.1); права на применение боевой техники, оружия, специальных средств и физической силы (ст. 14); проникновения в жилые и иные помещения, на земельные участки и территории (ст. 14.1); применения оружия, специальных средств и физической силы (ст. 14.2); применения оружия (ст. 14.3); гарантии личной безопасности вооруженных военнослужащих органов федеральной службы безопасности (ст. 14.4); применения специальных средств (ст. 14.5); применения физической силы (ст. 14.6).

Достаточно сходы положения Закона РА и Федерального закона «О федеральной службе безопасности» в отношении сил и средств органов национальной без-

[1] Правовое обеспечение национальной безопасности: учеб. пос. / Ю.Н. Туганов, В.И. Баронов, С.И. Журавлев [и др.]. 2-е изд., пер. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2023.

опасности[1].

Отметим ст. 23 Закона РА «Права и обязанности лиц, сотрудничающих с органами национальной безопасности». Так, органы национальной безопасности могут привлекать отдельных лиц с их согласия к гласному или негласному сотрудничеству в деле выполнения обязанностей, возложенных на органы национальной безопасности, в том числе также и в качестве внештатного сотрудника. Порядок деятельности внештатного сотрудника органов национальной безопасности устанавливается ведомственными нормативными актами уполномоченного органа.

Лицо, сотрудничающее с органами национальной безопасности на конфиденциальной основе, имеет право: получать от сотрудников органов национальной безопасности разъяснения относительно поставленных перед ним задач, своих прав и обязанностей; использовать в целях конспиративной деятельности документы оперативной зашифровки; получать вознаграждение за безупречное выполнение отдельных поручений; получать в порядке и размерах, установленных законодательством РА, компенсацию за ущерб, причиненный его здоровью либо имуществу в процессе сотрудничества с органами национальной безопасности.

Лицо, сотрудничающее с органами национальной безопасности обязано: выполнять поручения органов национальной безопасности; не допускать умышленного предоставления необъективной, ложной или клеветнической информации; не разглашать сведения, составляющие государственную тайну, и сведения, ставшие ему известными в процессе сотрудничества.

Таким образом, Закон РА от 24 января 2002 г. № ЗР-294 «Об органах национальной безопасности» и Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» преимущественно содержат много сходных положений, которые позволяют говорить о единстве подходов в данных государствах к определению организационно-правовых основ обеспечения национальной безопасности. Целый ряд положений Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» выглядят более разработанными, чем аналогичные положения Закона РА от 24 января 2002 г. № ЗР-294 «Об органах национальной безопасности», что создает больше гарантий соблюдения законности, прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов безопасности.

Но и Закон Республики Армения от 24 января 2002 г. № ЗР-294 «Об органах национальной безопасности» имеет свое достоинство — закрепление определения национальной безопасности, что обеспечивает дополнительную устойчивость для правового регулирования общественных отношений в области обеспечения национальной безопасности. Этот опыт может быть полезен и в России. Сравнительно-правовые исследования в области обеспечения национальной безопасности необходимо продолжать.

Список источников

1. Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения — 2022») // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 79—88.

2. Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. Москва: Институт государства и права РАН, 2021. 968 с. EDN IZIVOG

3. Кобзарь-Фролова М.Н., Соколов А.Ю. Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения—2022»): обзор // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 1. С. 297—304.

4. Правовое обеспечение национальной безопасности: учеб. пос. / Ю.Н. Туганов, В.И. Баронов, С.И. Журавлев [и др.]. – 2-е изд., пер. и доп. Москва: Изд-во Юрайт, 2023. 180 с.

5. Редкоус В.М. Ценностное значение категории «безопасность» // Правовые ценности: формирование, эволюция, функции (посвященная памяти профессора В.М. Курицына) : сборник научных трудов, Москва, 21–22 декабря 2023 г. Москва: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя», 2024. С. 18—25.

[1] Туганов Ю.Н. Некоторые аспекты системы кадрового обеспечения государственной безопасности Российской Федерации // Вестник военного права. 2017. № 3. С. 30—32.

6. Туганов Ю.Н. Некоторые аспекты системы кадрового обеспечения государственной безопасности Российской Федерации // Вестник военного права. 2017. № 3. С. 30—32.

General characteristics of the legal status of the national security agencies of the Republic of Armenia in the system of ensuring national security of the country

© **Redkous V.M.**,
Doctor of Law, Professor, leading researcher of the sector administrative law and administrative process Institute of State and Law RAS

***Resume*.** The Republic of Armenia, as well as the Republic of Azerbaijan, their mutual relations in the context of relations of each of the countries with the Russian Federation, Turkey, the USA and Western European countries, have long been on the front pages of the media, forcing both politicians and experts in the field of military and national security to comprehensively analyze the events taking place, make forecasts for developments in the field of regional and national security of each of the countries, develop proposals to reduce tensions in relations between the states and for a peaceful solution to the problems that have arisen that suits all parties. In the current conditions, it is difficult to give an objective assessment of the current situation due to the lack of a full volume of comprehensive and objective information that cannot be obtained from statements by state leaders, their actions, as well as the media. Comparative law comes to the rescue, the use of which allows not only to expand the horizons of ideas about the peculiarities of the national legal systems of the states under study, but also to assess the nature of the state policy pursued in a particular area of public administration, including in the field of national security. In this article, we will focus on the specifics of legal regulation of national security in the Republic of Armenia, which is currently the most important partner of the Russian Federation both within the Commonwealth of Independent States and within the Collective Security Treaty Organization (CSTO).

***Key words**:* public administration; constitutional law; administrative law; national security; national security agencies; intelligence activities; counterintelligence activities; crime control; comparative law.

For citation: Redkous V.M. General characteristics of the Legal status of the National Security Bodies of the Republic of Armenia in the National Security System of the country // Military Law. 2025. No. 2. pp. 195-202.

The article was received by the editorial office on January 28, 2025.

Правовые последствия победы в Великой Отечественной войне для дальнейшей борьбы за справедливость и защиту основных прав человека в условиях глобальных вызовов и угроз

© **Шестак Виктор Анатольевич,**
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева
© **Ратковский Игнат Игоревич,**
военнослужащий, Министерство обороны Российской Федерации,

Аннотация. Статья посвящена оценке правовых последствий победы в Великой Отечественной войне и их влиянию на формирование международного и международного гуманитарного права. В ней рассматривается, как победа над нацизмом стала катализатором для создания норм, обеспечивающих индивидуальную уголовную ответственность за военные преступления и преступления против человечности; способствовала образованию Организации Объединенных Наций и принятию Устава Организации Объединенных Наций, а также изданию ряда международных актов. Авторами исследуется значимость уроков прошлого для формирования правовой политики и условий социальной справедливости в будущем, акцентируется внимание на необходимости обеспечения защиты прав человека и гражданина в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, победа над нацизмом, уголовная ответственность, международный трибунал.

Для цитирования: Шестак В.А., Ратковский И.И. Правовые последствия победы в Великой Отечественной войне для дальнейшей борьбы за справедливость и защиту основных прав человека в условиях глобальных вызовов и угроз // Военное право. 2025. № 2. С. 203—209.

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2025 г.

Победа над нацизмом в Великой Отечественной войне сыграла ключевую роль в развитии права XX в., явилась толчком к формированию новых норм международного и международного гуманитарного права, а также установлению условий индивидуальной уголовной ответственности за преступления против человечности и военные преступления. Правовыми последствиями результатов этой войны явились не только разработка и принятие нормативных актов, закрепивших основные права и свободы человека, но и развитие международной интеграции стран антифашистского блока в рамках Организации Объединенных Наций (ООН), а также распространение идеологии неприятия нацизма, фашизма и тоталитаризма. Уроки Великой Отечественной войны послужили ориентиром для формирования правовой политики и социальной справедливости в будущем, что делает их особенно актуальными в условиях современных вызовов[1].

Образование ООН в 1945 г. и принятие Устава ООН стали важными правовыми последствиями победы в Великой Отечественной войне в целях обеспечения форума для обсуждения и разрешения споров между государствами. Результаты победы в войне заложили основы для международного сотрудничества и мирного разрешения конфликтов, а Устав

[1] Кузнецов А.В. Влияние Великой Отечественной войны на развитие международного права // Международное право. 2015. № 2. С. 45—58.

ООН и Всеобщая декларация прав человека 1948 г., в свою очередь, закрепили права человека в качестве важнейшей ценности, что послужило базой для дальнейшей работы по обеспечению и защите прав и свобод человечества. ООН разработала механизмы, призванные обеспечить коллективную безопасность посредством совместного противостояния агрессии и предотвращения конфликтов, а инициирование многочисленных миротворческих операций, направленных на стабилизацию конфликтов в регионах, подчеркнуло значимость международного сотрудничества в поддержании мира[1].

В соответствии с заявлением глав союзных держав — СССР, США и Великобритании — в ходе Крымской конференции было необходимо подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию, для чего и был создан Нюрнбергский трибунал, осуществлявший свою деятельность в период 1945—1946 гг. По результатам его проведения был издан акт, имеющий как правовое, так историческое и политическое значение. Так, в рамках Нюрнбергского процесса впервые в истории были осуждены действия конкретных лиц, а не только государственная политика в целом, что положило конец уходу от ответственности лиц по основанию выполнения ими приказа и послужило установлению принципа, гласящего, что действие во исполнение приказа правительства или начальника не освобождает лицо от ответственности по международному праву, если сознательный выбор был фактически для него возможен. Процесс закрепил понятие «преступления против человечности»[2], которое включает в себя геноцид, пытки, массовое уничтожение и другие действия, нарушающие права человека, а также способствовал восприятию обществом мирных гуманистических идей, противопоставляя их идеологии нацизма, фашизма и тоталитаризма.

Вместе с тем, с правовой точки зрения, процесс не содержал непосредственного осуждения самой идеологии нацизма и фашизма. Устав Международного военного трибунала не квалифицировал саму идеологию нацизма как нарушающую международное право, а приговор лишь обращался к данным терминам при описании становления государственного режима в Германии, формирования ее структур и деятельности СД, СС и проч. Нюрнбергский процесс стал примером подготовки и проведения международного суда, применению норм права, обращая к принципам открытости судебного разбирательства и равенства сторон[3]. Это предопределило условия создания впоследствии новых международных трибуналов, в том числе по Югославии и Руанде, а также способствовало появлению Международного уголовного суда (МУС)[4].

[1] Громыко А.А. Организация Объединенных Наций и права человека: исторический аспект // Право и жизнь. 2016. № 3. С. 12—18.

[2] Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран Оси: [электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/history/tribunals/nuremberg.html (дата обращения: 08.02.2025)

[3] Алексеев С.С. Нюрнбергский процесс и его значение для международного права // Право и политика: проблемы взаимодействия. М., 2010. С. 45—60.

[4] Согласно заключению Международно-правового совета при МИД России от 08.05.2024 «Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда» Международный уголовный суд в своей практике неоднократно нарушал как положения собственного статута, так и общепризнанные нормы международного права (среди наиболее очевидных нарушений - попытки осуществления юрисдикции в отношении деяний, предположительно совершенных на территории и гражданами государства, не участвующего в Римском статуте (вывод 2)) и отошел как от своих первоначальных целей, заложенных Римским статутом, так и в целом от норм и принципов международного права (налицо признаки его политизации и ангажированности. Совокупность допускаемых МУС и его прокурором нарушений международного права, процедурных упущений, вмешательства посторонних политических факторов, позволяет ставить вопрос об утрате Судом авторитета в глазах значительной части международного сообщества и как следствие — его легитимности (вывод 7). Электронный ресурс: URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/legal_problems

Подготовка к суду над японскими милитаристами началась вскоре после подписания акта о безоговорочной капитуляции, но несмотря на формально международный статус трибунала, сбором доказательств, организационными вопросами и другим юридическими процедурами руководила американская сторона. Так, директивой из Вашингтона генерал Д. Макартур наделялся единоличным правом смягчать, одобрять и изменять наказание, указанное судом, а по прибытии советской делегации сбор доказательств был уже завершен. На Токийском трибунале не было ни обвинений в применении химического и биологического оружия, ни преступлений против человечности, также было установлено, что члены императорской семьи и разработчики биологического оружия, экспериментировавшие на военнопленных, получили иммунитет от судебного преследования. При этом США, видя в Японии своего будущего союзника, а СССР в качестве своего геополитического оппонента, уже тогда исходили в своей стратегии из будущей расстановки сил на мировой арене. Отсюда — незначительная роль СССР в отправлении правосудия Токийским трибуналом, сборе доказательств и относительно мягкие, по мнению экспертов, приговоры военным преступникам и их достаточно быстрое досрочное освобождение.

Пережитые народами ужасы преступлений нацизма стали катализатором для создания ряда международных актов, обеспечивающих защиту прав и свобод человека в целях предотвращения повторения трагедии. Основополагающими документами в данной области явились Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., Женевские конвенции 1949 г. и Парижские мирные договоры 1947 г. Первая закрепила определения основных понятий (в частности, геноцид) и установила принципы привлечения к уголовной ответственности за преступления против человечности. Помимо наказания, Конвенция обратила внимание на необходимость предупреждения геноцида, подчеркивая, что борьба с ним — это глобальная ответственность.

Женевские конвенции зафиксировали основные нормы международного гуманитарного права, направленные на защиту лиц, которые не принимают непосредственного участия в боевых действиях, включая мирное население, раненых и военнопленных[1]. Конвенциями были запрещены пытки, бесчеловечное и унижающее обращение с людьми и возлагалась обязанность на всех участников конфликтов соблюдать общепризнанные принципы и нормы, а также осуществлять предупреждение и пресечение преступлений данных категорий и преследовать лиц, ответственных за их совершение.

Парижская конференция 1946 г. завершилась подписанием ряда международных договоров, закрепивших территориальное, политическое и военное положение стран, а также урегулированием вопроса о репарациях. Так, были установлены новые границы для европейских стран. В частности, границы Италии были восстановлены по состоянию на 1 января 1938 г., за исключением уступок Франции, Югославии и Греции. Политические положения обязали государства обеспечить гражданам основные демократические свободы без различия пола, расы, языка и религии и недопущение зарождения и деятельности ультраправых организаций на своей территории[2]. Военные постановления ограничили допустимую численность вооруженных сил и объемы военной промышленности в побежденных государствах. Положения о репарациях определяли размер выплат, которые

_of-international_cooperation/1949021 (дата обращения 10.02.2024).

[1] Лебедев В.П. Женевские конвенции и их значение для международного гуманитарного права // Современные проблемы международного права: сборник научных трудов. М., 2017. С. 23—34.

[7] Парижские мирные договоры 1947 г. Электронный ресурс. URL: https://www.un.org/ru/documents/declara.htm (дата обращения: 08.02.2025).

должны были внести Болгария, Венгрия, Румыния, Италия, Финляндия и Германия. Договоры позволили странам вернуть свои суверенные права и стать членами ООН.

Принципы права, выработанные по окончании Второй мировой войны, играли большое влияние в борьбе с нарушителями прав и свобод человека в разных регионах мира. Так, в послевоенный период международное сообщество стало более активно обсуждать вопрос расовой дискриминации. Нормы, установленные Конвенцией о предупреждении и наказании преступления геноцида и унижении прав человека, явились основой для международного осуждения политики апартеида, сподвижником которой было правительство Южной Африки. Резолюциями ООН были приняты ограничительные меры в отношении действующей власти Южной Африки и соответствующие санкции. Экономическое развитие страны фактически остановилось, что требовало проведение реформ. Уже в начале 1990-х готов был законодательно снят запрет с деятельности оппозиционных партий, сопротивляющихся апартеиду, был освобожден Н. Мандела, а в стране была объявлена политическая амнистия. После создания правительства «национального единства» и падения режима апартеида была создана Комиссия правды и примирения, которая занималась расследованием нарушения прав и свобод человека и способствовала процессу национального примирения, что продемонстрировало солидарность международного сообщества в разрешении данного вопроса.

Содействие процессу ликвидации преступных режимов должен оказывать и МУС, который располагается в Гааге, но имеет полевые офисы на других территориях. Так, в его юрисдикцию включены дела следующих четырех категорий: геноцид, военные преступления, преступления против человечности и преступления агрессии. МУС должен специализироваться на привлечении к ответственности не только непосредственных исполнителей преступления, но и виновных должностных лиц государств. МУС следует различать с Международным судом ООН, который также базируется в Гааге, но в компетенцию которого входит разрешение споров между странами. Судебный процесс в МУС строится из наработок международной и национальной практик. При этом МУС не вправе самостоятельно инициировать следственные действия (последние могут быть осуществлены на основании представленной прокурору информации, либо по его решению или по результатам изучения сведений, переданных Советом Безопасности ООН). Кроме того, на юрисдикцию МУС наложены ограничения, заключающиеся в отсутствии у него полномочий для принудительного исполнения; невозможности привлечения к ответственности лиц, являющихся гражданами государства, или совершивших преступление на территории государства, которое не ратифицировало Римский статут; отсутствии у него преимущественной силы над национальной юрисдикцией государства и в отношении преступлений, совершенных до 2002 года.

Наиболее известными решениями МУС является ордер на арест премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху, министра обороны Й. Галланта и лидеров движения ХАМАС, выданный в 2024 г., по обвинениям в геноциде и военных преступлениях, однако ряд государств раскритиковали данное решение, а Аргентина и Венгрия отказались исполнять ордер. Другим примером является начатое еще в 2010 г. расследование в отношении У. Кениата и У. Руто в связи с событиями в Кении 2007—2008 годов, когда политический кризис в стране перерос в этнические чистки. Расследование продолжалось и после того, как в 2013 г. У. Кениата победил в президентских выборах, а У. Руто был назначен на должность вице-президента. Однако уже в 2014 и 2016 годах соответственно обвинение было с

них снято, а в 2023 г. расследование прекращено[1].

Для уголовного преследования и привлечения к ответственности лиц, совершивших военные преступления и преступления против человечности, могут быть созданы и специальные Международные трибуналы такие как, в частности, по Югославии или Руанде. Первый был создан резолюций Совета Безопасности ООН в ответ на геноцид и массовые нарушения в ходе боевых действий. Одним из наиболее известных дел стал суд над С. Милошевичем, экс-президентом Сербии, обвиняемого в совершении военных преступлений, преступлении против человечности, в нарушении законов и обычаев войны в Косово, Боснии и Герцеговине. По результатам трибунала такие преступления как сексуальное насилие были признаны военными преступлениями; разъяснено понятия «геноцид», под которым стало пониматься умышленное убийство; пытки и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты; умышленное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья или нанесение ущерба здоровью; незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемые военной необходимостью; принуждение военнопленного или гражданского лица служить в вооруженных силах неприятельской державы; умышленное лишение прав военнопленного или гражданского лица на беспристрастное и нормальное судопроизводство; незаконное депортирование, перемещение или арест гражданского лица; взятие гражданских лиц в качестве заложников[2].

Международный трибунал по Руанде, созданный в 1994 г. резолюцией Совета Безопасности ООН, осуществлял расследование и судебное преследование лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения прав человека в Руанде за период с апреля по июль 1994 г. Этот суд особое внимание уделил делу, связанному с большим количеством перемещенных граждан. Правовыми последствиями трибунала явилось привлечение к ответственности местных руководителей, политиков, журналистов и госслужащих, признанных виновными в предъявленных им обвинениях. Этим судом впервые в истории был вынесен приговора за геноцид как уголовно наказуемое деяние, а также признана существенной роли отдельных средств массовой информации в призывах к уничтожению определенной группы населения и даже в координации насилия[3].

Несмотря на имеющуюся практику деятельности международных трибуналов в современных условиях, в разных странах наблюдается рост националистических движений, которые использую риторику, схожую с нацистской. Такие движения зачастую основываются на идеях ксенофобии, расизме и антиэмигрантских

[1] Согласно заключению Международно-правового совета при МИД России от 08.05.2024 «Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда» значительные вопросы вызывает деятельность МУС с точки зрения судопроизводства (в его практике неоднократно имели место противоречащие друг другу решения. Отмечается злоупотребление практикой особых мнений судей, порой подменяющих собой официальную мотивировку решений. Неоднозначно выстраивается взаимодействие судебных палат с прокурором, единоличные полномочия которого фактически ставят судей в зависимое от него положение (вывод 4)). Национальное исполнение ордеров на арест, выданных МУС, является формой осуществления государством своей собственной уголовной юрисдикции. Попытка исполнения ордера на арест, выданного МУС в отношении должностных лиц государств, не являющихся участниками Римского Статута и в отсутствие соответствующего решения СБ ООН, стала бы нарушением норм об иммунитетах и, следовательно, международно-противоправным деянием соответствующего государства, влекущим международную ответственность этого государства (вывод 6). Электронный ресурс: URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/legal_problems_of-international_cooperation/1949021 (дата обращения 10.02.2024).

[2] Устав Международного трибунала по бывшей Югославии: [электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml (дата обращения: 09.02.2025).

[3] Федотов А.В. Геноцид и международное право: история и современность. М., 2019. С. 156—159.

настроениях, что приводит к разделению общества и росту насилия, а наибольшую угрозу для мировой стабильности стали представлять дезинформация и манипуляции.

Таким образом, победа над нацизмом в Великой Отечественной войне оказала значительное влияние на формирование международного и международного гуманитарного права. Она привела к созданию таких базовых международных актов, как Конвенция о предупреждении и наказании преступления геноцида, Женевские конвенции и Парижские мирные договоры. Эти изменения не только укрепили основы международного правопорядка, но и заложили фундамент для дальнейшей борьбы за справедливость и защиту основных прав человека в условиях глобальных вызовов и угроз. Уроки войны явились основой формирования практики создания международных трибуналов, результаты деятельности которых, полагаем, могут быть восприняты и в современных условиях для обеспечения поддержания мира и безопасности, неотвратимого привлечения к ответственности виновных за серьезные нарушения прав и свобод человека.

Список источников

1. Алексеев С.С. Нюрнбергский процесс и его значение для международного права // Право и политика: проблемы взаимодействия. Москва, 2010. С. 45—60.

2. Громыко А.А. Организация Объединенных Наций и права человека: исторический аспект // Право и жизнь. 2016. № 3. С. 12—18.

3. Кузнецов А.В. Влияние Великой Отечественной войны на развитие международного права // Международное право. 2015. № 2. С. 45—58.

4. Лебедев В.П. Женевские конвенции и их значение для международного гуманитарного права // Современные проблемы международного права : сборник научных трудов. Москва, 2017. С. 23—34.

5. Федотов А.В. Геноцид и международное право: история и современность. Москва, 2019. 250 с.

The legal consequences of victory in the Great Patriotic War for the further struggle for justice and the protection of fundamental human rights in the face of global challenges and threats

© **Shestak V.A.,**
Doctor of Juridical Science, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics, A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
© **Ratkovsky I.I.,**
military personnel, Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the assessment of the legal consequences of victory in the Great Patriotic War and their impact on the formation of international and international humanitarian law. It examines how the victory over nazism became a catalyst for the creation of norms ensuring individual criminal responsibility for war crimes and crimes against humanity; contributed to the formation of the United Nations and the adoption of the Charter of the United Nations, as well as the issuance of a number of international acts. The authors explore the importance of the lessons of the past for shaping legal policy and conditions of social justice in the future, focusing on the need to ensure the protection of human and civil rights in the face of modern challenges.

Keywords: The Great Patriotic War, victory over fascism, criminal liability, international tribunal.

For citation: Shestak V.A., Ratkovsky I.I. The Legal consequences of Victory in the Great Patriotic War for the Further Struggle for justice and the Protection of fundamental human rights in the Context of Global Challenges and Threats // Military Law. 2025. No. 2. pp. 203-209.

The article was received by the editorial office on February 15, 2025.

О некоторых особенностях развития системы судов общей юрисдикции суверенного Таджикистана

© **Шумилин Алексей Владимирович**,
аспирант кафедры судебной власти, гражданского общества и правоохранительной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов

Аннотация. В статье представлен ретроспективный анализ становления и развития системы судов общей юрисдикции суверенного Таджикистана. Автор раскрывает ключевые особенности конституционных и судебно-правовых реформ, проведенных в государстве, а также оценивает достигнутые результаты и указывает на необходимость дальнейшего совершенствования национального правосудия.

Ключевые слова: судебная власть, суды общей юрисдикции, конституционная реформа, судебно-правовая реформа, судебная система Республики Таджикистан.

Для цитирования: Шумилин А.В. О некоторых особенностях развития системы судов общей юрисдикции суверенного Таджикистана // Военное право. 2025. № 2. С. 210—217.

Статья поступила в редакцию 24 февраля 2025 г.

После распада Союза ССР в 1991 г. и обретения полноценного государственного суверенитета Республика Таджикистан и Российская Федерация начали свои самостоятельные пути развития государственности, где столкнулись с необходимостью проведения обширных внутригосударственных реформ, нацеленных на приведение внутринациональных законодательств в соответствие с актуальными социально-экономическими процессами, проходящими в обществах, а также общепринятыми нормами международного права. Данные преобразования не обошли стороной и судебную власть. В целом этот трудоемкий и времязатратный процесс начался с разработки и последующего принятия ряда актуальных и важных законов, которые были направлены на модернизацию и обновление внутригосударственных правовых систем. Как уже давно известно, для достижения наиболее эффективных результатов реформирование правовой системы страны должно осуществляться не просто в одном, а во взаимосвязанных и комплексных направлениях. Это означает, что при проведении правовых реформ, в том числе судебно-правовых, необходимо применять комплексный подход, который будет учитывать все стороны и аспекты правового регулирования, дабы обеспечить гармоничное развитие государственного устройства и социально-экономической сферы страны.

Отношение к судебной власти изменилось после распада Союза ССР и появления суверенных государств на постсоветском пространстве. В этом аспекте положительным стало разделение государственной власти на отдельные ветви в соответствии с конституциями суверенных государств. Основой для проведения внутригосударственных правовых реформ можно считать принятие новых национальных конституций Республики Таджикистан и Российской Федерации, которые закрепили такие ключевые и фундаментальные принципы в жизни этих государств, как верховенство закона, демократии, социальной направленности, разделения властей, а также преобладание норм международного права над внутригосударственными нормами. Кроме того, особое внимание уделяется признанию и защите прав и свобод каждого человека и гражданина, что стало неотъемлемой частью современных конституционных законодательств исследуемых стран. Эти ключевые нормы и

принципы служат не просто ориентиром, но и фундаментом для проведения комплексных и всеобъемлющих реформ, направленных на улучшение жизни и условий жизнедеятельности людей.

Трудно переоценить роль и значение судебной власти в любом современном, правовом и демократическом государстве. Суды общей юрисдикции Республики Таджикистан и Российской Федерации, будучи наиболее близкими к населению и его насущным проблемам, демонстрируют всю важность судебных институтов в защите прав и свобод граждан. Их деятельность, основанная на принципах законности и справедливости, служит одним из ключевых инструментов укрепления правопорядка и доверия общества к государственным институтам.

А.А. Мурадов обращает внимание на то, что за прошедшие годы после обретения государственной независимости судебная власть в Республике Таджикистан подверглась большим изменениям, прежде всего, в качественную сторону. В первую очередь связаны данные изменения с проводимыми в Таджикистане конституционными и судебно-правовыми реформами, направленными на улучшение и модернизацию судебной власти[1].

В последние годы в Республике Таджикистан наблюдается активная фаза судебно-правовых преобразований, направленных на оптимизацию и модернизацию судебной власти, в том числе судов общей юрисдикции. Данные реформы можно условно разделить на два крупных хронологических и содержательных этапа, каждый из которых имеет свою специфику.

Первый этап — конституционный, который можно охарактеризовать как формирование нормативно-правовой базы для дальнейшего развития судебной системы, к особенностям данного этапа можно отнести внесение большого количества изменений в Конституцию республики по широкому кругу вопросов, в том числе связанным с судебной властью. Второй этап — судебно-правовой, который предполагает адаптацию судебной системы к новым условиям жизни государства и общества, повышение эффективности работы судов, а также оптимизацию их деятельности. К особенности данного этапа стоит отнести исключительную направленность данных реформ на деятельность, непосредственно связанную с судебной властью.

Конституционный этап преобразований судов общей юрисдикции республики начинается с конца 1994 г., где за точку отсчета берется знаменательное для новой истории Таджикистана событие — принятие новой национальной Конституции и заканчивается в конце 2003 г. в связи с внесением крупных поправок, весомо затрагивающими организацию и деятельность судов общей юрисдикции. Данный этап государственных преобразований можно охарактеризовать как время активного построения мощного фундамента для последующего строительства сильной и независимой судебной власти.

Общеизвестно, что основу для формирования и развития современных судебных систем государств, ранее входивших в состав Союза ССР (включая Республику Таджикистан и Российскую Федерацию), заложила советская судебная система. При этом важным обстоятельством выступает тот факт, что в переходный период, начиная с распада Союза ССР и до принятия новых национальных Конституций, суды общей юрисдикции и другие судебные органы продолжали действовать на основе законодательства уже не существующего государства, осуществляя правосудие по принципу правопреемственности. Именно такое сочетание исторического опыта и формирующихся национальных правовых механизмов позволило обоим государствам сохранить базовые институты судопроизводства и судоустройства, од-

[1] Мурадов А.А. Некоторые правовые аспекты деятельности судебной власти Таджикистана, направленные на защиту прав человека на жизнь и здоровье // Образование и право. 2016. № 9. С. 175—179.

новременно адаптировать их к новым политическим и правовым реалиям. С одной стороны, это обеспечило определенную стабильность в переходный период, а с другой — заложило фундамент для дальнейшего совершенствования судебной системы в постсоветский период[1].

Основные положения национальной Конституции Республики Таджикистан 1994 г., касающиеся вопросов организации суда и правосудия, стали прочным стержнем и фундаментом, который на самом высоком законодательном уровне установил форму устройства и конституционно-паровой статус системы судов общей юрисдикции республики. Так, в систему судов общей юрисдикции Республики Таджикистан стали структурно входить Верховный суд, Военный суд в лице Военной коллегии Верховного суда и военных судов соответствующих гарнизонов, областные суды, к которым по статусу были приравнены суд города Душанбе и суд Горно-Бадахшанской автономной области, а также иные районные и городские суды, образованные в соответствии с административно-территориальным устройством страны. Также в ней был зафиксирован единый для судей судов общей юрисдикции республики всех уровней и видов срок полномочий, равный 5 годам, при этом назначать на должность судей нижестоящих судов стал Президент Республики Таджикистан по непосредственному представлению со стороны министра юстиции республики.

Необходимо отметить, что подобная процедура отбора и дальнейшего представления к назначению судейского корпуса именно по представлению министра юстиции, являющегося главой одного из органов исполнительной власти, является достаточно спорным решением, так как, по нашему мнению, разделение публичной государственной власти на независимые друг от друга ветви не подразумевает подобной процедуры отбора и концептуально является большим недостатком. Также к концептуальным недостаткам в научно-юридическом сообществе принято относить нахождение в составе судов в качестве их структурных подразделений служб, непосредственно занимающихся принудительным исполнением судебных актов и решений, касательно Республики Таджикистан — это Служба исполнения.

На основании положений о судебной власти, изложенных в новой национальной Конституции Республики Таджикистан 1994 г., был принят целый ряд нормативных правовых актов, непосредственно регламентирующих организацию и деятельность судов общей юрисдикции республики, к коим относятся конституционные законы: о судоустройстве, статусе судей, Верховном суде и военных судах, где каждый конституционный закон регулировал отдельные направления организации и деятельности данных судебных учреждений и их судей. Подобная практика принятия отдельных законов практиковалась и практикуется в настоящее время в Российской Федерации.

Первые крупные законодательные изменения, непосредственно связанные с организацией и деятельностью судов общей юрисдикции Республики Таджикистан, стали результатом прошедшего в конце 1999 г. всенародного референдума по внесению актуальных изменений в новую национальную Конституцию Республики Таджикистан 1994 г. Большим нововведением стало изменение концепции отнесения организационного, кадрового и материально-технического обеспечения функционирования деятельности судов общей юрисдикции республики из ведения Министерства юстиции к новообразованному специальному органу государственной власти – Совету юстиции, состоящему из представителей всех трех ветвей публичной государственной власти и представителей Пре-

[1]Ярашев З.М. История формирования новой судебной системы Республики Таджикистан (1991—2011 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. Худжанд, 2012.

зидента Республики Таджикистан по кадровым вопросам.

Другие немаловажные законодательные изменения, непосредственно связанные с судами общей юрисдикции республики, стали результатами второго всенародного референдума, прошедшего в середине 2003 г., вследствие которого стало увеличение единого для судей всех видов судебных учреждений срока полномочий с 5 лет до 10 лет, также были значительно ужесточены критерии, предъявляемые к кандидатам на должности судей Верховного суда, областных и приравненных к ним судов (города Душанбе и Горно-Бадахшанской автономной области), в частности, установлены строгие возрастные ограничения — не моложе 30 лет и не старше 65 лет, также дополнительным условием стало наличие не менее пятилетнего судейского (профессионального) стажа. С другой стороны, для судей районных и приравненных к ним по статусу судов были установлены более мягкие, но не менее значимые требования, в том числе возрастные ограничения не моложе 25 лет и не старше 65 лет, а также наличие не менее трехлетнего профессионального стажа, который не обязательно должен быть судейским, но юридическим. Данные изменения были призваны гарантировать у всех судей высокий уровень профессиональной квалификации и жизненного опыта для разрешения самых разнообразных и сложных споров.

Вместе с тем, следует отметить, что незыблемость провозглашенной конституцией свободы, обеспечение справедливости, верховенства права и принцип разделения властей требуют, чтобы законодательная власть сформулировала нормы права, а их применением и исполнением занимались исполнительные ветви власти, а в случаях возникновения споров о правах в дело вступает судебная власть, которая вправе только судить о соответствии или несоответствии закону определенного факта, действия, притязания. Именно поэтому одной из центральных поправок, внесенных в Конституцию республики в 2003 г., стало исключение права законодательной инициативы у Верховного суда, что вызвало большое количество споров в юридическом сообществе.

Судебно-правовой этап преобразований судов общей юрисдикции республики начинается с середины 2006 г., то есть принятия и утверждения на законодательном уровне первой судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на краткосрочный четырехлетний период 2007—2010 гг. и последующим принятием еще трех краткосрочных судебно-правовых реформ, рассчитанных на 2011—2013, 2015—2017, 2019—2021 годы. Данный этап государственных преобразований можно охарактеризовать как логическое продолжение конституционного этапа, направленное на адаптацию судебной системы к новым условиям жизни государства и общества, повышение эффективности работы судов, а также оптимизацию их деятельности. Одним из главных аспектов, прослеживающимся во всех программах судебно-правовых реформ, является обеспечение принципа независимости судебной власти от других ветвей государственной власти.

Х.М. Мирзамонзода справедливо указывает, что национальная Конституция Республики Таджикистан 1994 г. заложила прочную правовую основу для дальнейших преобразований в сфере реформирования и совершенствования судебных учреждений республики. При этом краткосрочные программы судебно-правовых реформ определяли основные направления и инструменты практической реализации этих преобразований, способствуя постепенному формированию современной правовой системы Таджикистана[1].

Первой целенаправленной реформой по модернизации организации и деятель-

[1] Мирзамонзода Х.М. Анализ реализации судебно-правовой реформы в Таджикистане и необходимость разработки концепции судебно-правовой политики // Правовая жизнь. 2020. № 2 (30). С. 133—146.

ности судов общей юрисдикции Республики Таджикистан и приведение их в соответствие с актуальными запросами таджикистанского общества и международными стандартами принято считать четырехлетнюю судебно-правовую реформу, проходившую с 2007 по 2010 годы. Указанная реформа была призвана коренным образом изменить и модернизировать в лучшую сторону структуру системы судов общей юрисдикции республики, а также усилить роль суда в защите интересов граждан, государства, организаций, соответственно, обеспечить законность и справедливость в обществе.

К конкретным мерам, призванным реализовать вышеуказанные цели, стоит отнести крупные концептуальные изменения в структуре и процессуальной деятельности судебных учреждений системы судов общей юрисдикции Республики Таджикистан.

Во-первых, вывод из штатной структуры судебных учреждений и Совета юстиции специальной службы и ее должностных лиц, непосредственно занимающихся принудительным исполнением судебных актов и решений, то есть программа предусматривала конкретные мероприятия по выводу системы исполнительного производства из структуры судов и ее подведомственности Совету юстиции в пользу подведомственности Министерству юстиции Республики Таджикистан. Данное структурное предписание судебно-правовой реформы было исполнено в полном объеме уже к концу 2008 г. в связи с принятием новой и изменением старой нормативно-правовой базы республики.

Во-вторых, образование из уже имеющихся кадров и на базе уже существующих судебных учреждений общей юрисдикции республики — Верховного суда и судов регионального уровня и приравненных к ним (суда города Душанбе и Горно-Бадахшанской автономной области) узкоспециализированных судебных коллегий, целью которых будет являться исключительное рассмотрение семейных и административных споров в силу того, что данные направления в деятельности судебных учреждений нуждаются в пристальном внимании и кропотливом отношении со стороны судей на данном этапе развития таджикистанского общества. Указанное выше предписание судебно-правовой реформы было воплощено на практике уже к концу 2010 г. в связи с принятием соответствующих изменений в процессуальном и судоустройственном законодательстве Республики Таджикистан, что все же потребовало значительно расширить штат аппаратов соответствующих судов.

В-третьих, для обеспечения высококачественного отбора новых кадров на должности судей судов общей юрисдикции республики, которые бы обладали необходимым уровнем профессиональной квалификации и подготовки, большим житейским и профессиональным опытом, а также проявляли высокие моральные и этические качества, предусматривается обязательное прохождение годичной стажировки в должности судьи-стажера. Завершение такой стажировки и успешное прохождение квалификационного экзамена являются необходимыми условиями для последующего назначения на должность судьи суда общей юрисдикции.

Второй по счету, но не менее значимой для таджикистанского общества стала трехлетняя судебно-правовая реформа, проходившая в стране в период с 2011 по 2013 годы, которая явилась планомерным и логическим продолжением предыдущей. Указанная реформа также была призвана закрепить, укрепить и в дальнейшем совершенствовать уже достигнутые в ходе предыдущих конституционных и судебно-правовых реформ положительные результаты.

Так, крупными концептуальными новеллами и изменениями республиканского национального законодательства, закрепленными в программе судебно-правовой реформы в республике, должны были стать следующие поправки.

Во-первых, в рамках уголовного судопроизводства передача исключитель-

ных полномочий по принятию решений об ограничении конституционных прав граждан на неприкосновенность жилища, тайну переписки, свободу перемещения и других возложена на судей судебных учреждений системы судов общей юрисдикции. При этом, если каким-либо судьей данных учреждений принято решение о наложении соответствующей санкции, то впоследствии он не может участвовать в рассмотрении того же дела ни на какой стадии уголовного судопроизводства. На практике такие кардинальные изменения национального уголовно-процессуального законодательства стали одним из ключевых факторов, обусловливающих организационно-структурные и кадровые преобразования в судебных учреждениях страны, так как данный процесс сопровождался комплексом соответствующих мероприятий, направленных, прежде всего, на увеличение штатной численности судей в районных и городских судах основного звена республики. Это привело также к необходимости расширения штата сотрудников аппаратов соответствующих судов. До внесения поправок в национальное уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан в большинстве судебных органов основного звена, за исключением таких крупных городов, как Душанбе, Худжанд, Куляб и др., штатным расписанием предусматривалась должность лишь одного судьи. После введения в действие соответствующих поправок штатное расписание данных судебных органов стало составлять минимально два судьи.

Во-вторых, с одной стороны, вышеуказанные процессуальные и кадровые изменения, с другой — возросшая судебная нагрузка на судей привели к организационным преобразованиям во всей системе судов общей юрисдикции Республики Таджикистан, на практике проявившимся в образовании в штатном расписании крупных судов с численностью судей в количестве пяти и более должностей заместителей председателей соответствующих судебных учреждений.

В-третьих, описательная часть судебно-правовой реформы предполагала демилитаризацию статуса судей военных судов республики, однако, по настоящее время это осталось только в концепции и в жизнь не воплощено. Заслуживает внимания тот факт, что в ходе реализации в Российской Федерации судебных реформ произошло радикальное изменение исторически сложившегося подхода в определении двойственного статуса судьи военного суда, сочетающего в себе одновременно статус действующего судьи и военнослужащего. После 2009 г. произошла демилитаризация судей российских военных судов, что вызвало большое количество дискуссий и споров в юридическом сообществе.

Третьей по счету стала трехлетняя судебно-правовая реформа, проходившая в Республике Таджикистан в период с 2015 по 2017 годы наряду с конституционной реформой 2016 г., которые внесли существенные изменения в организационную структуру системы судов общей юрисдикции республики.

Во-первых, главной новеллой данных преобразований вновь стало изменение концепции обеспечения организационного, кадрового и материально-технического обеспечения функционирования деятельности судов общей юрисдикции из функций специально созданного в ходе конституционной реформы 1999 г. коллегиального органа государственной власти — Совета юстиции Республики Таджикистан на отнесение данных вопросов в компетенцию Верховного суда республики, так как ликвидированный орган государственной власти не отвечал конституционному принципу самостоятельности судебной власти в контексте разделения властей.

Во-вторых, программой реформы предусматривалось дальнейшее развитие идеи о том, что каждый вид судебных учреждений республики должен выступать только в качестве одной судебной инстанции, в связи с чем планировалось исключение из деятельности судебных учреждений областного звена и приравн-

ненных к ним (суда города Душанбе и Горно-Бадахшанской автономной области) надзорных полномочий, так как они по своей сути дублируют аналогичные полномочия Верховного суда республики, а, как уже известно, рассмотрение надзорных дел является одним из основных направлений деятельности высшего суда республики. Однако во второй половине 2016 г. от данных мероприятий, к сожалению, отказались.

В-третьих, программа судебной реформы предусматривает на законодательном уровне закрепление новой обязанности судов общей юрисдикции, как одних из наиболее сведущих в законе органов публичной власти республики, — мероприятий по реализации повышения правовой грамотности населения, предусмотренных в рамках национальной программы воспитания граждан, заключающейся в пропаганде правовых знаний и разъяснению законов среди населения, гражданских и должностных лиц, военнослужащих, находящихся (проживающих) в юрисдикции (на территории) соответствующего суда, путем проведения выездных судебных заседаний, организаций бесед и встреч в формате лекций, вопросов и ответов. Данные мероприятия реализовывались работниками судебных органов и до принятия соответствующих изменений в национальном законодательстве, однако их закрепление в законе было необходимым.

Президент Республики Таджикистан, Лидер нации уважаемый Эмомали Рахмон обращает особое внимание, что «разъяснение людям норм Конституции, как высшего правового акта, является одной из важнейших задач сотрудников судебных органов в процессе повышения правового просвещения населения»[1].

В заключение следует отметить, что в условиях суверенного Таджикистана судебная власть также, как и все государство в целом претерпела качественные и количественные преобразования, нашедшие свое отражение в ходе проведения конституционных и судебно-правовых реформ. Их результаты оказались исключительно важными для развития государственности независимого Таджикистана и внесли значительный вклад в укрепление судебной власти. Особую ценность приобретает этот факт, поскольку именно судебные органы обладают исключительными полномочиями по отправлению правосудия и гарантируют соблюдение как международных, так и республиканских правовых норм, тем самым поддерживая законность и социальную справедливость в обществе.

Вместе с тем, необходимо понимать, что республиканская система судов общей юрисдикции, как и любое государственное или общественное образование, не может оставаться статичной. Она требует непрерывного внимания, совершенствования и постоянной адаптации к меняющимся правовым, социальным и экономическим условиям. Только поддержание такого динамического развития позволит не только сохранять уже достигнутые успехи, но и сформировать новые эффективные механизмы и подходы для ее дальнейшего развития, обеспечивая тем самым надежную опору для поступательного развития всей правовой системы и государства в целом.

Список источников

1. Мирзамонзода Х.М. Анализ реализации судебно-правовой реформы в Таджикистане и необходимость разработки концепции судебно-правовой политики // Правовая жизнь. 2020. № 2 (30). С. 133—146.

2. Мурадов А.А. Некоторые правовые аспекты деятельности судебной власти Таджикистана, направленные на защиту прав человека на жизнь и здоровье // Образование и право. 2016. № 9. С. 175—179.

3. Ярашев З.М. История формирования новой судебной системы Республики Таджикистан (1991—2011 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук. Худжанд, 2012. 169 с.

[1] Выступление Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона на встрече с работниками судебных органов 05.12.2024 г. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.president.tj/ru (дата обращения: 17.02.2025)

On some peculiarities of development of the system of courts of general jurisdiction of independent Tajikistan

© **Shumilin A.V**,
Postgraduate student of the department of judicial authority, civil society and law enforcement activities of Law Institute of RUDN University

Annotation. The article presents a retrospective analysis of the formation and development of the system of courts of general jurisdiction of sovereign Tajikistan. The author reveals the main stages of constitutional and judicial-legal reforms carried out in the state, as well as assesses the results achieved and points to the need for further improvement of national justice.

Key words: judicial power, courts of general jurisdiction, constitutional reform, judicial and legal reform, judicial system of the Republic of Tajikistan.

For citation: Shumilin A.V. On Some features of the Development of the System of Courts of General Jurisdiction in Sovereign Tajikistan // Military law. 2025. No. 2. pp. 210-217.

The article was received by the editorial office on February 24, 2025.

Правовое регулирование военного сотрудничества Кыргызской Республики и Российской Федерации как основа обеспечения их военной безопасности

© **Щукина Татьяна Владимировна**,
доктор юридических наук, доцент, профессор 20 кафедры (военного права) Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России
© **Токсонбаев Манасбек Эсенбаевич,**
адъюнкт 20 кафедры (военного права), Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы правового регулирования военного и военно-технического сотрудничества Кыргызской Республики и Российской Федерации, выявлены его принципы, отмечается правовая основа военного сотрудничества Кыргызской Республики и Российской Федерации. В исследовании представлены результаты сравнительно-правового анализа Военных доктрин Кыргызской Республики и Российской Федерации, в которых определены ключевые позиции унифицированного подхода обеих стран к содержанию и характеристике военной безопасности, что предопределяет направления военного и военно-технического сотрудничества двух стран.

Ключевые слова: военная безопасность, международный договор, военное сотрудничество, военно-техническое сотрудничество, правовое регулирование, продукция военного назначения, Кыргызская Республика, Российская Федерация.

Для цитирования: Щукина Т.В., Токсонбаев М.Э. Правовое регулирование военного сотрудничества Кыргызской Республики и Российской Федерации как основа обеспечения их военной безопасности // Военное право. 2025. № 2. С. 218—225.

Статья поступила в редакцию 25 января 2025 г.

В современных условиях вопросы обеспечения военной безопасности являются важнейшим направлением деятельности любого государства. Каждое государство в целях укрепления своих военно-политических позиций стремится вести государственную политику, направленную на обеспечение военной безопасности. Одним из ключевых направлений обеспечения военной безопасности является международное военное сотрудничество, регулируемое международным и национальным законодательством, создающим единую правовую систему для взаимодействия государств и их союзов. Правовое регулирование военного сотрудничества Кыргызской Республики и Российской Федерации основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права и на принятых государствами в установленном порядке правовых нормах, направленных на установления и упорядочении общественных отношений в сфере военного сотрудничества. Международные правовые акты и национальные нормативные правовые акты, регулирующие международные общественные отношения неразрывно связанны между собой. Как правило, военное сотрудничество государств характеризуется наличием межгосударственных нормативных правовых актов (договоров, соглашений), национальных нормативных правовых актов в сфере военного сотрудничества, особых форм и методов взаимодействия государств-участников.

Правовое регулирование военного и военно-технического сотрудничества (ВиВТС) основывается на определенных принципах, обеспечивающих его эффективность. По мнению авторов, основопо-

лагающими принципами военного сотрудничества являются:

— единство позиций в сфере обеспечения военной безопасности;

— равенство сторон в области ВиВТС;

— верховенства права и справедливости;

— развития и целесообразной адаптации в условиях нестабильности военно-политической ситуации;

— взаимные интересы стран-участниц в процессе реализации ВиВТС.

Принцип равноправного и взаимодостаточного сотрудничества государств обеспечивают реализацию уникального ландшафта взаимодействия Кыргызской Республики и Российской Федерации в военной и военно-технической сфере, среди которых можно сформулировать следующие черты.

Первое. Наличие межгосударственных договоров:

— Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией, подписанного 10 июня 1992 г.;

— Договор между Кыргызской Республикой и Российской Федерации о сотрудничестве в военной области от 5 июля 1993 г.;

— Соглашение между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Российской Федерации о военно-техническом сотрудничестве от 25 августа 1999 г.;

— Договор между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией о развитии военно-технического сотрудничества от 20 июня 2017 г.

Второе. Действие в системе национального законодательства обеих стран законодательных актов:

— Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами»;

— Указ Президента Российской Федерации от 10 сентября 2005 г № 1062 «Вопросы военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами»;

— Положение о порядке осуществления военно-технического сотрудничества Кыргызской Республики с иностранными государствами, утвержденного постановлением Правительства Кыргызской Республики от 3 октября 2000 г. № 607;

— постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 8 февраля 2001 г. № 39 «Об утверждении нормативных правовых документов, необходимых для дальнейшего развития военно-технического сотрудничества Кыргызской Республики с иностранными государствами».

Третье. Закрепление за органами исполнительной власти полномочий по обеспечению военного и военно-технического сотрудничества. Например, функционирование в Кыргызской Республике Комиссии по военно-техническому сотрудничеству и экспортному контролю[1], в Российской Федерации — Комиссии по вопросам военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами[2].

Четвертое. Осуществление Министерством обороны Российской Федерации в отношении Министерства обороны Кыргызской Республики в рамках ВиВТС передачи вооружения и военной техники.

Пятое. Возникновение новых форм военно-технического сотрудничества (ВТС), особенно в сфере высоких технологий, в том числе, создание совместных образовательных проектов и центров для их разработки.

[1] Положение о Комиссии по военно-техническому сотрудничеству и экспортному контролю, утвержденное постановлением Правительства Кыргызской Республики от 4 мая 2004 г. № 330.

[2] Положение о Комиссии по вопросам военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 10 сентября 2005 г. № 1062.

Как отметил профессор И.В. Холи-ков «негативными факторами, влияющими на обеспечение военной безопасности, являются отставание в развитии высоких технологий, зависимость от импортных поставок научного, испытательного оборудования, программных и аппаратных средств вычислительной техники, стратегических материалов; несанкционированная передача за рубеж конкурентоспособных отечественных технологий; недостаточное развитие нормативно-правовой базы и др.»[1]. В связи в этим авторами предлагается разработка инновационных форм взаимодействия оборонных ведомств обеих стран в сфере ВТС совместно с образовательными организациями и бизнес-структурами в целях формирования конкурентных технологий, производства высокотехнологичной продукции и преодоления барьеров, связанных с импортозамещением. Одновременно осуществление корректировки системы нормативных правовых актов в сфере ВТС. Это позволит оптимизировать поставки продукции двойного назначения и иной продукции военно-технического назначения по двухсторонним соглашениям.

Военное сотрудничество Кыргызской Республики и Российской Федерации охватывает широкий спектр направлений, включая размещение военных объектов одной стороны на территории другой, разработку и модернизацию вооружений, совместные учения и программы обмена знаниями. Уникальность сотрудничества заключается в его стратегическом значении для обеих стран, позволяя эффективно реализовать национальные интересы и поддерживать региональную безопасность.

В каждом государстве существует установленный порядок заключения и вступления в силу международных договоров, который регламентирован внутренними национальными нормативными правовыми актами, а также порядок правового регулирования общественных отношений, складывающихся между государствами в сфере военного сотрудничества.

Базовыми нормативными правовыми актами в сфере военного сотрудничества двух стран являются законы в сфере обороны. Закон Кыргызской Республики от 24 июля 2009 г. № 242 «Об обороне и Вооруженных Силах Кыргызской Республики», который определяет основы и организацию обороны Кыргызской Республики, является базовым нормативным правовым актом в сфере обеспечения военной безопасности. Оборона организуется и осуществляется в соответствии с Конституцией Кыргызской Республики, законодательством Кыргызской Республики, принципами и нормами международного права, а также вступившими в установленном законом порядке в силу международными договорами.

Согласно Закону Кыргызской Республики «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» Конституция обозначается как нормативный правовой акт, имеющий высшую юридическую силу и закрепляющий основополагающие принципы и нормы правового регулирования важнейших общественных отношений, создающий правовую основу для принятия законов и других нормативных правовых актов. Таким образом, Конституция Кыргызской Республики формирует правовой базис для совершенствования международного сотрудничества, включая двухстороннее взаимодействие в сфере ВиВТС.

В ч. 3 ст. 6 Конституции Кыргызской Республики установлено, что общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры, вступившие в силу в соответствии с законодательством Кыргызской Республики, являются составной частью правовой системы Кыргызской Республики. Порядок и условия применения

[1] Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12(293). С. 116—120.

международных договоров и общепризнанных принципов и норм международного права определяются законом (см., например, Соглашение между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией о создании Объединенной региональной системы противовоздушной обороны Кыргызской Республики и Российской Федерации, заключенное 16 августа 2022 г. в Москве).

Закон Кыргызской Республики «О международных договорах» обеспечивает функционирование международных договоров Кыргызской Республики как правовой основы международных отношений Кыргызской Республики. Именно международный договор в ст. 2 Закона Кыргызской Республики «О международных договорах Кыргызской Республики» закрепляется в качестве основы взаимоотношений Кыргызской Республики с другими странами. В Законе регламентируется понятие международного договора Кыргызской Республики: это вступивший в установленном законом и другими нормативными правовыми актами Кыргызской Республики порядке в силу международный договор, участницей которого является Кыргызская Республика, представляющий собой равноправное и добровольное соглашение Кыргызской Республики с одним или несколькими государствами, международными организациями или с другими субъектами международного права относительно прав и обязанностей в области международных отношений. Например, Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией, подписанный 10 июня 1992 г. в Москве.

Согласно ст. 11 указанного Закона межгосударственные и межправительственные международные договоры об установлении сотрудничества в военной области подлежат ратификации. Решение о ратификации международных договоров принимается Жогорку Кенешем Кыргызской Республики в форме закона (закона о ратификации), который в последующем подлежит подписанию Президентом Кыргызской Республики.

Аналогичные нормы права также предусмотрены и в законодательстве Российской Федерации, в частности, Федеральным законом «Об обороне», где оборона организуется и осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, настоящим Федеральным законом, законами Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами. Схожая позиция относительно статуса международных договоров фиксируется в Конституции Российской Федерации. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации иобщепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Помимо международных договоров, правовое регулирование военного сотрудничества между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией основывается на сложившейся внутренней национальной системе законодательства каждой из стран в сфере военного сотрудничества:

— Конституция Кыргызской Республики, Конституция Российской Федерации;

— общепризнанные принципы и нормы международного права;

— внутренние национальные нормативные правовые акты Кыргызской Республики и Российской Федерации, регулирующие вопросы обеспечения военной безопасности.

Все вышеуказанные нормативные правовые акты не должны противоречить друг другу и находятся в гармоничной взаимосвязи. Подобная гармонизация законодательства о военном сотрудничестве и ВТС обусловлена систематической реализацией алгоритма нормообразова-

ния, который позволяет двум системам права существовать в согласованном и обоюдном режиме самостоятельности и взаимосвязи. «С точки зрения методов нормообразования внутригосударственное и международное право являются самостоятельными системами, но с точки зрения правоприменения они неразрывно взаимосвязаны» [1]. «Эти две самостоятельные системы права не существуют изолированно друг от друга. На нормообразование в международном праве оказывают влияние национальные правовые системы, которые находят отражение и учитываются во внешней политике и дипломатии государств. Международное право, в свою очередь, влияет на национальное законодательство»[2].

Тем самым, международные правовые акты, вступившие в силу в установленном порядке, и внутренние национальные нормативные правовые акты каждой из стран в равной мере считаются правовой основой международного сотрудничества. Таким образом, правовую основу военного сотрудничества Кыргызской Республики и Российской Федерации составляют как система международных правовых актов, так и система внутренних национальных нормативных правовых актов, регулирующих отношения между Кыргызской Республикой и Российской Федерации в сфере обеспечения военной безопасности.

Основы современного военного сотрудничества были заложены в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией, подписанного 10 июня 1992 г. в г. Москве, а также в Договоре между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией о сотрудничестве в военной области от 5 июля 1993 г., в которых предусмотрены основные направления военного сотрудничества:

— размещение военных объектов одной стороны на территории другой;

— сохранение сложившихся связей по производству, ремонту и снабжению вооружением, военной техникой и другими материальными средствами;

— совместное использование военных полигонов и учебных центров;

— подготовка военных кадров;

— взаимодействие сил и средств ПВО и др.

Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией, подписанного 10 июня 1992 г. установлены, что Стороны взаимодействуют в целях укрепления мира, повышения стабильности и безопасности как в глобальном, так и региональном масштабе. Стороны сотрудничают в обеспечении совместной оборонной политики на основе согласованных положений своих военных доктрин, исходят из того, что территория обоих государств входит в общее военно-стратегическое пространство.

С этой целью они придерживаются единого подхода к поддержанию достаточных для обороны вооруженных сил, находящихся в подчинении органов военного управления сторон, проводят согласованную военно-техническую политику, включая финансирование военных программ, заказы вооружений и военной техники, а также их испытания. В целях обеспечения надежной безопасности в регионе и международного мира стороны на основе взаимной договоренности предоставляют право использование военных объектов на их территории, согласуют порядок использования средств контроля воздушного и космического пространства.

С учетом новых вызовов, таких, как рост международного терроризма и киберугроз, требуется адаптация законодательства о военном сотрудничестве и ВТС двух стран. Доктриной военного права разработаны определенные подходы к решению указанной проблемы. Так,

[1] Международное право : учебник / Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2005. С. 22.

[2] Международное право : учебник / Отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. М.: Междунар. отношения, 1994. С.12.

профессор А.В. Кудашкин и профессор В.В. Кудашкин отмечают, что «одним из перспективных направлений военно-правовых исследований выступают вопросы коллективной обороны в рамках военного сотрудничества» [1]. Профессор И.В. Холиков указывает на «угрозы гибридной войны и необходимость развития военно-технического сотрудничества стран-партнеров для противодействия им»[2]. Боброва О.Г. полагает, что «в условиях агрессивных действий гибридного характера обоснована постановка вопроса о развитии военного сотрудничества в области коллективной обороны в информационной сфере»[3].

Следовательно, сообразно положениям военно-правовой доктрины и правоприменительной практики важными шагами в развитии военного сотрудничества будет укрепление механизмов информационного обмена, модернизация нормативных правовых актов в сфере обороны, а также участие в совместных учениях и подготовке специалистов. Развитие организационно-правовых механизмов, таких как упрощение процедур обмена информацией и обучение военных кадров, станет важным элементом укрепления сотрудничества.

Одним из значимых правовых оснований военного сотрудничества между двумя странами в сфере ПВО является вступившее в силу 2 ноября 2023 г. Соглашение между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией о создании Объединенной региональной системы противовоздушной обороны Кыргызской Республики и Российской Федерации, подписанное 16 августа 2022 г. в Москве. Соглашение было подписано во исполнение достигнутых договоренностей по созданию Объединенной региональной системы противовоздушной обороны. Целью создания Объединенной региональной системы противовоздушной обороны Кыргызской Республики и Российской Федерации, которая является составной частью объединенной системы противовоздушной обороны государств-участников Содружества Независимых государств является совершенствования противовоздушной обороны в регионе.

С учетом специфики подразделений противовоздушной обороны Соглашением регламентированы вопросы применения размещаемых подразделений. Согласно ст. 6 Соглашения координацию совместных действий войск (сил) Объединенной региональной системы противовоздушной обороны Кыргызской Республики и Российской Федерации и войск (сил) Российской Федерации, входящих в состав других региональных систем противовоздушной обороны государств-участников Содружества Независимых Государств, осуществляет главнокомандующий Воздушно-космическими силами Вооруженных Сил Российской Федерации.

Следовательно, реализация Соглашения в первую очередь позволит формированию правовых условий для размещения российских подразделений противовоздушной обороны на территории Кыргызской Республики и их применение под управлением кыргызской стороны, развитию нормативной правовой базы, а также будет способствовать решению возникающих сложностей по обеспечению безопасности воздушного пространства Кыргызской Республики и Российской Федерации, как при подготовке, так и в ходе проведения совместных мероприятий и повседневной деятельности войск, что в целом положительно скажется на обеспечении военной безопасности двух государств.

[1] Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. III : Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022. С. 486.

[2] Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 30.

[3] Боброва О.Г. Военно-правовые аспекты обеспечения безопасности Государственной границы Российской Федерации в условиях специальной военной операции и современных вооруженных конфликтов // Военное право. 2024. № 5(87). С. 9—17.

С точки зрения авторов, правовое регулирование военного сотрудничества между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией представляет собой сложившуюся многокомпонентную структуру, которая включает в себя как компоненты многостороннего регулирования (ОДКБ), так и двусторонние соглашения (например, по авиабазе в Канте). Дальнейшее совершенствование системы правового регулирования военного сотрудничества этих стран возможно по многим направлениям, связанным как с защитой прав интеллектуальной собственности при совместных военно-технических разработках, так и с развитием системы военного образования.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие позиции военного сотрудничества Кыргызской Республики и Российской Федерации:

1. Военное сотрудничество между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией играет ключевую роль в обеспечении военной безопасности как на национальном, так и на региональном уровнях. Сотрудничество, прежде всего, направлено на развитие национальных вооруженных сил, а также обеспечение стабильности, укрепление и поддержания международного мира и безопасности в Центрально-Азиатском регионе и в мире в целом. С учетом новых угроз перед странами стоит задача развивать, усовершенствовать правовую базу и организационные механизмы сотрудничества, что позволит эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям глобальной безопасности.

2. Правовую основу военного сотрудничества Кыргызской Республики и Российской Федерации составляет система взаимосвязанных международных и национальных правовых актов.

3. Военное сотрудничество между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией содействует обеспечению военной безопасности двух государств и региональной безопасности, особенно с учетом таких военных опасностей и угроз, как международный терроризм, киберугрозы и транснациональная преступность. Совместные усилия позволяют не только укреплять военную мощь стран, но и сохранять стабильность в Центрально-Азиатском регионе.

4. Создание объединенной региональной системы противовоздушной обороны между Кыргызской Республикой и Российской Федерации придает стратегическое значение сотрудничеству в военной сфере. Подобная интеграция не только формирует оборонительные возможности обоих государств, но и обеспечивает более оперативное реагирование на угрозу.

5. Дальнейшее развитие партнерства обусловлено изменением характера боевых действий, активным применением роботизированной техники и искусственного интеллекта. Оно должно включать в себя совершенствование нормативной правовой базы, а также повышение уровня военно-технического сотрудничества. Важным направлением является развитие оборонно-промышленного комплекса, унификация типовых вооружений и техники, а также расширение программ военного образования. Особое значение имеет современная подготовка кадров и разработка инновационных технологий, которые можно было бы применить в условиях современного мира, включая использование беспилотной авиации и радиоэлектронной борьбы. Развивается ВТС по вопросам разработки, производства и поставки высокотехнологичной военной и специальной техники.

В будущем Кыргызская Республика и Российская Федерация, кроме основных направлений военного сотрудничества, должны прилгать усилия для определения новых направлений и совершенствования форм сотрудничества. Правовое регулирование военного сотрудничества Кыргызской Республики и Российской Федерации открывает возможности для расширения партнерства с учетом современных вызовов безопасности.

Список источников

1. Боброва О.Г. Военно-правовые аспекты обеспечения безопасности Государственной границы Российской Федерации в условиях специальной военной операции и современных вооруженных конфликтов // Военное право. 2024. № 5(87). С. 9—17.
2. Военное право: монография: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. 888 с. EDN: WODYTL
3. Военное право: монография : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. Москва: Центр правовых коммуникаций, 2022. EDN: SNMELJ
4. Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. Москва: Институт государства и права РАН, 2021. 968 с. EDN IZIVOG
5. Кудашкин В.В. Военно-техническое сотрудничество: правовые вопросы : учебник для магистратуры / под общ. ред. С.В. Чемезова. Москва: Проспект, 2022. 784 с.
6. Международное право : учебник / Отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Москва: Междунар. отношения, 2005. 713 с.
7. Международное право : учебник / Отв. ред. Ю.М. Колосов, В.И. Кузнецов. Москва: Междунар. отношения, 1994. 450 с.
8. Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз // Право в Вооруженных Силах —военно-правовое обозрение. 2021. № 12(293). С. 116—120.
9. Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 30—38.

Legal regulation of military cooperation between the Kyrgyz Republic and the Russian Federation as a basis for ensuring their military security

© **Shchukina T.V.**,
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the 20th Department (Military Law) of the Prince Alexander Nevsky Military University
© **Toksonbaev M.E.**,
Associate Professor of the 20th Department (Military Law), Prince Alexander Nevsky Military University

***Annotation*.** The article examines the issues of legal regulation of military and military-technical cooperation between the Kyrgyz Republic and the Russian Federation, identifies its principles, and notes the legal basis for military cooperation between the Kyrgyz Republic and the Russian Federation. The study presents the results of a comparative legal analysis of the Military Doctrines of the Kyrgyz Republic and the Russian Federation, which identify the key positions of the unified approach of both countries to the maintenance and characterization of military security, which determines the directions of military and military-technical cooperation between the two countries.

***Keywords*:** military security, international treaty, military cooperation, military-technical cooperation, legal regulation, military products, Kyrgyz Republic, Russian Federation.

For citation: Shchukina T.V., Toksonbaev M.E. Legal Regulation of Military Cooperation between the Kyrgyz Republic and the Russian Federation as a Basis for Ensuring their Military Security // Military law. 2025. No. 2. pp. 218-225.

The article was received by the editorial office on January 25, 2025.

Рецензии на военно-правовые издания

Осведомленность о содержании военно-социального законодательства как гарантия социальной защищенности участников специальной военной операции и их семей

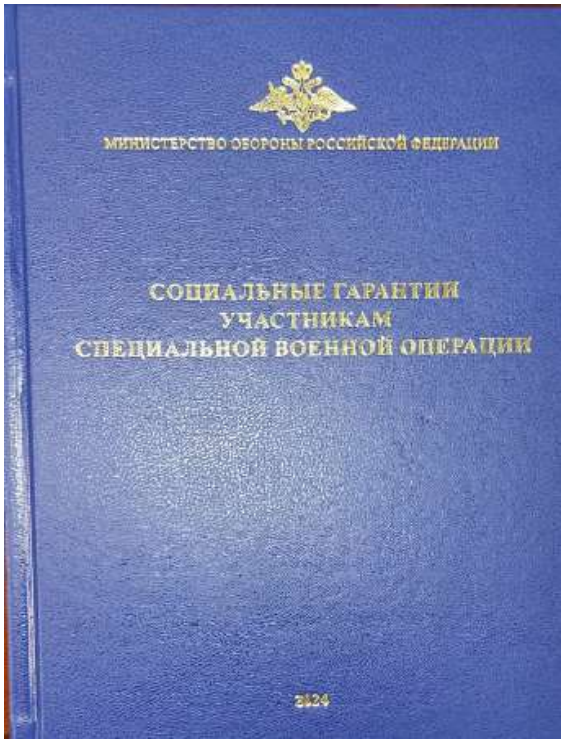
© **Иванов Владимир Юрьевич,**
кандидат юридических наук, доцент 25 кафедры Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на учебное пособие «Социальные гарантии участникам специальной военной операции: виды и механизмы реализации», подготовленное авторским коллективом ученых-юристов Военного университета имени князя Александра Невского и специалистов-практиков Правового департамента Минобороны России. В публикации раскрывается содержание учебного пособия, показано значение издания для организации правового просвещения военнослужащих и их семей, а также высказаны рекомендации по использованию книги в профессиональной подготовке специалистов социальных служб, в обязанности которых входит реализация социальных гарантий участников специальной военной операции и их семей.

Ключевые слова: специальная военная операция; социальные гарантии; участники специальной военной операции; механизмы реализации социальных гарантий; пособия; компенсации.

Для цитирования: Иванов В.Ю. Осведомленность о содержании военно-социального законодательства как гарантия социальной защищенности участников специальной военной операции и их семей // Военное право. 2025. № 2. С. 226—230.

Статья поступила в редакцию 22 февраля 2025 г.

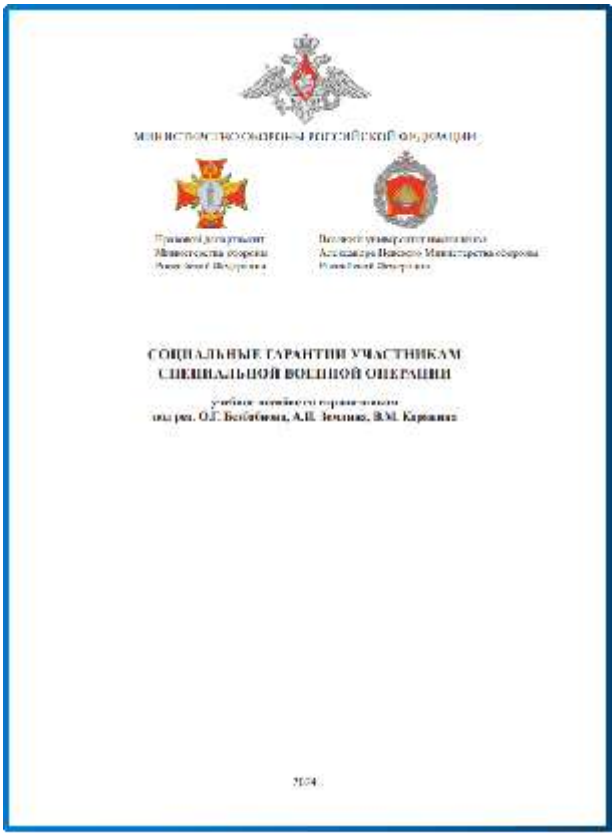

С началом специальной военной операции (СВО) по демилитаризации и денацификации Украины, которую Россия уверенно и неуклонно проводит с 24 февраля 2022 г., одной из ключевых тем, постоянно звучащей на публичных мероприятиях, в выступлениях руководителей государства и Вооруженных Сил, является совершенствование военно-социального законодательства, обеспечение и реализация социальных гарантий участников СВО и членов их семей. Как показывает трехлетняя практика, социальное обеспечение СВО является не менее важным направлением деятельности государства и его институтов в данной сфере, чем обеспечение войск вооружением и военной техникой, материальными средствами. От уровня социальной защищенности воюющих граждан, степени реализации законодательства об их социальных гарантиях в значительной степени зависит привлекательность военной службы в обществе, укомплектованность подразделений и воинских частей личным составом, морально-

психологическое состояние личного состава.

После февраля 2022 г. высшим законодательным органом нашей страны принято весьма значительное число новых законодательных актов, направленных на правовое обеспечение СВО, в том числе в части, касающейся установления дополнительных социальных гарантий для военнослужащих и их семей. Кроме того, принят значительный массив подзаконных нормативных правовых актов по данному вопросу. Для достижения реальной социальной защищенности участников СВО должностные лица органов военного управления, занимающиеся данной работой, а также работники органов социальной защиты населения, социальных служб для того, чтобы качественно и эффективно выполнять свои обязанности по социальной поддержке и оказанию социальной помощи участникам СВО и их семьям, должны обладать твердыми знаниями в области военно-социального права. Да и сами военнослужащие должны быть осведомлены о содержании военно-социального законодательства, чтобы знать и уметь отстаивать свои социальные права.

Проблемы социального обеспечения специальной военной операции являются предметом научных исследований, результаты которых представлены многочисленными научными публикациями, размещаемыми в ведущих военно-правовых журналах («Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение», «Военное право», «Вестник военного права», «Военно-юридический журнал»), а также в иных периодических изданиях.

СОЦИАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ УЧАСТНИКАМ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Опубликованы также учебные, учебно-методические и справочные издания, в которых в систематизированном виде представлен анализ законодательства, регулирующего вопросы социальной и правовой защиты, предоставления социальных гарантий участникам специальной военной операции и их семьям, а также прохождения военной службы[1]. Рецензии на некоторые из этих книг публиковались на страницах научного электронного издания «Военное право»[2].

[1] Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. М.: Русайнс, 2024; Правовая поддержка в процессе ресоциализации участников специальной военной операции и членов их семей. Со словарем-справочником (с комментариями) : учебное пособие / отв. ред. А.И. Землин. М.: КНОРУС, 2024; Специальная военная операция. Меры социальной и правовой поддержки участников, членов их семей и другие актуальные вопросы : информационно-методические материалы. Иркутск: ИРНИТУ, 2024.

[2] Иванов В.Ю. Социальные гарантии участникам специальной военной операции: первый общедоступный учебник для широкого круга читателей // Военное право. 2024. № 4. С. 230—234; Кириченко Н.С. Правовая поддержка участников специальной военной операции и членов их семей // Военное право. 2025. № 1. С. 167—170.

В ряду такого рода изданий достойное место занимает опубликованное массовым тиражом учебное пособие «Социальные гарантии участникам специальной военной операции» [1]. Книга подготовлена авторским коллективом ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации. В учебном пособии представлены результаты анализа правовых основ предоставления социальных гарантий участникам СВО. Практическую ориентированность работы и полученных результатов обеспечило взаимодействие военных ученых-юристов со специалистами Правового департамента Министерства обороны Российской Федерации. При рассмотрении видов и механизмов реализации социальных гарантий авторами систематизирован перечень социальных гарантий, включающий дополнительные денежные выплаты, включая страховые выплаты; льготы в сфере образования; дополнительные социальные гарантии в пенсионном обеспечении; в жилищной сфере; в сфере медицинского обеспечения; в сфере труда и занятости; налоговые льготы, а также иные дополнительные социальные гарантии, верифицированы и подробно проанализированы механизмы реализации конкретных социальных гарантий на основе анализа норм действующего законодательства.

Учебное пособие и справочник рекомендованы для использования в образовательном процессе при подготовке курсантов и слушателей Военного университета по специальностям 38.05.01 Экономическая безопасность и 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, при проведении занятий на курсах переподготовки и повышения квалификации военных специалистов, государственных гражданских служащих и гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации.

Издание может быть использовано в практической деятельности специалистов юридической службы, финансово-экономической службы Вооруженных Сил, должностных лиц органов военного управления, а также в процессе организации и осуществления военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Структурно учебное пособие состоит из трех разделов.

В первом разделе с наименованием *«***Участники специальной военной операции, основания назначения социальных гарантии и их виды»** представлены результаты теоретико-правового анализа проблем социальной защиты участников СВО. Дана подробная характеристика круга лиц, обладающих статусом участников специальной военной операции, подробно рассмотрены основания назначения социальных гарантий в зависимости от степени вовлеченности субъектов в выполнение задач СВО. В данном разделе представлена общая характеристика социальных гарантий, предоставляемых участникам боевых действий и их семьям, а также дана их классификация по различным основаниям.

Во *втором разделе* учебного пособия представлен **Перечень социальных гарантий участников специальной военной операции и членов их семей.** В текстовом и табличном форматах в данном разделе изложена информация о:

— дополнительных денежных выплатах, включая страховые выплаты;

— льготах в сфере образования;

— дополнительных социальных гарантиях в сфере пенсионного обеспечения;

— дополнительных социальных гарантиях в жилищной сфере;

— дополнительных социальных гарантиях в сфере медицинского обеспечения;

— дополнительных социальных гарантиях в сфере труда и занятости;

— налоговых льготах;

— иных дополнительных социальных гарантии.

Третий раздел книги поименован авторами как «**Механизм реализации социальных гарантий участников специальной военной операции и членов их семей**». Это наиболее объемный раздел

[1] Социальные гарантии участникам специальной военной операции : учебное пособие со справочником / под ред. О.Г. Безбабнова, А.И. Землина, В.М. Корякина. М.: Изд. «Красная звезда», 2024;

учебного пособия, занимающий не менее половины всего объема здания. Здесь воспроизводятся тексты основных нормативных правовых актов, содержащих нормы о социальных гарантиях участников СВО и их семей и, что очень важно с практической точки зрения приведены образцы и шаблоны различных документов, которые получатели оформляют в целях получения соответствующих денежных выплат, компенсаций, пособий, льгот. Это придает рецензируемому изданию практическую направленность.

Наряду с анализом содержания нормативных документов книга содержит обширный дидактический материал в форме контрольных вопросов, а также тестовых заданий. Это позволяет использовать рассматриваемое издание в учебном процессе как военных, так и других образовательных организаций, в которых осуществляется подготовка и переподготовка кадров для системы социальной защиты участников СВО и их семей.

При использовании данного издания в качестве учебно-методического пособия и справочника в процессе повышения квалификации должностных лиц юридической службы, представителей иных структур органов военного управления освоение представленного материала позволит сформировать (усовершенствовать) у обучающихся необходимые для исполнения обязанностей по должностному предназначению профессиональные компетенции, закрепить навыки, необходимые для практической деятельности.

Список источников

1. Иванов В.Ю. Социальные гарантии участникам специальной военной операции: первый общедоступный учебник для широкого круга читателей // Военное право. 2024. № 4. С. 230—234.

2. Кириченко Н.С. Правовая поддержка участников специальной военной операции и членов их семей // Военное право. 2025. № 1. С. 167—170.

3. Корякин В.М. Социальные гарантии, предоставляемые участникам специальной военной операции : учебник и практикум. Москва: РУСАЙНС, 2024. 294 с. ISBN 978-5-466-07130-6. EDN: POZSSN

4. Правовая поддержка в процессе ресоциализации участников специальной военной операции и членов их семей. Со словарем-справочником (с комментариями) : учебное пособие / отв. ред. А.И. Землин. Москва: КНОРУС, 2024. 604 с. ISBN 978-5-406-14279-0.

5. Социальные гарантии участникам специальной военной операции : учебное пособие со справочником / под ред. О.Г. Безбабнова, А.И. Землина, В.М. Корякина. Москва: Изд. «Красная звезда», 2024. 240 с. EDN: WFOLBF

6. Специальная военная операция. Меры социальной и правовой поддержки участников, членов их семей и другие актуальные вопросы : информационно-методические материалы. Иркутск: ИРНИТУ, 2024.

Awareness of the content of military-social legislation as a guarantee of social security of participants in a special military operation and their families

© **Ivanov V.Yu.**,
PhD in Law, Associate Professor of the 25th Department of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. The article is a review of the textbook "Social guarantees for participants in a special military operation: types and mechanisms of implementation", prepared by a team of legal scholars from the Prince Alexander Nevsky Military University and practitioners from the Legal Department of the Russian Ministry of Defense. The publication reveals the content of the textbook, shows the importance of the publication for the organization of legal education for military personnel and their families, and also makes recommendations for the use of the book in the professional training of social services specialists, whose responsibilities include the implementation of social grants for participants in a special military operation and their families.

Keywords: special military operation; social guarantees; participants in a special military operation; mechanisms for the implementation of social guarantees; benefits; compensation.

For citation: Ivanov V.Yu. Awareness of the content of military-social legislation as a guarantee of social security of participants in a special military operation and their families // Military law. 2025. No. 2. pp. 226-230.

The article was received by the editorial office on February 22, 2025.

Проблемы теории и практики правового обеспечения специальной военной операции

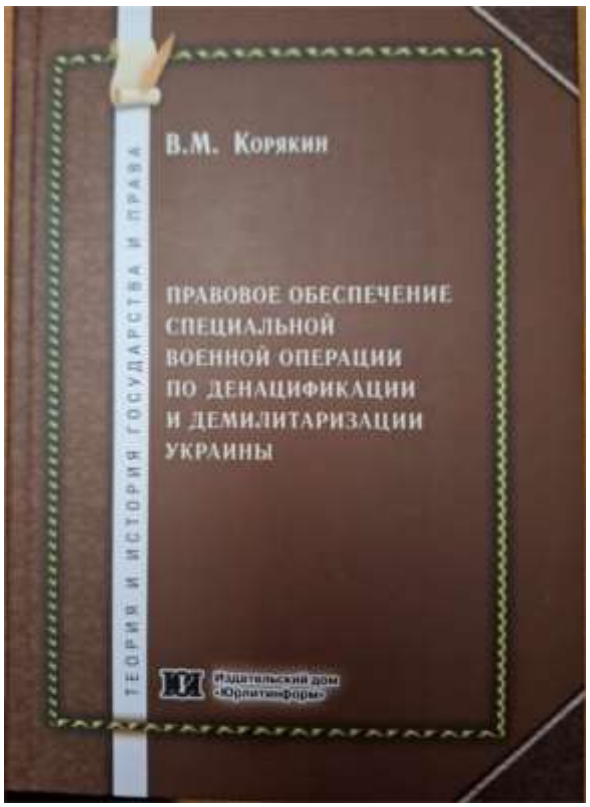
© **Тарадонов Сергей Валерьевич,**
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографию «Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины». Исследование является первым научным изданием, в котором на основе системного анализа прослеживается роль правового регулирования разнообразных общественных отношений, складывающихся в связи с проведением с 24 февраля 2022 г. специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины. Рассмотрены теоретико-методологические и организационно-правовые аспекты специальной военной операции, и ряд других вопросов регулирования в период военных конфликтов. Особое внимание уделено нормативным основам социального и материального обеспечения специальной военной операции.

Ключевые слова: военное право, военнослужащие, специальная военная операция, военно-социальное право, военный конфликт, международное гуманитарное право.

Для цитирования: Тарадонов С.В. Проблемы теории и практики правового обеспечения специальной военной операции // Военное право. 2025. № 2. С. 231—236.

Статья поступила в редакцию 21 февраля 2025 г.

Рецензируемая монография, выполненная профессором Военного университета имени князя Александра Невского В.М. Корякиным, представляет собой оригинальную научную разработку, отличающуюся специфической структурой и концептуальной новизной[1]. Актуальность теоретических и практических положений, содержащихся в рецензируемой монографии, бесспорна на любом этапе развития российской государственности. Автор продолжает на глубоком научно-исследовательском уровне рассмотрение вопросов, которым военно-правовая наука уделяет самое пристальное внимание[2].

[1] Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : монография. М.: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025.

[2] Военное право : монография. В 3-х томах / М.В. Конохов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]; под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Том I. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021; Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021; Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. Том III. Москва: Центр правовых коммуникаций, 2022; Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. М.: ИГПАН, 2021; Конституционализация военного права в

На современном этапе в условиях проведения специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины, эта тематика стала архиважной что признается всем российским обществом, а также на всех уровнях власти — 2025 год Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2025 г. № 28 провозглашен Годом защитника Отечества.

Охватываемый в монографии «Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины» военно-правовой компонент присутствует в конституционном, административном, уголовном, гражданском, муниципальном, трудовом, финансовом и других отраслях права, а также в международном праве (международном гуманитарном, международном морском, международном космическом и т.п.).

Материал изложен последовательно, логично. Такой стиль подачи материала способствует скорейшему и наиболее глубокому изучению предмета исследования. Выводы автора монографии не предстают «истиной в последней инстанции», но дают возможность читателю получить понимание основ правового обеспечения специальной военной операции, сформулировать свои собственные альтернативные выводы и заключения.

Серьезным достоинством монографического издания является то, что значительное место в нем уделено вопросам особенностей правового регулирования общественных отношений в условиях военных конфликтов, военного положения и иных особых правовых режимов. Практически каждый раздел и глава монографии посвящены вопросам проведения и обеспечения специальной военной операции на Украине.

Диапазон выбранных направлений научного анализа автора обширен и не ограничивается каким-то отдельным направлением правового регулирования в военной сфере, что делает монографию интересной для широкого круга читателей. Применив метод диахронного сравнения правовых средств обеспечения обороноспособности и военной безопасности страны в условиях проведения СВО, автор предпринял попытку спрогнозировать эволюцию институтов военного права современной России.

Структурно монография разделяется на три раздела, состоящих из семи глав.

Раздел I «Теоретико-методологические и организационно-правовые аспекты специальной военной операции» включает в себя три главы. В *главе первой* исследуются теоретико-правовые основания проведения специальной военной операции. Автор последовательно рассматривает политико-правовые и международно-правовые предпосылки проведения специальной военной операции, особый акцент делая на вопросах ее правового обеспечения. Детально раскрываются понятие и сущность специальной военной операции. Профессор В.М. Корякин аргументированно обосновывает комплексный характер правового института специальной военной операции как особого правового режима, его место в системе военного права.

Во *второй главе* «Организационно-правовые основания специальной военной операции» предпринята успешная попытка обобщить и систематизировать как теоретические представления о сущности правового режима специальной военной операции, его соотношения с иными особыми правовыми режимами, так и практику функционирования органов военного управления, органов государственной власти и местного самоуправления в период специальной военной операции.

Третья глава посвящена правовым аспектам кадрового обеспечения специальной военной операции. Автор подчеркивает, что решение военной организацией государства задач военной безопасности специфическими военными методами предполагает особый порядок функционирования входящих в нее государственных органов и организаций, и исполнения должностных обязанностей объединяемых ими людей посредством исполнения

современной России: вопросы теории и практики / С.В. Тарадонов, А.В. Барков, В.М. Корякин [и др.]. М.: ВУ, 2024.

обязанностей военной службы. В главе раскрываются следующие вопросы: понятие военной службы и ее виды; правовой статус военнослужащего; военно-служебные отношения; особенности воинских правоотношений в военное время и в боевой обстановке, подчеркивается, что все российские граждане являются носителями конституционной обязанности по защите Отечества. Раскрываются такие особые формы кадрового обеспечения специальной военной операции, как мобилизация и создание добровольческих формирований.

Большое значение имеет **раздел II** монографии, посвященный проблемным вопросам социального и материального обеспечения специальной военной операции, состоящий из двух глав.

В *четвертой главе* автором монографии осуществлен достаточно подробный и насыщенный интересной фактурой анализ вопросов социального обеспечения специальной военной операции. Автор уделил пристальное внимание раскрытию понятия «человеческое измерение военного права», т.е. оценке того, какое значение имеет военное право для конкретного человека, для обеспечения и защиты его прав, реализации его жизненных интересов и, в конечном счете, для утверждения принципа гуманизма в воинской деятельности. В данной главе показаны место и роль социального обеспечения военнослужащих в общей системе всестороннего обеспечения повседневной деятельности войск (сил), представлен системный анализ военно-социального законодательства, содержащего нормы о различных формах социального обеспечения военнослужащих, о предоставляемых им социальных гарантиях, льготах, пособиях и компенсациях. В доступной форме разъясняются правовые аспекты обязательного государственного страхования жизни и здоровья военнослужащих, а также пенсионного обеспечения лиц, проходивших военную службу, и их семей.

В *пятой главе* монографии рассмотрены организационно-правовые проблемы материально-технического и социального обеспечения специальной военной операции, комментируются акты военного законодательства о денежном довольствии, продовольственном, вещевом, медицинском обеспечении и торгово-бытовом обслуживании военнослужащих. Особое внимание уделяется определению и сущности специальных экономических мер обеспечения проведения специальной военной операции, отдельным вопросам обеспечения специальной военной операции за счет гуманитарной помощи, добровольных пожертвований, благотворительной и волонтерской деятельности.

Раздел III монографии именуется «Юридическая ответственность военнослужащих и иных лиц в период специальной военной операции» и состоит из двух глав (шестой и седьмой). В нем представлено развернутое описание сущности и особенностей видов юридической ответственности военнослужащих: уголовной, административной, дисциплинарной, гражданско-правовой, материальной. Самое детальное внимание уделено специфике юридической ответственности военнослужащих в условиях военного конфликта, что особенно актуально сегодня в условиях проведения специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины. Специальное место автор уделил вопросам исполнения уголовных наказаний в отношении военнослужащих.

Материалы третьего раздела дают читателю возможность получить системное представление о способах обеспечения законности, правопорядка и воинской дисциплины. Особое место уделено вопросам предупреждения правонарушений военнослужащих, а также уголовно-процессуальной деятельности органов дознания в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Немаловажными представляются материалы *шестой и седьмой глав,* который дают возможность получить системное представление о структуре,

предназначении и организации деятельности военных судов в Российской Федерации, военной прокуратуры, военных следственных органов, подразделений юридической службы, военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации.

Достаточно высокий научно-теоретический уровень монографии в сочетании с использованием необходимого фактического и нормативного материала, четкость суждений и аргументации, ясность их изложения обеспечили обоснованность многих научных выводов и предложений, содержащихся в книге.

Таким образом, военно-юридическая наука пополнилась новым интересным монографическим исследованием сущности правового обеспечения специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины. Рецензируемая монография будет интересна должностным лицам органов законодательной и исполнительной власти, руководителям органов военного управления, курсантам, слушателям, адъюнктам и докторантам военных образовательных организаций, студентам, проходящим военную подготовку в военно-учебных центрах при образовательных организациях высшего образования, а также всем, кто интересуется современными проблемами военного права и права военных конфликтов. Материалы монографии может быть использован при проведении занятий с военнослужащими по военно-политической подготовке, а также в системе профессиональной переподготовки и повышения квалификации должностных лиц органов военного управления.

Список источников

1. Военное право: монография. В 3-х томах / М.В. Конохов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]; под общей редакцией А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Том I. Москва: ООО «Центр правовых коммуникаций», 2021. 598 с. ISBN 978-5-6042565-1-0. EDN NSJGWT.

2. Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. Москва: ООО «Центр правовых коммуникаций», 2021. 888 с. ISBN 978-5-6042565-2-7. EDN WODYTL.

3. Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. Том III. Москва: ООО «Центр правовых коммуникаций», 2022. 712 с. ISBN 978-5-6042565-3-4. EDN SNMELJ.

4. Военное право : учебник / А.В. Кудашкин, В.М. Корякин, В.В. Кудашкин [и др.]. Москва: Институт государства и права РАН, 2021. 968 с. EDN IZIVOG

5. Конституционализация военного права в современной России: вопросы теории и практики / С. В. Тарадонов, А. В. Барков, В. М. Корякин [и др.]. Москва: Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, 2024. 370 с. EDN: PZGHGR

6. Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : Серия: Теория и история государства и права. Москва: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 360 с. ISBN 978-5-605-22287-3. EDN KYVIBT.

Problems of theory and practice of legal support for a special military operation

© **Taradonov S. V.,**
Sc. Law, docent, the professor of the Theory and History of State and Law Department of the Military University

Annotation. The article is a review of the monograph "Legal support for the special military operation on denazification and demilitarization of Ukraine." The book is the first scientific publication in which, based on a systematic analysis, the role of legal regulation of various public relations is traced in connection with the conduct of a special military operation on denazification and demilitarization of Ukraine since February 24, 2022. The theoretical, methodological, organizational and legal aspects of a special military operation and a number of other regulatory issues during military conflicts are considered. Special attention is paid to the normative foundations of social and material support for a special military operation.

Keywords: military law, military personnel, special military operation, military-social law, military conflict, international humanitarian law.

For citation: Taradonov S.V. Problems of Theory and Practice of Legal support of a special military operation // Military law. 2025. No. 2. pp. 237-241.

The article was received by the editorial office on February 21, 2025.